

Екатерина Болтунова

ГВАРДИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО КАК ВОЕННАЯ КОРПОРАЦИЯ

Российский
государственный гуманитарный
университет

Екатерина Болтунова
ГВАРДИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО
КАК ВОЕННАЯ КОРПОРАЦИЯ

Москва
2011

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
Б 79

Художник *Михаил Гуров*

В оформлении использовано изображение плафона
Орехового кабинета А.Д. Меншикова

«Воин-победитель».

*Дворец А.Д. Меншикова в Санкт-Петербурге.
Живописцы Оружейной палаты, 1711–1712 гг.*

ISBN 978-5-7281-1193-1

© Е.М. Болтунова, 2011
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2011

Оглавление

Введение 7

Глава I

Полномочия, привилегии
и принципы комплектования гвардии в России
в конце XVII – первой четверти XVIII в.

1. Формирование Преображенского и Семеновского полков в конце XVII в. 37

2. Полномочия гвардии Петра Великого 49

3. Привилегии Преображенского и Семеновского полков 85

4. Принципы комплектования гвардии 119

Глава II

Гвардия в системе общественных отношений

1. Гвардия и император 174

2. Гвардия и армия 197

3. Гвардия и гражданская среда конца XVII – первой четверти XVIII в. 216

Глава III

Взаимоотношения внутри корпорации

1. Взаимоотношения в рамках двух гвардейских полков	250
2. Взаимоотношения преображенцев и семеновцев	279
Заключение	308
Основные источники и литература	314
Именной указатель	332
Географический указатель	347

Введение

История гвардии Петра Великого, безусловно, не принадлежит к числу забытых тем. Исследования в этой области проводятся уже на протяжении почти трех столетий. При этом мы можем наблюдать, во-первых, все увеличивающийся объем собранного историками материала, во-вторых, неослабевающий интерес к теме элитных воинских подразделений России.

Обе эти тенденции, несомненно, способствовали стремлениям проанализировать имеющиеся данные на ином качественном уровне. Попытки представить эти части не просто как «отборное войско по близости государя щеголевато одеваемое и жалуемое преимуществами против армии...»¹, а как мощную и, что особенно важно, организованную силу на политической арене предпринимались неоднократно.

При этом было очевидно стремление разработать новую или адаптировать уже используемую терминологию. Гвардия представлялась то «группой, выражающей единые социально-политические интересы»², то основным источником пополнения генералитета и крупной бюрократии, которые, в свою очередь, стремились «замкнуться в касту, отделяясь от низшего дворянства своими правами, образом жизни, даже языком»³, то одной из «политико-психологических групп»⁴. Наиболее же ярким представляется высказывание В.О. Ключевского, поддержанное некоторыми современными историками⁵, о том, что гвардейские офицеры составляли особую «корпорацию»⁶.

Ряд исследователей, так или иначе касавшихся истории Преображенского и Семеновского полков, не стремясь дать им какое-либо определение, тем не менее выделяли их в особую группу. Л.Н. Семенова в своей книге «Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.)» [СПб., 1998] посвятила указанным полкам часть главы «Двор и гвардия». Точно так же А.С. Лавров в монографии, никак

не связанной с историей указанных полков, в частности, отметил, что «...в петровское время ...дворяне все более и более решительно распались на две части – *вестернизированную, связанную с гвардией...* (здесь и далее курсив мой. – Е. Б.) и провинциальную, ориентированную на армейскую службу и жизнь на склоне лет в собственном поместье»⁷. В обоих случаях гвардия, несомненно, определяется как отдельная структура в рамках дворянскогословия.

Впрочем, положение гвардии по отношению к дворянству не всегда представляется исследователям очевидным. Например, В.С. Жидков и К.Б. Соколов, упоминая в своем исследовании о событиях 1730 г., связанных с передачей престола императрице Анне, дают следующую трактовку происходящего: «Анна Иоанновна... прибыв в Москву, быстро обнаружила, что “затейка” “верховников” не пользуется поддержкой *ни у массы дворян, ни у гвардейцев*»⁸. Следовательно, гвардия здесь – отдельная группа, имеющая особый взгляд на внутривполитическую обстановку в стране. И это при том, что чуть ранее гвардейские полки были названы «основным орудием борьбы за власть между враждовавшими группировками господствующего класса»⁹.

Даже сравнения преображенцев и семеновцев с другими военными группами были связаны с тенденцией подчеркнуть сплоченность гвардии, демонстрируя ее принадлежность к целому ряду исключительно замкнутых военных структур. Это видно на примере сопоставлений петровской гвардии с римскими преторианцами, турецкими янычарами, древнерусскими дружинниками¹⁰.

Таким образом, можно сделать вывод, что за гвардией Петра Великого утвердилась репутация устойчивого единства. Однако как само содержание такого единства, так и основы, на которых оно могло сформироваться, представляются более чем туманными. Объясняется это тем, что попытки историков описать это никогда не были облечены в форму самостоятельного исследования.

Между тем необходимость такой работы очевидна. В современной научной литературе практически отсутствуют исследования процессов сословно-статусной самоидентификации применительно к военной сфере указанного периода. Изучение этого аспекта – один из важнейших элементов понимания основ формирования как офицерского корпуса Российской империи, так и русского дворянства в целом. Перенесение акцентов в сферу психологии исторической группы позволяет глубже оценить весь

спектр исторической проблематики, связанной с формированием элитных воинских подразделений первой четверти XVIII в. Ведь, по справедливому замечанию В.Н. Марасиновой, богатейшая историография истории России не всегда адекватно отражает тот или иной феномен, поскольку «выпадает одно важное звено – психология человека, и потому не работают многие, казалось бы, убедительные причинно-следственные связи»¹¹.

Данное исследование – попытка оценить появление гвардии как новой структуры в системе российской государственности. Структуры, возникшей в условиях становления абсолютизма и обладающей только ей присущими функциями и формами развития, которые, в свою очередь, стали основой для становления корпорации, появления своеобразного корпоративного сознания.

В предложенной работе применительно к Преображенскому и Семеновскому полкам используется термин «корпорация». Он наиболее адекватен по сравнению с другими имеющимися в научной литературе вариантами (социально-политическая группа, политико-психологическая группа и т. д.), а также, безусловно, исторически устойчив.

Само слово «корпорация» было в России в обиходе еще в XVIII в. Так, 4 февраля 1724 г. Петр I писал А.Д. Меншикову: «Господин полковник и светлейший князь. Абрам (Абрам Ганнибал), которой во Франции служил капитаном, привез свидетельство. Того ради определите ево поручиком в бомбардирскую роту к инженерам... Надлежит собрать *корпоральство* из наших полков и из детей, которые этому (т. е. «инженерству») обучаются»¹². И хотя слово «корпоральство» здесь используется для простого обозначения группы людей и, вероятно, не несет дополнительной нагрузки, сам факт использования его в России в первой четверти XVIII в. представляется знаковым.

Термин «корпорация» был востребован в XIX¹³ и особенно в XX в. Однако в отличие от советской историографии, относившей появление корпораций лишь к истории средневековой Европы (цехи, гильдии, компаньонажи, монастыри, духовно-рыцарские ордена) или же к периоду становления фашистских государств и трактовавшей корпоративность как признак замкнутости и отсталости¹⁴, использование указанного термина в современных исследованиях не ограничено какими бы то ни было хронологическими рамками. Напротив, в данный момент термин применяется, по сути, как понятие универсальное, применимое к разным

сословным группам*. Историки указывают и на корпоративность стрелцкого войска¹⁵, и также офицерского корпуса дореволюционного периода¹⁶. Показателен в этой связи отказ от негативных коннотаций предшествующего историографического периода.

Вместе с тем существующее в современной историографии многообразие неизбежно ведет к разночтениям и, в конечном итоге, к разной трактовке самого термина. В связи с этим автор считает необходимым определить суть и значение самого понятия «корпорация», или, иными словами, сформулировать его. В данной работе мы будем исходить из представления о том, что корпорация – это объединение, являющееся самостоятельным субъектом прав и обязанностей, отличающееся особой внутренней организацией, коллективными представлениями и интересами, а также заинтересованное в защите прав и привилегий своих членов. На наш взгляд, применительно к рассматриваемому периоду корпоративность тесно связана с сословной или профессиональной принадлежностью членов группы, но не определяется лишь ею исключительно.

Корпоративность не предполагает полную унификацию. В ее рамках могут сосуществовать разные люди, разные уровни отношений и подгруппы. Но границы, барьеры между этими группами не абсолютны, а, напротив, достаточно прозрачны.

Следует также отметить, что данная книга представляет собой изучение истории исключительно Преображенского и Семеновского полков с момента их учреждения (начало 1680-х годов) до смерти Петра Великого (1725 г.), т. е. на протяжении 35–40 лет. В работе не рассматривались роты Кавалергардов и Лейб-регимента, обе структуры были созданы значительно позднее (Лейб-регимент был организован 11 мая 1719 г.¹⁷, а Кавалергарды – 30 мая 1724 г.¹⁸), не обладали ни правами и привилегиями упомянутых гвардейских полков, ни присущим последним комплексом обязанностей.

Применительно же к истории Преображенского и Семеновского полков в контексте проведения структурных реформ конца

* Так, например, речь может идти о корпоративности русского дворянства определенного периода (Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты. СПб., 1997. С. 20) или русской армии в целом (Калашников Г.В. Проблемы биографии военных деятелей России XVIII в. // Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: Сб. мат.-лов науч.-практич. семинара. СПб., 2002. С. 5).

XVII – первой четверти XVIII в. нас будут интересовать, во-первых, особенности использования этих частей, наделение их полномочиями и привилегиями, а также формирование здесь особых принципов комплектования. Во-вторых, место гвардии в системе общественных отношений, а именно взаимоотношения преображенцев и семеновцев с императором, армейскими чинами, столичным дворянством и представителями других сословных групп. И, в-третьих, взаимоотношения внутри корпорации как таковой с учетом возможного установления субгрупп.

Источниковая база истории гвардии в целом и периода царствования Петра Великого в частности значительна. При этом материалы отличаются чрезвычайным разнообразием и многоплановостью. В основу работы был положен комплекс опубликованных и неопубликованных источников. В общей сложности в исследовании использованы документы, извлеченные из пяти архивохранилищ (РГВИА, РГАДА, РГИА СПб., Архив РАН СПб. и Рукописный фонд РНБ).

Особую значимость для указанной работы имели гвардейские полковые архивы, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) (Ф. 2583, 2584) и содержащие документы самого разного порядка, главным образом материалы официального делопроизводства (доклады, отчеты, приказы, статистику, послужные списки личного состава) и эпистолярные источники.

В качественном отношении материалы полковых архивов не всегда равнозначны. Необходимо отметить относительную скудость объема материалов фонда Семеновского полка по сравнению с аналогичным фондом преображенцев. Большая часть архива семеновцев конца XVII – первой четверти XVIII в. связана с детальным учетом личного состава, сбором едва ли не каждодневной информации и статистики о составе солдат и офицеров, о наличии лошадей и подвод, количестве больных и т. д.¹⁹ Информация такого рода в документах Преображенского полка встречается значительно реже. В целом фонд этой части выглядит иначе. Информация здесь, с одной стороны, значительно менее структурирована и подробна, с другой стороны, более разнообразна и многопланова. Встречаются в фонде материалы, относящиеся к истории других частей русской армии, например Ингерманландского полка²⁰.

В целом фонды гвардейских частей, несомненно, связаны друг с другом. Так, в делах Преображенского полка сохранились

многочисленные материалы семеновцев, в частности, содержащие сведения о правонарушениях солдат и офицеров этого полка²¹, а также их допросы и челобитные²². В архиве Семеновского полка также есть небольшая часть документов, принадлежащих преображенцам. Однако чаще всего это документы практического свойства, например цифры, связанные с учетом числа больных преображенцев, оставленных «на дороге» вместе с семеновцами²³.

Источники по начальному периоду гвардии хранятся также в целом ряде фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Это, прежде всего, обширное собрание документов Преображенского приказа (ф. 371). Содержащиеся здесь дела чинов гвардии по уголовным преступлениям предоставляют данные о наиболее частых правонарушениях, которые совершались преображенцами и семеновцами. Изменения количественного и качественного соотношения нарушений позволяют оценить весь комплекс изменений, произошедших в гвардии на протяжении царствования Петра Великого. Для указанного исследования были привлечены также судебные дела, в которых гвардейцы выступали как пострадавшая сторона. Анализ источников такого рода позволил сделать ряд важных заключений об изменении отношения представителей разных социальных страт к преображенцам и семеновцам.

Сведения о полномочиях, привилегиях в гвардии, а также об организации службы в Преображенском и Семеновском полках предоставляют фонды «Уголовные дела по государственным преступлениям и событиям особой важности» (ф. 6), «Сенат и его учреждения: дела и приговоры» (ф. 248), а также «Дворцовый архив» (ф. 1239).

Ряд дополнительных фактов об участии гвардии в войнах конца XVII – первой четверти XVIII в., функционировании «майорских розыскных канцелярий» и финансировании гвардии, а также об организации жизни в полках дают материалы Российского Государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА СПб.): Высочайшие повеления по придворному ведомству, 1703–1894 гг. (ф. 466), Кабинет его императорского величества (ф. 468), Именные указы и высочайшие повеления Сенату, 1704–1917 гг. (ф. 1329).

Значимой оказалась также коллекция Рукописного отдела Российской национальной библиотеки (РНБ – Рукописный фонд). Сохранившаяся здесь переписка разных лиц, ряд указов Петра I, выписки из бумаг XVIII в. содержат многочисленные

данные о самых разных сторонах жизни полков гвардии первой четверти XVIII в. Информация, связанная с организацией жизни преображенцев и семеновцев в новой столице, переводами в гвардию, выплатами так называемых «дач», секретными поручениями, а также сведения о разного рода взаимных дружеских услугах, которыми обменивались гвардейцы и представители столичного дворянства и высшей бюрократии времен царствования Петра I, содержатся в архивах В.А. Бильбасова и А.А. Краевского (ф. 73), Г.В. Есипова (ф. 277), П.А. Картавова (ф. 341), Олениных (ф. 542), В.А. и Д.В. Поленовых (ф. 595), И.В. Помяловского (ф. 608), С.Н. Шубинского (ф. 874), в фонде «Погодинские автографы» (ф. 588), а также в Собрании отдельных поступлений (ф. 1000).

К исследованию были привлечены разные типы опубликованных источников, что диктовалось необходимостью проведения многоаспектного анализа. В работе использованы законодательные документы конца XVII – первой четверти XVIII в., связанные с реализацией петровской государственной политики в области военного строительства (императорские указы²⁴, Сенатские приговоры²⁵ и военные уставы²⁶), а также многочисленные источники личного происхождения, принадлежащие перу как русских (Б.И. Куракин²⁷, И.А. Желябужский²⁸, В.А. Нащокин²⁹, С.А. Медведев³⁰, Ф. Прокопович³¹), так и иностранцев в России конца XVII – первой четверти XVIII в. (П. Гордон³², И.Г. Корб³³, К. де Бруин³⁴, Ч. Уитворт (Витворт)³⁵, Ю. Юль³⁶, Ф.-В. Берхгольц³⁷, Х.Ф. Вебер³⁸, И.-Г. Фоккеродт³⁹), чрезвычайно существенная по объему переписка⁴⁰, а также род официальных документов в форме ежедневных записок о каждодневных действиях царя («Походные журналы» Петра Великого⁴¹) или высокопоставленных государственных деятелей («Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова (1716–1720, 1726–1727 гг.)»⁴²).

Историография военных реформ Петра Великого в целом и формирования первых гвардейских Преображенского и Семеновского полков в частности огромна и, безусловно, может стать предметом самостоятельного изучения.

Ранняя литература по проблеме, относящаяся к XVIII–XIX вв., была ориентирована на поиск источников информации по теме, а также дальнейшее выявление и изложение фактического материала, не проходившего сколь бы то ни было существенную аналитическую обработку. Описательный характер ряда исторических работ середины – второй половины XVIII в., впрочем, был вполне традиционен и связан с необходимостью накопления

определенной базы данных. Работы такого плана появились практически сразу после смерти царя-реформатора. К их числу можно отнести «Журнал великославных дел... императора Петра I» П.Н. Крекшина, поднесенный в 1742 г. императрице Елизавете Петровне. Написанный в хронологическом порядке, «Журнал» почти дословно повторял информацию источников, доступных П.Н. Крекшину, не оставив без внимания ни одно из детищ императора Петра I, в том числе и его личную гвардию⁴³.

Куда более значимой для изучения истории гвардии стала работа Г.Ф. Миллера «Известие о начале Преображенского и Семеновского полков»⁴⁴, ставшая, по сути, первой в историографии отдельной работой о гвардейских полках. Г.Ф. Миллер создал «базовую» классическую историю двух полков, определив набор фактов для ее воссоздания.

В этой относительно небольшой статье историк уделил внимание установлению и подтверждению всех фактов о создании преображенцев и семеновцев, в частности определению времени, когда начался набор Потешных (по мнению Г.Ф. Миллера – 1687 г.). Значительное место в работе уделялось особым взаимоотношениям императора Петра с будущей гвардией, проявлениям преданности со стороны последних (Троицкий поход 1689 г.), а также описаниям многочисленных солдатских «экзерциций» (учений), в ходе которых Потешные и стали хорошо подготовленными в военном отношении полками.

Вероятно, именно Г.Ф. Миллер положил начало установке на рассмотрение первых гвардейских полков и стрелецкого войска как структур различных и враждебных друг другу по своей сути. Достаточно лишь сопоставить приведенное выше мнение о гвардии с характеристикой стрельцов конца XVII в. из его же работы «Известия о дворянах Российских»⁴⁵, появившейся двумя годами ранее. Здесь историк отмечает, что «стрельцами в малолетие Петра Великого приведено было государство ко краю своей погибели», так как войско это было «зброд людей без военной науки и дисциплины, ко всяким вольностям привыкший». «Зброд» этот «не мог себе приобрести почтения», так как «всенародное на них негодование простиралось и до их начальников»⁴⁶.

Пожалуй, единственной «неклассической» деталью было утверждение Г.Ф. Миллера о том, что «Государь иногда в солдатских эксерцициях упражнялся, но чтоб действительным солдатом числился и в солдатском списке стоял сего по достоверным российским свидетельствам не явствует»⁴⁷.

Со временем индивидуальные архивные разыскания перерастают в историографические направления. Прекрасным примером тому может служить появление так называемой *полковой историографии*. С 1810-х годов начинают активно публиковаться книги, посвященные отдельным родам войск, как-то: кавалерии, пехоте и т. д., написанные не известными широкой публике авторами, как правило, офицерами, часто при активном содействии архивистов.

Полковая литература сама по себе чрезвычайно примечательна. Она оказалась на редкость устойчивой и просуществовала, по крайней мере, вплоть до 1910-х годов. Этот пласт литературы огромен. По подсчетам А. Григоровича, существовавшие к 1909 г. 33 гвардейские части имели 5 кратких и 24 полные полковые истории, из них 13 были не раз переизданы. Еще четыре находились в процессе написания⁴⁸. Даже в последние годы своего существования это направление было едва ли не самым динамичным в историографии. Ведь, как полагает Л. В. Беловинский, «...к 1917 году вышло около 650 разного рода изданий полковой историографии, занявшей более 750 томов. Все гвардейские части имели по несколько изданий, а всего о гвардии вышло более 200 томов»⁴⁹. Секрет столь успешного развития прост: издание таких книг не только считалось престижным для полка, но и было широко поддержано властями.

Следует, однако, подчеркнуть, что эта литература находится как бы на обочине историографии: такие книги, несмотря на прекрасное оформление, видимо, мало кто читал и в XIX в., в веке же XX они стали неинтересны даже для специалистов. Причина в том, что подобные работы имеют ряд характерных особенностей. Это всегда подробные многотомные издания, написанные с привлечением широкого спектра источников. Выдержки из источников занимают зачастую несколько страниц, за одной цитатой сразу же идет другая. При этом автор критически документы не рассматривает; свою цель он видит в простом пересказе, чтобы проследить цепь событий, выявить факт, а не интерпретировать его.

Причины такого подхода, помимо уже отмеченной необходимости выявления основных фактов русской военной истории, заключаются также в том, что писать полковые истории заказывали (а большинство из них написаны именно «по повелению») военным, служащим в соответствующих полках и знакомым с их традициями, имеющим возможность заглянуть в источники, но не обладающим, естественно, навыками профессионального

историка. Именно поэтому полковые истории превращались, по выражению М.И. Семевского, в «биографии» кафтанов, брюк, штанов, штиблет, сапог, шляп и прочее»⁵⁰.

Традиция написания историй полков русской армии началась с книги генерал-майора Н.М. Сипягина об одной из гвардейских частей – «Таблица-хроника истории лейб-гвардии Семеновского полка», вышедшей в свет еще в 1810 г.⁵¹ «Таблица...», не являясь по существу исследованием, служит знаком того, что тема гвардии становится интересной для определенного, пусть пока и чрезвычайно узкого, круга людей, чьи профессиональные обязанности не связаны со знанием истории.

После победоносной Отечественной войны 1812 г. и успешных заграничных походов 1813 г. полковая историография набирает силу. Возникает идея, что «нельзя не надеяться великих последствий, ежели б каждого полка вышла история»⁵². Становится популярной и гвардия как таковая, и ее история. Свидетельством тому первая 1844 г. обобщающая работа по этой проблеме – «История императорской российской гвардии» И.И. Пушкирева⁵³. Эта книга, как и все последующие созданные в этой традиции работы об отдельных гвардейских частях, была написана в форме развернутой хроники происходивших изменений в вооружении, обмундировании, управлении полков. Автору удалось собрать значительный фактический материал об учреждении гвардейских полков, их устройстве, службе, наградах за нее, а также о ряде частных событий. Материал охватывал период от царствования Петра Великого до царствования Александра Павловича. Не являясь по сути исследованием, работа тем не менее оказалась значимой: информация, представленная в ней (о разнородности источников формирования гвардии, о привлечении гвардейцев к государственному управлению), широко использовалась в последующей литературе.

Дальнейшую полковую литературу можно разделить по хронологическому принципу на две большие группы. Первая – книги, приходящиеся на конец 1870 – начало 1880-х годов. Среди них – работы В. Штейнгеля⁵⁴, С. Панчулидзева⁵⁵, П.Н. Дирина⁵⁶. Анализ содержания этих работ позволяет говорить о том, что все они своего рода реакция на успешную русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и подъем патриотических настроений. Следующая, вторая группа – издания, появившиеся в 1900–1910 гг., – работы А.Я. Чернявского⁵⁷ и А.В. Павлова⁵⁸. Причины появления таких публикаций, на наш взгляд, принципиально иные. Здесь и неудачи

русского оружия (Русско-японская война 1904–1905 гг.), желание вспомнить иные, славные времена, и, поскольку близилась Первая мировая война, начало «мировой дискуссии» на тему: чья армия и флот сильнее, чьи военные заслуги больше и т. д. Показательно, что при всей несхожести интенций, побудивших авторов этих книг к созданию своих текстов, принципы изложения материала, да и само качество работ, оказались во многом схожими, что еще раз возвращает нас к особенностям так называемой полковой историографии.

Вместе с тем лишь активная разработка фактической базы по истории первых лейб-гвардии полков и последующее накопление огромного материала позволили вывести рассмотрение проблемы на новый уровень. Следует также отметить, что представленные выше традиции полковой историографии XIX в. оказали сильнейшее влияние на развитие военной литературы следующего, XX в. Книги и статьи такого рода продолжали широко издаваться.

В 80–90-х годах XIX в. с появлением таких историков, как С. Панчулидзе, П.О. Бобровский и А.К. Пузыревский, традиции написания полковых историй середины – второй половины XIX в. начинают постепенно меняться. Связано это с появлением во второй половине XIX в. аналитической военно-исторической литературы, опирающейся на исследование новых источников и введение в научный оборот ранее не известных фактов, однако направленной на обобщение, а главное – оценку накопленных данных.

Уже четырехтомная «История кавалергардов» С. Панчулидзева, содержащая многочисленные данные и по истории Преображенского и Семеновского полков, при наличии, впрочем, еще многих недостатков описательной историографии, выпадает из общего ряда полковых историй. Эта книга не просто летопись полковых событий. Это одна из первых попыток осмыслить феномен лейб-гвардии в целом. «История кавалергардов» – работа исследовательского характера. С. Панчулидзе впервые в полковой литературе пытается обозначить свой взгляд, а не точку зрения взятого наугад источника.

Окончательное включение военной историографии в общий круг аналитической исторической литературы происходит с появлением целого комплекса высокопрофессиональных работ по теме петровской гвардии, опубликованных генерал-лейтенантом П.О. Бобровским. Военный историк продемонстрировал

возможность и необходимость исследования на значительно более широком уровне обобщения материала, чем это было прежде. Подтверждением служит тот факт, что из-под его пера выходят такие уникальные работы, как «Преступления против родовой чести в русском войске до Петра I»⁵⁹ и «Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. Историко-юридическое исследование»⁶⁰.

Рамки данного труда не позволяют рассмотреть все работы П.О. Бобровского, так или иначе связанные с темой элитных воинских подразделений конца XVII – первой четверти XVIII в.⁶¹ Стоит, однако, отметить, что появление таких исследований, как «История лейб-гвардии Преображенского полка (1683–1900 гг.)», а также «Потешные и начало Преображенского полка (по официальным документам)», стало настоящим событием в военной историографии петровской гвардии.

Кроме того, именно П.О. Бобровский предпринял первую попытку создать работу о гвардии, написанную на основе сравнительно-исторического метода. И в этом смысле значение его небольшого по объему исследования «Царь Петр Алексеевич и военная школа четырех первых регулярных полков в России (1690–1699 гг.)»⁶² огромно. Основная проблематика книги – создание четырех первых регулярных полков России (к ним автор относит Преображенский, Семеновский, Бутырский и Лефортовский полки), точнее принципы, заложенные в основу построения новых полков, и возможность их последующего распространения на другие воинские соединения.

П.О. Бобровский попытался сравнить полки гвардии, созданные непосредственно по желанию царевича Петра, с двумя Выборными московскими полками – Бутырским и Лефортовским, которые были организованы несколько ранее. По значению опыта их создания для дальнейшей истории автор ставит все четыре полка в один ряд.

Исследователь приходит к широко признанному позднее, в XX в., хотя, возможно, не столь тривиальному для века XIX, выводу о том, что «построение» новых полков стало прекрасным опытом для царя-реформатора. Банальность заключений, очевидно, оттолкнула историков от этой работы. Вместе с тем статья эта весьма неординарна и в плане нового подхода к проблеме, и в ряде промежуточных выводов (в частности, об уставе А.А. Вейде 1698 г., о совместных учениях полков). Это исследование представляется значимым и по числу затронутых аспектов указанной

темы. В сущности, данная работа единственная в историографии, освещающая в той или иной степени проблему сосуществования полков гвардии и так называемых полков нового строя.

Еще одна книга, написанная на основе компаративного метода, – работа А.К. Пузыревского «Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра I»⁶³ – значительнее по объему и по охвату материала. И хотя автор рассматривает структуры глобальные – европейские армии в момент формирования регулярных частей, гвардии в своем повествовании он отводит немало места, рассматривая ее как основу формирования армии в ряде стран (Россия, Великобритания, Турция).

К сожалению, все эти наработки также не были восприняты. Причиной тому, отчасти, обособленное положение военной историографии как в XIX, так и в XX в., отчасти – многолетний спад в развитии сравнительно-исторической методологии в России.

Появление гвардии не осталось без внимания и для, условно говоря, *гражданской историографии*. Одной из самых значимых работ здесь является опубликованная в 1875 г. книга М.П. Погодина «17 первых лет в жизни императора Петра Великого»⁶⁴, которая была направлена на детальную разработку событий политической истории начала царствования Петра I и не предполагала особого внимания к военной сфере. Тем не менее несколько глав были посвящены образованию Преображенского и Семеновского полков. Пытаясь объяснить происхождение гвардии, Погодин предложил необычную трактовку, которая оспаривала идею Г.Ф. Миллера о том, что «Потешные еще не есть гвардии полки». Историк считал, что юного царя с 1683 г. окружали действительные солдаты, составлявшие де-факто команду, компанию; в официальных же сферах и приказах эти солдаты именовались спальниками, столыниками, истопниками, пушкарями и т. д. с соответствующими таким официальным званиям окладами содержания.

Таким образом, М.П. Погодин поставил под сомнение само существование Потешных как некоторого переходного звена, зародыша будущих полков. По его мнению, Потешные изначально были задуманы как реальное воинское соединение, полк, организованный в 1683 г. и разделенный с увеличением числа в 1687 г. по местам расположения на Преображенский и Семеновский полки. Позднейшая историография эту версию не приняла.

Дальнейшее развитие историографии указанного направления связано с именем В.О. Ключевского, чей «Курс русской

истории»⁶⁵ оказал огромное влияние на последующие уже в XX в. разыскания по теме петровской гвардии. Если взгляды историка на войну как главную пружину преобразований Петра I вызывали самые разные оценки современников и коллег, то тезис о гвардии как о представительнице дворянского сословия и о том, что ее роль в переворотах середины – второй половины XVIII в. способствовала «установлению дворянновласти», был, безусловно, воспринят и расценен как ключевой в понимании темы.

Был намечен В.О. Ключевским и ряд других линий, например точка зрения о том, что гвардия, являясь основой регулярной армии, не была равна последней во всем, так как многообразие исполняемых функций выходило за рамки чисто военной службы. Историк предложил также некоторые возможные пути сравнения русской гвардии (с преторианцами, янычарами), хотя, видимо, не придавал им большого значения⁶⁶.

Забегая вперед, стоит отметить, что через 100 лет после опубликования сравнительно-исторического исследования П.О. Бобровского, во второй половине XX в., когда компаративистика как одно из направлений историографии стала набирать силу, его утверждения были практически не замечены, тогда как целый ряд оценок В.О. Ключевского пережил свое второе рождение. В частности, это коснулось и определения русской гвардии. В.О. Ключевский, как уже было упомянуто выше, сравнил гвардию, преторианцев и янычар лишь назывно, по принципу наличия сходных свойств.

Почти параллельно с В.О. Ключевским («Краткое пособие по русской истории» которого вышло в 1899 г.) идея дворянского состава гвардии была высказана и С.Ф. Платоновым в его «Лекциях по русской истории»⁶⁷. Рассматривая гвардию, как и В.О. Ключевский, в контексте событий первой половины – середины XVIII в., С.Ф. Платонов расставил акценты совершенно по-другому. Он считал гвардию частью «шляхетства», соглашался с тем, что ее «политическое значение передалось всему дворянскому классу», но признавал также наличие общенациональных интересов в выступлениях гвардейцев в ходе дворцовых переворотов. Таким образом, С.Ф. Платонов косвенно вступал в полемику с В.О. Ключевским.

К началу XX в. по указанной теме был собран огромный материал. В это время начинают появляться и первые библиографические издания по проблеме. Наиболее полным революционным изданием такого порядка, как представляется,

следует считать «Перечень историй и памятков войсковых частей» А. Григоровича. Эта работа включала в себя информацию как о русских, так и об иностранных изданиях, посвященных лейб-гвардии Российской империи⁶⁸.

Следующим важным шагом в развитии темы русской гвардии является «Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв.» А.И. Верховского, известного русского военного деятеля начала XX в., военного министра Временного правительства, перешедшего впоследствии на службу в Красную армию. Работа вышла в Москве в 1921 г. и была переиздана годом позже.

А.И. Верховский, являвшийся в это время преподавателем Военной академии им. Фрунзе, в своей работе стремился дать оценку военной истории Российской империи в целом и, безусловно, не мог не упомянуть о гвардии Петра Великого. Он затронул вопрос о боевом духе преображенцев и семеновцев⁶⁹, их социальной принадлежности⁷⁰, ориентации на подготовку командного состава для русской армии того времени⁷¹ и целый ряд других аспектов. Однако рассуждения такого рода не были здесь основными. А.И. Верховского значительно больше интересовали взаимоотношения гвардии и Петра I.

Преображенцев и семеновцев он считал несомненными приверженцами царя-реформатора, т. е. группой представителей среднего и мелкого дворянства («из смоленских худородных дворян»), «готовых идти за новым знаменем, готовых оторваться от старины». По мнению А.И. Верховского, «их (гвардейские. — Е. Б.) интересы совпадали с интересами страны, и в этом была их сила»⁷². Автор оговаривается, что приверженцы Петра I в целом и гвардейцы в частности были связаны пролитой кровью, «...шли на все, не стесняясь никакими средствами», а значит, их жизнь определялась необходимостью постоянно делать жестокий выбор — «смерть или победа»⁷³. Это происходило, по мнению автора, поскольку «...все они: и Петр, и Меншиков, и Апраксин, и гвардейцы знали, что в случае поражения во внешней, так же как и во внутренней, войне их ждет одно — плаха на Красной площади в Москве»⁷⁴.

А.И. Верховский был первым после революции 1917 г. историком, который упомянул важность осмысления истории элитных военных подразделений и смог акцентировать внимание на аспектах психологии представителей этих подразделений. Эту точку зрения разделили многие представители русской эмиграции. А.В. Геруа в своей работе «Полчища»,

изданной в 1923 г. в Софии, назвал гвардию первой четверти XVIII в. «этическим резервом» армии⁷⁵, а Б.Н. Санградский в своем труде «Вооруженные силы и политика» – носителем национальной идеалов⁷⁶. Р.К. Дрейлинг, давая оценку «Воинскому уставу» Петра Великого, указывал на попытки в это время сломать «сословное рабство» русской армии и заменить его «свойствами личности» за счет изменения статуса военной службы⁷⁷. Вслед за ними Б.А. Штейфон обратил внимание своих читателей на то, что петровская идея построения русской армии в целом и гвардии как ее важной составляющей представляла собой новый уровень реализации православной традиции и культуры⁷⁸. А.К. Баиов, в своей статье «Инициатива как воинская добродетель» считал преобразенцев и семеновцев времен Петра Великого свободными в праве принятия самостоятельного военного решения⁷⁹.

Таким образом, очевидно, что в среде русских эмигрантов – историков, психологов и военных деятелей – сохранилась тенденция оценивать элиту русской армии с морально-этической стороны, а значит, интерес к психологии представителей таких частей оставался высоким.

Отношение к теме гвардии в Стране Советов во многом шло в русле развития темы, которое наметил еще А.И. Верховский. И хотя между упомянутой работой начала 1920-х годов и первой по-настоящему советской статьей, посвященной Преображенскому и Семеновскому полкам, прошло четверть века, основные позиции были во многом схожи. В обоих случаях на первый план выходили взаимоотношения Петра Великого и чиновного лейб-гвардии полков. Разница состояла лишь в том, что А.И. Верховский стремился осмыслить широкий исторический контекст, задаваясь вопросами военной психологии, а статья В.А. Александрова «Гвардейцы – доверенные люди Петра»⁸⁰ была призвана прояснить сюжеты более практического порядка.

Работа В.А. Александрова была посвящена проблемам, которые отчасти ясны из заглавия: были ли гвардейцы доверенными людьми Петра Великого, отличалось ли их положение по отношению к императору от положения офицеров в армейских полках? Автор отвечает на эти вопросы положительно. С его точки зрения, гвардия отличалась от всей остальной армии возможностью участия (по инициативе Петра I) в системе государственного управления. Ценность этого сообщения приуменшать нельзя, и уже следующая работа, посвященная истории Преображенского

и Семеновского полков первой половины XVIII в., опирается на сделанные В.А. Александровым выводы.

Новейшими разработками темы являются работы Ю.Н. Смирнова⁸¹. Представленная им серия статей по истории русской гвардии первой половины XVIII в. связана с изучением целого ряда аспектов, таких как особенности социального состава и принципов комплектования русской гвардии в первой половине века, а также участие последней в системе государственного управления.

Отметим, что исследования Ю.Н. Смирнова – серьезный шаг на пути изучения темы элитных воинских частей в России петровского периода, во-первых, по количеству введенных в научный оборот новых исторических фактов, связанных, прежде всего, с подсчетами доли дворян во всех гвардейских полках, их национальным составом, имущественным положением; во-вторых, в силу самих выводов автора. Суть последних сводится к тому, что гвардейские полки времен Петра Великого формировались на принципиально других основаниях, чем армейские, что и позволило им выполнять функции, выходящие зачастую далеко за рамки военной службы. А это, в свою очередь, привело к тому, что гвардия Петра I утвердила себя в русской истории не только как привилегированная армейская структура, но и как параллельный аппарат управления государством.

Историографическое значение работ Ю.Н. Смирнова чрезвычайно высоко. Они, безусловно, способствовали оживлению интереса к теме элитных формирований русской армии, в частности к теме гвардии первой половины XVIII в.⁸² Отметим, однако, что в исследованиях Ю.Н. Смирнова полномочия преобразенцев и семеновцев рассматривались лишь применительно к процессам формирования системы государственности и становления нового аппарата управления. Однако историк не связывал вопрос полномочий гвардии первой четверти XVIII в. с процессами сословно-статусной самоидентификации в этих полках. В сферу наблюдений автора не попали также взаимоотношения между солдатами и офицерами полков, становление общественных представлений об указанной структуре.

Еще одним заметным явлением в современной историографии Преображенского и Семеновского полков стали работы Я.А. Гордина. Отношение историка к указанной теме формировалось постепенно. Так, в одной из своих первых книг, «Мятеж реформаторов 14 декабря 1825 г.»⁸³, автор, детально и почти

по минутно рассматривая вооруженное столкновение, в которое переросли события 1825 г. в Петербурге, приходит к выводу, что действовавшими лицами с обеих сторон являлись почти исключительно, как их тогда называли бы, «чины императорской российской лейб-гвардии». Определенный состав, организация, настроения тогдашней петербургской гвардии, по мнению автора, определили развитие событий 14 декабря. И вот именно здесь Я.А. Гордин приходит к следующему заключению: российская гвардия подошла к 1825 г., будучи структурой абсолютно своеобразной, корни же этой особи – в веке XVIII.

Эта мысль получила свое дальнейшее развитие сначала в статье Я.А. Гордина «Власть и гвардия: взгляд в прошлое России современника августовских событий 1991 г.»⁸⁴, а затем в двух «Отступлениях о гвардии» его книги «Меж рабством и свободой»⁸⁵, посвященной иной теме – «затейке верховников» 1730 г. Здесь автор стремится понять ощущение гвардейца как отдельно взятого человека («ощущение демиурга»), и это ему, как мне кажется, вполне удается. Но, думается, все попытки «собрать» гвардию в некое единство, осмыслить ее как некую «политико-психологическую группу» (термин Я.А. Гордина) оказываются значительно менее успешными. Цельного образа не получается. Он распадается при первой же попытке вписать феномен в грубую схему. А именно это, в сущности, Я.А. Гордин и пытается сделать. В скрытом виде он воссоздает следующую структуру. В России после Петра I есть люди, придерживающиеся, условно говоря, «непрогрессивных» убеждений, и «прогрессивно» настроенные личности, как, например, Д.М. Голицын. Последние ратуют за ограничение самодержавной власти, и они воистину являются людьми нового времени. Другие же выступают за единоличную власть монарха в России, и они, конечно же, многого недопонимают, они – люди прошлого, они ущербны, они – всегда рабы, не знающие счастья конституции и стремящиеся увековечить свое рабское состояние. Именно к этой группе Я.А. Гордин относит гвардию, считая последней оплотом монарха (Петра Великого) и монархии, а по сути «опричниками» и «рабами с деловыми качествами», существовавшими вне сословий как таковых.

Следует на это возразить, во-первых, что подобная акцентировка и сравнения (с опричниками, например) возможны и приемлемы в научно-популярной литературе для создания более четкого образа, но не всегда корректны. Во-вторых, заявления о внесословности, безусловно, хороший аргумент в пользу версии

Я.А. Гордина об отсутствии в России XVIII в. сословий вообще и наличии «политико-психологических групп»⁸⁶, но в упоминавшихся исследованиях Ю.Н. Смирнова доказано, что в период с 1725 по 1740 г. (т. е. в период, о котором пишет Я.А. Гордин) гвардия была в большинстве своем именно дворянской по офицерскому и даже солдатскому составу.

Зарубежная историография, затрагивающая тему элитных воинских подразделений России первой четверти XVIII в., куда менее репрезентативна. И хотя петровская гвардия упоминалась еще в книге Ф.-М. Вольтера «Россия при Петре Великом», первые существенные публикации по вопросам, связанным с теми или иными аспектами военной истории России, появляются на Западе лишь в конце 1940-х годов, т. е. в начале холодной войны.

Послевоенные отношения между сверхдержавами, противостояние в рамках военных блоков определили содержание исследований в области русской военной истории. Работы такого рода, появившиеся в 1940–1960-е годы, были написаны бывшими военными и затрагивали тему русской имперской армии лишь косвенно. Характерной чертой последних была политизированность и поверхностность суждений, а задачей не поиск научной аргументации, а скорее, выстраивание образа врага. Здесь традиционными были указания на параллели между политикой Петра I, В.И. Ленина и И.В. Сталина, а также сравнение Петровских реформ с Октябрьской революцией 1917 г. Так, генерал Дж. Фуллер (John Fuller) в известной обобщающей работе о военной истории (последнее переиздание которой, кстати, пришлось на 1987–1988 гг.) называет Петра I «прародителем ЧК и ОГПУ», а русскую армию периода его правления – «бандами татар и калмыков»⁸⁷. Столь же частым приемом в создании работ 1940–1960-х годов является перенесение оценок действий СССР во Второй мировой войне на войны Российской империи двухсотлетней давности. Л. Монтросс (Lynn John Montross), один из самых известных в то время на Западе военных историков, кстати, тоже военный в отставке, в сво-

* Выводы Вольтера здесь совпадали с положениями Г.Ф. Миллера. Известный просветитель считал петровскую гвардию самой преданной частью русской армии, противоположной по своим качествам стрельцам, разрушительный потенциал которых ставил их на одну доску с янычарами и преторианцами (*Вольтер Ф.-М. История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. СПб., 1999. С. 27–28.*

ей работе 1946 г., повествуя о событиях начала XVIII в., заметил, что в Северной войне русские мужики остановили Карла XII «стеной мяса»⁸⁸. Точно так же В. Джексон (W.G.F. Jackson) в книге «Семь дорог в Москву» указывал, что армия Петра I имела в Северной войне преимущество, связанное лишь с огромной территорией России⁸⁹.

В СССР эти работы не оставались незамеченными. Им было принято отвечать «критикой буржуазных фальсификаторов», также весьма далекой от спокойного академического исследования проблематики⁹⁰.

Надо отметить, что особенно резкие замечания звучали в адрес англо-американской литературы, тогда как исследования шведов или датчан, как правило, воспринимались спокойнее⁹¹. Одной из первых переводных работ по истории царствования Петра I, опубликованных в СССР, стала книга датского историка Ханса Баггера. Работа была издана в 1979 г. в Дании, а уже спустя 6 лет появилась в СССР⁹². Интерес к этому труду, вероятно, был связан и с тем, что Баггер предложил совершенно нетипичный для своего времени проблемно-историографический разбор исследований середины XIX – середины XX в., посвященных петровской России, включив в него как русские, так и зарубежные труды.

В конце 1970-х – начале 1980-х годов ситуация несколько изменилась. В зарубежной историографии наступил период более спокойных оценок, стало очевидным и стремление заниматься изучением источников, в том числе и архивных. Выводы, появившиеся в это время, впрочем, были часто противоположными. Так, Мэтью Андерсен (Matthew Anderson) в своей работе об эпохе Петра Великого, также впоследствии переведенной на русский язык, утверждал, как и много ранее В.О. Ключевский, что исследование реформ Петра I должно начинаться с изучения его военно-политических устремлений. Он полагал при этом, что в XVIII в. в России сформировалась дворянская корпорация, основанная на прямом подчинении монарху⁹³. Другой исследователь – Кристофер Даффи (Christopher Duffy), на основе изучения актового материала и источников личного происхождения пришел к схожему выводу об абсолютной связи военного и гражданского факторов в истории России первой четверти XVIII в. Он отметил проведенную Петром I милитаризацию русского общества, схожую по своей сути с прусской моделью. Даффи, однако, в отличие от Андерсона, полагал, что в русской армии того времени не существовало корпоративного единства, офицерский корпус не отличался сплоченностью, стремление уклониться от службы

было нормой⁹⁴. Очевидно, что в данном случае Андерсен и Даффи исходили и из разного значения слова «корпорация». Вместе с тем стремление оценить возможности существования в России именно этого феномена представляется важным.

Наиболее же удачным исследованием 1980-х годов⁹⁵ является книга Джона Кипа (John Keep), посвященная военной истории Российской империи XV–XIX вв.⁹⁶ Будучи хорошо знакомым с источниками, автор стремился проанализировать процессы вытеснения «полков нового строя» петровской армией, а также складывание в XVIII в. особого, ориентированного на военную службу дворянства и формирование материального и социального престижа военной службы. В работе предлагалась оценка как армии Петра Великого в целом, так и ее гвардейских частей (численность, социальная стратификация, материальные затраты на содержание и т. д.). Замечательны указания Кипа на вмешательство военных в гражданские дела, а также ремарки относительно столь часто не замечаемых в российской и советской историографии фактов дезертирства и неповиновения солдат и офицеров элитных частей⁹⁷.

Следующее десятилетие – 1990-е годы – принесло одну из самых интересных работ в зарубежной историографии, затрагивающих тему русской гражданской и военной элиты. Это небольшая статья Бренды Михан-Уотерс (Brenda Meehan-Waters), задачей которой является изучение социальных и карьерных характеристик верхушки государственной администрации в период от Петра I до императрицы Елизаветы Петровны⁹⁸. Материалы РГАДА и РГВИА, а также великолепное знание как дореволюционной, так и советской историографии позволили Михан-Уотерс сделать ряд серьезных выводов, в том числе и относительно элиты армии Петра Великого. Гвардейцы, по ее мнению, обладали лидерскими качествами, были вестернизированны и лояльны к проводимым реформам. Они не только представлялись Петру I исключительно ценной категорией людей, но и объективно являлись ею. По ее подсчетам, треть элиты государственного управления в 1730 г. составляли люди, начавшие свою службу с гвардии, а 41% имел к ней отношение в один из периодов своей карьеры. 16% бывших гвардейцев стали президентами коллегий (кроме Военной и Адмиралтейства), а 45% – сенаторами⁹⁹. Интересно, что Михан-Уотерс проводила свои изыскания параллельно с работой упоминавшегося выше Ю.Н. Смирнова, также изучавшего участие чинов гвардии в госуправлении середины XVIII в.¹⁰⁰

В настоящее время тема войны и империи применительно к истории России вызывает устойчивый интерес в западной академической среде. Появляются исторические и историко-социологические исследования феномена войны¹⁰¹, а также немногочисленные статьи и сборники статей. Однако петровская армия и особенно военная элита первой четверти XVIII в. представлены в них крайне мало. Традиционно значительно больший интерес вызывает русская армия периода правления Екатерины II, а также в наполеоновский и постнаполеоновский периоды или же, если речь заходит о военной элите, русский офицерский корпус.

Показательно, например, распределение информации в двух самых крупных сборниках статей, появившихся в середине 2000-х годов. Один из них исследует реформы и инновации в армии Российской империи¹⁰². Целиком состоящий из работ европейских и американских исследователей, сборник посвящен советскому военному историку А.Г. Кавтарадзе, который известен своими работами о привлечении офицеров старой русской армии к созданию вооруженных сил большевистской России¹⁰³. Книга содержит 18 статей по русской военной истории¹⁰⁴, лишь одна из которых напрямую связана с периодом царствования Петра I¹⁰⁵. Второй сборник об армии императорской России, преследующий более общие задачи, ограничивается хронологическими рамками, не предполагающими исследование петровской армии¹⁰⁶. Не способствует дальнейшему изучению темы и историографическое направление, связанное с изучением истории проигранных войн, нереализованных интенций и малоуспешных предприятий (Ливонская, Крымская, Первая мировая, Русско-японская войны), которое получило в последние десятилетия особое развитие как в российской, так и в зарубежной исторической литературе.

Следует отметить, что петровская гвардия никогда не была предметом самостоятельного исследования в зарубежной историографии. Отдельных работ по истории Преображенского и Семеновского полков или гвардии пока не существует. Вместе с тем в настоящий момент западная (прежде всего англоязычная) историография истории России генерирует огромное количество интереснейших идей. Здесь есть великолепные работы о развитии системы государственного управления в России¹⁰⁷, создании символики власти¹⁰⁸, культурных контактах¹⁰⁹, формировании русского дворянства¹¹⁰, истории социальных представлений конца XVII – начала XVIII в.¹¹¹, а также многочисленные биографии Петра I¹¹². Такие исследования, не затрагивающие напрямую ис-

торию русской военной элиты первой четверти XVIII в., меняют оценку целого ряда значимых аспектов русской истории, а потому в равной степени имеют значение для данной работы.

В целом история Преображенского и Семеновского полков является устойчивым объектом исследования, прежде всего в России. При этом трехсотлетняя историография по данной проблеме ориентирована в большинстве своем на фундаментальное исследование военного, политического и социально-политического аспектов.

Примечания

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 1. С. 346.

² *Keep John L.H.* Solders of the Tsar: Army and society in Russia 1462–1874. Oxford, 1988. P. 102.

³ *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Свод материала и приуроченные этюды для исторического исследования. СПб., 1870. С. 60–73.

⁴ *Гордин Я.А.* Меж рабством и свободой. СПб., 1994. С. 191.

⁵ Там же. С. 95.

⁶ *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. Т. 4. М., 1989. С. 77–78.

⁷ *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России (1700–1740 гг.). М., 2000. С. 268–269.

⁸ *Жидков В.С., Соколов К.Б.* Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб., 2001. С. 229.

⁹ Там же. С. 225.

¹⁰ *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 3. М., 1846. С. 213–221.

¹¹ *Марасинова В.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999. С. 27.

¹² *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. Прил. к Т. 2. СПб., 1900. С. 17.

¹³ Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором Санкт-Петербургского университета И.Н. Березиным, посвященный Его Императорскому Высочеству государю наследнику цесаревичу. СПб., 1878. С. 357; Всенаучный энциклопедический словарь / Под ред. В. Ключникова. СПб., 1878. Т. 8. С. 967; Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. СПб., 1910. С. 1063–1064.

¹⁴ Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 7; Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1953. Т. 23. С. 48.

¹⁵ *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции по русской истории. М., 1846. Т. 3. С. 219.

¹⁶ *Аурова Н.Н.* Атмосфера и быт в кадетских корпусах Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в. // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. М., 2002. С. 184; *Волков С.В.* Русское офицерство как историко-культурный феномен // Там же. С. 171.

¹⁷ Об учреждении лейб-регимента, 11 мая 1719 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т. 5. № 3370.

¹⁸ Об учреждении Кавалергардии в числе 23 человек, и о жалованье, рационах, амуниции и фураже сему корпусу, 30 мая 1724 г. // ПСЗ. Т. 7. № 4876.

¹⁹ См., например: Письма разных лиц командиру Преображенского полка, 1705–1719 гг. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 7; Письма разных лиц командиру Преображенского полка, 1705–1720 гг. // Там же. Д. 8.

²⁰ Письма разных лиц командиру Преображенского полка, 1705–1720 гг. Л. 3–4об., 19.

²¹ См., например: Доклады царскому величеству, ордера, челобитные, вопросы и прочия, 30 сентября 1716 – 18 декабря 1717 // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 35.

²² См., например: Допросы и челобитные разных чинов, 1715 г. // Там же. Д. 18.

²³ Письмо Г. Девесилова кн. В.В. Долгорукову от 8 декабря 1713 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 7. Л. 88–88об.

²⁴ ПСЗ. Т. 4–7.

²⁵ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого (далее – Доклады и приговоры). СПб., 1880–1897. Т. 1–5.

²⁶ Военные уставы Петра Великого / Под ред. проф. Н.Л. Рубинштейна. М., 1946.

²⁷ *Куракин Б.И.* История о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1892. Кн. 1. С. 39–78.

²⁸ *Желябужский И.А.* Записки. СПб., 1840.

²⁹ *Нащокин В.А.* Записки. СПб., 1842.

³⁰ *Медведев С.А.* Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // Россия при царевне Софье и Петре I. М., 1990. С. 45–200.

³¹ *Прокопович Ф.* История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне, включительно. СПб., 1773.

³² *Gordon P.* Passages of the diary of General Patric Gordon in years 1635–1699. L., 1968. О русских переводах «Дневника» см. ниже.

³³ *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906.

³⁴ *Де Бруин К.* Путешествие в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 17–188.

³⁵ *Уитворт Ч.* Россия в начале XVIII в. М.; Л., 1988.

³⁶ *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711 гг.) / Пер. Ю.Н. Щербачева. М., 1900.

³⁷ *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 г.: Пер. с нем. И. Аммон. Ч. 1 // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 105–502; Там же. Ч. 2 // Юность державы. М., 2000. С. 9–324.

³⁸ *Вебер Х.Ф.* Записки Вебера / Пер. П.П. Барсова // Русский архив. 1872. Вып. 6. С. 1057–1167; Вып. 7. С. 1334–1458. Вып. 9. С. 1614–1703.

³⁹ *Фоккеродт И.-Г.* Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 9–105.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 6, 1239; РГВИА. Ф. 2583, 2584, РГИА СПб. Ф. 466, 468; 1329; РНБ – Рукописный фонд. Ф. 73, 77, 341, 588, 542, 595, 608, 874, 1000; Архив РАН СПб. Ф. 140.

⁴¹ Походный журнал Петра I, 1695–1725. СПб., 1853–1855.

⁴² *Меншиков А.Д.* Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова (1716–1720, 1726–1727 гг.) // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2000. Вып. 10.

⁴³ *Крекшин П.Н.* Журнал великославных дел ... императора Петра I. СПб., 1756. Т. 28 // РНБ. Рукописный фонд. Ф. Собрание Семевских. Д. 13.

⁴⁴ *Миллер Г.Ф.* Известие о начале Преображенского и Семеновского полков // Миллер Г.Ф. Частица из истории Петра Великого. М., 1778.

⁴⁵ *Миллер Г.Ф.* Известия о дворянах Российских // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 180–226.

⁴⁶ Там же. С. 217.

⁴⁷ *Миллер Г.Ф.* Известие о начале Преображенского и Семеновского полков. С. 13.

⁴⁸ *Григорович А.* Перечень историй и памятков войсковых частей. СПб., 1909. Ч. 1. С. IV.

- ⁴⁹ Беловинский Л.В. Истории полков русской армии // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 88.
- ⁵⁰ Семевский М.И. Полковые историографии // Русский инвалид. 1874. Т. 2. № 10–11. С. 262.
- ⁵¹ Ситягин Н.М. Таблица-хроника истории лейб-гвардии Семеновского полка. М., 1810.
- ⁵² Писарев А.А. Военные замечания и письма, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году и последующим. СПб., 1817. С. 35.
- ⁵³ Пушкарев И.И. История императорской российской гвардии. СПб., 1844. Ч. 1–2.
- ⁵⁴ Штейнгель В. Императорская российская гвардия 1700–1878 гг.: хронологические таблицы. СПб., 1878.
- ⁵⁵ Панчулидзе С.А. История кавалергардов (1725–1799–1899 гг.): В 4 т. СПб., 1899–1903.
- ⁵⁶ Дирин П.Н. История лейб-гвардии Семеновского полка: В 2 т. СПб., 1883.
- ⁵⁷ Чернявский А.Я. Потешные преображенские. Лейб-гвардии Преображенский полк 1683–1912 гг. СПб., 1912.
- ⁵⁸ Павлов А.В. История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1900–1904. Т. 1–2.
- ⁵⁹ Бобровский П.О. Преступления против родовой чести в русском войске до Петра I. СПб., 1888.
- ⁶⁰ Он же. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. Ист.-юрид. исследование. СПб., 1887.
- ⁶¹ Его работы, имеющие отношение к теме гвардии: Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка (1683–1900 гг.) СПб., 1900–1904. Работа переиздана в 2007. Т. 1–4; Он же. Потешные и начало Преображенского полка (по официальным документам). СПб., 1899; Он же. Военное право в России при Петре Великом. Артикул воинский. СПб., 1887.
- ⁶² Бобровский П.О. Царь Петр Алексеевич и военная школа четырех первых регулярных полков в России (1690–1699). СПб., 1892.
- ⁶³ Пузыревский А.К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра I. СПб., 1889.
- ⁶⁴ Погодин М.П. 17 первых лет в жизни императора Петра Великого. М., 1875.
- ⁶⁵ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1989.
- ⁶⁶ Там же. Т. 4. С. 77–78.
- ⁶⁷ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993.
- ⁶⁸ Григорович А. Перечень историй и памятков войсковых частей. СПб., 1909. Ч. 1.

⁶⁹ *Верховский А.И.* Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. М., 1922. С. 27.

⁷⁰ Там же. С. 22.

⁷¹ Там же. С. 26.

⁷² Там же. С. 18–19.

⁷³ Там же. С. 20.

⁷⁴ Там же. С. 35.

⁷⁵ *Геруа А.В.* Полчища // Душа армии: русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. Российский военный сборник. М., 1997. Вып. 13. С. 577.

⁷⁶ *Санградский Б.Н.* Вооруженные силы и политика // Сигнал. 1939. №. 49. С. 2.

⁷⁷ *Дрейлинг Р.К.* Воинский устав Петра Великого и Суворов // Душа армии: русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. Рос. военный сборник. М., 1997. Вып. 13. С. 327–356.

⁷⁸ *Штейфон Б.А.* Воин-Христов // Там же. С. 319–326.

⁷⁹ *Баюв А.К.* Инициатива как воинская добродетель // Там же. С. 380.

⁸⁰ *Александров В.А.* Гвардейцы – доверенные люди Петра I // Труды НСО МГУ. М., 1947. Вып. 1.

⁸¹ *Смирнов Ю.Н.* Армия и дворцовые перевороты XVIII века // Общественно-политические движения России XVIII–XX вв.: Межвуз. сборник. Самара, 1993. С. 4–14; *Он же.* В.О. Ключевский о взаимосвязи армии, самодержавия, дворянства в России XVIII в. // Ключевский: сб. материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 254–261; *Он же.* Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. // Классы и сословия России в период абсолютизма. Куйбышев, 1989. С. 87–107; *Он же.* Роль гвардии в укреплении органов власти российского абсолютизма в первой половине XVIII века // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 15–31; *Он же.* Русская гвардия в первой половине XVIII века (социальный состав, принципы комплектования и участие в системе государственного управления. Диссертация. М., 1981; *Он же.* Русская гвардия в XVIII веке (пособие к спецкурсу). Куйбышев, 1989; *Он же.* Социальный состав и комплектование русской гвардии в первой четверти XVIII в. // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. 8. С. 74–89.

⁸² См., например: *Волкова И.В., Курукин И.В.* Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII–XX вв. // Вопросы истории. 1995. № 5–6; *Милицин С.Д.* Правовой статус гвардии и ее роль в государственном механизме России XVIII в. // Правовые проблемы

истории государственных учреждений. Свердловск, 1983. С. 62–68; Павленко Н.И. Страсти у трона: история дворцовых переворотов. М., 1996; Беловинский Л.В. Русская гвардия в XVIII–XX вв. // Вопросы истории. 1983. № 9. С. 94–105; Анисимов Е.В. Россия без Петра. СПб., 1994.

⁸³ Гордин Я.А. Мятеж реформаторов, 14 декабря 1825 года. Л., 1989.

⁸⁴ Он же. Власть и гвардия: взгляд в прошлое России современника августовских событий 1991 года // Знание – сила. 1991. № 11. С. 80–87; № 12. С. 66–72.

⁸⁵ Он же. Меж рабством и свободой. СПб., 1994.

⁸⁶ Там же. С. 191.

⁸⁷ Fuller J.A. Military History of the Western World. Vol. 2. New York, 1967. P. 167.

⁸⁸ Montross L.J. War through the ages. London, 1946. (Цит. по: Иванов К.И. Фальсификация русской военной истории в иностранных материалах и документах XVIII и начала XX вв. Диссертация. Л., 1950. С. 122).

⁸⁹ Jakson W.G.F. Seven roads to Moscow. New York, 1958.

⁹⁰ См., например: Иванов К.И. Фальсификация русской военной истории...; Соловьев Е.А. Критика современной буржуазной англо-американской историографии России эпохи Петра I. Диссертация. М., 1982.

⁹¹ См., например: Кан А.С. Шведские историки о Полтавской битве // История СССР. 1959. № 4. С. 186–187.

⁹² Bagzer X. Реформы Петра Великого: Обзор исследований / Пер. с дат. В.Е. Возгрина. М., 1985.

⁹³ Anderson M. Peter the Great. London, 1978; Андерсон М. Петр Великий. Ростов-н/Дону, 1997.

⁹⁴ Duffy C. Russia's Military Way to the West. Origins and Nature of Russian Military Power, 1700–1800. London; Boston, 1981.

⁹⁵ См. также следующие работы этого периода: Clendenning P., Bartlett R. Eighteenth century Russia: a select bibliography of works published since 1955. Newtonville, 1981; Pinter W.M. Russia's military style, Russian society and Russian power in the eighteenth century // Russia and the West in the eighteenth century (ed. by A.G. Cross). Newtonville, 1983. P. 262–270.

⁹⁶ Keep J. Solders of the Tsar: Army and society in Russia 1462–1874. Oxford, 1988.

⁹⁷ Ibid. P. 117–139.

⁹⁸ Meehan-Waters B. Social and career characteristics of the administrative elite, 1698–1761 // Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century (ed. by Walter McKenzie and Don Karl Rowney). London, 1993. P. 76–105.

⁹⁹ Ibid. P. 85–86.

¹⁰⁰ Среди значимых публикаций 1990-х следует отметить также и главу о военном деле в книге Л. Хьюз (Lindsey Hughes): *Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven; London, 1998. P. 63–80.

¹⁰¹ См., например, специальный номер журнала «Ab Imperio» под названием «Империя и война» (2001. № 4), содержащий целый ряд статей российских и зарубежных исследователей по этой проблеме (Филлюшкин А. Дискурс ливонской войны; Лапин В. Армия империи – империя в армии: Организация и комплектование вооруженных сил России в XVI – начале XX вв.; Норрис С. Изображая священную войну: образы русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; Ферро М. Война, революция, империя: временное правительство и проблема национальностей).

¹⁰² *Reforming the Tsar's Army Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution* (ed. by David Schimmelpenninck van der Oye, Bruce W. Menning). Cambridge, 2004.

¹⁰³ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республике Советов, 1917–1920 гг. М., 1988.

¹⁰⁴ См. опубликованные здесь интересные статьи Марка фон Хагена (Mark von Hagen) о влиянии многонационального состава империи на ее армию, Фредерика Кагана (Frederick W. Kagan) о русских реформах периода наполеоновских войн, Брюса Меннинга (Bruce W. Menning) о Г.А. Потемкине и И.А. Чернышеве и Уиллиса Брукса (Willis Brooks) о военной прессе.

¹⁰⁵ *Bushkovitch P.* The politics of command in the army of Peter the Great // *Reforming the Tsar's Army Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution*. P. 253–272.

¹⁰⁶ *The Russian Imperial Army, 1796–1917* (ed. by Roger Reese). Ashgate Publishing Co., 2006. Единственная статья, выходящая за пределы установленных хронологических рамок, затрагивающая более ранний период, посвящена военной экономике (*Pintner W.M.* The burden of defense in imperial Russia 1725–1914).

¹⁰⁷ *LeDonn J.P.* Absolutism and ruling class: the formation of the Russian political order, 1700–1825. Oxford, 1991; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven; London, 1998; *Raeff M.* Understanding imperial Russia: State and society in Old Regime. New York, 1984.

¹⁰⁸ *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002; *Он же.* Символы империи: экзотические народы в церемонии коронации российских императоров // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. (Библиотека журнала «Ab Imperio»). Казань, 2004. С. 409–426; *Wortman R.* The Russian Imperial Family as a symbol // *Imperial Russia: new histories for the Empire* (ed. by Jane Burbank and David L. Ransel). Bloomington, 1998. P. 60–86; *Зицер Э.*

Царство преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008.

¹⁰⁹ *Russia Engages the World, 1453–1825* (ed. by Cynthia Hyla Whittaker). Cambridge, 2003; *Russia and the West in the eighteenth century* (ed. by A.G. Cross). Newtonville, 1983; *Peter the Great and the West: New Perspectives* (ed. by L. Hughes). Basingstoke, 2001; *Cross A.G. By the banks of the Thames. Russians in eighteenth century Britain*. Newtonville, 1980; *Idem. Peter the Great through British eyes: perceptions and representations of the Tsar since 1698*. Cambridge, 2000.

¹¹⁰ *Madariaga de I. The Russian nobility in the seventeenth and eighteenth centuries // The European nobility in the seventeenth and eighteenth centuries*. London, 1995. Vol. 2. P. 223–273; *Raeff M. The Russian nobility in the eighteenth and nineteenth centuries: trends and comparisons // The Nobility in Russia and in Eastern Europe* (ed. by Ivo Banac and Paul Bushkovich). New Haven, 1983. P. 99–121.

¹¹¹ *Kivelson V. Cartographies of Tsardom: the land and its meanings in seventeenth-century Russia*. Ithaca, 2006; *Hughes L. Beard is an Unnecessary Burden: Peter I's Laws on Shaving and their Roots in Early Russia // Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century: Essays in Honour of Anthony G. Cross* (ed. by Roger Bartlett and Lindsey Hughes). Münster, 2004. P. 21–34; *Idem. Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven; London, 1998; *Kaganov G. Images of space: St. Petersburg in the visual and verbal art*. Stanford: Stanford University Press, 1997; *Cherniavsky M. Tsar and People: Studies in Russian Myths*. New York, 1969; *Riasnovsky N.V. The image of Peter the Great in the Russian history and thought*. Oxford, 1985; *Serman I. Russian national consciousness and its development in the eighteenth century // Russia in the age of enlightenment* (ed. by R. Bartlett). London, 1990. P. 40–56.

¹¹² *Hughes L. Peter the Great: A Biography*. New Haven; London, 2002; *Idem. Playing Games: The Alternative History of Peter the Great*. London, 2000; *Bushkovich P. Peter the Great: the Struggle for Power, 1671–1725*. Cambridge, 2001; *Peter the Great: reformer or revolutionary?* (ed. by M. Raeff). Boston, 1963.

Глава I

ПОЛНОМОЧИЯ, ПРИВИЛЕГИИ И ПРИНЦИПЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ГВАРДИИ В РОССИИ в конце XVII – первой четверти XVIII в.

1

Формирование Преображенского и Семеновского полков в конце XVII в.

Датировка формирования Преображенского и Семеновского полков представляет никогда до конца не исчерпанную историографическую дискуссию. Неизменным остается утверждение, что петровские гвардейские части берут начало от Потешного войска царевича Петра Алексеевича. Последние же, по мнению большинства военных историков, появляются в самом начале 1680-х годов¹.

И.Е. Забелин, а за ним и М.М. Богословский указывают на наличие в начале 1682 г. в Кремле небольшой площадки для потех, на которой была поставлена потешная изба, деревянный шатер, деревянные пушки и рогатки². В смутном 1682 г. заниматься играми Петру особенно не пришлось, в следующем же году – как раз наоборот. С переездом в мае 1683 г. двора царицы Натальи Кирилловны в подмосковное село Воробьево военные игры царевича начинают приобретать более серьезный характер. В это время, по сведениям И.И. Пушкарева, автора обобщающей «Истории императорской российской гвардии», под началом у Петра было до 50 человек³. Так образовалась рота, названная позже Потешною.

Сюда принимались знатные и простолюдины, русские и иностранцы, приближенные ко двору Нарышкиной и случайные люди. Вероятно, рота Потешных была пестрой и по возрастному составу. Вряд ли можно согласиться с утверждением мемуариста П.Н. Крекшина, поддержанным известным историком М.П. Погодиным, о том, что юного царя с 1683 г. окружали «действительные “возрастные” солдаты, составлявшие де-факто

команду, компанию»⁴. Процент ровесников Петра Алексеевича был здесь, видимо, значителен. И хотя акты являются весьма скудной информацией на сей счет, материалы личного происхождения свидетельствуют о том, что большинство Потешных в 1680-х годах были подростками⁵.

Однако не следует забывать, что вряд ли группа подростков смогла самостоятельно управиться со значительным военным снаряжением, доставленным в село Воробьево. В июле 1683 г. число одних только пушек было не менее 16⁶. Присутствие взрослых, опосредованно или напрямую связанных с военным делом (возможно, из числа личной охраны царицы Натальи), безусловно, имело место. Сохранились даже имена двоих пушкарей – Сергея Бухвостова и Якима (Екима) Воронина⁷.

К 1687 г. число Потешных выросло примерно до 1000⁸. Их первым командиром стал швейцарец, потомок бежавшего из Франции гугенота Франц Лефорт, личность которого удостоилась самых противоречивых оценок со стороны как современников, так и потомков, называвших его то придворным интриганом, мало разбиравшимся в военном деле, то по-настоящему храбрым солдатом⁹. Так или иначе, именно присутствие Ф. Лефорта заметно усилило оттенок игры и забавы, изначально сопряженный со всей затеей формирования Потешного войска. Не лишено оснований также и предположение, что именно в этом периоде кроется объяснение теснейшей дружбы, связывавшей многих гвардейских офицеров с императором Петром I. Что касается их разделения в этом же году по двум селам – Преображенскому и Семеновскому¹⁰, то, вероятнее всего, принципиального значения для их тогдашней жизни это не имело, так как оба села были смежными и отделялись друг от друга только Хапиловским ручьем.

В 1690–1692 гг. Потешные, судя по числу сержантов, образовали несколько рот (две, затем четыре). Именно в этот момент появляются первые свидетельства того, что Потешное войско как таковое перестает существовать, образуя два полка*. Именно

* Отметим, что, несмотря на общепринятое в исторической литературе мнение о том, что Преображенский и Семеновский полки были сформированы в 1690–1692 гг. (см., например: *Бобровский П.О.* Царь Петр Алексеевич и военная школа четырех первых регулярных полков в России (1690–1699). С. 4; *Рабинович М.Д.* Полки петровской армии (1698–1725 гг.): краткий справочник. М., 1977. С. 25), существует также

1. Формирование Преображенского и Семеновского полков в конце XVII в.

Алам (Знак московских пушкарей). XVII в.

в 1692 г. источники впервые называют преображенских солдат Преображенским полком¹¹.

Помимо сообщений об отдельных «эксерцициях», мы не обладаем какими-либо значительными фактами, относящимися к жизни полков вплоть до знаменитого Троицкого похода, что, видимо, связано с отсутствием в это время каких бы то ни было серьезных военных учений. Лишь в 1689 г. Потешные смогли некоторым образом проявить себя. 8 августа молодой Петр, получивший известие о возможном заговоре правительницы Софьи с целью покушения на его жизнь, бежал в Троицкий монастырь. Незамедлительно последовавшие за ним Потешные продемонстрировали, таким образом, безусловную преданность своему государю.

Фактически к моменту перехода государственной власти в руки Петра в 1689 г. Потешные Преображенский и Семеновский полки во главе с Францем Лефортом представляли собой чрезвычайно аморфный институт, напоминающий скорее некий зародыш будущих «молодых дворов», нежели основу грядущей военной мощи. Вся особенность их положения заключалась лишь в приближенности к Петру I и преданности ему.

Однако уже в конце 1680 – начале 1690-х годов с изменением политической ситуации можно отметить некоторые перемены в жизни Преображенского и Семеновского полков. Именно в это время наблюдается процесс выделения группы частей, приближенных к государю. Петр собирает вокруг себя полки, оказавшие ему поддержку во время Троицких событий, а также обладающие значительными навыками в военном деле и исполнении церемониалов (Стремянной, Сухарев¹², а также так называемые выборные полки – Бутырский и Лефортовский¹³), создавая своего рода маленькую армию.

Начинается активная военная подготовка этих частей. Руководит ею командир бутырцев Патрик Гордон, привлечший к себе внимание молодого Петра еще в 1687 г. 3 февраля 1687 г., менее чем через месяц после назначения П. Гордона командиром бутырцев, состоялся смотр полка в Кремле. Все действие происходило в торжественной обстановке, при блеске оружия, оглушительном бое барабанов и произвело сильное впечатление на царевича¹⁴.

и точка зрения о том, что это событие следует датировать 1695 г. (Пушкарев И.И. Указ. соч. Ч. 1. С. 8–9; Карцов П.П. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1852. Т. 1. С. 159).

Генерал П. Гордон, иностранец на русской военной службе со времен царствования Алексея Михайловича, был человеком чрезвычайно компетентным во всем, что касалось военного дела, поскольку долгое время служил в Польше и Швеции. Для нас немаловажно, с одной стороны, то, что обретенные П. Гордоном знания напрямую касались элитных воинских подразделений: Гордон в течение двух лет служил в привилегированной лейб-роты шведской армии, составленной из шотландцев и являвшейся своего рода школой для офицеров. А с другой – тот факт, что оставленный им «Дневник» служит прекрасным источником для воссоздания событий начала петровского царствования.

Этот текст имеет примечательную особенность: будучи в течение многих лет близким к русскому «высшему обществу», генерал не считал нужным записывать что-либо о государственных делах (если только речь шла не о войне), давать оценку приближенным царей и даже записывать сведения о русских и иностранных нравах и обычаях. «Дневник» П. Гордона по содержанию стоит у начала традиции военных мемуаров и дневников, нашедшей свое продолжение в XIX–XX вв. Основной чертой такого рода источников является в основном чисто военное содержание, сведения почти на нет бытовых описаний и эмоциональных оценок, постоянное ощущение своего «я» как части некоего единства. Однако именно обилие фактической информации о жизни армии в 1690-е годы привлекает к «Дневнику» многих историков. Этот уникальный источник чрезвычайно востребован: он был отмечен историографией, а именно Г.Ф. Миллером и Г.Э. Байером, еще в XVIII в. Именно к этому времени относятся и первые попытки перевода (Гордон писал свое сочинение на английском языке¹⁵). Полный перевод, однако, до сих пор еще не выполнен*.

* Перевод 1892 г. (*Гордон П. Дневник генерала П. Гордона, веденный им во время его шведской и польской служб от 1655 до 1661 гг. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 гг.* М., 1892. Ч. 1–2) не может считаться полноценным, так как он выполнен лишь на две трети. Новейший проект перевода и публикации «Дневника» также пока не завершен. К настоящему времени увидела свет лишь часть произведения (*Гордон П. Дневник (1635–1659 гг.)*. М., 2000; *Он же. Дневник (1659–1667 гг.)*. М., 2002; *Он же. Дневник (1677–1678 гг.)*. М., 2005. Таким образом, наиболее интересная для данного исследования часть (1680–1690-е гг.) остается пока неопубликованной. Отдельные материалы, касающиеся

Стоит также отметить, что, являясь командиром Бутырского полка, П. Гордон пишет не только о нем. В поле его зрения попадает и Лефортовский полк, руководимый Ф. Лефортом, и стрельцы, и преображенцы, и семеновцы. Причем он сообщает не столько о жизни людей внутри этих структур, сколько о существовании и о сосуществовании самих структур.

Так, данные этого источника указывают на то, что в конце 1680 – начале 1690-х годов преображенцы и семеновцы выступают в роли учеников. В это время генерал П. Гордон практически не делал различий между Бутытками и селами, где размещались преображенцы и семеновцы. И там, и там он обучал войска, испытывал новое оружие и т. д. Так, 13 мая 1690 г. в «Дневнике» стоит запись: «Гордон обучал полк в Бутытках», а 15 мая того же года «...обучал в Преображенском как пехоту, так и конницу». Такого рода записи – не редкость. С 1690 г. «Дневник» переполнен следующими ремарками: «обучал в Преображенском ружейным приемам» (30 июля 1691 г.), «обучал войска с оружием в Семеновском» (3 августа 1691 г.), «обучал полк в Бутытках, отсюда отправился в Преображенское, где посетил государя» (10 октября 1690 г.) или «маневрировали разные полки, обошлось без приключений» (11 октября 1690 г.)¹⁶.

Частота посещения Гордоном сел, прежде всего Преображенского, чрезвычайно велика. Так, в ноябре 1692 г. он пробыл в нем около 19 дней, т. е. более полумесяца, что позволяет сделать вывод относительно регулярности учений.

Зачастую П. Гордон объединяет все близкие Петру I части в единое целое, используя общую формулу – «войска». 31 августа 1691 г. он записывает в «Дневнике»: «Обучал войска в поле близ Семеновского»¹⁷. Тот факт, что «эксерциция» проходила возле этого села, еще совсем не говорит в пользу того, что Гордон обучал

этого периода, опубликованы П.О. Бобровским в качестве приложения к работам по истории Преображенского и Эриванского полков.

О «Дневнике» П. Гордона см. также: *Брикнер А.Г.* Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878; *Тишин И.Г.* Дневник Патрика Гордона // Советские архивы. 1969. № 2. С. 110–112; *Федосов Д.Г.* Летопись русского шотландца // Гордон П. Дневник. 1635–1659. М., 2000. С. 230–245; *Dukes P.* Patric Gordon's Diary: the Spalding Version // Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century: Essays in Honour of Anthony G. Cross (ed. by Roger Bartlett and Lindsey Hughes). Münster, 2004. P. 8–20.

именно семеновцев. Как отмечалось выше, села, где размещались будущие гвардейские полки, были смежными, а Хапиловский ручей, вероятно, не представлял собой серьезной водной преграды*. Это значит, что с полной уверенностью сказать, кого обучал Гордон в этот день, нельзя, это могли быть и семеновцы, и преображенцы, и бутырцы, и лефортовцы или и те, и другие, и третьи вместе. Не исключена вероятность того, что в этой «эксерциции» были задействованы и другие полки, используемые время от времени в совместных учениях и походах.

Предварительная военная подготовка частей, близких молодому царю Петру, завершилась большими маневрами на р. Красной 5–9 октября 1691 г. и Кожуховским походом 26 сентября – 18 октября 1694 г.

Военное дело, однако, было не единственным, чему учились подростки Потешные в конце 1680 – начале 1690-х годов. Участие в церемониалах разного рода стало еще одним аспектом их подготовки.

До уже упоминавшегося Кремлевского смотра бутырцев в 1687 г. церемониалы целиком и полностью выполнялись стрельцами, а именно Стремянным полком. Факт этот отмечают практически все посетившие Россию в конце XVII в. Мемуаристы-иностранцы называли стрельцов то «провожатыми солдатами»¹⁸, то «солдатами, приставленными для охраны (посольства)»¹⁹, то «телохранителями государя»²⁰, то просто «гвардейцами»²¹. Последнее, безусловно, означало степень приближенности к особе государя.

К концу 1680-х годов ситуация заметно меняется. Стрельцы еще продолжают участвовать в тех или иных церемониях, но свое лидерство в этой области постепенно утрачивают. Их место со времени смотра в Кремле начинает занимать Бутырский полк.

Опираясь на сведения источников, можно произвести подсчет наиболее значительных церемоний (таких, как Крещенские

* Хапиловский ручей фигурирует в историографии так же, как и речка Хапиловка и (после 1710 г.) Хапиловский пруд (см.: Расположение дворцовых, промышленных, сельскохозяйственных строений, садов, прудов в Измайловской вотчине во второй половине XVIII в. Сост. В.П. Кругликов) // Топычканов А.В. Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах Приказной избы последней четверти XVII в. С. 216–217; Федор Головин и Яузская Москва. Сост. С.Л. Малафеева, И.А. Работкевич. М., 2002. С. 61.

парады, Кремлевские смотры или приемы послов), имевших место с 1687 по 1694 г. Таковых было около 10. Бутырский полк принимал участие во всех 10²².

Что касается участия в церемониях остальных полков, то Лефортовский полк в эти годы был задействован (всегда совместно с бутырцами) не более четырех раз. Преображенцы и семеновцы в это время участвовали лишь в церемониях второго порядка, не имевших государственного статуса. Фактически за все семь лет они появились в такой роли лишь однажды – 10 октября 1693 г. – в параде всех четырех полков в с. Семеновском²³.

Перед нами достаточно ясная картина: исполнение придворно-духовных церемониалов практически полностью передается от стрельцов Бутырскому полку. Преображенцы и семеновцы, вероятно, по мысли Петра I, в этот момент не обладали еще достаточными знаниями и умениями для выполнения подобной функции.

Это предположение относительно статуса преображенцев и семеновцев подтверждается мнением современников. Так, генерал П. Гордон, обладавший, безусловно, существенной информацией, не усматривает в их положении каких-либо преимуществ. Даже тот факт, что в своем «Дневнике» он иногда называет их дворцовой пехотой (*The Court foot, Die Garde zu fuss*²⁴), не говорит, скорее всего, в пользу их особы. Вероятно, корни такого обозначения лежат в самом представлении генерала о том, что Преображенское – место, где часто находится молодой царь, а значит, и двор и, в свою очередь, пехота при этом дворе.

Показательно также, что известный впоследствии глава Преображенского приказа Ф.Ю. Ромодановский часто упоминается как «генералиссимус *четырёх гвардейских полков*»²⁵. Из контекста же источника можно понять, что в число гвардейских полков включаются и бывшие Выборные солдатские полки. Не замечал своеобразия статуса будущих гвардейцев в это время даже фактический командир преображенцев А.М. Головин. Его письма к Петру этого периода – это всегда сообщения скорее о коллективе, нежели об отдельно взятой структуре: «...у нас в полках милостью Божию все здорово»²⁶.

Но самое, пожалуй, интересное свидетельство оставил секретарь австрийского посольства И.Г. Корб, посетивший Россию в конце 1690-х годов. Он прямо называет бутырцев и лефортовцев гвардейскими частями²⁷.

Не обойдены вниманием мемуаристов были и стрелческие Сухарев и Стремянной полки. Князь Б.И. Куракин в своей

«Гистории о царе Петре Алексеевиче» оставил удивительные сведения об их положении в то время. Рассказывая о создании Преображенского и Семеновского полков, он упоминает, что Петр I «...из стрелецких полков возлюбил Сухарев полк»²⁸.

Все вышесказанное позволяет сделать общий вывод о том, что в 1680 – 1690-е годах гвардейские полки (реально еще не названные гвардейскими) рассматривались современниками зачастую лишь вкупе с другими частями. Таким образом, в эти годы будущие знаменитые преображенцы и семеновцы не занимали лидирующего места среди приближенных к Петру полков ни в плане военной подготовки, ни в связи с участием в церемониях.

Стоит также отметить, что связь между Преображенским и Семеновским полками не была в 1680-е – начале 1690-х годов более тесной, чем у каждого из них с другими частями. Например, 6 августа 1694 г. А.М. Головин, бывший в то время полковником Преображенского полка, писал государю: «На происхождение частного креста была стрельба в моем полку, в Лафортовом, в Семеновском и у Гордона по одному выстрелу»²⁹. А вот другое письмо, одно из тех, что были написаны А.М. Головиным во время путешествия царя по Европе в 1697 г. Сообщение в нем, в общем-то, довольно ординарное. «В селе Преображенском на дворе моем банкет учинил». Пили за «победу войска цесарского над турками и дабы господь Бог даровал такую же преславную победу над бурсурманы московскому войску». «При том была стрельба ис пушек и ис мелкого оружия»³⁰. И кто же принимал участие в этом действе? Преображенский и Лефортовский полки. «А Семеновской за тем не был, что у генералиссимуса у Ивана Ивановича был свой банкет»³¹. Здесь примечательна сама последовательность. Ведь в дальнейшем при любом перечислении Семеновский полк неизменно шел следующим за Преображенским.

Итак, в первой половине 1690-х годов столичные полки представляли собой хрупкое единство, лишь претендующее на то, чтобы называться армией в том смысле, в каком это понятие стало принято в новое время. Образование это состояло из близких как по уровню организации, так и по уровню самоидентификации частей. Они были равны и равнозначны как для, условно говоря, общества того времени, так и для самого Петра I. Созданные волей преобразователя Преображенский и Семеновский полки не были лидерами с самого начала (хотя бы и в глазах Петра), являясь частью единства и находясь в сложных, но отнюдь не враждебных отношениях с другими его составляющими.

Вторая половина 1690-х годов (особенно в 1698–1700 гг.) – время, когда в военных кругах столицы обозначаются новые тенденции. Связаны они, прежде всего, с началом стремительного распада того единства, что представляли собой части будущей гвардии – бутырцы, лефортовцы, а также стрельцы Стремянного и Сухарева полков.

Прежде других за рамки элиты тогдашней армии были «выброшены» стрельцы. Процесс этот, вероятно, начался еще раньше, в конце 1680 – начале 1690-х годов, когда церемониал как таковой был отдан «на откуп» бутырцам³². Хотя это значительно принижало статус стрельцов, однако вряд ли могло оказать радикальное влияние на связи внутри этого военного единства.

Последовавшие вскоре за тем первый и второй Азовские походы (1695, 1696 гг.) показали, что уровень военной подготовки стрелецких полков был в то время значительно ниже, чем у преображенцев, семеновцев, бутырцев и лефортовцев. Резкое изменение личного отношения к ним со стороны царя Петра после бунта 1698 г. привело к тому, что о каком бы то ни было равном положении столичных стрельцов и солдат четырех элитных полков армии не могло быть и речи.

Еще быстрее менялась ситуация в отношении Бутырского и Лефортовского полков. Уже с 1699 г. любого рода совместные операции преображенцев, семеновцев, бутырцев и лефортовцев практически прекращаются. Более того, Преображенский и Семеновский полки в соответствии с указом от 8 ноября 1699 г. становятся центрами по подготовке личного состава будущей регулярной армии³³, вытесняя за рамки этого процесса бутырцев и лефортовцев. Последние довольно быстро теряют возложенные прежде на них воспитательные и придворные функции и очень скоро возвращаются в число рядовых армейских подразделений.

Безусловно, мы имеем дело с целым комплексом причин, в силу которых Бутырский и Лефортовский полки утрачивают свой статус (пусть не оформленный официально, но существовавший де-факто) в армии того времени.

Сказался и недостаток организации этих полков. Система, заложенная в основу их организации, базировалась на возможности превратить при необходимости регулярный состав полка в базу для развертывания мобилизационных сил. Офицеры таких частей могли формировать из городских солдат определенного района один, два, три, а иногда даже четыре полка³⁴. Такая система была тяжеловесна и неповоротлива, а главное, она была непригодна

для ведения затяжной войны, театр боевых действий которой был удален от центральных областей, где по традиции формировались милиционные полки. Последнее стало ясно со вступлением России в Северную войну 1700–1721 гг. Вот всего лишь один пример.

19 августа 1700 г. Петр I с основными частями русской армии двинулся под стены Нарвы. Бутырского полка в числе этих сил не было. Он оставался в Москве, дожидаясь подхода милиционных полков. Ожидание, по-видимому, затянулось, поскольку князь А.И. Репнин, командовавший бутырцами в то время, смог вывести их из столицы лишь в начале октября. Полки князя не дошли до Нарвы. В пути были получены сообщения о поражении и приказ царя идти в Новгород. Опоздание к осаде Нарвы заметно повлияло на отношение Петра I к бутырцам. На них очень надеялись: ведь князю Репнину было поручено командование одной третью русских войск. Он должен был привести 9 пехотных полков численностью около 10 834 человек³⁵. При всей вероятной приблизительности подсчетов нельзя не отметить значительность цифр.

Основная же причина потери Бутырским и Лефортовским полками своего статуса середины 1690-х годов, на наш взгляд, заключается в противоречии между неуклонно растущими желаниями и стремлениями молодого Петра и возможностями П. Гордона и Ф. Лефорта.

Именно в это время различие темпераментов П. Гордона и Ф. Лефорта начинает приводить к более или менее серьезным стычкам. Так, по мнению историка С.П. Орленко, Ф. Лефорт, получивший чины во многом благодаря своему положению фаворита, был не слишком популярен в войсках, особенно после Азовских походов, во время которых «Лефорт... настаивал на приступах, несмотря на возражения Гордона, полагавшего активные действия недостаточно подготовленными и обреченными на провал»³⁶. Показательно в этой связи, что награды за взятие Азова также были распределены в пользу Ф. Лефорта. Последний получил 140 дворов. Вотчина же, подаренная П. Гордону, оказалась почти на треть меньше (100 дворов)³⁷.

При этом с 1698 г. П. Гордон начинает серьезно болеть, а с начала 1699 г. практически постоянно находится дома. Со смертью столь любимых Петром Ф. Лефорта и П. Гордона в 1699 г. его интерес к Лефортовскому и Бутырскому полкам заметно падает.

Преображенский и Семеновский полки, напротив, начинают играть в это время значимую роль в военной и придворной сферах, а 22 августа 1700 г. преображенцы и семеновцы официаль-

но провозглашаются лейб-гвардией*. Важно отметить, что объявление двух полков гвардией в историографии всегда связывается с Нарвской батальей. Такая трактовка, безусловно, справедлива. Однако важно отметить, что получение этого почетного звания произошло в день выступления русских войск к шведской крепости Нарва, т. е. было не наградой за храбрость, а следствием развития истории этих полков как таковой. Ведь вторая половина 1690-х годов стала во многом переломным моментом: преображенцы и семеновцы смогли преодолеть рамки Потешного войска и стать самостоятельными частями.

Кроме того, именно в этот период, демонстрируя устойчивую преданность монарху и невероятную боеспособность, они смогли выделиться из числа, во-первых, наиболее обученных, во-вторых, наиболее близких к молодому Петру военных подразделений.

Немаловажное значение здесь имели действия гвардейцев во время первой битвы Северной войны при крепости Нарва. Как известно, в ноябре 1700 г., поняв обреченность своих планов у Нарвы на неудачу и опасаясь нападения Карла XII на северные русские земли, Петр I отправился в Новгород для организации сопротивления возможным ответным действиям шведов**. Однако самые боеспособные свои части – Преображенский и Семеновский полки – Петр с собой не взял, оставив у крепости.

* В историографии существует дискуссия относительно того, какова точная дата провозглашения Преображенского и Семеновского полков лейб-гвардией. Большинство исследователей, опираясь на сообщения «Журнала Петра Великого», считают таким днем 22 августа 1700 г., т. е. дату выступления русских войск в поход к крепости Нарва (см., например: *Пушкарев И.И.* Указ. соч. С. 9; *Чичерин А.К.* История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1883. Т. 1. С. 140). Другие склоняются к мысли, что эти части стали именоваться гвардией ранее, со дня рождения Петра в 1700 г. – 30 мая (см., например: *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка (1683–1900 гг.). Т. 1. С. 376; *Валькович А.* Чада мои возлюбленные: Петровская гвардия – основа крепости Российской // *Родина*. 2000. № 11. С. 10–17. С. 14).

** Существует также предположение, что отъезд Петра I в Новгород был вызван необходимостью встречи с польским королем (см.: *Петров А.В.* Город Нарва. Его прошлое и достопримечательности в связи с историей упрочнения русского господства на Балтийском побережье. 1223–1900 гг. СПб., 1901. С. 224).

В конечном итоге решение царя оказалось абсолютно правильным: лишь преображенцы и семеновцы да еще несколько полков дивизии генерала А.А. Вейде, кстати, тоже преображенца, остались на поле боя. И это при том, что большая часть армии, брошенная командованием из наемников-иноземцев на произвол судьбы, бежала. Преображенцы и семеновцы, также оставшись без полкового руководства, т. е. фактически под командованием обер-офицерского состава, смогли построить из подручных материалов ограждение и продолжали отбивать все новые и новые атаки шведов. Так продолжалось до самой ночи, когда противник был вынужден прекратить сражение.

Результатом столь яростного сопротивления стало согласие Карла XII на почетное отступление русских полков с оружием и знаменами. Для обеспечения прохода преображенцев и семеновцев через р. Нарву (Нарову) шведы даже починили полуразрушенный мост. Полки, понесшие в этом бою гигантские потери – у семеновцев пала треть личного состава, – смогли беспрепятственно выйти из окружения³⁸. За проявленную храбрость нижним чинам было существенно увеличено жалованье, а семьи убитых приняты на казенное содержание³⁹. Но главное – за свой подвиг офицеры обоих полков получили нагрудные знаки с надписью «1700 NO 19» (19 ноября 1700 г.). Знак с датой едва ли не катастрофического военного поражения, указывавший на храбрость и единство в любых обстоятельствах, стал для гвардейцев предметом гордости и своего рода символом принадлежности к корпорации.

2

Полномочия гвардии Петра Великого

Период с начала Северной войны и до смерти Петра Великого стал временем укрепления гвардией своего статуса, приобретенного еще в конце XVII в. Более того, в этот период полномочия Преображенского и Семеновского полков начали стремительно расширяться.

Безусловно, *военная сфера* являлась основной для преображенцев и семеновцев. Обширная научная литература по данной проблематике избавляет от необходимости доказывать

ставший общепризнанным факт вовлеченности будущей гвардии в действия русской армии периода Азовских походов Петра I (1695, 1696), активное присутствие чинов Преображенского и Семеновского полков на полях Северной войны (1700–1721), а также их участие в Прутской (1711) и Каспийской (1722–1723) кампаниях⁴⁰.

Однако важно отметить, что гвардия являлась *ядром русской регулярной армии* в период ведения военных действий в конце XVII – первой четверти XVIII в. В военном отношении она была задействована максимально. Храбрость гвардейцев сомнения не вызывает⁴¹. Эти полки всегда посылали туда, где «чаяли нападения»⁴². Источники неизменно констатируют, что гвардия «дело свое военное управляет zelo изрядно: и неприятели... бегут»⁴³. При этом неизменно указывалось на высокую цену такого успеха. Действительно, потери могли быть колоссальными. Примером тому могут стать упоминавшиеся выше потери семеновцев в Нарвской битве 19 ноября 1700 г. или преображенцев во время битвы при Лесной 28 сентября 1708 г., после которой полк недосчитался едва ли не трети личного состава (420 человек ранеными, 120 человек убитыми)⁴⁴.

Немаловажны были и *командные функции*, возлагаемые на преображенцев и семеновцев. Считая гвардию лучшей частью русской армии, Петр I часто доверял гвардейцам среднего звена командование целыми армейскими соединениями. Так, майору И.И. Дмитриеву-Мамонову в 1713 г. было поручено командование Воронежским и Рязанским пехотными полками⁴⁵. Преображенцы и семеновцы привлекались к управлению как подразделениями, созданными специально для выполнения конкретных задач⁴⁶, так и вполне обычными соединениями⁴⁷. При этом часто, выполняя такие временные командные функции, гвардейцы попутно решали те или иные жизненно важные вопросы в полку. Летом 1706 г. В.Д. Корчмин, бывший тогда всего лишь гвардейским поручиком, по приказу А.Д. Меншикова временно руководил одним из гарнизонных полков, подбирая для него «по своему усмотрению» офицерский состав⁴⁸.

Гвардейские полки также использовались как *база для обучения новых армейских резервов*. Брауншвейг-люнебургский резидент в Москве Х.Ф. Вебер, а за ним и многочисленные историки справедливо называли петровскую гвардию «разсадником» новой армии⁴⁹. Действительно, гвардейские полки стали школой командного состава. Эта тенденция была закреплена 26 февраля 1714 г.,

когда появился указ Петра I о производстве в офицерские чины дворян, не служивших солдатами в гвардии⁵⁰. Однако обучение армейских резервов в гвардии началось значительно раньше.

Еще с конца XVII в. подготовка кадров русского офицерства была развернута непосредственно при будущих гвардейских полках. В Семеновском полку была организована учебная команда «сержантов в малых летах», а Бомбардирская рота Преображенского полка с момента своего основания стала местом подготовки инженеров и артиллеристов, испытания нововведений, таких, например, как взрывчатые смеси, гранаты, фейерверки. В 1698 г. при роте была организована в России первая артиллерийская школа⁵¹.

Однако преображенцы и семеновцы не только обучали будущих офицеров армейских полков; фактически гвардия сама была *источником пополнения офицерских ресурсов армии*. Эта практика, появление которой относится к концу XVII в., при существенном снижении объемов к концу 1710-х годов все же оставалась актуальной на протяжении всего петровского царствования.

Бывали случаи, когда из преображенцев и семеновцев формировали костяк нового армейского полка. Именно так в 1697 г. был создан Выборный солдатский полк генерала Христофора Регимана (Регимона) (в дальнейшем – Белгородский пехотный полк Саввы Айгустова⁵²). Но такие случаи все же были редки, чаще гвардейские офицеры переходили на командные должности в армию. Летом 1705 г. «великий государь указал Преображенского полку бывшего маеора Вилима Рикмана, да заротных капитанов князя Юрья Долгорукова и Андрея Гасениюса послать с Москвы в низовые города к новоприборным салдатам, которые ныне в тех городах набраны...». Офицерам было поручено «разверстав их (рекрутов) полками», продолжать в них службу полковниками⁵³. Фельдмаршал Б.П. Шереметев периодически брал в гвардейских полках «ведомость» о капитанах гвардии, намереваясь при появлении «убылого места» сделать их армейскими полковниками⁵⁴. Позднее, когда статус преображенцев и семеновцев стал еще более высоким, офицерами армейских полков становились гвардейские урядники и даже недоросли, о чем речь пойдет далее.

Преображенцам и семеновцам часто поручалось выполнение разного рода задач, связанных с *обеспечением армии*, таких как рекрутирование солдат, их доставка в полки, сбор провианта и заготовка фуража, подготовка обмундирования, лошадей и седел, а также доставка жалованья⁵⁵.

Нельзя не отметить, что *создание российского военно-морского флота и соответствующей инфраструктуры* также не обошлось без участия гвардии. Гвардейцы активно содействовали выбору рекрутов, служба которых должна была проходить во флоте. Х.Ф. Вебер сообщает в своих «Записках», что «...при наборе матросов всякий почти раз посылается л.-г. Преображенский или Семеновский офицер в известную область, с собственноручным повелением Его Величества; в таком случае офицер этот уполномочивается поступать при наборе по своему усмотрению, даже против желания губернаторов»⁵⁶.

Чины лейб-гвардии принимали активное участие в строительстве каналов, верфей, пристаней и т. д. Так, возведением шлюзов и дамб Ладожского канала с 1718 г. руководил известный гвардеец Г.Г. Скорняков-Писарев⁵⁷. Не меньшую активность проявили преображенцы А.Д. Меншиков и И.И. Дмитриев-Мамонов при строительстве Котлинского канала. Их переписка содержит многочисленные данные по истории этого строительства (выкладывание стен канала камнем, изготовление ворот в шлюзах, строительство эллингов и ветряной водолливной мельницы для откачки воды из канала, организация жизни бурлаков и рабочих людей)⁵⁸. Работали гвардейцы и на Олонецкой верфи⁵⁹, а также в Кронштадте⁶⁰. При этом преображенцы и семеновцы привлекались к «работе» такого рода, не только если этого требовала необходимость. Подсобные корабельные работы, подготовка кораблей к спуску, выгрузка леса осуществлялись преображенцами и семеновцами едва ли не на регулярной основе на протяжении всего царствования Петра Великого⁶¹.

Не менее значимой была для гвардии и *охрана императора и императорской семьи*. Еще подросток Потешное войско царевича Петра, вероятно, отчасти выполняло задачи, связанные с обеспечением безопасности Преображенского дворца. Участие Потешных в упоминавшемся Троицком походе 1689 г., т. е. сопровождение молодого царя Петра в Троице-Сергиев монастырь в момент возникновения непосредственной угрозы его жизни, также является реализацией охранной функции будущих гвардейцев.

Впоследствии более или менее значительная группа гвардейцев почти постоянно находилась при Петре. При этом преображенцы и семеновцы решали не только вопросы, связанные с безопасностью передвижения монарха в России и вне нее, они зачастую непосредственно организовывали саму поездку, доставляя подводы, лошадей, определяя места для остановок и т. д.⁶² Схожей

была ситуация вне театра военных действий. Так, согласно указу Сената от 30 декабря 1715 г. в Санкт-Петербурге «при доме царского величества» непосредственно «для караула», т. е. для охраны монарха и его семьи, постоянно находилось 22 гвардейца⁶³.

Император доверял гвардейцам и охрану своей семьи. Так, преображенцы и семеновцы часто сопровождали Екатерину в ее бесконечных поездках за Петром как в России, так и за ее пределами⁶⁴. Часто император посылал за женой, требуя, чтобы она прибыла к одному из гвардейских полков, и, находясь при нем «неотлучно», направлялась туда, где находился монарх⁶⁵. В других случаях определенная часть гвардейцев откомандировывалась для сопровождения будущей императрицы. Датский посол Юст Юль, наблюдавший за пребыванием Екатерины в Польше в октябре 1711 г., заметил, что, «оставив в Торне свою будущую супругу Екатерину Алексеevну, царь для ее безопасности расквартировал в (этом) городе значительную часть своей гвардии, то есть Преображенского полка». При любом передвижении по городу и особенно вне его ее сопровождала весьма значительная группа гвардейцев⁶⁶.

Летом 1712 г. батальон гвардии во главе с майором М.А. Матюшкиным конвоировал проезд жены царевича Алексея Петровича крон-принцессы Шарлотты Христины Софии из Бранденбурга в Россию. Для этого гвардейцы были отозваны с театра военных действий в Померании⁶⁷. В данном случае охранная функция оказалась более значимой, чем участие в военных действиях. Тем более что выполнение такого поручения оказалось сопряжено с действительной опасностью. Уже после прибытия Матюшкина в Бранденбург была получена «...ведомость о Швецкой партии, которая будто отправлена из Штетина в Бранденбургскую землю, и того ради ожидали конвою преображенских и семеновских солдат, которые были позади»⁶⁸. Кстати, поручение такого важного дела именно М.А. Матюшкину не случайно: Матюшкины состояли в родстве с правящим императорским домом. Гвардейцы охраняли и прибывшего в Россию в 1721 г. Голштинского герцога Карла-Фридриха, жениха старшей дочери Петра I цесаревны Анны. Герцогу и его свите, фактически следовавшим за перемещениями русского императорского двора, охрана была необходима. Поэтому вне зависимости от того, где находилась основная часть полков лейб-гвардий, одна из рот всегда находилась при голштинцах. Так, например, камер-юнкер при посольстве Ф.-В. Берхгольц в своем дневнике упоминает, что в

мае 1722 г. в момент, когда гвардейские полки покинули Москву, одной роте было велено остаться в древней столице для охраны герцога⁶⁹.

Аналогичным образом гвардейцы по традиции привлекались и к охране особо значимых объектов Москвы и Санкт-Петербурга – Кремлевской резиденции, Преображенского дворца, Зимних и Летних дворцов северной столицы, а также особо значимых административных сооружений (Здание 12 коллегий, Сенат и дома высших чиновников). Судя по записям в расходной книге домово́й казны А.Д. Меншикова, караульные гвардейцы находились в его петербургском дворце едва ли не на постоянной основе⁷⁰.

Этим, впрочем, функции гвардии также не ограничивались. Сведения, полученные из источников, позволяют сделать вывод, что с конца 1690-х годов Преображенский и Семеновский полки исполняли *государственно-представительские обязанности*. В это время они принимали участие в духовных и светских церемониях самого разного уровня.

Военно-представительский ритуал, конечно, имел для гвардии первостепенное значение. Это могли быть как небольшие парады, проводимые вне столиц и связанные с приветствием прибывших армейских частей⁷¹, так и торжества государственной важности, тщательно подготовленные, массовые, открытые для широкого обозрения (въезд русских войск в Москву по случаю Полтавской баталии 1 января 1710 г.⁷², празднование годовщины этой победы 8 июля 1710 г.⁷³, церемония в честь победы над шведами при Гангуте в 1714 г.⁷⁴ и мн. др.). Гвардейцы ежегодно (особенно активно с начала 1710-х годов) принимали участие в многочисленных «воспоминаниях» военных побед.

Шествия и парады в честь побед русского оружия на суше планировались в это время с учетом порядка прохождения войск, выработанного еще в предшествующие десятилетия. Любую более или менее значительную церемонию открывал Преображенский полк. Первую роту преображенцев зачастую вел сам император. Церемония заканчивалась парадом семеновцев. Если один из гвардейских полков в силу каких-либо причин участвовать в действе не мог, то личный состав другого делился на две части. Таким образом, церемония выглядела так, словно гвардейский полк или полки «обрамляли» все шествие⁷⁵. Такое построение войск при исполнении военного ритуала было разработано еще в конце XVII в., когда 27 апреля 1695 г. состоялся парад по случаю

Ш. Симоне. Князь Александр Данилович Меншиков.
Гравюра. 1709 г.

ухода войск в первый Азовский поход. При этом «...самодержец изволил из Преображенского со всеми пехотными людьми итти пешь в простом платье, в пешем строю, по Мясницкой улице через дворец»⁷⁶. В этом мероприятии принимали участие оба Потешных полка, причем преображенцы открывали шествие, а семеновцы его замыкали.

Русские победы в морских сражениях сделали необходимым разработку специального государственного морского церемониала. Отметим, что особых частей, в чьи обязанности входило бы его исполнение, создано не было. Эта функция была также передана Преображенскому и Семеновскому полкам. Об этом свидетельствует шествие по случаю первой в Северной войне крупной морской победы над шведами при Гангуте (1714 г.). По окончании морской части триумфа начинается сухопутное шествие, которое открывают и замыкают гвардейцы⁷⁷, что полностью соответствовало принятому порядку движения войск при триумфе в честь крупной армейской победы⁷⁸.

Однако гвардия была задействована не только при исполнении исключительно военных шествий. Фактически весь придворный церемониал был целиком и полностью доверен Преображенскому и Семеновскому полкам.

Прежде всего речь идет о *государственно-представительских церемониях* первого порядка, таких как празднование Ништадского мира в 1721 г., коронация Екатерины I в 1724 г. или перенесение мощей св. Александра Невского из Владимира в Петербург в 1723 г. Свадьба или погребение кого-либо из членов правящего семейства не обходились без участия преображенцев и семеновцев⁷⁹.

Достаточно плохо разработанный в петровское время *дипломатический церемониал* также был связан с присутствием лейб-гвардии. Прием послов, приезд представителей правящих европейских династий происходили при непременно присутствии гвардии.

В петровское время гвардия начинает активно использоваться при совершении *религиозных обрядов*, что, вероятно, связано с активным вмешательством власти в жизнь церкви как таковой, а также со стремлением придать ритуалам такого рода светский характер. Примером может служить участие гвардейцев в перенесении мощей св. Александра Невского в Санкт-Петербург⁸⁰. Праздники же, подобные Водосвятию, превращаются в церемонии, внешне представляющие собой нечто среднее между религиозным обрядом и смотром войск⁸¹.

При этом уровень вовлеченности гвардии был самым разным. С одной стороны, подобное участие могло быть чисто внешним, связанным с необходимостью акцентировать важность происходящего, выделить тот или иной аспект визуальными или звуковыми методами. В подобном случае речь могла идти о том, что гвардейцы, выстроенные, скажем, по пути следования того или иного церемониала, указывали на центр ритуального пространства.

Производимая гвардейцами оружейная стрельба создавала необходимый звуковой эффект. Один из иностранцев в России того времени так описывал прием польского посольства в 1720 г.: «Когда мы ехали во дворец, начали стрелять с галер. Преображенский и Семеновский полки, выстроенные в каре перед садом, стреляли подобно тому, как на празднование годовщины Полтавской баталии»⁸². Немаловажно в таких случаях было и присутствие гвардейских оркестров, созданных в полках с появлением указа о штатах полковых оркестров 19 февраля 1711 г. Они, безусловно, были лучшими в русской армии. «В 1716 г. в лейб-гвардии Преображенском полку играло до 40 музыкантов – флейтистов, трубачей, валторнистов, барабанщиков и литаврщиков»⁸³. Один из участников упоминавшегося выше польского посольства 1720 г. оставил сообщение, впрочем, несколько сомнительное и не подтвержденное другими источниками, о присутствии во время одной из аудиенций «хора Преображенского полка»⁸⁴.

С другой стороны, высшие чины гвардии (капитаны и выше), а также приближенные Петра из числа гвардейцев принимали непосредственное участие в церемониях любого порядка. Вот лишь несколько подобных примеров. Весной 1708 г. гвардейцы присутствовали при встрече прибывшей в Санкт-Петербург царской фамилии. При этом среди них были и высшие чины гвардейских полков: «...апреля 19 дня Его Величество приехал в Шлютенбурх (Шлиссельбург), на буере встречать Свою фамилию, цариц и царевен, которыя тогда с Москвы приехали, при том же были: князь Федор Юрьевич (Ромодановский. – Е. Б.), Иван Иванович Бутурлин и протчие министры»⁸⁵. Отметим: и Ф.Ю. Ромодановский, и И.И. Бутурлин, как, возможно, и некоторые другие «министры», имели непосредственное отношение к гвардии. 31 октября 1710 г. гвардейские офицеры принимали участие в праздновании брака Анны Иоанновны и герцога Курляндского. На обеде в честь состоявшегося брака гвардейцы также были в числе приглашенных: они сидели за одним из столов

вместе с морскими офицерами. Походный журнал Петра I сообщает: «31 дня Октября счастливо окончился брак его светлости герцога Курлянского на Царевне Российской Анне Ивановне..., а всех гостей было за четырьмя столами большими круглыми. За первым столом сидели новобрачные Герцог и Герцогиня, тут же Царская Фамилия, Царицы и Царевны и прочия знатныя дамы; за другим столом насупротив того к другой стене, все Посланники, также Министры Российские, Адмиралы и Светлейший Князь, Генералы и прочия знатныя персоны; за *третьим Полковники, Офицеры морские, Лейб-гвардии Преображенской*, за четвертым господа Санкт-Петербургские жители»⁸⁶. Двумя годами позже, в 1712 г., гвардейцы присутствовали на праздновании свадьбы Петра I и Екатерины I.

Немаловажно и то, что гвардейцы были «востребованы» и во время проведения разного рода ритуалов, не связанных с событиями государственной важности, не носивших массового характера и зачастую не предназначавшихся для широкого обозрения. Так, судя по воспоминаниям современников, подполковник Семеновского полка князь П.М. Голицын неизменно выступал в роли маршала свадеб. При этом шаферами при нем столь же неизменно были 12 капитанов и поручиков гвардии⁸⁷. После смерти князя Голицына его обязанности, вероятнее всего, перешли к преобращенцу М.А. Матюшкину. Во всяком случае, в источниках с 1722 г. он упоминается как вице-маршал ряда торжеств, в частности маскарада 1722 г.⁸⁸

В целом чины Преображенского и Семеновского полков участвовали практически во всех государственно-представительских акциях и придворных церемониях петровского царствования. При этом уровень события, очевидным образом, значения не имел – это могли быть как церемонии первого порядка, так и достаточно маргинальные действия. Объединяющим моментом здесь становилась фигура императора Петра: любой церемониал, где появлялся монарх, представлял собой определенную задачу для гвардии – от сопровождения государя до непосредственного участия в качестве специализированного военного подразделения или даже группы организаторов.

При этом необходимость присутствия гвардии при церемониях была практически абсолютной. Вплоть до начала 1710-х годов в случаях, когда участие преобращенцев и семеновцев в каком-либо действе представлялось затруднительным, варианты замены этих полков другими частями практически не рассматривались.

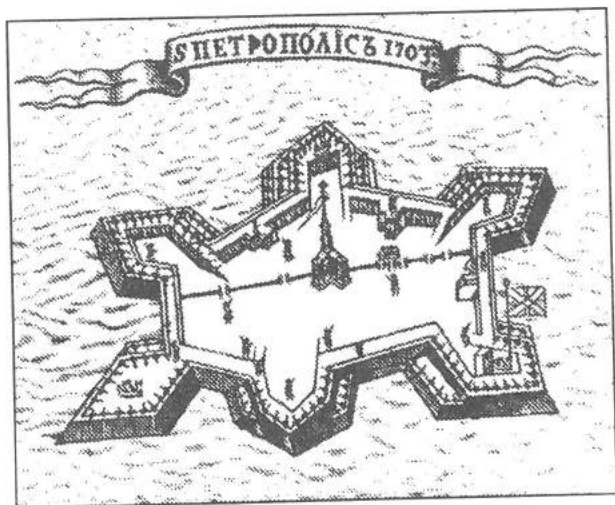
Так, в 1709 г. гвардейцы сопровождали Петра I в его заграничном путешествии. В сентябре Петр с небольшой свитой отправился в Москву. Вскоре преображенцам был отдан приказ немедленно следовать в Москву, чтобы успеть к торжественному параду, назначенному на декабрь этого же года⁸⁹. Вероятно, замена лейб-гвардии иными частями представлялась царю столь неравноценной, что он предпочел пойти на возможные издержки, связанные с незапланированным возвращением полков в Россию.

Однако в первой четверти XVIII в. преображенцы и семеновцы занимают значительно более активную позицию в жизни общества, нежели только участие в войнах и церемониях. Гвардия в это время практически *участвует в работе государственного аппарата*, становится своего рода аппаратом, особой надстройкой над основной гражданской системой.

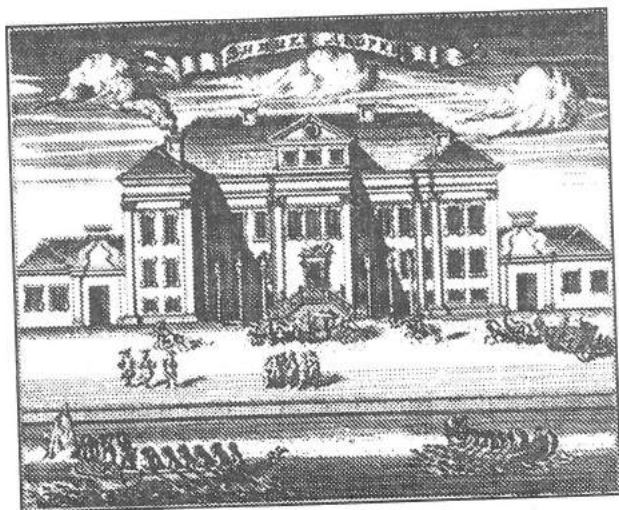
Преображенцы и семеновцы используются для выполнения *полицейских обязанностей*, таких как сбор контрибуции, изъятия контрабандных товаров, задержания обвиняемых, караул арестованных и их имущества⁹⁰. На протяжении первой четверти XVIII в. они неизменно доставляют рекрутов для армии, ремесленников для «спешных» строек, дьяков и подьячих для работы в Священном Синоде, плотников для переселения в новую столицу, кузнецов для строительства пристаней⁹¹. Они «понуждали губернаторов и вице-губернаторов и воевод о высылке в Санкт-Петербурх всякого чина людей, которым надлежит строитца на Васильевском острове», надзирали за рубкой леса, выполняли разного рода курьерские обязанности, сопровождали грузы и «казну»⁹².

Во все время царствования первого русского императора преображенцы и семеновцы производили самые разные аресты, что было связано со стремлением не допустить бегства подозреваемого и уничтожения улики, а также конвоировали «колодников»⁹³.

При этом следует отметить, что конвоирование как таковое отнюдь не всегда было простой технической задачей. Так, в 1714 г. гвардии капитан А.Л. Долгорукий получил достаточно сложное задание. По указу Петра I ему надлежало ехать в Сибирскую губернию навстречу каравану из Китая, осмотреть и описать его, а также, изъяс у местной администрации ведомости о торговле с Китаем, прибыть вместе с товарами и документами в Петербург⁹⁴. Не менее сложную задачу должен был выполнить в 1709 г. и Б.И. Куракин. Ему следовало «тайным образом» отправиться в Киев, для того чтобы доставить «Краковского митрополита, Переяславского епис-

Ф. Никитин. Санкт-Петербургская крепость. Гравюра. 1705 г.

А. Ф. Зубов. Зимний дворец Петра I. Гравюра. 1716 г.

копа и ряд других важных персон в Глухов для избрания нового гетмана», необходимого после измены Мазепы⁹⁵.

Исполнение разного рода полицейских заданий сочеталось с участием в значительных политических акциях, таких как подавление стрелецкого мятежа 1698 г.⁹⁶, восстания Булавина 1707–1708 гг.⁹⁷, задержание и последующая доставка в Москву царевича Алексея, арест его сторонников, таких как А.В. Кикин или бывшая царица Евдокия (старица Елена)⁹⁸.

При этом осуществление подобных акций могло проводиться не только внутри страны, но и за ее пределами. И дело царевича Алексея – здесь отнюдь не единственный пример. Так, например, в 1712 г. в Польше Я. Грудзинский и сторонники Станислава предприняли попытку распространить манифест с призывом съезжаться на сейм, который планировалось провести в районе Познани 16 июня. Только активное вмешательство гвардии смогло изменить расстановку политических сил в пользу русских интересов в регионе. 15 июня подполковник лейб-гвардии генерал-лейтенант В.В. Долгорукий и 2700 гвардейцев разгромили часть сил Грудзинского⁹⁹. Сейм не состоялся¹⁰⁰.

Роль, отводившаяся гвардейцам в подобных случаях, не сводилась к простому применению военной силы. В период восстания Булавина для осуществления охраны корабельных верфей Воронежа был выслан один из батальонов Преображенского полка¹⁰¹. Отдельные офицеры гвардии, являвшиеся доверенными лицами Петра I (В.В. Долгорукий, А.И. Ушаков, М.И. Щепотев), осуществляли контроль за карательными действиями в разных районах, охваченных мятежом¹⁰².

При этом следует отметить, несколько забегая вперед, что гвардейцы принимали участие в подобных акциях отнюдь не механически, повинаясь приказу. Напротив, они были вполне информированы о сути возникшей проблемы. Несколько обобщая, можно сказать, что фактически гвардейцы петровского царствования находились в курсе всех более или менее крупных военно-политических дел. Петр I лично сообщал о событиях такого рода своим многочисленным друзьям в гвардии, которые, в свою очередь в той или иной мере распространяли информацию в полках.

Со временем чины Преображенского и Семеновского полков стали привлекаться к процедуре следствия и суда. При этом гвардейцам поручали расследования самого разного порядка, начиная от бытового воровства и заканчивая делами о государственных преступлениях и коррупции¹⁰³.

Предоставление гвардии ряда полицейских, следственных и судебных полномочий было связано с самой системой управления полками. Находясь в ведении Преображенского приказа, основного следственного органа страны на протяжении указанного периода, а также размещаясь в Преображенском и Семеновском селах, где «всякие розыски... бывали»¹⁰⁴, гвардейцы любого ранга привлекались к следствию на всех его этапах.

Гвардейцы могли непосредственно расследовать дело. Так, начавшийся в 1714 г. розыск по делу Архангелогородского вице-губернатора проводил майор Семеновского полка Михайло Волконской¹⁰⁵. Дела по обвинению Сибирского губернатора М.П. Гагарина и его сына, датированные 1721 г., также были отданы в руки гвардейцев¹⁰⁶. Командиры полков постепенно превращались в руководителей органов политической полиции.

Расследование дел часто предполагало участие следователя в допросах и даже пытках обвиняемых. Следователи из числа чинов гвардии не становились здесь исключением¹⁰⁷. Очевидно, что они принимали участие в допросах и «пытаниях» разного рода «колодников», находившихся в Преображенском приказе¹⁰⁸. Так произошло с участниками стрелецкого восстания 1698 г.¹⁰⁹, упомянутым выше Сибирским губернатором князем Гагариным, сторонниками царевича Алексея и многими другими.

В середине 1710-х годов участие преобращенцев и семеновцев в процедуре следствия и суда стало еще более активным. Это связано, прежде всего, с указами Петра от 25 января 1715 г.¹¹⁰ и 23 декабря 1717 г.¹¹¹. Согласно этим документам в России утверждались временные комиссии для рассмотрения дел по государственному преступлению о «похищении казны», или так называемые *майорские розыскные канцелярии*. Возглавлять их данным указом были уполномочены гвардии офицеры И.Н. Плещеев, Г.Г. Скорняков-Писарев, М.И. Волконский, Г.Д. Юсупов-Княжево, М.А. Матюшкин, Г.И. Кошелев и другие. Населению было предписано оказывать гвардейцам всяческое содействие.

Собственно сама процедура канцелярий напоминала процедуру военного следствия и суда. Начальник канцелярии – чаще всего майор гвардии – исполнял обязанности председателя, а члены канцелярии – младшие по званию офицеры – «ассессоров» суда. Общий приговор, как, впрочем, и мнение каждого члена канцелярии, всегда доводились до сведения Петра I, который и принимал окончательное решение по делу.

Для довершения картины следует сказать, что использование майорских розыскных канцелярий для следствия и суда по делам о государственных преступлениях было регулярным¹¹². Под следствием в таких канцеляриях находились: князь А.Д. Меншиков, граф Ф.М. Апраксин, Сибирский губернатор князь М.П. Гагарин и многие другие.

Впрочем, майорские розыскные канцелярии занимались отнюдь не только делами первых лиц. Гвардейцы-ассессоры рассматривали также крупные коррупционные дела, где обвиняемыми становились чиновники и офицеры среднего звена. В канцелярии лейб-гвардии майора Г.Д. Юсупова-Княжево проводилось расследование дел армейских капитанов Д. Зиминского и С. Черкова о взятках при раздаче подрядов на заготовку фуража. Меняя статус от обвиняемого к свидетелю и обратно, по делу проходили также полковник М. Захрьевский, старшина Д. Данилесный, стольник Д. Быстрицкий и даже писарь Ю. Сашаский. При этом материалы дел охватывали более чем десятилетний период – с 1711 по 1725 г.¹¹³

В целом, по точному выражению историка Ю.Н. Смирнова, майорские розыскные канцелярии представляли собой «военные трибуналы по государственным преступлениям, введенные в качестве чрезвычайной меры из-за неспособности существующих органов суда и сыска решительно пресечь злоупотребления вышших должностных лиц»¹¹⁴.

Процедура майорских розыскных канцелярий была использована во время следствия и суда по делу царевича Алексея. Еще в период пребывания Алексея Петровича за границей за ним вел наблюдение капитан гвардии А.И. Румянцев. Этот факт был зафиксирован даже в самом «Манифесте об отрешении наследства Российского престола царевича Алексея Петровича...»¹¹⁵. По прибытии же наследника в Россию была создана канцелярия «тайных розыскных дел», в состав которой вошли А.И. Ушаков, Г.Г. Скорняков-Писарев, И.И. Бутурлин, а также П.А. Толстой. Все они являлись гвардейцами*.

Майорские розыскные канцелярии были ликвидированы в 1724 г., однако возникшая вслед за тем Тайная канцелярия по своей форме и существу практически повторяла всю эту систему.

* Все они по окончании следствия и суда не были обижены наградами. См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 41.

Гвардия принимала также активнейшее участие и в системе *административного управления страной*.

Это касалось управления прифронтовыми районами или территориями, занятыми русскими войсками в ходе Северной войны. Так, гвардии капитан М.А. Сухотин был комендантом Нарвы с 1715 по 1723 г., а офицер-семеновец П. Лодыженский в 1714 г. стал вице-губернатором Архангелогородской губернии, сменив на этом посту А.А. Курбатова¹¹⁶.

Однако часто гвардейцы назначались и на административные должности в областях, удаленных от очагов войны. Так, в 1719 г. Сенат объявил указ о поручении гвардии капитану-поручику Ю.А. Ржевскому управлять Нижегородской губернией¹¹⁷. В 1720 г. «...государь пожаловал лейб-гвардии Семеновского полку капитана Алексея Панина... за его службы указал... определить ево в Смоленск вице-губернатором...»¹¹⁸, а в 1722 г. гвардии капитан-поручик Хрущов был избран на должность прокурора Малороссийской коллегии¹¹⁹.

На преображенцев и семеновцев было возложено огромное количество мелких, но чрезвычайно важных для государства, находящегося в состоянии войны, дел. Как правило, на уровне руководителей они участвовали в укреплении городских сооружений (Азов, Киев и др.), строительстве самих городов (Санкт-Петербург и Кронштадт), создании фортификационных сооружений, дорог и мостов, каналов и шлюзов, пристаней и кораблей, литье пушек и доставке провианта, организации работы на верфях и на новых промышленных предприятиях, планировке садов и парков новой столицы, сборе статистической информации¹²⁰.

Кстати, задачи информационного значения играли немаловажную роль. Ведь именно гвардейцам Петр поручал доставку многочисленных указов. При этом речь идет не столько о курьерских обязанностях, сколько об обязанностях доверенных лиц монарха. Дело в том, что преображенцы и семеновцы часто доставляли так называемые словесные указы Петра I, т. е. объявляли волю монарха без предоставления какого-либо документа¹²¹. Существовал и третий, своего рода промежуточный, вариант. В письмах, адресованных чиновникам и военным петровского периода, часто значилось указание на то, что полностью содержание указа будет изложено подателем документа, т. е. офицером-гвардейцем. В этих случаях речь, вероятно, могла идти о секретной информации. Так, в одном из писем Петра I И.И. Скоропадскому значилось: «...о прочем наказано изустно изъявить адъютанту нашему Ушакову»¹²².

Аналогичным образом и часто при посредничестве гвардейцев происходила доставка Петру сведений особой важности, сообщения передавались в устной форме. Так монарх получил новости о подавлении восстания Булавина¹²³. Этим методом Петр пользовался, когда возникала потребность распространить какой-либо неверный слух. При подавлении того же булавинского восстания в мае 1708 г. царь требовал от В.В. Долгорукого: «...заранее дай знать в Азов к господину Толстому *для эха или голоса*, что ты идешь туды с немалыми людьми, *так же дай слух*, что и я буду туды, дабы какова зла не учинили тайно»¹²⁴.

Порой «в ведение» гвардейцев попадали дела менее важные или не связанные с чрезвычайной государственной необходимостью. Показателен указ Петра I солдату гвардейского Преображенского полка Алексею Татарину об устройстве Птичьего двора в Астрахани, содержании там птиц и отправке их в Петербург (18 марта 1718 г.)¹²⁵ или направление нескольких гвардейцев «к надсмотру... садового строения» в Петергофе¹²⁶.

Совершенно уникальным представляется *участие гвардии в формировании внешнеполитической линии России указанного периода*. Участие преображенцев и семеновцев в решении дипломатических задач было чрезвычайно активным и многоплановым: это были как незначительные поручения по исполнению обязанностей дипломатических курьеров¹²⁷, так и серьезные политические миссии.

Появление последней традиции, вероятно, может быть датировано еще концом XVII в. В 1697 г. майор Преображенского полка А.А. Вейде был отправлен к Курляндскому герцогу, Бранденбургскому и Саксонскому курфюрстам с миссией, призванной подготовить прибытие в Европу «Великого посольства»¹²⁸.

Впрочем, в конце XVII в. будущие гвардейцы лишь начинали свое знакомство с Европой, где впоследствии им предстояло выполнять разного рода дипломатические миссии. Речь идет о Великом посольстве Петра I 1697–1698 гг. Общее число будущих гвардейцев, принимавших участие в уникальной заграничной поездке, определить достаточно сложно. Известно, что с великими послами ехали 35 человек Преображенского полка «начальных людей и солдат», направлявшихся на обучение военному искусству и морскому делу. По источникам можно определить, где именно в Европе находились 21 из них. 5 человек (С. Буженинов, В. Корчмин, И. Овцын, Д. Новицкий, И. Алексеев) были направлены в Германию для изучения морского дела¹²⁹, 10 (во главе с

Г. Кобылиным) – в Голландию¹³⁰, 4 человека «получили пасы и посланы на корабли» в Амстердам¹³¹ (Г. Коншин, И. Володимеров, И. Синявин, А. Тиманинов), а М. Волков и Т. Чернышов какое-то время находились в Пилау¹³².

Кроме упомянутых преображенцев, для охраны Великого посольства были откомандированы еще 62 человека из того же полка, 12 из которых стали гайдуками¹³³. Вероятно, преображенцы из этой группы сопровождали принятых на русскую службу иностранцев. Сопровождение такого рода могло быть достаточно рискованным делом. А.Г. Гуськов указывает на одно любопытное дело, согласно которому группа более чем из 20 иностранцев, принятых на русскую службу великими послами, отправляется в Россию в сопровождении лишь одного солдата Преображенского полка – А. Бурлеева¹³⁴.

Надо отметить, что число гвардейцев за время путешествия менялось: уже во время пребывания в Европе некоторые участники посольства были приняты на службу в Преображенский полк. Так, 28 августа 1697 г. солдатом-преображенцем стал Андрей Павлов¹³⁵.

В результате этой поездки достаточно большая группа преображенцев приобрела целый комплекс знаний в мореплавании и бомбардирском деле. Так, 7 апреля 1698 г. великие послы получили свидетельство из Берлина об успехах в бомбардирском деле упоминавшихся выше С. Буженинова, В. Корчмина, И. Овцына, Д. Новицкого и И. Алексеева¹³⁶. Однако еще более важным оказалось то, что все преображенцы – участники Великого посольства* – получили абсолютно уникальный опыт, позволивший им

* Нам поименно известны 42 преображенца, принимавших участие в Великом посольстве 1697–1698 гг.: Басманников Никифор, Бужанинов (Буженинов) Степан, Бурлеев Афонасий, Волков Максим, Володимеров Иван, Воронков Семен, Городничий Степан, Грязнов (Грязной) Макар, Гутман Петр, Добродеев Петр, Драчов Алексей, Зверовской Богдан, Кобылин Гаврило, Кольцов Леонтий, Кононов Егор, Коншин Гаврило, Корницкий Федор, Коровин Константин, Корчмин Василий, Крылов Петр, Литвинов Савва, Лифантьев Семен, Лукин Тихон, Маковецкой Гордей, Медведев Иван, Моляр Анисим, Новицкой Данило, Овцын Иван, Петелин Алексей, Рыбаков Кирило, Синявин Иван, Скворцов Ермолай, Соколов Карп, Соловьев Петр, Темирев Афонасий, Тиманинов А., Товарищев (Таварищев) Иван, Федоров Кирилл, Чернышов Терентий, Чюмичов Степан, Шестаков Иван, Шумилов Микита (*Лефорт Ф.* Сборник документов и материалов. М., 2006. С. 482).

впоследствии разделить позицию Петра I относительно проведения в России структурных реформ.

С началом нового века ситуация изменилась: гвардейцы появлялись в Европе уже не столько как зрители, сколько как участники событий, исполнители особых дипломатических поручений. Со временем эта практика приобрела широкий размах. Так, в 1707 г. гвардии капитан И.П. Измайлов посетил инкогнито Пруссию, дабы засвидетельствовать «брацкую дружбу и любовь и благонамеренную ревность о истинной дружбе...»¹³⁷. С.Г. Нарышкин в 1711 г. стал послом в Тоскане¹³⁸. Первый русский мемуарист, также служивший в гвардии, Б.И. Куракин в 1706–1707 гг. находился «при папешском дворе» в Риме¹³⁹, а в 1712 г. – в Голландии¹⁴⁰, в 1720-е годы – в Англии и Франции. Кстати, именно он как петровский представитель в Европе в 1709 г. вел дело о браке царевича Алексея Петровича, а в 1723 г. – переговоры о женитьбе короля Людовика XV на дочери Петра I цесаревне Елизавете.

В Польше гвардейцы находились практически постоянно. Решением определенных задач там занимались гвардейцы В.В. Долгорукий (до 1706 г.)¹⁴¹ и И.П. Измайлов (в 1706 г.)¹⁴². В 1711 г. здесь находился капитан-поручик Преображенского полка С. Пискорской с миссией, целью которой было урегулирование отношений между польским населением и русским командованием¹⁴³. Годом позже в помощь чрезвычайному и полномочному послу России в Польше князю Г.Ф. Долгорукому был послан капитан Преображенского полка князь А.Л. Долгорукий¹⁴⁴. Последнему, в свою очередь, помогали сержант И. Зиновьев и капрал И. Ракитин из Семеновского полка¹⁴⁵.

Следует также указать и на то, что гвардейцы капитан-поручик З.Д. Мишуков¹⁴⁶ и капитан А. Петров-Соловой¹⁴⁷ вошли в состав русской делегации во время Аландского конгресса (1718–1719 гг.), который был попыткой России и Швеции окончить Северную войну двусторонним соглашением без посредничества третьих держав.

Европа, впрочем, являлась не единственным регионом, где могли быть приложимы усилия гвардейцев Петра. Представительство России на Востоке также не обошлось без участия гвардейцев. Капитан Преображенского полка Л.В. Измайлов был чрезвычайным российским посланником в Китае в 1719–1721 гг.¹⁴⁸ Майор Преображенского полка А.И. Румянцев в 1724 г. защищал русские интересы в Константинополе (Стамбуле).

Востребованными оказались навыки по ведению разведывательной деятельности. Безусловно, для элитных воинских частей страны, находящейся в состоянии постоянной войны, понятие военной разведки не было чуждым. В 1710 г., во время осады Выборга, переодетый лазутчик из числа гвардейцев проник в город и сумел добыть информацию, которая способствовала скорой победе¹⁴⁹. Гвардейцам часто поручались более долгосрочные задания. Тремя годами позже, в сентябре 1713 г., гвардии капитан-поручик и доверенное лицо Петра I В.Д. Корчмин был отправлен на территорию Восточной Финляндии для сбора неких секретных сведений¹⁵⁰. Отметим, что, выстраивая свою восточную политику, Петр I стремился использовать это умение своих гвардейцев как едва ли не основополагающее.

В 1716 г. поручик гвардии Кожин был послан «под образом купчины» в Индию. Вместе с ним двигалась группа морских офицеров и навигаторов, в задачу которых входил осмотр Каспийского моря и близлежащих территорий.

Одной из самых известных разведывательных акций такого рода стала экспедиция в 1716 г. в Хиву гвардии капитан-поручика А.Б. Черкасского (Бекович-Черкасский). Главной задачей посольства было «хана хивинского склонять к верности и подданству». При удачном стечении обстоятельств предполагалось также осмотреть верхнее течение р. Сыр-Дарьи и, испросив у султана судов, отправить небольшую экспедицию в Индию¹⁵¹. Помимо прочего, не исключалась возможность тайного исследования устья Аму-Дарьи и строительство в удобном месте крепости на тысячу человек. Эта крепость должна была стать своего рода форпостом России на Востоке.

В целом форма, в которую были облечены дипломатические поручения гвардейцев, могла быть самой разной – от прямого дипломатического представительства до активного военного вмешательства и секретной шпионской разработки. Не было единства и в отношении достигнутых результатов. Важно, что в любом случае гвардейцы стремились дать свою оценку ситуации. Так, в 1712 г. Г.Г. Скорняков-Писарев, которому было поручено тайно исследовать возможные места постройки шлюзов для каналов между Западной Двиной и Днепром, а также между р. Ловать и Западной Двиной, сообщил Петру I свое мнение относительно решения этой проблемы: «старосытство Усвяцкое у королевского величества полского взять»¹⁵². В тот период этот район принадлежал Польше (по Андрусовскому перемирию с Россией 1667 г.).

Он окончательно вошел в состав России в 1772 г., став частью Псковской губернии.

Очевидно, что гвардейцы *содействовали проведению социальных и культурных преобразований Петра I*. Следует вспомнить их активное участие в новых церемониях указанного периода, а значит, и в продвижении нового образа армии, императора и государственной власти.

Источники свидетельствуют о том, что многие гвардейцы активно покупали книги за границей¹⁵³, знакомились с их содержанием, возможно, переводили. Они сами создавали книги. Прежде всего речь идет о военно-уставном творчестве. Так, «Устав», написанный известным преобращенцем А.А. Вейде в 1698 г. после заграничного путешествия с целью сбора информации об устройстве европейских вооруженных сил, представлял собой правила военно-административного характера для формирования пехотных полков с обязанностями всех воинских чинов.

В 1722 г. преобращенцу Г.Г. Скорнякову-Писареву было поручено составить «Новый летописец». И хотя мы не имеем возможности оценить результаты такой работы, но очевидно, что Г.Г. Скорняков-Писарев отнесся к поручению серьезно. Согласно указу от 16 февраля 1722 г., для этой работы «из всех епархий и монастырей» были взяты «летописцы, степенные, хронографы и прочие»¹⁵⁴, а также «куриозные», т. е. информативные, рукописи для снятия с них копий¹⁵⁵.

Возможно, гвардейцы принимали участие и в создании некоторых законодательных актов. С.М. Соловьев, занимаясь вопросом о написании «Табели о рангах», считал, что этот документ фактически был написан Я.В. Брюсом, Г.И. Головкиным, И.И. Дмитриевым-Мамоновым и М.А. Матюшкиным¹⁵⁶. Двое последних являлись высшими офицерами гвардии. Правда, историк С.М. Троицкий утверждал, что «...в действительности, эти лица входили в состав комиссии, которой Сенат в январе 1722 г. поручал дорабатывать окончательный вариант проекта «Табели о рангах» после обсуждения его в Адмиралтейской и Военной коллегии и в Сенате»¹⁵⁷. Так или иначе, причастность чинов гвардии к созданию «Табели о рангах» отрицать не приходится.

В 1715 г. в новой столице России появилась Морская академия, образованная на основе переведенных в Петербург старших классов Московской, Новгородской и Нарвской навигацких школ. С 1719 г. ею руководил обер-прокурор Сената и бомбардир Преображенского полка Г.Г. Скорняков-Писарев, преподавав-

ший в академии артиллерию и механику. Получив образование за границей, изучив математику, механику и инженерное дело в Берлине, он был также хорошим специалистом по гидротехнике и геодезии. Для своих учеников в Морской академии Г.Г. Скорняков-Писарев в 1722 г. написал первое на русском языке сочинение по механике – «Наука статическая, или Механика». В 1719 г. он же был назначен Петром I начальником цифирных школ, создание которых определялось монаршим указом еще от 1714 г. В цифирных школах надлежало учиться «дворянским и подьячим детям поголовно», изучая грамоту, арифметику и начала геометрии. Иными словами, эти школы представляли собой государственные начальные общеобразовательные школы для мальчиков всех сословий, кроме крестьян. Без получения свидетельства об окончании слушатели не имели права жениться, а священникам было запрещено в случае заключения подобного брака выдавать соответствующие документы – «вечные памяти». Именно стараниями Г.Г. Скорнякова-Писарева цифирные школы появились в Новгороде и Пскове.

* * *

Рассмотрев факты участия гвардии в системе управления Российской империей, необходимо понять причины такого явления. А они, вероятно, были первоначально связаны с необходимостью наладить эффективную систему управления страной в период слома старого аппарата и ведения тяжелейшей войны. Использование же преобразенцев и семеновцев во второй половине 1710 – начале 1720-х годов объясняется, видимо, пониманием самим преобразователем всех недостатков созданной им государственной структуры. Вся неотлаженность, неповоротливость, медлительность последней, а также коррумпированность чиновников никак не сочетались со стремлением Петра I максимально быстро провести реформы. Эта дилемма, вероятно, привела его в итоге к организации системы принципиально иной – простой, слаженной и, наконец, контролируемой.

Сложно сказать, насколько осмысленным был процесс поиска такой структуры и «материала» для нее. Выбор, который волей Петра пал на гвардию, определялся, конечно, целым комплексом аспектов. Возможно, это был просто интуитивно найденный выход: с одной стороны, сделать ставку на людей, демонстрирующих абсолютную преданность, не лишенных сознания своей миссии, а с другой – на военных, связанных системой иерархии и жесткой

подчиненности. Результаты выполнения гвардейцами первых специальных заданий были успешными и, таким образом, предположили превращение экстренных мер в постоянно действующий порядок. Система оказалась долгосрочной, поскольку демонстрировала *эффективность*.

Впрочем, поручение специальных заданий именно офицерам гвардии не всегда гарантировало снижение уровня издержек или особую четкость в исполнении, если члены подобной «команды» не могли или не стремились найти общий язык. Такие инциденты возникали и с первыми лицами гвардии. Так, например, И.Г. Фоккеродт описывает случай, когда реализация идеи Петра I о строительстве канала между Ладогой и Шлиссельбургом с целью открытия безопасного пути в Петербург для кораблей и лодок была поручена гвардейцам князю А.Д. Меншикову и Г.Г. Скорнякову-Писареву. При этом они «...пустились ... впереконку друг с другом в быстром исполнении возложенного на них поручения и принялись за дело так недружно и с такой торопливостью, что целый год каждый сам по себе копались в земле, истратили 2 ½ миллиона, да при этом, по случаю плохих распоряжений относительно продовольствия, погубили от голода и болезней многие тысячи работников, между прочим до 7000 казаков, прежде нежели столковались друг с другом, лучше ли канал врезывать в землю или выводить на грунт»¹⁵⁸.

Иногда монарха, что называется, не устраивало качество выполненной работы. Скажем, в 1721 г. лейтенант Семеновского полка Мясной «привел рекрутскую партию, в которой 11 человек оказались негодными»¹⁵⁹.

Имели место и случаи воровства. Так, осенью 1718 г. сразу 7 гвардейцев (капитан М. Любавской, поручики И. Петров-Соловой, Н. Хотянинцов, Е. Блудов, С. Пашков, подпоручик Е. Селиванов, а также урядник С. Тилгалов) были обвинены «в поставке провиянту в подложных подрядах и в краже его царского величества денежные казны»¹⁶⁰.

С 1710-х годов имена гвардейцев начинают фигурировать в отдельных коррупционных скандалах. Первым подобным инцидентом стало дело поручика Преображенского полка Н.Т. Ржевского. Будучи назначен в 1707 г. комендантом в Полоцк, он уже через три года превратился в подследственного. Произошло это после обращения к А.Д. Меншикову группы жителей Полоцка, обвинивших коменданта в различных злоупотреблениях. В результате расследования выяснилось, что преображенец не только

игнорировал приказ царя не допускать перевозку товаров в шведскую Ригу, но, напротив, через посредника предлагал некоторым купцам открыть за взятку проезд до вражеской крепости. Таких судов, судя по позднейшей челобитной Н.Т. Ржевского, было по крайней мере шесть. Более того, со временем Ржевский сам начал заказывать для себя у шведов вино и разного рода товары. Весьма неприглядно выглядели во всей этой истории и ближайšie помощники Ржевского – гвардейцы капрал И. Дурново, солдаты С. Игнатъев и П. Воейков, чинившие «обиды», т. е. обиравшие и просто грабившие местное население. Состоявшийся в 1712 г. полковой суд – кригсрехт (кригсрат) обвинил Ржевского в пропуске в Ригу судов и приговорил его к сметной казни, которая была заменена Петром I наказанием кнутом, конфискацией имущества и ссылкой в Сибирь¹⁶¹.

Совершенно беспрецедентной стала история с князем М.И. Волконским, который был уличен в коррупции. Находясь на службе в гвардии с 1698 г. и дослужившись до чина майора, он в феврале 1713 г. был направлен в Архангельск для расследования дела Д.А. и О.А. Соловьевых¹⁶², которые, имея доступ к казенным деньгам, фактически организовали контрабанду русских товаров через Архангельск. Вместо обстоятельного расследования по делу Соловьевых гвардейский майор, напротив, сосредоточил свои усилия на внимательном изучении деятельности архангельского вице-губернатора и непосредственного инициатора дела А.А. Курбатова. Через год майор был отозван из Архангельска и отстранен от ведения дела в связи с подозрением во взяточничестве, а чуть позднее и вовсе отстранен от расследования. По сложившейся традиции дело Соловьевых перешло в ведение канцелярии другого гвардейца – Г.И. Кошелева.

Случаи такого рода не были массовыми. Ведь любой гвардеец, отправлявшийся «по государеву делу», знал: ответ за поручение придется держать непосредственно перед Петром I, контроль за работой, а также возможное расследование по любому мелкому правонарушению, возникшему в ходе выполнения задания, будут осуществлять сослуживцы. Наказание же за недобросовестное отношение к делу будет скорым и жестоким. Так, лейтенант Семеновского полка, доставивший негодных рекрут, лишился 11 душ из собственного имения¹⁶³. Небезынтересно и окончание истории с князем М.И. Волконским. В результате долгих разбирательств в целом ряде майорских розыскных канцелярий (Г.И. Кошелева, М.А. Матюшкина, Г.Д. Юсупова) братья

Соловьевы, злоупотреблениями которых и надлежало заниматься князю, были приговорены в 1719 г. лишь к конфискации имущества, избежав эшафота. Дело же самого Волконского было завершено намного раньше (в 1717 г.) и закончилось вынесением гвардейцу смертного приговора. Историк Д.О. Серов, занимавшийся изучением этого дела, пришел к выводу, что приговор Волконскому был связан с борьбой правительственных группировок, в частности с конфликтом В.В. Долгорукова и А.Д. Меншикова, чьим ставленником и являлся майор¹⁶⁴. Подобная точка зрения не лишена основания. Вместе с тем очевидно, что принадлежность М.И. Волконского к гвардии сыграла немаловажную роль в этой истории. Французский резидент А. де Лави, неплохо ориентировавшийся в российской действительности, расценил дело Волконского, имевшее серьезный резонанс, как своего рода гвардейскую историю, т. е. случай, произошедший в гвардии и сказавшийся на настроениях последней. В силу особого положения гвардии в системе российской государственности искоренение здесь коррупции было чрезвычайно значимо для императора, а потому, вероятно, Петр I полагал необходимым устраивать в гвардии своего рода «показательные порки». Неизбежность жестокого приговора в таких ситуациях была очевидна. Повествуя о появлении майорских розыскных канцелярий, де Лави привел следующую речь, якобы адресованную российским монархом высшим чинам гвардии: «Он (Петр I. — Е. Б.) призвал их к себе и сказал им: "Братцы, не имея никого, кому бы я мог довериться более, чем вам, назначаю вас судьями лиц, обманувших меня и злоупотребивших своей властью во время моего отсутствия; пусть ваши суждения руководствуются внушениями совести, а исполнение приговоров отложится до моего возвращения из Москвы; *имейте в виду пример вашего товарища князя Волконского, я поступлю так же со всеми, кто станет подражать ему*, и награжу честность и прямоту других"»¹⁶⁵.

Впрочем, позиция Петра I в оценке деятельности гвардии отнюдь не ограничивалась постоянным жесточайшим давлением. Здесь, безусловно, имела место попытка адекватно оценить достигнутые результаты. Источники свидетельствуют о том, что Петр I, например, вполне понимал, что количество поручений, возлагавшихся на того или иного гвардейца, могло оказаться неподъемной ношей или, что случалось чаще, выполнение поручений оказывалось невозможным из-за многочисленных указов самого царя, перебрасывавшего гвардейцев с одной «посылки» на

другую. В одном из своих писем к майору В.В. Долгорукому относительно уничтожения лишнего фуража и мостов он высказывался вполне прямолинейно: «...однако ежели не можешь то вскоре при себе исправить то сие все приказать делать Озерову, а самому поспешать за нами, чтоб конечно к 13-му числу стать к нам»¹⁶⁶. Иной раз наказания за неисполнение поручения могли быть достаточно мягкими. Так, солдат Семеновского полка Алексей Секретин был послан «в тульскую провинцию для понуждения воеводы... во отправлении требуемых дел», однако, как свидетельствует его дело, «явился неисправен». К сожалению, полковые материалы не указывают, в чем именно заключалось дело, порученное Секретину, и в чем состояли его «вины». Показательно, однако, что никакого наказания семеновец не понес¹⁶⁷.

Петр I также отдавал себе отчет в сложностях, которые могут возникать на местах. Точку зрения монарха в этом вопросе отражает одно из его писем к В.В. Долгорукому: «во всяком к вам указе всегда я по окончании письма полагался на ваше по тамошнему состоянию дел разсуждение, что и ныне подтверждаю, ибо нам так отдаленным невозможно конечного решения дать, понеже случаи ежесдневно переменяются»¹⁶⁸.

Поощряя самостоятельность и инициативу, император в тех случаях, когда речь не шла об очевидных правонарушениях, таких как взяточничество, грабеж или насилие, практически не касался вопросов превышения полномочий при решении того или иного дела. Одним из немногочисленных исключений является дело гвардейского лейтенанта Перфильева, который в 1729 г., т. е. уже после смерти Петра I, был сослан в Сибирь на каторгу «за дерзости его, которые чинил он ... в бытность в Соловецком монастыре у ссылочных Петра и Ивана Толстых чего ему делать не подлежало...»¹⁶⁹. В данном случае, как кажется, имели значение и статус обиженного известного государственного деятеля и дипломата Петровской эпохи П.А. Толстого и его сына Ивана, находившихся там в ссылке, и место совершения проступка – Соловецкий монастырь. Анализ резолюций на гвардейских кривсрехтах показывает, что самые серьезные наказания санкционировались именно в случаях, когда гвардейцы так или иначе задевали церковь, особенно карались нападения на священников, что, впрочем, случалось чрезвычайно редко¹⁷⁰.

Констатация существования системы особых полномочий в гвардии, интересная сама по себе, многое добавляет и к пониманию того статуса Преображенского и Семеновского полков пер-

вой четверти XVIII в. Отметим, само по себе выполнение какой-либо армейской структурой особых поручений – явление отнюдь не беспрецедентное. Как указывалось выше, в XVII в. церемониальные функции были возложены на Стремянный полк, разного рода полицейские обязанности поручались стрельцам, к ним в конце столетия присоединились бутырцы и лефортовцы. Тем не менее ситуация с наделением лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков описанными выше полномочиями была совершенно особой.

Первое, что бросается в глаза при исследовании полномочий гвардии конца XVII – первой четверти XVIII в., – это их *многочисленность*. Какая же часть полка была задействована в их выполнении? Документы того периода говорят о том, что число исполнителей этих поручений было чрезвычайно существенным¹⁷¹.

По подсчетам историка П.П. Карцова, в 1722 г. в отлучках, связанных с выполнением поручений, находились 22 офицера и 340 нижних чинов Семеновского полка¹⁷². Эти цифры куда более значительны применительно к Преображенском полку. В 1724 г. из 1482 дворян-преображенцев 746 человек (50,4%) числились в отлучках. Даже если принять во внимание предположение, что некоторая часть этих людей могла находиться в отпусках, данные по-прежнему будут выглядеть более чем внушительно.

Подсчеты такого рода совпадают со свидетельствами источников личного происхождения, они переполнены указаниями на то, что выполнение преображенцами и семеновцами многочисленных обязанностей порой вступало в противоречие с основной функцией гвардии – охраной царской особы. Иными словами, число людей, находящихся в отлучках, было иной раз столь велико, что гвардия фактически была неспособна обеспечить безопасность жизни Петра I. Так, 4 мая 1707 г. царь из Дубны сообщал А.Д. Меншикову: «...Из полку моего солдат взять почитай некого с собою верхами... того для прошу, дабы в сторону Люблина выслано было несколько драгун, для провожания... раде нынешней нужды»¹⁷³. Через три дня, 8 мая 1707 г., Петр еще раз указал светлейшему князю на небезопасность такого положения: «...подтверждаю, что не имею при себе больше трех драгун, которые со мной из Жолкевы поехали, того для тотчас человек триста выслать на встречу... с кем бы было проехать сей город»¹⁷⁴.

В постоянных «отлучках» по государственным делам и надобностям могли находиться все чины полка, начиная от старших офицеров и заканчивая солдатами. Вплоть до конца 1700-х го-

дов жалобы командования гвардии на нехватку людей в полках остаются регулярными. Так, 11 февраля 1708 г. М.М. Голицын сообщал Петру I: «Повторне доношу: офицеров и урядников и салдат многое число суть в посылках»¹⁷⁵. Не отставал и командир преображенцев В.В. Долгорукий, также постоянно упоминавший об элементарной нехватке людей в Преображенском полку¹⁷⁶.

Впрочем, нести бремя исполнения многочисленных поручений Петра приходилось и тем, кто неотлучно находился при полках. Ведь необходимость порой одновременного исполнения таких задач, как конвоирование преступников, сопровождение мастеровых для «спешной» стройки и доставка материалов в некую определенную точку, превращала гвардию в довольно пестрое образование, состоящее, помимо собственно преображенцев и семеновцев, из колодников, пленных шведов, многочисленных мастеровых, коновалов, царедворцев, извозчиков и т. д.¹⁷⁷ Так, 30 июля 1715 г. по приговору Сената в Преображенский полк были высланы «для определения к делам» 23 кузнеца, 34 плотника, 33 слесаря, 120 извозчиков, а в Семеновский – 10 кузнецов, 8 слесарей, 10 плотников, 18 извозчиков¹⁷⁸. Не менее редкими были случаи появления при гвардии направлявшихся куда-либо недорослей или матросов¹⁷⁹.

Оговоримся: отдельные люди, находившиеся при гвардейских полках, были с ними напрямую связаны. Некоторые мастеровые и извозчики находились при гвардии, т. е. числились при полках, для выполнения разного рода нужд. Иные колодники были служащими этих полков, находящимися под следствием. Ведь в связи с бесконечными отлучками гвардейцев решения по делу порой затягивались надолго. Известны случаи, когда ожидание такого рода занимало несколько лет, особенно если речь шла о солдатах или полковых служителях, скажем извозчиках. Например, извозчик 8-й роты Преображенского полка Осип Борисов, обвиненный в грабеже «девки иноземной», ожидал своей участи два года¹⁸⁰. Все это время он, очевидно, содержался среди «колодников». Тем не менее большинство «обретающихся при полках» людей все же никак не были связаны с полковым устройством и управлением гвардейских полков.

При этом они находились с гвардией часто не только во время постоя на квартирах, но и непосредственно на марше. Обстоятельства подобного рода лишали Преображенский и Семеновский полки одного из важнейших качеств – мобильности, столь важной для императора. Более того, это зачастую было

небезопасно. Показательна ситуация, в которой оказался гвардейский сержант Сырецинов, который в 1718 г., находясь в Санкт-Петербурге «...у надсмотру и понуждения и у роздачи денег у буерного строения», вместе с четырьмя солдатами вынужден был также охранять семь шведских арестантов¹⁸¹. Таким образом, пять человек, постоянно занятых надзором за стройкой, были вынуждены еще и охранять превышающую их числом группу арестантов.

Источники указывают, что Петр I не был доволен тем, что при полках гвардии постоянно содержались какие-то люди. Время от времени он возвращался к этому вопросу, требуя отослать их в адмиралтейство или «к фельдмаршалу», т. е. к основной армии. В 1708 г. он писал М.Б. фон Кирхену: «О колодниках, которые в полку нашем в винах сидят, писано к вам прежде, чтоб писать об них к фелтмаршалу и учинить им указ по винам их смотря, хто чего достоин; а возить их с собою и держать так долго за караулом давно было не надобно»¹⁸². В начале века, впрочем, подобные указания мало способствовали устранению проблемы. Лишь к середине 1710-х годов, когда интенсивность выполнения гвардией ряда обязанностей (конвоирование осужденных, участие в строительстве) несколько снизилась, ситуация изменилась к лучшему. К началу же 1720-х годов число «чужих» в гвардии и вовсе стало стремиться к нулю. В это время здесь не было даже прикомандированных из армии. Документы Семеновского полка за январь 1725 г. фиксируют лишь одного такого человека¹⁸³.

Помимо большого количества функций, очевидно также и своего рода *качественное разнообразие* последних: от активного участия в войнах первой четверти XVIII в. до конвоирования арестантов и сопровождения грузов, от внешнеполитического представительства в странах Западной Европы или Азии до посадки растений в Летнем саду новой столицы страны, от исполнения представительских функций до организации работы на промышленном предприятии, верфи, стройке...

При этом следует принять во внимание, что каждый из представителей гвардии мог быть привлечен к самым разным областям государственной деятельности. Например, преображенец Л.В. Измайлов в 1708 г. работал на постройке оборонительной линии в районе Дорогобужа, позднее ему поручалась доставка русской дипломатической почты в Данию, а в 1718 г. он участвовал в вынесении приговора царевичу Алексею Петровичу¹⁸⁴. М.А. Матюшкин в 1716 г. был назначен ассессором в одну из майорских розыскных канцелярий, которая занималась рассле-

дованием злоупотреблений высших чиновников государства, в частности делом А.Д. Меншикова. В начале 1720-х годов, как упоминалось выше, он был задействован в создании ряда законодательных актов. Точно так же активное участие П. Глебовского в ряде судебных процессов не мешало ему долгое время ведать делами обмундирования гвардии¹⁸⁵.

Иными словами, мы не можем говорить о существовании в рамках гвардии различных групп, каждая из которых специализировалась на выполнении лишь какой-либо одной функции. Некоторое исключение может составить лишь участие гвардии в различных дипломатических акциях. Преображенцы и семеновцы, занятые в делах такого рода, редко встречаются в числе исполнителей иных функций. Это, вероятно, связано как с необходимостью получения дипломатами огромного количества специальных знаний, навыков и опыта, так и с определенной важностью поддержания стабильности в составе русских представителей за границей.

Однако за вычетом этого аспекта оказывалось, что на протяжении службы любому из гвардейцев потенциально могла быть поручена реализация любого дела. В целом же, если возможность многофункционального использования Преображенского и Семеновского полков и влияла на чины гвардии, то это влияние не было направлено лишь на какую-то одну группу, оно фактически распространялось на весь полковой состав.

С другой стороны, даже демонстрация кем-либо из гвардейцев особых талантов в той или иной области совершенно не приводила к отставке и переводу в соответствующее ведомство. Так, гвардейцы, добившиеся отличных результатов, скажем, все в той же сфере дипломатического представительства, неизменно числились при своих полках.

Интересно, что многолетнее выполнение преображенцами и семеновцами огромного количества разноплановых задач со временем привело к абсолютной уверенности Петра I в умении гвардейцев справиться с любой задачей. Именно этим, возможно, объясняется факт, что царь, часто проверявший на гвардии разного рода нововведения, иной раз забывал перенести сюда уже существовавшие в армии нормы, связанные, в частности, с появлением особых чинов при полках. Так, например, в середине 1710-х годов преображенцы несколько раз напоминали царю о том, что «во всех конных и пехотных полках ныне есть полковые комисары, аудиторы, провиантмейстеры а в помянутых обоих полках таких чинов нет в чем немалая нужда состоит»¹⁸⁶.

В целом же ситуация, сложившаяся в гвардии в период царствования Петра Великого, оказывалась по-настоящему уникальной. Более того, она полностью противоречила самой сути армейской жизни. Ведь армейский солдат и даже офицер постоянно находится в рамках однообразных и простых в исполнении задач, в сущности, он пребывал к кругу одних и тех же бесконечно повторяющихся действий и ощущений. Гвардеец петровского времени таким отнюдь не был. Напротив, *особые условия, в которые практически неизбежно попадали гвардейцы при выполнении того или иного поручения*, требовали максимальной собранности, смелости и в определенном смысле авантюрно-творческого подхода к поставленной задаче.

Это немаловажно для понимания основ формирования корпоративных представлений в гвардии петровского царствования, выполнение целого ряда специальных поручений требовало *умения работать в группе*. Судя по имеющейся информации, большая часть поручений исполнялась именно группой гвардейцев, в состав которой могли входить самые разные чины. Так, для «...надзора и понуждения... у буерного строения» из гвардии посылали сержанта с несколькими солдатами¹⁸⁷, направленного в коллегия иностранных дел «с... великого государя указом» сержанта-семеновца сопровождал капрал того же полка, а для исполнения дипломатического поручения капитану Преображенского полка могли помогать сержант и капрал из числа семеновцев¹⁸⁸.

При этом если в начале своего царствования для выполнения каждого специального поручения Петр I назначал не только командира группы, но и остальных ее членов¹⁸⁹, то к началу 1710-х годов некоторые гвардейцы, руководящие выполнением таких заданий, сами могли определить состав своей «команды»¹⁹⁰. Так, 26 марта 1711 г. Петр I подписал следующий указ офицерам Преображенского и Семеновского полков: «Когда у вас будет требовать капитан-поручик Пискорской одного поручика или прапорщика, *также и солдат шести или семи, то ему отдайте*»¹⁹¹. Вероятнее всего, С. Пискорский сам должен был выбрать необходимых ему людей. Точно так же в 1718 г. Г.Г. Скорняков-Писарев сообщил командованию своего полка, что по указу Петра I отправляется для решения «шлюзного» дела. Он проинформировал своего адресанта о том, что «для оного оставил я с собою нашей роты от бомбардиров капрала Василья Скряба, да бомбардирских учеников Григорья Чичагова, Данилу Рокотова»¹⁹². Документов, свидетельствующих о том, что Г.Г. Скорняков-Писарев предва-

рительно обсуждал с руководством имена своих помощников, в архивах гвардейских полков нет. Аналогичным образом в январе 1719 г., посылая в Преображенский полк «Высочайше утвержденные докладные пункты о посылках для надзора гвардии офицеров в места, где добывается соль», Петр I делает характерную приписку: «В Астрахань Иван Плещеев, а в Сибирь выбрать самому»¹⁹³. И хотя не совсем понятно, к кому конкретно из высших чинов гвардии были обращены эти слова, показательным само указание на личную инициативу, которую надлежало проявить этому человеку.

При этом, конечно, команды такого рода состояли исключительно из гвардейцев. Предпочтение отдавалось офицерам. Впрочем, справедливости ради надо отметить, что напористость и ловкость солдат-гвардейцев в решении разного рода проблем также были хорошо известны. Однако речь об этом пойдет чуть позже.

Часто в силу определенных обстоятельств или по воле Петра того или иного гвардейца переводили от выполнения одного поручения к другому. Примечательно в этой связи, что не законченное в первом случае дело поручалось также кому-либо из гвардии. Как кажется, такое отношение было применимо ко всем областям, где были задействованы силы преображенцев и семеновцев. Например, занятый заготовкой фуража для армии В.В. Долгорукий был 6 февраля 1708 г. отозван и заменен сослуживцем Озеровым¹⁹⁴, поручик Преображенского полка В.Д. Корчмин, курировавший строительство ряда сооружений в Москве в 1707 г., сдал дела своему однополчанину капитан-поручику П.Н. Ознобишину¹⁹⁵. Того же В.В. Долгорукого, капитана гвардии, находившегося в Польше с дипломатическим поручением¹⁹⁶, в 1707 г. сменил И.П. Измайлов¹⁹⁷, дела Бахметева, долгое время остававшегося на Украине в связи с выполнением ряда административных поручений, 17 апреля 1708 г. были отданы опять же В.В. Долгорукому¹⁹⁸. Историк Ю.Н. Смирнов справедливо отмечает, что «розыскные канцелярии ведения гвардейских офицеров находились в тесном взаимодействии друг с другом, при отсутствии по какой-либо причине руководителя одной из канцелярий его заменял глава другой»¹⁹⁹. Так, руководство майорской розыскной канцелярией от М.А. Матюшкина 5 декабря 1719 г. было передано Г.Д. Юсупову-Княжеву²⁰⁰. Список таких «общих дел», передававшихся из рук в руки, можно было бы продолжать²⁰¹.

Помимо очевидной практической оправданности такой системы – часто лично знавшие друг друга гвардейцы быстрее и четче передавали дела – существенное значение имели также и вопросы

контроля. Ведь в подобных случаях каждый новоприбывший фактически проверял работу, выполненную предшественником. Так, 16 августа 1707 г. Петр I требовал от упоминавшегося капитана-поручика П.Н. Ознобишина, заступавшего на место поручика В.Д. Корчмина в организации московского строительства, «от поручика Корчмина взять ведомость и самому осмотреть, что сделано»²⁰². Кстати, наличие указа Петра в делах такого рода было совершенно не обязательно: страх возможного наказания за недобросовестное выполнение своего участка работы, безусловно, заставлял любого гвардейца еще и еще раз проверять все, что было сделано, а лучше сказать, не сделано до него.

На уровне выполнения функций оба гвардейских полка представляли собой несомненное единство. Они на равных несли бремя исполнения многочисленных полномочий. Более того, зачастую команда, которой поручалось выполнение того или иного задания, состояла из преображенцев и семеновцев, а не исключительно из представителей только какого-нибудь одного полка.

Единство это было, вероятно, столь прочно, что царь часто не заботился о том, кого из командиров этих полков следует проинформировать, что очередной гвардеец вынужден покинуть часть из-за «отлучки». Примечателен в этой связи приказ Петра I семеновцу князю М.М. Голицыну о необходимости отослать офицера Преображенского полка Норова для строительства моста через Днепр²⁰³. В этом случае приказ Норову был отдан, фактически минуя его прямого командира – М.Б. фон Кирхена, который лишь подтвердил это положение «пост фактум»²⁰⁴.

Такие ситуации не могли не оказывать влияния на взаимоотношения офицеров, унтер-офицеров и солдат. Высшие и низшие чины гвардии получали, по сути, единый опыт. Это способствовало сплочению гвардии. С другой стороны, этот опыт был уникальным и недоступным другим категориям подданных Петра, а значит, содействовал появлению обособленности такой структуры, как гвардия, в рамках всей системы российской государственности.

Стремление Петра I использовать Преображенский и Семеновский полки с наибольшей полнотой и выгодой, а также постоянная нехватка времени в сочетании со стремлением успеть сделать как можно больше вынуждала монарха *поручать тому или иному гвардейцу (или команде гвардейцев) сразу несколько дел.*

В ситуациях подобного рода чаще других оказывались гвардейцы, находившиеся за границей. Особое впечатление про-

изводят петровские указы Б.И. Куракину, часто представлявшему русские интересы за рубежом. Помимо собственно дипломатического представительства, ему поручалось решать одновременно задачи совершенно разного порядка, начиная от вопросов обеспечения императорского двора, т. е. покупки и доставки в Россию из-за границы многочисленных товаров (французского стекла, испанских анчоусов, греческих маслин, французских сыров и вин, голландского масла и т. д.) и заканчивая приглашением на русскую службу иностранных специалистов, организацией строительства кораблей для молодого русского флота²⁰⁵.

Впрочем, гвардейцы, остававшиеся в России, также часто занимались несколькими делами одновременно. Особое значение имело их участие в акциях, которые требовали использования целого комплекса навыков, а также недюжинного напора, силы и выдержки. Достаточно вспомнить некоторые из приведенных выше примеров, скажем, когда солдату-преображенцу А. Бурлееву было поручено сопровождать в Москву 20 нанятых во время Великого посольства иностранцев, а гвардейского сержанта Сырецинова с командой из пяти солдат обязали надзирать за стройкой и охранять семерых шведских арестантов.

Эти случаи не единичны. Появление русских на Балтике тоже сопровождалось предприятиями такого рода.

Прекрасным примером здесь могут стать события августа 1702 г., связанные со строительством на водоразделе Белого моря и Онежского озера так называемой Осударевой дороги. По общему мнению историков, это строительство сыграло исключительную роль в военно-политической истории России первой четверти XVIII в. Как известно, «Осударева дорога» должна была стать трассой движения русских войск к шведской крепости Нотебург. Построенная за 20 дней в лесах Карелии, эта гигантская трасса, составлявшая, согласно современным подсчетам, более 260 км²⁰⁶, была успешно преодолена войсками молодого царя за 8 дней. Более того, параллельно движению войск и артиллерии был осуществлен и волок двух малых фрегатов «Святой дух» и «Курьер». Результатом стало взятие Нотебурга – первая русская победа на Балтике. Гвардейцы участвовали в этом уникальном предприятии Петра I на всех его этапах – от разведки местности, проектирования, изучения возможности устройства волока судов до организации военно-транспортной операции по переброске войск и транспортировке посуху фрегатов от Белого моря к Онежскому озеру. Урядники Преображенского полка

М.И. Щепотев и И.К. Муханов выступили в качестве разработчиков плана (проект Щепотева и был осуществлен); они же вместе с помощниками и сослуживцами по Преображенскому полку поручиком А. Головинным и адъютантом М. Волковым стали основными организаторами строительных работ. Большая группа преображенцев и семеновцев контролировала «рабочих людей» и «тягловцев», которые осуществляли вырубку просеки, расчистку трассы и устройство переправ, а оба гвардейских полка составляли костяк войск, прошедших по дороге к Нотебургу²⁰⁷.

Не менее значимой была и роль преображенцев и семеновцев при осуществлении на Балтике такого уникального предприятия, как строительство нового города – Санкт-Петербурга. Примечательно, что, работая здесь, они также сочетали выполнение целого ряда функций.

Основной причиной появления преображенцев и семеновцев на берегах Невы была необходимость охранять отвоеванные земли. По этим соображениям постепенно были переведены сюда на постоянное жительство Преображенский и Семеновский полки.

Однако город нуждался не только в обеспечении безопасности. Организация здесь постоянного строительства была едва ли не основной задачей Петра I. И вот уже гвардейцы строят город. Фактически они принимали активное участие в возведении тех или иных сооружений со дня основания города. Б.И. Куракин в своих воспоминаниях указывает на то, что гвардейцы «...начали делать Санкт-Петербург... к осени... тут оставя гарнизон, а сами все пошли к Москве»²⁰⁸. Однако преображенцы и семеновцы привлекались к строительству отнюдь не только в первое время после закладки города или исключительно при строительстве его основного фортификационного сооружения – Петропавловской крепости²⁰⁹. Они были здесь постоянно и занимались едва ли не всем.

Прежде всего они доставляли на работу в город рабочую силу. Так, в 1716 г. по указу Петра I гвардии капитан Г.В. Норов нанимал в Силезии и Польше и отправлял в Петербург суконных мастеров и овчаров²¹⁰. Двумя годами позже поручику Преображенского полка Петру Борятинскому (Барятинскому) пришлось сопровождать в Петербург из Вологды и Ярославля согласившихся служить в новой столице шведских пленных²¹¹. В том же году его сослуживец майор А.И. Румянцев собрал и отправил в северную столицу большую группу плотников²¹². С 1714 по 1720 г. выполнением аналогичных поручений занима-

лись также офицеры-преображенцы А. Кайсаров²¹³, С. Пырский²¹⁴, П. Мельгунов²¹⁵ и унтер-офицер Селиванов²¹⁶.

Гвардейцы также руководили или непосредственно участвовали в строительстве и благоустройстве города в составе многочисленных групп. Так, прапорщик Преображенского полка С.Т. Кишкин руководил группой «служилых татар и мурз», направленных на работы в новую столицу в октябре 1715 г.²¹⁷ Прапорщику того же полка А.Д. Татищеву зимой 1719 г. пришлось заниматься установкой решеток, подготовкой водовозной машины и устройством цветников Летнего сада²¹⁸, а гвардии майору Г.И. Рубцову весной 1716 г. было поручено разместить и занять делом присланных из Киева монахов «в кельях и чуланах» Александро-Невского монастыря²¹⁹.

Обеспечение города также часто находилось в их руках. Чего они только не делали: доставляли материалы в Адмиралтейство²²⁰, строительный лес на остров Котлин²²¹, продукты для первых жителей²²². Не менее важным делом была зачастую и доставка неких символических вещей, не имевших жизненно важного значения для города, но существенных для формирования его образа. Именно так зимой 1723 г. по указу Петра I гвардии сержант Коренев доставил в Шлиссельбург из подмосковного Преображенского знаменитый ботик²²³.

Важно отметить, что тенденция возлагать на гвардейца сразу несколько поручений, используя всё его навыки, относится не только к началу петровского царствования, когда система государственного аппарата была не готова к проведению структурных реформ. Подобная линия поведения была характерна для Петра I на протяжении всего периода его правления с тем лишь изменением, что к концу 1710 – началу 1720-х годов гвардейцы зачастую получали от монарха значительно более обобщенные приказания. Так, с 1723 г. гвардия по указу Петра I должна была финансироваться за счет сборов с крестьянства Сибири. При этом в указе император отмечал, что это делается «для того, что будучи офицеры для выбирания денег там на жалованья, могут другие дела видеть и скорая донести, что надлежит ко исправлению»²²⁴.

И наконец, выполнение ряда перечисленных функций, возложенных на гвардию, например представительство за границей, разведка, распространение сведений о русской политике и даже формирование «пропаганды», было невозможно без принятия основ политики Петра I. А значит, наделение гвардии правом участия в делах такого рода способствовало ее лояльному отноше-

нию к самим основам петровской политики и к осознанию своего места в системе российской государственности.

Многочисленные обязанности, а также само содержание полномочий оказывали сильнейшее влияние на личный состав Преображенского и Семеновского полков. Вовлечение всей гвардии вне зависимости от чина и полка в выполнение самых разных обязанностей, с одной стороны, усиливало связи между полками, старшими и младшими чинами и, наконец, между гвардейцами. С другой стороны, наделение гвардии сверхполномочиями ставило ее в особое, во многом обособленное положение по отношению ко всем остальным подданным Петра Великого. Таким образом, многофункциональность гвардии способствовала как внутреннему сплочению, так и внешней закрытости, обозначая основу для формирования корпоративности.

3

Привилегии Преображенского и Семеновского полков

Наделение Преображенского и Семеновского полков совершенно особыми полномочиями в области государственного управления и контроля в конце XVII – первой четверти XVIII в. потребовало формирования особой политики власти в отношении самой гвардии.

Рассмотрение привилегий, полученных преображенцами и семеновцами, следует вести по ряду направлений, а именно: управление, чинопроизводство, жалованье, награды, организация быта.

Историческая литература, отдавая должное преимуществам гвардии, как правило, связывала их лишь с личностями самих гвардейцев и их индивидуальным вкладом в решение той или иной проблемы. Действительно, процент индивидуальных наград в гвардии достаточно высок. Преображенцы и семеновцы часто получали высокие награды за личное участие в военных действиях. Так, например, руководившие штурмом Нотебурга в 1702 г. подполковник Семеновского полка князь М.М. Голицын и майор Преображенского полка Карпов были щедро награжде-

ны. Первый получил 3000 руб., 300 крестьянских дворов и чин полковника, второй – 1500 руб., 150 крестьянских дворов и чин подполковника²²⁵.

Награды получали отнюдь не только командиры. Так, за участие в боевых действиях при Полтаве и Переволочне практически все чины гвардии были отмечены. Штаб- и обер-офицеры получили портреты государя с бриллиантами и золотые медали, солдаты – годовое жалованье «не в зачет» и серебряные медали²²⁶.

Участие в судебных делах также сулило преображенцам и семеновцам определенные выгоды. Щедро наградили многих гвардейцев, например, «за труды в бывшем тайном розыском деле» о царевиче Алексее. И.И. Бутурлину перешли 350, А.И. Ушакову и Г.Г. Скорнякову-Писареву – по 200 крестьянских дворов. Эти офицеры получили повышения по службе²²⁷. Часто гвардейцев награждали, по тогдашней традиции, и вещами осужденных саванников. Например, после следствия по делу царевича Алексея его судьи смогли унести с собой многое из пожитков опального царевича и его сторонников. Так, гвардии майор А.И. Ушаков взял «из вещей Авраамия Лопухина часы золотые»²²⁸. «Обласкан» за участие в расследовании был командир Семеновского полка И.И. Бутурлин. Последнему были отданы вещи осужденного за поддержку царевича Алексея командира Преображенского полка князя В.В. Долгорукого – «трость с набалдашником золотым, пряжки башмашные золотые с алмазами, часы золотые, мундштук... уздечка з золотой и с серебряной оправой ...на уздечке изумруд ...стремяна в 5 рублей, персону швецкого короля в 3 рубля 50»²²⁹. Таким образом были награждены действительный тайный советник, кавалер и капитан лейб-гвардии П.А. Толстой и капитан Преображенского полка А.И. Румянцев²³⁰. В подобном награждении вещами осужденных нет ровным счетом ничего удивительного. Согласно «Соборному уложению» царя Алексея Михайловича, отличившимся при поимке человека, уличенного в государственной измене, полагалась награда из имущества последнего: «А буде кто изменника догнав на дороге убьет или поймав приведет к государю, и того изменника казнить смертию, а тому, кто его приведет или убьет, дати государево жалованье из его животов, что государь укажет»²³¹.

Приведенные выше примеры иллюстрируют возможность получения преображенцами и семеновцами индивидуальных пожалований, но при всей солидности таких поощрений представляют все же слишком мало свидетельств в пользу личности

гвардейских привилегий как таковых. Ведь поощрения за участие в военных действиях ничем не отличаются, скажем, от наград армейским офицерам и солдатам, а «дачи» за участие в следственных действиях – от выплат гражданским чинам за аналогичные действия. Однако в гвардии существовал и комплекс особых, корпоративных привилегий.

Пожалуй, основным принципом политики Петра I по отношению к гвардии являлось стремление сделать ее в той или иной степени *независимой в рамках общей системы управления русской армией конца XVII – первой четверти XVIII в.*, зависимой только от личности самодержца.

Изначально (с 1686 г.) все вопросы комплектования, обучения, снабжения, а также непосредственно управление полками были возложены на Преображенскую Потешную избу, которая находилась в с. Преображенском. Это вполне логично, ведь Потешное войско, воспринимаемое правительством Софьи, да и всеми окружающими как «игрушка» младшего царевича, могло относиться к ведению именно этого учреждения: основными функциями Потешной избы являлись обслуживание и охрана резиденции Петра и его матери – Преображенского дворца, а также суд и расправа на территории села.

Позднее, после разделения Потешных на два полка, была проведена и реорганизация Преображенской Потешной избы. Вместо нее были созданы две съезжие избы – Преображенская и Семеновская. В середине 1690-х годов этот процесс находит свое дальнейшее развитие. В начале 1695 г. Преображенская съезжая изба была переименована в Преображенский приказ. Ситуацию не изменило даже создание в 1717 г. Военной коллегии. С появлением указа от 5 февраля 1718 г. «О бытии лейб-гвардии полкам, как по приему жалованья, мундира и амуниции, так и по делам судным, как были при стольнике князе Ромодановском»²³² за полками лейб-гвардии была окончательно закреплена автономия.

Как видно из самой формулировки указа, гвардия долгое время оставалась особой группой и в рамках судебной системы страны. Все дела по тяжбам гвардейцев (взимание долгов, производство разного рода выплат, споры с сослуживцами и другими помещиками, противоправные действия принадлежащих гвардейцам крестьян, сыск беглых, разбор случаев грабежа или нанесения какого-либо ущерба) рассматривались в Преображенском и Семеновском полках. В челобитных гвардейцев, содержащих описание «учиненного разорения», неизменно значилась просьба

принять прошение «к полковым делам»²³³. Интересно, что решения по таким делам, как правило, выносились достаточно быстро. Если речь шла о необходимости принять конкретные меры (взимание долгов, сыск беглых), то и действия такого рода производились незамедлительно.

Как видно из материалов полковых архивов, сами гвардейцы в таком статусе были чрезвычайно заинтересованы. Более того, их тревожило появление новых государственных институтов и связанная с этим процессом возможность потери своего особого положения. В архиве Преображенского полка сохранилось, по крайней мере, три документа, датированных 1715 и 1717 гг., в которых содержался вопрос относительно сохранения существующего порядка вещей. В каждом из докладов, между прочим, объявлялось, что офицеры и солдаты гвардии «судом ведомы были в Преображенском приказе и во всяких обидах били челом в Преображенском приказе и с чего они были довольны». Ответом на такие запросы были неизменные указания Петра I о том, что «Преображенскаго и семеновскаго полков офицерам и салдатом в обидах судом и распрравою ...надлежит бить по прежнему государеву указу в Преображенском приказе»²³⁴.

Система была изменена лишь после смерти Петра – в 1727 г., когда был издан указ о необходимости «офицеров и солдат Гвардии, в судных и розыскных делах ведать Юстиц-коллегии, а находящихся в других городах в отпуску, губернаторам»²³⁵. При этом в качестве причины подобного распоряжения называлась удаленность Преображенского приказа, находившегося в Москве, от основного места дислокации полков, которым в это время являлся Санкт-Петербург.

Автономия Преображенского и Семеновского полков была упрочена существовавшей здесь установкой на *коллегиальность*.

В историографии основной реализацией этого принципа считается особая система чиновничьего производства, или, используя терминологию того времени, замещение «убылого места» в гвардии, когда штаб- и обер-офицеры полка собирались вместе для обсуждения возможных кандидатов и принимали решение путем баллотирования²³⁶. Однако эта особенность реализовывалась на более серьезном уровне и имела сильное влияние на внутривойсковые отношения.

Речь идет о дополнении принципа единоначалия в полках гвардии коллегиальным управлением. Распорядительная власть в любом гвардейском полку принадлежала совету старших офи-

церов – «господам полковым штап». При этом сфера действий полковника или подполковника была существенно ограничена. Фактически он считался лишь старшим из членов совета.

Возникновение коллегиальности управления было связано с уровнем обязанностей, возложенных на гвардию. Многофункциональность определила постоянное дробление полка. Последнее, в свою очередь, ставило вопрос о возможных вариантах управления такой структурой и, прежде всего, об участии в принятии решения значительно большего количества чинов полка, чем это было принято в армии. Вот несколько примеров.

1 января 1707 г. командир преображенцев М.Б. фон Кирхен сообщил Петру I, что он с тремя батальонами полка вышел в Оршу, а 4-й батальон, Бомбардирская рота и половина Гренадерской роты оставлены в Могилеве под командой майора князя Василия Долгорукого²³⁷. Значит, на начало января 1707 г. высшую власть в Преображенском полку представляли, по крайней мере, два человека. Уже к середине лета того же года ситуация повторилась. 11 июля – 4 сентября 1707 г. из состава Преображенского полка был выделен один батальон для сопровождения Петра I в его путешествии в Варшаву²³⁸. Остальные преображенцы находились в это время в России, а значит, у полка опять было два командира. Такое «двоевластие» возникало в гвардии еще не раз. Так, в 1709 г. Преображенский полк был разделен на две части. В это время одной половиной полка командовал В.В. Долгорукий, а второй – М.Б. фон Кирхен. Схожая ситуация сложилась и в 1711 г., когда несколько батальонов Преображенского полка сопровождали Петра I в поездках за границу²³⁹.

Причин дробления полка и формального умножения числа его командиров могло быть несколько: охрана постоянно находящегося в движении Петра, отлучки командира полка²⁴⁰, нахождение преображенцев и семеновцев в разных частях театра военных действий²⁴¹, участие группы гвардейцев в подавлении булавинского бунта²⁴² и т. д.

Как правило, указание о том, кому следует руководить той или иной частью полка, давал сам царь. Однако часто такое ответственное решение перекладывалось на кого-либо из гвардейцев. 8 мая 1708 г. Петр I писал А.Д. Меншикову: «О Преображенском полку полагаем на волю вашу ибо в *неприсутствии моем надлежит командовать вам или кому вы прикажете по достоинству*»²⁴³. Последняя фраза чрезвычайно примечательна: А.Д. Меншиков

при необходимости мог передать управление полком в руки кого-либо из майоров.

В Семеновском полку ситуация была схожей. Известный впоследствии активным участием в событиях 1730 г., связанных с восшествием на престол Анны Иоанновны, П.М. Голицын в отсутствие полковника семеновцев (и собственного брата) М.М. Голицына осуществлял фактическое руководство полком. Один из историков гвардии, П.П. Карцев, указывал, что «после Чамберса (Чамберс И.И., полковник Семеновского полка. – Е. Б.), до 1702 года полковника не было» (у Семеновского полка. – Е. Б.), и утверждал даже, что чин полковника Семеновского полка был скорее «почетное звание, нежели собственно чин»²⁴⁴.

Такая организация способствовала пониманию каждым членом корпорации своего положения в ней. Фактически права штаб-офицеров Преображенского и Семеновского полков, особенно майоров, на участие в принятии того или иного решения, касающегося внутренней жизни полка, становятся почти абсолютными. Майор гвардии мог самостоятельно принимать достаточно важные постановления и лишь потом ставить о них в известность своего непосредственного командира или же Петра. Сохранились документы, согласно которым именно майоры гвардейских полков подписывали приказы о выплате денег работавшим при полках слесарям и кузнецам²⁴⁵, решали вопросы о переводе недорослей, содержащихся при гвардии, в другие полки²⁴⁶. Все это соответствовало не только идее коллегиальности, но и активно используемой Петром I формуле «...прочее полагается на разсуждение господина маёра»²⁴⁷.

Отметим, что следствием этой системы стала необходимость уделять особое внимание распространению информации о произошедших в полку изменениях. Гвардейские офицеры постоянно сообщали друг другу о полковых делах, и это было не только дружеское обсуждение последних событий, но и насущная необходимость. Так, подполковник преображенцев М.Б. фон Кирхен считал важным уведомлять майора собственного полка В.В. Долгорукого о произведенных им перестановках или о недостатке квартир и фуража в полку²⁴⁸. Отметим, что особое значение приобретала переписка с гвардейцами, которые на тот момент находились при Петре, поскольку это позволяло донести информацию непосредственно до монарха и в отдельных случаях быстрее разрешить создавшуюся проблему. В свою очередь Петр I мог послать указ о тех или иных

перестановках в полках любому из офицеров высшего, среднего или младшего звена.

Примечательно также и то, что апелляция к принципу коллегиальности была характерна не только для внутренней жизни полка или взаимоотношений Петра I со своей гвардией, но и, отчасти, при взаимодействии между преображенцами и семеновцами. Так, при передаче какой-либо информации или даже приказов Петра I чины одного из гвардейских полков отнюдь не всегда стремились выйти на контакт с полковником или подполковником другого гвардейского полка. В роли первого лица вполне мог выступать и майор. Так, например, преобразенец И.И. Бутурлин, передавая в Семеновский полк указ Петра I от 25 апреля 1722 г. об определении капитан-лейтенанта И. Козлова в Адмиралтейскую коллегию, обратился к майору М. Волкову, а не к кому-либо из вышестоящих чинов²⁴⁹. В феврале 1722 г. майор Преображенского полка Матюшкин обсуждал вопросы, связанные с несением гвардейских караулов, с капитаном семеновцев²⁵⁰.

Коллегиальность управления способствовала также формированию совершенно уникального ощущения собственной значимости и влияния у офицеров среднего и младшего звена. Понимание своей роли было присуще этой категории, вероятно, еще со времен первой осады Нарвы в 1700 г. Как упоминалось выше, гвардия была фактически лишена полкового командования, поскольку из двоих оставшихся при гвардейских полках штаб-офицеров (все остальные находились в Новгороде и Москве, занимаясь формированием полков новой армии) полковник преобразенцев Блюмберг сдался в плен шведам, а подполковник семеновцев Кунингам был убит²⁵¹. Гвардейские обер-офицеры проявили на поле боя исключительные качества и были отмечены царем.

Забегая вперед, скажем, что та поразительная власть, которую ощущали младшие чины гвардии, очевидно, была также связана с их исключительной близостью к особе Петра. Ведь зачастую монарха в его едва ли не постоянных передвижениях сопровождал лишь один батальон гвардейцев. Именно так было летом—осенью 1707 г. в Варшаве или в 1711 г., когда царь вместе с Екатериной отправился на Примонтские воды²⁵². Очевидно, что в подобных случаях все без исключения офицеры оказывались причастными к происходящим вокруг событиям, это, безусловно, способствовало осознанию собственной значимости.

По существу, младшие офицеры гвардии обладали убежденностью в правомочности самостоятельного принятия решений, по-

рой даже вопреки желаниям высшего руководства. Так, 1 февраля 1718 г. капитан Преображенского полка Емельян Маврин доносил своему начальству, что «...минувшего генваря 20 числа поручик Новицкой отправился из Новгорода в Санкт-Петербург и взял с собою для проезду бомбардирской роты пушкаря да извозчика... и четыре лошади фурманских без нашего ведома и в том мне он поручик учинил немалую обиду, что взял вышеписанных людей и лошадей ис команды моей без позволения нашего...»²⁵³. То есть поручик Новицкой, отправляясь с очередным «государевым делом», просто не посчитал нужным поставить в известность начальство о том, что взял с собой пушкаря и извозчика. В целом случаи, когда младшие офицеры, отправляясь «в отлучку», брали с собой солдат, даже не информируя полковое командование, были нередки²⁵⁴.

Младшие офицеры гвардии иной раз позволяли себе принимать и более серьезные решения. Порой они самовольно повышали своим солдатам оклады. Насколько распространенной была такая практика, говорят следующие данные. Например, к 1 ноября 1714 г. общее число солдат «старых» окладов в 9–12-й ротах Преображенского полка составляло 417 человек, тогда как число таких окладов не должно было превышать цифры в 258. Таким образом, 159 окладов были лишними. Появлялись полковые приказы, запрещавшие самовольно повышать солдатам оклады²⁵⁵.

Значительную власть эта категория гвардейцев получала и при выполнении специальных поручений. Так, известно, например, что в июне 1706 г. А.Д. Меншиков поручил подбор офицерского состава для одного из формиовавшихся гарнизонных полков поручику-преображенцу В.Д. Корчмину²⁵⁶. При всей парадоксальности ситуации, при которой гвардейский поручик решает, кому быть капитаном, майором или, в конце концов, полковником армейского полка, удивляться уже не приходится.

Как кажется, даже солдатам гвардии было очевидно, что эта категория людей обладает определенными правами. Показателен тот факт, что многие солдаты Преображенского и Семеновского полков часто уезжали в отпуска, заручившись разрешением лишь младших офицеров. Полковое начальство, безусловно, стремилось изменить ситуацию, требуя «донести господам афицерам, чтобы ундер-афицеры и салдаты в дома свои сами бы не просились, а ежели кому есть какая нужда, чтоб они объявляли своим афицерам, а *господа афицеры об их нужде доносили б господину мазору*»²⁵⁷. Однако, судя по документам, эти усилия чаще всего не были успешными.

Вероятно, принцип коллегиальности был чрезвычайно действенным и в вопросах установления отношений с какой-либо внешней структурой. Очевидно, что он оказал определенное влияние на представления о гвардии в целом. Известно, что в конце XVII – первой четверти XVIII в. традицией было называть полк по фамилии полкового командира (полк Аггея Шепелева, полк Николая Балка, полк Дениса Риддера и т. д.). В этой роли, как правило, выступал полковник. Примечательно в этой связи, что источники по истории гвардейских частей не всегда могут определиться с тем, кто же именно является формальным командиром того или иного гвардейского полка. С одной стороны, для современников было очевидно, что Петр как царь, при всем стремлении интегрироваться в систему военной иерархии и последовательно пройти ее от низшего чина к высшему, все же изначально фигура иного масштаба, нежели первый офицер полка. С другой стороны, ощутимо понимание того, что в гвардейских частях распределение властных полномочий происходит иначе, чем в армии. Вероятно, именно поэтому в источниках содержатся упоминания о Преображенской гвардии как о «полке гвардии майора» или даже «гвардии капитана»²⁵⁸.

Еще одним существенным аспектом политики Петра I по отношению к Преображенскому и Семеновскому полкам стал целый ряд преимуществ и привилегий, полученных как гвардией в целом, так и отдельными ее представителями. Наиболее очевидный пласт здесь составляли система чинопроизводства, жалованье, всевозможные награды и поощрения.

Первоначально *чинопроизводство в гвардии* не относилось к числу ее преимуществ. Чины Преображенского и Семеновского полков в конце XVII в. были, вероятно, сопоставимы с армейскими чинами. Но уже с первых лет Северной войны установился более высокий статус гвардейцев по отношению к армейским солдатам и офицерам. Переводы из гвардии в полевые полки происходили с повышением чина задолго до непосредственной «декларации старшинства» гвардии. Уже в 1701 г. можно зафиксировать первый случай перевода из армии в гвардию с потерей чина. Капитан полка Николая Черенка В.М. Загряжский был произведен в Семеновский полк поручиком*.

* Более детально случаи перевода из армии в гвардию будут рассмотрены в гл. 2.

20 августа 1706 г. офицерам гвардии было пожаловано старшинство в один чин: «гвардии полковник против генерала майора»²⁵⁹. Более того, «...когда случится вместе быть... генерал-майор повинен быть под его (гвардии полковника) командою, так и всех по ряду аж до самого солдата»²⁶⁰. Это было более чем заметное событие. Один из знаменитых гвардейцев, Б.И. Куракин, так отметил его в своей биографии: «В ту мою бытность в Жолкеве сказано в полуполковники гвардии Семеновского полку, и окладу жалованья учинено близко 1000 рублей и *ранга выше полковника других полков*». Стоит отметить, что начальный этап развития системы чинопроизводства в гвардии был тесно связан с тем, что Петр I сам «рос в чинах». Не случайно первая декларация старшинства гвардии последовала сразу за объявлением Петра I полковником преображенцев 6 августа 1706 г.²⁶¹

24 января 1722 г. по «Табели о рангах» гвардейские офицеры получили преимущество в два чина по отношению к армейским чинам²⁶². Отметим, что «Табель о рангах» скорее зафиксировала уже существовавшую норму, нежели декларировала ее. Гвардейцы считали себя двумя рангами «старше» армейских чинов гораздо раньше. Так, еще в 1717 г. преображенцы предприняли попытку сопоставить свое гвардейское денежное содержание с учетом указанного преимущества в чинах с выплатами армейским офицерам. Согласно «Выписке лейб гвардии преображеского и семеновского полков ис полковых окладных книг», гвардейский полковник в ранге генерал-майора получал по 1080 рублей, тогда как армейскому генерал-майору было определено жалованье в 1800 рублей, а значит, «надобно в прибавок на каждому по 720 рублей». Аналогичные подсчеты производились относительно подполковников и майоров, особое внимание при этом уделялось бомбардирам. Приводились и конкретные примеры: «генерал князь Голицын получает трактамент генерал лейтенанта 3000 рублей. А полным генералам ныне положено 3600 рублей. Генералы маеоры князь Куракин, князь Голицын и Матюшкин получают по 1500 рублей а ныне генералам маерам положено 1800 рублей. Итого на каждого прибыло 300 рублей»²⁶³.

Впрочем, преимуществами в чинопроизводстве «против армии» дело отнюдь не ограничивалось. Речь идет о складывании в гвардии уникальной динамики карьерного роста, которая прослеживается здесь на всех уровнях – и офицерском, и солдатском.

Особенно очевидным этот факт становится при анализе изменения статуса столь необычной категории, какой являлись раз-

жалованные из армейских офицеров в гвардейские солдаты. Сейчас общим местом в историографии стало указание на то, что движение по карьерной лестнице в указанный период было непредсказуемо, всецело зависело от произвола властей, что часто приводило к финансовому и личностному краху²⁶⁴. В определенной степени такие утверждения справедливы, вместе с тем надо отметить, что система социальных связей была чрезвычайно сложной, и это, в свою очередь, порождало нестандартные варианты социальной динамики. Петровская гвардия в данном случае – прекрасный пример. Здесь, как ни парадоксально такое, «понижение в чинах» могло стать (и часто становилось!) отправной точкой серьезного карьерного роста. Вот лишь один пример – Александр Тимофеевич Ржевский, служивший до перехода в гвардию в должности майора более пяти лет (1709–1715 гг.) в Тобольском, а затем Казанском драгунских полках. Как неправильно произведенный в офицеры в 1715 г. Ржевский был разжалован в рядовые и отправлен в лейб-гвардии Семеновский полк. В дальнейшем он сделал прекрасную карьеру, всего за 7 лет пройдя путь от гвардейского солдата до прокурора Юстиц-коллегии (1722 г.)²⁶⁵. Весьма сомнительно, что добиться подобных успехов он смог бы, не служа в гвардии.

Пример с А.Т. Ржевским отнюдь не единичный. Как показывают материалы полковых архивов, в частности такая важная категория источников, как послужные списки, в гвардии периода царствования Петра Великого существовала практика перехода через один, а то и через два чина. Так произошло с поручиком Преображенского полка И. Бибиковым, который 1 января 1721 г. получил чин капитана 13-й роты, минуя чин капитана-поручика²⁶⁶. Поручик Семеновского полка Г. Деветков также стал капитаном, перешагнув предыдущий чин²⁶⁷. Многие солдаты, не пройдя службу в чине ефрейтора, становились капралами²⁶⁸, часто прапорщички, минуя чин подпоручика, получали чин поручика²⁶⁹, капралы порой становились сержантами, а не каптенармусами, как это полагалось²⁷⁰. И уж совсем выходящим из ряда вон случаев можно считать карьеру солдата И. Воейкова, который 22 декабря 1718 г. был произведен сразу в прапорщички Преображенского полка, минуя фактически четыре чина – ефрейтора, капрала, каптенармуса и сержанта. При этом ему было также сразу назначено повышенное жалованье²⁷¹. И хотя в полках наравне с такими удачливыми в отношении чинопроизводства гвардейцами были и те, кто последовательно продвигался по служебной лестнице, существование такой практики очень показательно.

Немаловажно и то, что передвижения в рамках гвардейских полков отличались массовостью. Так, за один только день 1707 г. повышения смогли получить 30 из 99 офицеров-преображенцев, т. е. фактически треть офицерского состава. В этот же день были повышены и 10 человек из числа нижних чинов полка (адъютанты, сержанты и солдаты)²⁷².

Активность карьерного роста преображенцев и семеновцев подтверждается также постоянным увеличением числа гвардейцев, прежде всего обер- и унтер-офицеров, находившихся в полках «за комплектом до вакансии». Сама формулировка «за комплектом» означала, что гвардеец, получивший тот или иной чин, не мог занять соответствующую ему должность, так как это место было занято кем-то другим. Источники указывают, что в начале царствования Екатерины I за комплектом большинства рот часто числились поручики, прапорщики и даже капитаны. Так, в 1725 г. в гренадерской роте Преображенского полка число офицеров равнялось 38. «За комплектом» в этой роте было 16 офицеров, из них один был капитаном. В 10-й роте эти цифры составляли 32 и 13 человек соответственно²⁷³. Несмотря на то что приведенные выше данные относятся ко времени царствования Екатерины I, они представляются актуальными и для более раннего периода. Даже учитывая награды, которые получила гвардия за поддержку императрицы после смерти Петра I, следует помнить, что тенденция, подобная этой, не могла возникнуть в одночасье.

Конечно, сроки, проведенные теми или иными гвардейцами в одном чине, разнились. Вероятно, это зависело как от самого чина, так и от способностей и сословной принадлежности его обладателя. Однако тенденция к ускорению движения преображенцев и семеновцев по служебной лестнице в петровское время очевидна. Многим гвардейцам по примеру того же Ржевского преодолеть определенные ступеньки иерархической лестницы удавалось за месяцы, если не за недели. Вот подобный случай. 22 декабря 1718 г. каптенармус 1-й роты Преображенского полка Ф. Солнцев стал сержантом, а через неделю, т. е. 29 декабря того же года, он был уже прапорщиком полка²⁷⁴.

Показательно и то, что к 1725 г. средний срок солдатской службы для дворян в гвардии составлял около 5 лет. Аргументом в пользу подобного утверждения служит полковой указ от 14 апреля 1725 г., согласно которому полковому начальству надлежало определить в офицерский чин по 3 солдата-дворянина от каждой

роты. При этом оговаривалось, что такие солдаты должны были прослужить в полку 3–5 лет²⁷⁵.

Несомненно, в гвардии 1720-х годов были офицеры, оставшиеся в одном чине продолжительное время. Но эти случаи, во-первых, были все же скорее исключением, нежели правилом, а во-вторых, при увольнении людей из гвардии этим людям предоставлялись экстраординарные привилегии. Так, квартирмейстер Преображенского полка Л. Хабаров прослужил в чине лейтенанта 40 лет и был уволен из гвардии армейским подполковником²⁷⁶.

Еще одной особенностью чинопроизводства преображенцев и семеновцев был и тот факт, что в этих полках гвардейские чины не смогли полностью вытеснить армейские. Например, А.И. Ушаков и Г.Г. Скорняков-Писарев имели армейские бригадирский и полковничий чины соответственно²⁷⁷. П.М. Голицына современники называли в одном случае майором Семеновского полка²⁷⁸, в другом – армейским подполковником²⁷⁹. Отметим: это материалы одного года.

Получение гвардейцами очередного чина не означало, что они автоматически получали соответствовавший этому рангу армейский чин или наоборот. Дело в том, что преображенцы и семеновцы получали гвардейские и армейские чины параллельно.

Подобное явление едва ли может быть объяснено неразберихой и несогласованностью в этой сфере. Ведь даже появление «Табели о рангах», четко определившей всю систему чинопроизводства в России, не изменило установившегося в гвардии порядка. «Табель о рангах», как известно, была введена в России 24 января 1722 г., а уже 28 января, т. е. всего через 4 дня, майор Преображенского полка Г.Г. Скорняков-Писарев, чей гвардейский чин соответствовал лишь армейскому чину полковника, получил армейский чин генерал-майора. Отметим, что чин гвардии полковника в этот день любимец Петра не получил. Через день после получения Г.Г. Скорняковым-Писаревым указанного чина И. Бутурлин отправил Дмитриеву-Мамонову письмо. Сообщая последние новости своему респонденту, он, в частности, указал на пожалование «преображенской нашей лейб гвардии майора» Скорнякова-Писарева чином генерал-лейтенанта²⁸⁰. Таким образом, в письме гвардейский и армейский чины Скорнякова-Писарева оказываются четко разведены.

Как правило, гвардейская и армейская системы чинопроизводства влияли друг на друга очень мало, фактически они были автономными. Такое положение дел вызывало неизбежные

вопросы как у гвардейского, так и у армейского командования. Сохранились Докладные пункты князя А.И. Репнина от 23 апреля 1707 г., где он в числе прочего задавал Петру I вопрос относительно нескольких гвардейцев: «Генерал-маеору князю Голицыну с прочими генералы-маеоры как рангу иметь, поенеже суть от гвардии, также и брегадиром графу Фризу и барону фон Бутереру, которому рангу выше иметь?» Ответ на этот вопрос, судя по всему, А.И. Репнин так и не получил²⁸¹.

Несомненно, такая сложная система была вызвана к жизни целым комплексом причин. Во-первых, иерархия чинов в гвардии была достаточно ограничена, а временной отрезок, требующийся для прохождения всех ее ступеней, учитывая чрезвычайный, порой агрессивный динамизм продвижения преображенцев и семеновцев, – весьма коротким. А значит, повышение чина гвардейца не только в своей автономной иерархии, но также и в рамках армейской системы чинопроизводства служило стимулом, способом поощрения их немаловажной для государства деятельности. Ведь преображенцы или семеновцы, достигшие даже самой верхней ступеньки в гвардейской иерархии, могли продолжать свой карьерный рост. Так, князь М.М. Голицын, ставший полковником Семеновского полка уже в 1703 г., продолжал получать чины, в свою очередь уже армейские, до генерал-фельдмаршала²⁸². Во-вторых, двойная система чинопроизводства помогла сгладить противоречия, связанные с установкой на незыблемость старшинства гвардии. Ведь причастность Преображенского и Семеновского полков к чинопроизводству в армии, несмотря на возникновение путаницы и неразберихи, вероятно, облегчала взаимоотношения людей в рамках двух структур.

Интересно, что система придворного чинопроизводства, напротив, оказалась в гвардии совершенно невостребованной. В период петровского царствования случаи совмещения придворных и гвардейских чинов встречаются чрезвычайно редко. Из именного списка придворных первой четверти XVIII в., составленного авторитетным исследователем этого вопроса Н.Е. Волковым, лишь три человека имели отношение к гвардии: шталмейстер и капитан-лейтенант Преображенского полка И.М. Кошелев, действительный камергер и лейтенант того же полка Д.Т. Чевкин, а также известный фаворит императрицы Екатерины Алексеевны преображенец В.И. Монс, имевший придворные чины камер-юнкера, а затем действительного камергера²⁸³. По имеющейся информации, за исключением В. Монса, ни

один из них не проявил себя сколько-нибудь заметным образом в военной или гражданской службе.

Тот факт, что число офицеров, совмещавших гвардейские и придворные чины, было столь мизерным, свидетельствует о непрестижности такого сочетания. Историки отмечают, впрочем, что в первой четверти XVIII в. количество людей, получивших придворные чины, было в целом не очень велико. При этом чины, многие из которых вообще не были пожалованы в период царствования Петра Великого, давали всего лишь по челобитью²⁸⁴. Это говорит о том, что новая придворная иерархия, появившаяся лишь в «Табели о рангах» 1722 г., в целом была не слишком популярна в военной среде.

Однако для гвардии, вероятно, свою роль сыграло также и то, что придворные чины в петровское время состояли почти исключительно при императрице Екатерине Алексеевне и прочих «дамских» дворах (крон-принцессы Шарлотты Христины Софии, цесаревны Анны и т. д.)²⁸⁵. Этот немаловажный гендерный аспект, появившийся еще до начала так называемого женского правления в России, вероятно, мог вступать в некоторое противоречие с представлением гвардейцев о собственной роли и статусе.

Привилегированное положение гвардии было также связано с *преимуществами в отношении жалованья*.

Эти преимущества выражались, прежде всего, в столь редкой для того времени регулярности получения выплат. Впрочем, и для гвардии эта проблема долгое время оставалась актуальной. Первые годы существования Преображенского и Семеновского полков были связаны с постоянной нуждой личного состава в деньгах. Так, например, сержант Бомбардирской роты В.Д. Корчмин и еще несколько гвардейцев, отправленных в 1697 г. в Берлин для обучения бомбардирскому делу, сообщали Петру: I «...ныне учим тригонометрию, Мауер наш человек доброй и знает много и нам указывает хорошо, только нам в том не полюбился, что просит... за ученье денег... а мы у него просим сроку о ведомости платежа... до приезде Данилы Новицкаго, а ныне Данила приехал, а ведомости не привез»²⁸⁶. Серьезные финансовые трудности испытывали и дипломатические представители из числа гвардейцев. Например, известный Б.И. Куракин в 1707 г. писал Петру I из Рима: «Прошу, государь, милости, дабы вашим, премилостивейшего государя, указом вскоре мог отсель отъехать; а ежели за чем здесь еще быть, о прибавке жалованья, чем бы мог здесь жить. И здешняя бытность великой убыток в житье принесет: хотя умеренным житьем,

вряд ли тремя тысячами червонными в год управитца»²⁸⁷. Деньги, впрочем, нужны были не только гвардейцам, находящимся за границей, но и тем, кто остался дома²⁸⁸.

К началу 1710-х годов жалобы как солдат, так и офицеров Преображенского и Семеновского полков на «оскудение» стихают, и лишь изредка можно найти прошения заротных чинов о выдаче причитающихся им средств²⁸⁹. Анализ же единичных жалоб о невыплатах демонстрирует, что в большинстве случаев задержки в получении денег были вызваны объективными причинами, а именно нахождением гвардейца вне пределов дислокации своего полка из-за болезни или выполнения поручения²⁹⁰. Впрочем, стоит отметить, что подобные случаи не оказывались без внимания. Именно в эти годы правительство начинает заботиться о том, чтобы гвардейцы, находящиеся «в отлучках» или оставшиеся «за ранами и болезнями» в других городах, вовремя получали жалованье²⁹¹.

Поражает и та скорость, с которой с середины 1710-х годов решались дела о денежных задолженностях гвардейцам. 5 января 1725 г. солдат Семеновского полка И. Чагин подал в полковую канцелярию жалобу о невыплате жалованья из-за отлучки по государеву делу. Резолюция о выдаче ему денег, судя по помете на том же документе, была принята уже 8 января 1725 г.²⁹² Проблема была решена фактически в три дня. Абсолютно аналогичны дела солдата 6-й роты Семена Панова, которому не выдали хлебные деньги из «герварской трети минувшаго 724 году», «понеже был в посылке», и каптенармуса Федора Бабоедова, которому не выплатили денежное жалованье. Вопрос о выплатах также был разрешен в течение трех дней²⁹³. Заметим: для России первой четверти XVIII в. это почти рекордные сроки для рассмотрения столь малозначительного прошения.

Для решения проблемы выплат в гвардии Петр I прибегал к самым разным, порой чрезвычайным мерам. Вероятно, в содержании преображенцев и семеновцев, находящихся в отлучках, принимали участие самые разные инстанции и учреждения. Так, команда гвардейцев обоих полков, посланная «для провожания кораблей», получала продовольствие из «магазейна Адмиралтейской коллегии»²⁹⁴. В ряде случаев выплаты гвардейцам производились через упоминавшиеся выше майорские розыскные канцелярии²⁹⁵.

Особенно волновал Петра вопрос выплат гвардейцам, находившимся за границей России²⁹⁶. Для обеспечения упоминавшихся выше берлинских студентов-гвардейцев Степана Бужанинова,

Ивана Алексеева, Данилы Новицкого, Василия Корчмина и Ивана Овцына в 1697 г. каждому из них было выдано по пять пар соболей «по 5 рублей пара»²⁹⁷. Петр I, однако, быстро понял, что подобное финансирование обучения «бомбардирскому делу» не вполне удобно, и в следующий раз эта группа получила на руки полагающуюся им сумму денег золотом «для того, что галанской монеты деньги в Берлине не ходят»²⁹⁸. Однако уже в следующем году, согласно приходно-расходным книгам Великого посольства, их жалованье было послано в Берлин «через вексель 300 золотых да на теж золотые на перевод дано 24 золотых, итого 324 золотых»²⁹⁹.

Впоследствии, уже в XVIII в., Петр I часто использовал векселя в качестве экстренной меры для обеспечения элитных частей своей армии. Например, в январе 1716 г. выплата жалованья гвардейцам, находившимся за границей, была осуществлена при помощи векселей иноземца Ивана Томаса на общую сумму 30 000 руб.³⁰⁰ Вторым, не менее распространенным способом стала договоренность с иностранными банками и банкирами. В 1712 г. для доставки денег частям гвардии, находившимся в Померании, Петр предложил А.Д. Меншикову следующий вариант действий: «З берлинским банкиром Андреем Леженем договоритесь, чтоб он отдал вам толикое число денег, что доведетца с Москвы от князя Федора Юрьевича на два наши полка: Преображенской и Семеновской, на нынешний год быть в посылке»³⁰¹. Известно также, что с банкиром существовала предварительная договоренность³⁰², и за проведенную операцию он должен был получить определенный процент³⁰³. Впоследствии деньги гвардии передавались за границу также и «через амстердамских или гамбургских купцов»³⁰⁴.

Не менее важным оказывалось и обеспечение тех, кто находился «в отлучках» или оставался «за болезнями и ранами» в других городах. И в том, и в другом случае по распоряжениям Петра I гвардейцам надлежало выплачивать жалованье и провиант.

Преимущества в жалованье гвардейских полков по отношению к армейским были также связаны и со значительностью самих сумм.

Финансовое содержание гвардии заботило Петра I с самого момента ее создания. Сам указ о наборе в Преображенский и Семеновский полки людей любого сословия сопровождался пунктом об обязанности помещиков «...снабжать в Преображенский полк рекрут и их семейства определенным платежом и кормовыми деньгами и возратить оставшиеся их пожитки»³⁰⁵.

И.И. Пушкарев придерживается мнения, что первоначально, в 1683–1700 гг., жалованье офицерам и солдатам гвардейских полков не было фиксированным, поскольку, зная всех солдат, Петр I сам определял им размер «дачи» в зависимости от заслуг и состояния каждого.

В историографии утвердилось положение о том, что в дальнейшем, к середине царствования Петра I получение гвардейцем жалованья в целом было поставлено в зависимость от его чина³⁰⁶. Это мнение, вероятно, не вполне справедливо. С одной стороны, среди петровских гвардейцев всегда было много людей, жалование которым определял лично монарх. И этот последний аспект, безусловно, был напрямую связан с выполнением ими специальных поручений. Не стоит также забывать и о целых привилегированных гвардейских подразделениях, таких как Бомбардирская рота Преображенского полка. Полковому командованию приходилось едва ли не ежегодно запрашивать указ монарха о назначении здесь окладов³⁰⁷. С другой стороны, даже ограниченное определенным образом, т. е. поставленное в зависимость от чина и выслуги, гвардейское жалованье было во многом не унифицированным, зачастую носило индивидуальный характер и определялось уровнем навыков того или иного гвардейца. Безусловно, к концу Петровской эпохи с увеличением численности полков, снижением интенсивности поручаемых гвардейцам специальных заданий и очевидной невозможностью личного контакта императора со всеми назначение Петром I оклада каждому из 4000 преображенцев и семеновцев было абсолютно невозможным. Однако даже отсутствие монаршей воли отнюдь не означало отказа от существовавшего в конце XVII в. принципа определять в этих полках жалованье каждому конкретно «по делам его». Просто эту функцию в определенный момент начинает выполнять непосредственно полковое командование. При этом культивирование подобного подхода носило вполне практический характер и было, вероятно, связано с необходимостью поощрять гвардейцев, задействованных в выполнении специальных поручений. Немаловажную роль здесь играла и упоминавшаяся выше практика параллельного пожалования преображенцев и семеновцев армейскими и гвардейскими чинами.

На практическом уровне выплаты производились следующим образом. Поступившие в гвардию получали «племянничье» содержание, старослужащие рядовые имели так называемые старые оклады. Разница между ними была значительной. В кон-

це XVII в. в Семеновском полку эти суммы составляли 3,20 и 5,70 руб. в месяц³⁰⁸. Здесь следует отметить также, что на протяжении петровского царствования жалование солдат-гвардейцев неизменно росло. Так, «племянничий» оклад к 1723 г. вырос в 4 раза и был равен 12 руб. Существенно выше стало и содержание «старых» солдат. Оно достигло 17 руб. в месяц³⁰⁹.

При этом переход из «племянничьего» оклада в «старый» не всегда происходил автоматически после перехода из одного чина в другой. В послужных списках есть отметки о том, что оклад никому не пожалован³¹⁰. Более того, известны случаи, когда оклад оставался незанятым не менее года³¹¹. Случаи такого рода говорят за то, что жалование в гвардии напрямую зависело от опыта и приобретенных навыков.

Но «племянничий» или «старый» оклады не были единственными вариантами получения жалования для солдат-гвардейцев. Преображенцы и семеновцы имели возможность получить оклад, предназначенный высшестоящему по званию. Так, подпоручик Преображенского полка Иван Марков в 1720 г., согласно послужному списку, получал 97 руб. 6 алтын 4 деньги. Столько же получал Сидор Украинцев, поручик гренадерской роты того же полка³¹². Примеры такого рода носят массовый характер. Скажем, капральский оклад могли получать отнюдь не только люди соответствующего чина, но и солдаты³¹³, фургеры³¹⁴, обозные³¹⁵, гобисты³¹⁶, алебардчики³¹⁷ и «фельшары»³¹⁸. Еще более значительный каптенармусовский оклад мог быть также пожалован нижним чинам³¹⁹. Сохранились свидетельства о писаре М. Смирнове, имевшем именно такой, каптенармусовский, оклад³²⁰.

Конечно, примеров такого рода недостаточно, чтобы заявлять об опровержении общепринятой нормы о зависимости денежного жалования от чина. И все-таки они чрезвычайно важны. Во-первых, в армейской среде рассматриваемого периода ситуации такого рода практически не возникали, а значит, приведенные данные — еще одно свидетельство особенности гвардии. Во-вторых, появление у солдат гвардии таких возможностей, как представляется, оказывало существенное влияние не только на их материальное положение, но и на самооценку, а также на отношение к ним в полку. Мы уже говорили о статусе обер-офицеров, связанном с коллегиальностью управления полками. Рассматривая положение солдатской массы применительно к их финансовым возможностям, мы имеем практически ту же картину. Ведь солдат, получавший выплаты наравне со своим унтер-офицером,

чувствовал себя в полушаге от этого офицерского чина, а значит, мог назвать себя полноправным членом сообщества.

Жалованье офицеров одного чина также зачастую не было унифицировано, что вызывало обращение непосредственно к Петру с просьбами об уравнивании оклада с гвардейцами одного чина, имеющими более высокое содержание, или о повышении жалованья за те или иные заслуги³²¹. Эти случаи свидетельствуют о том, что практика определения «дач» преобразенцам и семеновцам в зависимости от уровня их службы действительно была актуальна еще долгое время.

Содержание офицеров гвардии было вообще исключительным. Офицерский оклад, как и солдатский, был в 2–3 раза выше того, что получали в армии. Судя по имеющимся данным, содержание в полевых полках было скудным. Так, в 1710-е годы капитан получал в месяц 8 руб., поручик 6 руб., а прапорщик 4 руб.³²² Для сравнения: в то же время в лейб-гвардии Преображенском полку содержание капитан-поручика составляло 20, а поручика – 17 руб. в месяц³²³.

Неудивительно поэтому, что офицеры, перешедшие из гвардии в армию, пусть даже и с повышением чина, часто обращались к правительству с просьбами о получении гвардейского жалованья. В 1712 г. майор полка Вельяминова-Зернова Г. Овцын, служивший некогда поручиком Семеновского полка, добился приговора Сената, в соответствии с которым он должен был впредь получать жалованье «по окладу поручикову Семеновского полка по 12 рублей». Таким образом, полковник армейского полка предпочел оклад, равный содержанию поручика гвардии. Этот случай может показаться странным. Оклад майора армии (около 300 руб. в год³²⁴) был все же выше оклада поручика гвардии (в данном случае 144 руб. в год). Однако здесь нет ничего удивительного. Если для разрешения проблемы задолженности в армии Петр I часто прибегал к выдаче продовольствия взамен собственно содержания³²⁵, то в гвардии можно наблюдать прямо противоположный процесс. Здесь, напротив, жалованье старались выплачивать именно в деньгах. Более того, продовольственное содержание также рассчитывалось в деньгах³²⁶. Эта тенденция была законодательно оформлена в конце царствования Петра I, когда появился указ, согласно которому «...вместо отпускаемого полку хлеба выдавать деньгами»³²⁷.

Такое хорошее жалованье могло быть порой удвоено, а то и утроено. Речь отнюдь не идет о каких-то экстраординарных выпла-

тах или поощрениях. Дело в том, что учет расходуемых средств в гвардии был чрезвычайно плохо организован. Выше уже упоминалось, что в первой половине 1710-х годов здесь имела место широкая практика превышения полномочий офицерами, самовольно и незаконно жаловавших солдат «старыми» окладами³²⁸. Кроме того, регулярно вставал вопрос о так называемом двойном жалованье. В одном из дел Преображенского полка сохранилось письмо подполковника князя В.В. Долгорукого майору князю Г.Д. Юсупову-Княжево. В письме указывалось на то, что многие чины полка, пользуясь неразберихой в отчетных книгах, «не единожды» получили «двойную дачу». Отметим также, что этот документ датирован 6 февраля 1718 г., а описываемые в нем события относятся к 1712–1714 гг., а значит, незаконное получение денег было возможно, по крайней мере, на протяжении 4–6 лет³²⁹.

Продовольственное содержание гвардии, состоявшее, так же как и в армии, из порционов (суточной нормы на человека в военное время) и рационов (фуража для животных), было достаточно хорошим. С появлением «Воинского устава» в 1716 г. размеры суточной порции, не отличавшиеся прежде стабильностью, были четко оговорены. Продовольственное обеспечение в русской армии было поставлено в зависимость от чина и исчислялось исходя из размера одного порциона (2 алтына и 2 деньги). При этом солдат получал один порцион, армейский пехотный прапорщик – 5 порционов и 3 рациона, поручик соответственно – 9 и 4, капитан – 15 и 5, полковник – 50 и 17³³⁰. Показательно, что «Воинский устав» никак не оговаривал продовольственное обеспечение гвардейских Преображенского и Семеновского полков. Этот вопрос решался позже, вместе с обсуждением содержания генералитета, что лишний раз доказывает особость этих полков³³¹. Впрочем, необходимость обсуждать порционы и рационы гвардии отдельно, возможно, объясняется не столько стремлением обсуждать гвардию в особых категориях, сколько элементарной привычкой Петра I решать содержание Преображенского и Семеновского полков на индивидуальной основе. Тем не менее отсутствие конкретных цифр по гвардии в «Воинском уставе», а значит, некоторая неопределенность ситуации, встревожило полковое командование. В следующем, 1717 г. преображенцы сочли возможным указать Петру I на сложившееся положение дел: «В военном уставе каков заключен вашего величества собственною рукою в прошлом 716 году при Гданцихе ... изяснены... порционы и рационы полков от кавалерии и от пехоты а от гвардии неизяснено...»³³²

При этом вопрос о своевременности выплат порционных и рационов в гвардии был также фактически решен к началу 1710-х годов, тогда как в армии, даже в наиболее приближенных к гвардии частях, таких как Ингерманландский полк, был предметом постоянных разбирательств. Летом 1715 г. именно здесь вспыхнул нешуточный конфликт. Гобоист этого полка Иван Никитин подал жалобу известному гвардейцу А.А. Вейде о невыплате хлебных и мясных денег, что отнюдь не обрадовало командование Ингерманландского полка, поскольку прошение было подано ненадлежащим образом. Очевидно, что гобоист находился в отчаянном положении, так как действовал вопреки военным установлениям («мимо своих командиров ходил бить челом»). Подвергнутый наказанию, он пытался поднять настоящий бунт: когда его «...привели перед полк и он закричал господа урядники и солдаты слушайте, что наш полк за напрасно пропадает не дают нам мясных денег...»³³³

В целом гвардия обходилась казне недешево. Размеры на ее содержание в 1712 г. были определены суммой 156 206 руб. на каждый из полков. Сравним: в это же время годовая «дача» приближенному к гвардии Астраханскому полку составляла 139 031 руб., а все остальные распределенные в Московской губернии десять полков получили по 23 171 руб.³³⁴ Суммы эти представлялись завышенными даже самому Петру I. Судя по материалам источников, он стремился сократить расходы на содержание своих любимцев. Реализовать эту идею, однако, он смог лишь в конце царствования. В 1724 г. государственные расходы на содержание обоих гвардейских полков составили 208 950 руб.³³⁵ Очевидно, однако, что такое сокращение сумм было связано как с улучшением денежной отчетности в полках гвардии, так и с уменьшением в конце царствования Петра I числа гвардейских «посылок».

Конечно, для обеспечения армейской элиты нужны были существенные источники финансирования. По указу от 11 декабря 1723 г. необходимую сумму было решено собрать с крестьянства Сибири³³⁶. Это постановление не оправдало надежд Петра I, поскольку доставка этих денежных средств часто задерживалась. Вскоре особые сборы, взимавшиеся ранее на содержание гвардейских полков, были упразднены. С 1725 г. преображенцев и семеновцев стали содержать «из остаточной суммы за распределением дохода по штатам»³³⁷. Эта мера позволила получать необходимые средства более оперативно.

Повышенное жалование в гвардии в сочетании с энергичными мерами по утверждению регулярности его выплат приводили

к целому ряду изменений. В частности, в гвардии установилась определенная уверенность в своем праве на своевременность получения средств. Возникновение проволочек по вине третьих лиц считалось совершенно неприемлемым и требующим немедленного вмешательства. Поэтому, вероятно, в 1716 г. офицер Преображенского полка Поросуков посчитал возможным прибегнуть к столь радикальной мере, как заключение под арест некоего фон Вальтера, не заплатившего полагающиеся по договору деньги за порции солдатам³³⁸. В данном случае помимо проявления заботы о подчиненных показательными являются и сами действия офицера, свидетельствующие о понимании своего привилегированного положения.

Не стоит недооценивать и значение поощрений разного рода. Помимо основного содержания гвардия чрезвычайно часто получала награды, которые не ограничивались традиционным угощением водкой и вином на праздники³³⁹. Скорее здесь можно отметить тенденцию к поощрениям в форме экстраординарных выплат, денежных дач сверх жалованья. Такая практика была установлена еще в конце XVII в. В 1689 г. за Троицкий поход Потешные получили первую такую награду. Размер ее составлял 1200 руб.³⁴⁰ Стоит также вспомнить упоминавшееся выше годовое жалованье «не в зачет», полученное гвардейцами за участие в военных действиях при Полтаве и Переволочне.

«Дачи» при этом только увеличивались. 9 декабря 1718 г. преображенец Г.Г. Скорняков-Писарев за участие в деле царевича Алексея получил чин полковника и 200 дворов³⁴¹. В 1722 г. он же «за верные труды» был пожалован грамотой «...на прежде бывшая вотчины Троице-Сергиева монастыря»³⁴². Офицер того же полка А.А. Вейде был одарен имением в Лифляндии, которое, по подсчетам историков, приносило доход 12 тыс. руб. в год. Гвардейский капитан Л.В. Измайлов, «бывший в Дацкой земле», вернувшись в полк, получил повышение по службе и денежное вознаграждение³⁴³.

Однако следует иметь в виду, что Преображенский и Семеновский полки были местом службы многочисленных любимцев Петра I, к числу которых относились и упомянутые выше Г.Г. Скорняков-Писарев и А.А. Вейде, и полученные ими подарки были вызваны именно этим последним обстоятельством, а не «беспорочной службой». Очевидно также, что рассчитывать на такие дары могли отнюдь не все в гвардии.

Впрочем, даже не числясь в фаворитах государя, любой преображенец или семеновец, помимо петровских поощрений, всегда

имел возможность увеличить свои и без того немаленькие доходы за счет дополнительных источников. Например, известно, что солдатам гвардии разрешалось работать по найму. Это касается периода, когда преображенцы и семеновцы участвовали в строительстве новой столицы. Именно тогда свободным от службы солдатам привилегированных частей правительство позволяло работать на многочисленных стройках Санкт-Петербурга за плату³⁴⁴. Эта исключительная мера была вызвана стремлением улучшить материальное положение нижних чинов гвардии.

Кроме того, судя по сообщениям источников, еще до появления упомянутого указа о замене в гвардии хлебного жалования денежным преображенцы и семеновцы имели возможность продавать свои «хлебные дачи» купцам, что практически позволяло увеличивать суммы наличных средств. При этом такие продажи проводились едва ли не централизованно и при активном посредничестве гвардейского полкового начальства.

Более того, вся система управления и нормы жизни в России того периода, а также высокое положение, которое занимала лейб-гвардия в структуре российской государственности, способствовали получению преображенцами и семеновцами своего рода побочных доходов. Речь идет не о взятках и злоупотреблениях, а о вознаграждениях за оказание вполне законных услуг, как, например, охрана и сопровождение, помощь в обустройстве быта и жилищ. Чаще всего такое содействие оказывали нижние чины полка. Так, один из иностранцев в России петровского царствования, камерюнкер герцога Голштинского Ф.-В. Берхгольц, в своем «Дневнике» сообщает об одном весьма примечательном происшествии, случившемся с посольством при переезде из Петербурга в Москву: «...приехав в деревню и найдя в ней только один дом, удобный для помещения всего нашего багажа и лошадей, он явился к капитану (который, находясь там с эскадром драгун, занимал этот дом и уже спал) и представил ему сперва учтиво, что сейчас придут вещи и лошади его высочества (герцога Голштинского. – Е. Б.) и что его просят уступить для них свою квартиру на одну ночь, так как другого удобного дома нет, а ехать далее уже слишком поздно. Капитан не соглашался; тогда солдат мой (гвардеец. – Е. Б.) начал шуметь и добился-таки наконец, что тот очистил дом еще прежде, чем мы приехали. Офицеры армейских полков не доверяют солдатам гвардии и неохотно имеют с ними дело. Таким образом, мы добыли себе квартиру, которой капитан, конечно, никогда бы нам не уступил, если б не было с нами смелого солдата»³⁴⁵. За

свои заслуги гвардеец получил от голштинца в награду несколько рублей³⁴⁶. Заметим, для первой четверти XVIII в. это чрезвычайно существенная сумма. Достаточно упомянуть, что в 1708 г. оклад рядового бомбардира Преображенского полка составлял 3 руб.³⁴⁷

Определенные выплаты производились и членам семей преображенцев и семеновцев. Известно, что Петр I выдавал вдовам и сиротам погибших под Нарвой в 1700 г., при Лесной и под Полтавой хлеб и жалованье³⁴⁸. Вероятно, были и еще какие-то категории членов гвардейских семей, которым выписывались определенные «дачи». Это предположение сложилось в результате анализа сенатских указов 1703–1705 гг., связанных с организацией Ингерманландского полка. Эта часть под командованием А.Д. Меншикова была близка к гвардии Петра Великого. В период формирования статуса ингерманландцев появился указ, в котором значилось: «Ингермонландского полка солдатским женам за службу мужей их выдать жалованья на 705 г. по 5 четвертей ржи человеку»³⁴⁹. Тот факт, что полк Светлейшего князя стремились уравнивать с гвардией в вопросах материального обеспечения, позволяет предположить, что аналогичные выплаты производились и в отношении жен преображенцев и семеновцев. Это предположение подтверждается данными источников личного происхождения. Ю. Юль в 1710 г. указывал на то, что женам гвардейцев, живущим в Преображенском, «отпускается месячина хлебом и мукою»³⁵⁰.

Вероятно, еще во второй половине 1700-х годов Петр обладал некоторой уверенностью в стабильности положения своих гвардейцев. Так, в июле 1707 г., т. е. за два года до Полтавской битвы, которая стала своего рода новой отправной точкой в вопросе о гвардейских привилегиях, преобразенец М.Б. фон Кирхен в очередных «Докладных пунктах» спрашивал монарха о возможности получения «государевых» лошадей «небогатыми» гвардейскими офицерами. Ответ Петра («Не давать, кроме ундер-офицеров») свидетельствовал о понимании того, что штаб- и обер-офицеры полка, даже не имевшие других доходов, кроме службы в гвардии, вполне могли позволить себе содержать лошадей³⁵¹.

С начала 1720-х годов очевидна общая стабилизация материального положения гвардии. Еще до принятия решения о строительстве домов для гвардии в Санкт-Петербурге многие из гвардейцев успели обзавестись там собственными домами³⁵². Этому, безусловно, содействовал сам Петр I. Сохранился ряд его указов о предоставлении гвардейцам земли и домов (дворов) в новой столи-

це. При этом речь шла отнюдь не только о высших чинах гвардии. Так, в 1718 г. Петр I пожаловал поручику от гвардии Прокофью Мурзину под дворовое строение место недалеко от дома его непосредственного командира – генерала князя Долгорукого³⁵³. В декабре 1721 г. по распоряжению монарха своей площадью в городе обзавелись сержанты-преображенцы Тимофей Розмыклов, Григорий Трубников, Андрей Змеев и Петр Ошкурков. Они получили «во владение» двор на Прядильной улице Адмиралтейского острова, ранее принадлежавший М.В. Голицыну³⁵⁴. В.Д. Корчмин и вовсе обосновался по соседству с Петром I на Адмиралтейской стороне новой столицы. А.И. Богданов полагает, что «полаты Лейб-гвардии Преображенского полку маэора Василья Дмитриевича Карчмина», простоявшие до 1732 г., были «первым зданием в каменной набережной Миллионной Линии»³⁵⁵.

Генерал-полицмейстер А.Э. Девиер стремился к известному учету недвижимости, которой владели гвардейцы. 14 января 1724 г. в Преображенский полк за его подписью был прислан ордер, в котором содержалось требование о сборе информации относительно того, кто из гвардейцев указанного полка «...имеет свои дворы на адмиралтейском острове»³⁵⁶. Гвардейцы, однако, не торопились подавать «сказки» о своих домах в Санкт-Петербурге. Через два месяца после упомянутого ордера в Преображенском полку был объявлен указ о том, что «ежели потребуется в главную Полицмейстерскую канцелярию справки или допросы сержантов, капралов или солдат кто имеет здесь свои дворы, чтоб... в оную канцелярию для таких дел немедленно явица»³⁵⁷. Такое отношение объясняется, вероятно, стремлением получить, помимо имеющегося жилья, казенный билет на постой в обывательских квартирах.

Стремление Петра I организовать гвардейские полки как структуру с высоким статусом не только в рамках армии, но и всего общества выражалось не только в хорошем жалованье и дополнительных поощрениях. Правительство старалось *обеспечить быт в гвардии* как в период ведения боевых действий, так и во время нахождения частей на зимних квартирах. Неутихающие вплоть до середины 1700-х годов жалобы гвардии командиров на недостаток фуража и плохие квартиры³⁵⁸ уже к 1708–1709 гг. практически прекращаются. Именно в это время Петр получает первые сообщения от преображенцев и семеновцев, что на марше все «без нужды»³⁵⁹, и первые сигналы недовольства армейского руководства, связанные с необходимостью отдавать гвардии луч-

шие места для постоя³⁶⁰. К концу 1710-х годов жалобы гвардейцев на нехватку продовольствия и лошадей становятся чрезвычайно редкими и скорее напоминают практическое обсуждение вопросов обеспечения³⁶¹.

Иногда решение тех или иных проблем, возникавших в гвардии, выходило за рамки оказания поддержки элитной военной структуре и приобретало иные, чрезвычайно значимые черты.

Так, Петр, как уже было сказано, «радел» о благосостоянии преображенцев и семеновцев, стремясь обеспечить всем наилучшим. Например, в декабре 1717 г. он был озабочен тем, чтобы «в Преображенский полк сыскать *доброто* попа, а лутче из малороссийских»³⁶². Вопрос о мундире, который как преображенцам, так и семеновцам обновляли постоянно³⁶³, также был насущен. Участие гвардейцев в церемониях разного порядка делало их неотъемлемой частью демонстрации власти, а значит, внешний вид имел значение абсолютное, а не относительное. В одном из писем к А.Д. Меншикову царь, в частности, заметил: «На батальон Семеновский, который здесь с нами, мундир новый изволь прислать в Азов не мешкав, понеже zelo оные обносились и *стыдно там показать без мундира*»³⁶⁴. Кстати, именно для возмещения возросших расходов гвардии на участие в церемониях было решено увеличить количество «живых» денег в полках, что, в конечном итоге, привело к появлению указа, согласно которому «...вместо отпускаемого полку хлеба выдавать деньгами»³⁶⁵.

Фактически имеет смысл говорить о совершенно новом отношении, характеризующемся в каком-то смысле индивидуальным подходом к организации жизни офицеров и солдат гвардии. Более того, анализ документов полковых архивов гвардии позволяет скорректировать известную формулу о том, что «...в России еще не научились ценить человека»³⁶⁶. Во всяком случае, применительно к гвардии это замечание зачастую не имело отношения.

Представление о гвардии как о своего рода бесперебойно функционирующем механизме не заслоняло от монарха и нужды отдельных солдат и офицеров. Гвардейцы постоянно получали в награду землю³⁶⁷, наделы под строительство домов в Санкт-Петербурге³⁶⁸, пользовались разного рода послаблениями. При этом число челобитий гвардейцев с просьбами о решении какого-либо личного вопроса не иссякало на протяжении всего петровского царствования. Они просили о прибавлении деревень³⁶⁹, о решении в их пользу вопросов о наследстве³⁷⁰, о защите собственности и взыскании невыплаченных денег (закладных,

долговых, приданных)³⁷¹, об утверждении за собой земель «исконно принадлежащих» и «незаконно» кем-либо захваченных³⁷², о наказании соседей и родственников, попустительствующих грабежам и разоренью³⁷³. Примечательно, что бум подобных челобитий, направляемых в Преображенский приказ, относится к концу 1700 – началу 1710-х годов, т. е. сразу после Полтавской баталии, когда награды и так проливались на преображенцев и семеновцев золотым дождем.

Примечательно, что решения по большинству подобных дел, даже самых мелких, были положительными. Вот лишь один, едва ли не анекдотический пример. В 1714 г. бомбардир Преображенского полка Федор Новокрещенов обратился в Сенат с просьбой не взимать с него пошлину за баню на том основании, что она развалилась. Сенат принял этот вопрос к рассмотрению и объявил о правомочности неуплаты пошлины за баню³⁷⁴.

Свидетельством того, что император хорошо понимал ценность гвардии, является и вопрос об отпусках в Преображенском и Семеновском полках. Отметим вначале, что полковое начальство армейских полков в это время чрезвычайно неохотно отпускало офицеров в «отлучки» даже по уважительной причине (смерть близких, «разоренье» имения, побеги крепостных, грабежи и т. д.). Правительствующий Сенат издавал постановления (например, решение от 17 июля 1711 г.), в которых требовал от губернаторов «строго смотреть за приезжающими в отпуск высшими и низшими военными чинами и не позволять им жить ни в постоялых, ни в частных дворах без объявления причин своего приезда»³⁷⁵.

На этом фоне получить отпуск в гвардии было достаточно легко даже солдату. При этом здесь очевиден и общий рост количества ежегодно получаемых отпусков. Особенно значительной эта цифра стала к 1720-м годам в связи с окончанием Северной войны. Число сохранившихся челобитных с просьбами об «отлучке в дом свой» в одном только Преображенском полку в период с июня 1721 г. по февраль 1722 г. равнялось 41. Все они были удовлетворены³⁷⁶. Тот факт, что прошения об отпусках с положительным ответом стали в гвардии нормой, подтверждают и данные о численности полков.

Между прочим, надо сказать, что штат гвардейских полков в XVIII в. неизменно возрастал. П.П. Карцов, автор одной из самых авторитетных работ по истории семеновцев, сопоставил штат полка за 1704, 1716 и 1722 гг. В это время в полку служили 2072, 2487 и 2586 офицеров и солдат соответственно³⁷⁷. Интересно и то, что

Преображенский полк всегда был больше Семеновского. В 1701 г., например, на службе у преображенцев состояло 2204 человека, а у семеновцев – всего лишь 1589. В 1706 г. аналогичные цифры у преображенцев составили 2936, а у семеновцев – 2104 человека³⁷⁸. А значит, в 1701 г. штат Преображенского полка по отношению к семеновцам был больше на 615, а через 5 лет уже на 832 человека*.

Возвращаясь к вопросу об отпусках, отметим следующий эпизод: 1 апреля 1723 г. в Преображенском полку налицо было 1085 человек, а в Семеновском – 1116 человек³⁷⁹. Учитывая, что число гвардейцев, находившихся в походах и «отлучках» по государственным делам, в этот период неизменно падает, можно предположить, что «потеря» определенной части личного состава каждого из полков была вызвана еще и удовлетворением прошений об отпусках. Примечательно, что традиционно во время пребывания на зимних квартирах в отпуска могла уходить лишь четверть полка³⁸⁰.

Отношение к задержкам гвардейцев из отпусков было более чем лояльным. Случаи такого рода были часты, что не могло не вызывать тревогу у командования. Поэтому гвардейцев, отправлявшихся в отпуска, традиционно пугали разного рода санкциями в случае неявки в установленный срок, как то: разжалованием³⁸¹ или тем, что «движимое и недвижимое имение отписано будет на ево императорское величество»³⁸². Тем не менее наказания офицеров за опоздания из отпусков были весьма мягкими. В документах Семеновского полка за 1707 г. сохранились свидетельства о разжаловании в солдаты за просрочку отпуска троих офицеров (капитанов князя А.П. Хованского³⁸³, В.И. Чаадаева³⁸⁴ и князя В.М. Матвеевича³⁸⁵). В том же году все они были опять пожалованы в капитаны. В 1719 г. за задержку из отпуска гвардейцев уже не лишали чина, а просто штрафовали³⁸⁶. Эти факты объясняются снисходительным отношением в гвардии к проступкам, которые в армейских полках были бы расценены как преступление.

Кроме того, при решении социальных проблем гвардейцев Петр допускал возникновение противоречий между существовавшей в Преображенском и Семеновском полках практикой и принятыми правовыми нормами. Так, согласно «Указу о порядке

* По подсчетам М. Азанчевского, в 1706 г. штат Преображенского полка был еще больше и составлял 3296 человек (*Азанчевский М.* История Преображенского полка. М., 1859. Приложения. С. 60–61).

принесения жалоб военными служащими и запрещении коллективных челобитий» 1706 г., устанавливался следующий порядок разрешения противоречий: «Которой офицер драгуну или солдату иной роты какую обиду или налогу (притеснение) учинит и тому бить челом о том капитану своей роты, чтоб он за него об ево обиде донес полковнику, а мимо капитана отнюдь полковнику не бить»³⁸⁷. Анализ источников по истории русской гвардии конца XVII – первой четверти XVIII в. показывает, что данное установление не распространялось на преображенцев и семеновцев. Здесь любой солдат имел право обратиться с жалобой или прошением напрямую к своему командиру. Чины Преображенского полка, для которых царь был командиром, передавали свои просьбы непосредственно Петру I. Этим правом, впрочем, обладали и семеновцы³⁸⁸.

Очевидно также и стремление Петра I обеспечить определенный комфорт в гвардии. Известно, что «...наряду с офицерскими денщиками были и «ротные денщики», а для личных услуг офицерам и даже рядовым гвардии при войсках находились «слуги, которые вне полкового списка, и извозчики»³⁸⁹.

Петр старался улучшить и медицинское обеспечение гвардии. Вплоть до середины 1710-х годов говорить о какой бы то ни было стабильности в медицинском обслуживании этих полков просто не приходится. В период проведения военных действий больных оставляли в городах, через которые проходила гвардия. В полковых документах по этому поводу указывалось, что «на дороге осталось... человек». Устроенные в городах постоянные или временные госпитали обязаны были принять раненых и лечить их за казенный счет. Полковая казна в покрытии таких расходов участие не принимала.

Ситуация менялась в период дислокации полков в одной из столиц. Стационары здесь отсутствовали, и поэтому всем заболевшим надлежало являться на квартиру полкового лекаря для осмотра. Тот же лекарь, как предполагалось, должен был ежедневно посещать больных, которые не могли самостоятельно добраться до его квартиры.

Осуществление подобных задач было делом почти невероятным, особенно в условиях новой столицы. Во-первых, несмотря на желание Петра I устроить в Санкт-Петербурге ротные слободы Преображенского и Семеновского полков по примеру подмосковных сел, эта идея так и не была реализована, и ротные помещения и квартиры были разбросаны на огромном расстоянии. Во-вторых,

медицинского персонала, обслуживающего каждый гвардейский полк, никогда не было достаточно. До 1705 г. в каждом гвардейском полку значился только один лекарь. Впоследствии же в полковых списках появляются также и батальонные лекари, которым надлежало посещать больных своего подразделения. Общее число батальонных и полковых лекарей, однако, не было постоянным. В среднем на протяжении петровского царствования в каждом полку гвардии было по три лекаря³⁹⁰.

До середины 1710-х годов в Преображенском и Семеновском полках в качестве помощников лекарей значились фельдшеры (или цирюльники). При этом младший медицинский персонал при полках, несмотря на наличие специальных знаний, не считался в этот период особой статусной категорией.

Фельдшеры и впоследствии лекарские ученики входили в так называемую гвардейскую «заротную команду», состоявшую также из алебардчиков, извозчиков, денщиков, а позднее еще и из гобоистов, профосов, писарей и мастеровых, т. е. из невоенных чинов. Заротные, однако, не были оторваны от полка. Эти чины часто пополняли ряды солдат, а впоследствии и младших офицеров. Оплата большей части медицинского персонала соответствовала солдатским окладам.

Отсутствие особого статуса полковых медиков вело, в свою очередь, к рекрутированию части персонала из солдат полка. Так, место фельдшера Андрея Колобова, который был «в баталию с турком ранен и от полку отставлен», занял солдат Алексей Тетерин³⁹¹. Аналогичным образом в 1712 г. стал фельдшером и солдат Григорий Кропотов³⁹². Интересно, что возможность дальнейшего возвращения такого человека на основную службу в часть сохранялась. Так произошло с фельдшером Семеновского полка Григорием Назарьевым, который в 1712 г. был «написан» в «олебарщики». Его место занял извозчик Анисим Вешняков. В том же году изменил свой статус и фельдшер Иван Разкипкин, ставший капралом одной из рот Семеновского полка³⁹³.

Такие «солдатские фельдшеры», вероятно, достаточно смутно понимали специфику своего нового положения, что, в свою очередь, не способствовало установлению их контактов с лекарями и стремлению перенять от них какие-либо специальные знания и навыки. К тому же лекари гвардии на протяжении царствования Петра Великого были в большинстве своем иностранцами (Семеновский полк (1719 г.): Абрам Энд, Иоганн Кондрат Фриз, Ридрих Энзон; Преображенский полк (1719–1721 гг.): Яков Фонталер, Вилим Фреэр, Крестьян Гатекилвент).

Неблагополучной была ситуация и с медикаментами, которые получали из главной аптеки по требованию и только за подписью всех лекарей полка. Помимо собственно медикаментов, «аптека» полка пополнялась разного рода целебными травами (зверобоем, ромашкой и др.), которые по мере необходимости собирали фельдшеры, лекарские ученики и часто барабанщики полка.

Насколько развитыми были методы лечения, можно судить, например, по распространенной в то время практике лечить дизентерию, эпидемия которой в летний период едва ли не ежегодно поражала как гражданских, так и военных строителей новой столицы. Болезнь лечили настойкой из водки и сосновых шишек.

Конечно, медицинский уход за отдельными гвардейцами всегда мог быть более внимательным, особенно если речь шла о приближенных и родственниках Петра I или людях, важных для выполнения какого-либо специального поручения. Чрезвычайно показательным в этом отношении дело капитана лейб-гвардии Преображенского полка В.Ф. Салтыкова, брата царицы Прасковьи Федоровны, а значит, близкого родственника царя. Заболев, он был подвергнут лечению, которое, впрочем, не дало результата. В связи с этим консилиум приглашенных врачей принял решение, что «лутче ехать ему к дохтуру в Берлин»³⁹⁴, так как болезнь его «хидагра, похондра» не может быть вылечена в России. Полковое начальство одобрило решение и, вероятно, взяло расходы на себя³⁹⁵. Этот случай не единичен. В 1720 г. лекарю Преображенского полка было приказано осмотреть больного солдата 6-й роты. При условии, если лекарь сочтет лечение на месте невозможным, солдата в сопровождении унтер-лейтенанта Долькова предполагалось отправить на подводе в Ревель. Дальнейший контроль за этим делом было поручено осуществлять майору М.А. Матюшкину, находившемуся в тот момент в Ревеле³⁹⁶. Не совсем понятно, чем простой солдат заслужил подобное внимание, однако факт остается фактом.

Ситуация начинает меняться с середины 1710-х годов, что, безусловно, было вызвано вполне объективными причинами. Так, категория гвардейцев, оставшихся «за ранами и болезнями» в других городах, постоянно причиняла беспокойство полковому начальству: сбор информации о них был часто затруднен, за их последующим передвижением в полк было сложно уследить³⁹⁷, отсутствие данных о таких людях порой ставило вопрос об их статусе и о вероятной необходимости зачислить их в число «беглых».

Возвратившись на службу, они неизменно обращались к начальству с челобитными о неуплатах жалованья³⁹⁸. Денег на улучшение медицинского обслуживания в гвардии хронически не хватало³⁹⁹.

В это время полковые документы демонстрируют все большую заинтересованность гвардейцев в улучшении этой стороны своей жизни посредством конкретных действий. Так, в 1712 г. во время кригсрехта, произведенного над бывшим Полоцким комендантом Н.Т. Ржевским по обвинению в пропуске судов мимо Полоцка к Риге, «презус» (председатель) суда генерал-майор А.А. Головин предложил в качестве дополнительной санкции взыскать полученные Никитой Ржевским в качестве взяток деньги «в салдацкую шпитал»⁴⁰⁰. И хотя столь значительных средств «госпитальная часть» Преображенского полка в итоге не получила, стремление А.А. Головина более чем показательное.

С 1714 г. в полках гвардии начинают появляться лекарские ученики. Первоначально они рекрутировались из той же категории заротных или из солдат⁴⁰¹. Это, впрочем, совершенно не устраивало полковое начальство. В декабре 1717 г. командование преображенцев указывало Петру I, что «лекарские ученики ныне в ротах безграмотные толко что умеют бороды брить, а к лекарской науке употребить их немощно и для того требуют лекари чтоб у них для науки были из школьников которые в латинской наук были»⁴⁰². Возможно, жалобы такого рода возымели свое действие: в конце 1710-х годов лекарских учеников стали набирать из молодых грамотных недорослей, солдатских детей или разного рода «школьников», а не из солдат-гвардейцев.

Появившийся в 1716 г. «Военный устав» впервые установил в российской армии особую медицинскую службу. Согласно этому документу требовалось, чтобы доктор *«не только в медицине доброе основание и практику имел, но дабы трезвым, умеренным и доброхотным себя содержал и в нужном случае как нощию так и днем надлежащим образом, написанием рецептов и учреждением лекарств отправлять мог»*. Лекарю также надлежало постоянно проводить обучение своих помощников, в частности фельдшеров, которых согласно Уставу следовало *«не только для одного бритья солдатского употреблять»*⁴⁰³. Предполагалось, что наиболее способные фельдшеры могут впоследствии стать армейскими врачами.

«Госпитальная часть» гвардии была улучшена и в связи с указом Петра 1722 г., согласно которому гвардейскому полковому начальству предписывалось удерживать половину жалованья

у офицеров и унтер-офицеров, находившихся в госпитале или пользовавшихся лечением на квартире. Эти деньги оставались в полку и предназначались для покрытия казенных расходов на лечение такого больного⁴⁰⁴.

В этом смысле гвардия, несомненно, отличалась от армии. Ведь, во-первых, согласно «Военному уставу», медицинское обслуживание в армии было бесплатным. Исключение составляло лишь лечение офицеров, заразившихся «французской болезнью» (сифилисом) или получивших раны в драках. В подобных случаях с них брали плату, выражаясь словами устава, «смотря по случаю и рангу». Во-вторых, в армии также существовала система удержания половины жалования больного, однако такое удержание носило условный характер. Иными словами, сразу после выписки солдата из лазарета оставшееся жалование выплачивалось ему сполна. Такая мера считалась действенной в борьбе с симулянтами и разного рода «мнимыми больными»⁴⁰⁵.

В это же время – в начале 1720-х годов – медицинский персонал гвардии начал получать уже совсем другие оклады. Так, в 1723 г. годовое жалование старшего лекаря Семеновского полка составляло 240 руб. и более чем на 100 руб. превышало оклад гвардейского капитана. Лекарский ученик получал, в свою очередь, 36 руб., т. е. почти в 2 раза больше сержанта-семеновца⁴⁰⁶.

Говоря о преимуществах, полученных гвардией в период царствования Петра Великого, нельзя не отметить одну характерную для них особенность. Вне зависимости от того, к какой именно сфере относились все вышеперечисленные привилегии, сам процесс надделения ими, как правило, носил агрессивный и знаковый характер.

Так, если речь шла о военных наградах, то они, несомненно, были подчеркнута высокого достоинства. Например, в 1723 г. И.И. Дмитриев-Мамонов обратился с письмом к Я.В. Брюсу, в котором напомнил, что по указу императора он должен был содействовать перемене серебряных медалей для офицеров гвардейских полков, «бывших в Низовом (Персидском) походе», на золотые⁴⁰⁷. Если дело касалось чествования кого-либо из гвардейцев или даже члена его семьи, то торжеству стремились придать самый яркий вид. Из всех многочисленных свадеб приближенных Петра в 1721–1722 гг., на которых присутствовали чины Преображенского и Семеновского полков⁴⁰⁸, лишь празднование вступления в брак дочери князя-кесаря Ф.Ю. Ромодановского и гвардейца молодого графа М.Г. Головкина сопровождалось появлением государя в

качестве маршала свадьбы и шаферов из капитанов и поручиков. Гвардейцы были верхом⁴⁰⁹. Это говорило о стремлении придать церемонии особую торжественность.

Таким образом, Петр I стремился создать из гвардии структуру, форма и содержание которой максимально соответствовали возложенным на нее полномочиям. Последнее было достигнуто за счет формирования автономного положения гвардии в системе российской государственности на основе получения ею особого правового статуса, также здесь поддерживался принцип коллегиальности управления. Можно констатировать наделение гвардии многочисленными привилегиями и преимуществами в рамках как военной, так и гражданской системы.

Количество привилегий со временем переросло в качество, позволяющее идентифицировать гвардию как совершенно особую единицу. Положение преображенца или семеновца давало известную свободу в отношении к целому ряду существующих норм первой половины XVIII в. Гвардейский чин стал своего рода охранной грамотой для преображенцев и семеновцев в ситуациях, которые для большей части населения России того периода стали бы причиной бед и несчастий. Фактически понимание Петром Великим ценности гвардии сопровождалось стремлением дать людям, причастным к ней, определенную защищенность от произвола и жестокости норм, созданных им самим для всех остальных подданных. При этом наделение гвардейцев декларированными правами и привилегиями не зависело от социального происхождения или чина каждого из них, т. е. было фактически *корпоративным*.

4

Принципы комплектования гвардии

Принципы комплектования гвардейских полков претерпели на протяжении царствования Петра I существенные изменения.

В конце XVII – начале XVIII в. говорить о какой-либо системе здесь не приходится. Офицерский и солдатский состав Преображенского и Семеновского полков пополняется по мере необходимости. Источниками становятся, как правило, близкие

к гвардии части. Так, с сентября 1688 г. начинаются регулярные переводы на службу к молодому Петру в Потешное войско солдат Бутырского полка⁴¹⁰. П.О. Бобровский выдвинул предположение, что такие посылки делались и из другого Выборного полка – Лефортовского⁴¹¹. Число этих солдат достигало 60 человек⁴¹².

При этом национальный состав Преображенского и Семеновского полков в это время был более или менее однообразным. Солдатскую массу всегда составляли русские. Несколько иной была ситуация с офицерским составом этих полков. Источники конца XVII в. в один голос заявляют о том, что процент иноземцев здесь был очень высок. И.Г. Корб, говоря о 1698 г., заметил, что офицеры в этих полках «почти все немцы (иностранны. – Е. Б.) или по рождению или по происхождению»⁴¹³. Действительно, в это время офицеров-иностранцев здесь было довольно много. Это были жители общин московской Немецкой слободы⁴¹⁴, а также иностранцы, «призванные» в Россию в 1697–1698 гг.⁴¹⁵

Как известно, на протяжении первой четверти XVIII в. петровская политика в отношении службы иностранцев в России серьезно изменилась. К окончанию Северной войны общая численность иноземных офицеров, столь востребованных в России конца XVII в., сократилась в несколько раз и в 1721 г. составила 280 человек, что соответствовало лишь 12,6% всего командного состава русской сухопутной армии⁴¹⁶.

Однако если для русской армии перемены в этом отношении начались, по мнению ряда исследователей, с 1710-х годов, т. е. после победоносной Полтавы⁴¹⁷, то в гвардии изменения такого рода относятся уже к началу 1700-х. Гвардейские полковые списки ясно показывают, что начиная с первых лет Северной войны и до конца петровского царствования абсолютное большинство офицеров Преображенского и Семеновского полков составляли русские⁴¹⁸. К появившимся здесь иноземцам относились придирчиво, помня бегство офицеров-иностранцев во время первой Азовской кампании и осады Нарвы в 1700 г. От них требовали соответствия некоему общему стандарту: уже в середине 1700-х незнание русского языка офицером этого полка расценивалось здесь как нечто совершенно неприемлемое, попросту говоря, как дикость⁴¹⁹.

Более того, если прием иностранцев на службу в Преображенский и Семеновский полки и производился, то акции такого рода никогда не носили массовый характер.

Совершенно невозможной для гвардии была, скажем, ситуация, в которую попал летом 1707 г. генерал Р.Х. Боур. Находясь со своими частями в Польше, он получил обращение от большой группы иностранцев, желавших поступить на русскую службу. При этом «немцы» обещали верно служить и демонстрировали «великую склонность». Не долго думая, Боур решил «со своими гренадерами их смешать», т. е. принял на службу⁴²⁰. Аналогичные действия со стороны гвардейского командования были совершенно недопустимы: «национальный вопрос» здесь был давно решен, и не в пользу иноземцев, а выбор будущего преображенца или семеновца, как будет показано выше, был делом, требующим внимания и тщательности, а отнюдь не спешки.

Первоначально общественный статус будущих гвардейцев значения не имел: здесь были представлены выходцы из самых разнородных социальных слоев. Так, в 1689–1699 гг. появляются указы «О приеме в бомбардирскую роту Преображенского полка всяких чинов, желающих вступить в оную»⁴²¹, и о зачислении «новоопределяющихся в Преображенский полк»⁴²². При этом все добровольно записавшиеся в полк крепостные получали существенные привилегии. Они сами, а также их вдовы матери, дети, пасынки и падчерицы моложе 15 лет освобождались от крепостного состояния⁴²³, а помещики обязывались «снабжать таких рекрут и их семейства определенным платежом и кормовыми деньгами и возратить оставшиеся их пожитки»⁴²⁴.

Пополнение гвардии людьми из непривилегированных слоев, вероятно, было наиболее активным в момент Азовских походов⁴²⁵. Впрочем, призывы «всяких чинов» людям записываться в гвардию, судя по источникам, повторялись и позднее – в 1701 г.⁴²⁶

Необходимость «заманивать» в Преображенский и Семеновский полки кого бы то ни было, невзирая на принадлежность к «подлому сословию», а с ней и процедура добровольной записи в гвардейские части с началом XVIII в. отошли в прошлое. И хотя потенциальная возможность вступления в полки «всяких чинов» людей всегда существовала*, закрепившийся за ними с начала

* Так, в послужных списках семеновцев есть указание на то, что в 1712 г. в солдаты полка был записан «посадский человек» (Послужные списки Семеновского полка, 1712 г. РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. В. 11. Л. 68). Этот случай, впрочем, несомненное исключение. Для большей информа-

1700-х годов статус привилегированных частей и непосредственная близость к фигуре царя делали их чрезвычайно привлекательными в первую очередь для дворян⁴²⁷.

Впрочем, вероятно также, что сам Петр I был заинтересован в пополнении гвардии за счет представителей именно этого социального слоя. Так, Б.И. Куракин, вспоминая события 1703–1704 гг., сообщает, что «...разбирал Его Величество недорослей знатных самых персон, которых выбрал с пятьсот или с шестьсот человек, и написал в солдаты в Преображенской полк и Семеновской – и служат, в которых объявлено фамилий знатных: князя Голицыны, князя Черкасские, князя Хованские, также иные фамилий знатных...»⁴²⁸

Пополнение Преображенского и Семеновского полков дворянами началось со специальных наборов дворянских недорослей в эти части в 1711 и 1715 гг. Появление же упоминавшегося выше указа 1714 г. о производстве в офицерские чины дворян, не служивших солдатами в гвардии⁴²⁹, закрепило эту тенденцию.

В конце 1710 – начале 1720-х годов дворян среди личного состава гвардии было почти 44%⁴³⁰. По подсчетам историка М.Д. Рабиновича, «...доля дворян среди гвардейских офицеров была гораздо выше, чем среди офицеров армейских пехотных полков – 89,7% против 52%»⁴³¹. Следует также отметить, что в этих полках привилегированными в социальном отношении были капралы и бомбардиры. Среди них дворяне составляли 82,8%⁴³². Высокий процент выходцев из дворян среди бомбардиров вполне объясним. Служба такого рода требовала целого комплекса военно-технических навыков и знаний, которые в начале царствования Петра I могли быть приобретены в основном за границей. Именно поэтому, по крайней мере первое время, бомбардиры пополнялись за счет обучавшихся за рубежом дворянских детей.

Новым этапом на пути изменения социального состава гвардии стали 1720-е годы. Период этот, однако, нельзя назвать переломным. Напротив, он явился фактическим продолжением процесса увеличения дворян среди личного состава Преображенского и Семеновского полков. Именно в это время возникла необходимость четкого определения источников пополнения гвардии. Это было вызвано популярностью службы в элитных подразделениях:

ции см., например: Письмо В.В. Долгорукого Петру I от 28 февраля 1711 г. // Письма и бумаги. Т. 11. Вып. 1. С. 90.

число челобитий разного чина людей с просьбами записать для службы в гвардейские полки своих сыновей, родственников и знакомых с течением времени стремительно увеличивалось. В соответствии с указом от 7 марта 1721 г. набор в Преображенский и Семеновский полки шел за счет качественно нового отбора представителей высшего сословия, а именно за счет «недорослей знатного шляхетства»⁴³³. Последнее подразумевало дворянство, достигшее существенного уровня «по годности»⁴³⁴, т. е. по рангу, а не по имущественному положению.

В историографии утвердилось мнение, что Петр I не поощрял введение имущественного ценза при отборе дворян в Преображенский или Семеновский полки⁴³⁵. При этом, говоря об отсутствии здесь ценза, исследователи имеют в виду привлечение в гвардию дворян с невысоким уровнем материального достатка.

Действительно, указ 1721 г. являлся базой для рекрутирования в Преображенский и Семеновский полки именно этой категории людей. Так, 513 из 657 указавших свое имущественное положение дворян, служивших в Семеновском полку в 1724 г., имели не более пяти крестьянских дворов (около 20 крепостных) или не имели их вовсе⁴³⁶, следовательно, были дворянами со средним и низким уровнем материального достатка. Аналогичным было положение в среде гвардейских недорослей. Так, например, из 14 выбранных Петром I 10 июня 1712 г. в солдаты гвардии недорослей и школьников лишь один – А.П. Дорошенко – был владельцем более 200 дворов. Остальные имели от 8 до 50 дворов⁴³⁷.

Приведенные выше данные не случайны. С одной стороны, очевидно, что число дворян, владевших большой феодальной собственностью, не было достаточным для укомплектования «знатным шляхетством» более чем 4-тысячной гвардии. Тем более что гвардия в данном случае была не единственным предполагаемым полем деятельности для знатного шляхетства. С другой стороны, учитывая количество и качество возлагаемых на гвардию полномочий, а также необходимость превращения ее в слаженную и преданную императору структуру, уровень индивидуальной зависимости гвардейцев от получаемых службой доходов оказался одним из рычагов давления на гвардию вне зависимости от того, осознавал это или нет сам монарх.

Однако система комплектования гвардии развивалась отнюдь не только в сторону «одворянивания». Целый ряд факторов, не замеченных исторической литературой, сыграли существенную роль в формировании корпоративности этих частей. Главный

из них – тенденция ко все большей закрытости и обособленности. Важной составной частью комплектования гвардии стало наличие здесь большого числа родственных связей, т. е. семейственность.

Известно, что в конце 1710 – начале 1720-х годов в России появилась практика записи малолетних солдат из дворян в армейские полки. Считается, что само начало этой традиции было положено Петром I в 1715 г., когда император наградил генерал-майора Г.П. Чернышова, записав его трехлетнего сына солдатом именно в Преображенский полк⁴³⁸.

Такая практика не была распространенной в период петровского царствования. Однако само ее появление и последующее распространение, несомненно, оказали влияние на утверждение в гвардии принципа семейственности. Ведь такими малолетними солдатами в большинстве своем становились дети уже служащих в этих частях солдат и офицеров. В Преображенский полк были записаны дети таких известных гвардейцев, как князь М.М. Голицын и А.Д. Меншиков. При этом двое сыновей последнего – Самсон-Павел и Лука-Петр еще при крещении получили чины поручиков, что напрямую противоречило установленным Петром нормам⁴³⁹ последовательного роста в чинах. Бывали, однако, и исключения: в знак уважения к фельдмаршалу Б.П. Шереметеву, имевшему достаточно опосредованное отношение к гвардии, в 1713 г. Петр пожаловал его новорожденного сына чином прапорщика Преображенского полка⁴⁴⁰.

Малолетним гвардейцам исправно платили жалованье, которое далеко не всегда было минимальным⁴⁴¹. Известны случаи, когда подобные преобразенцы или семеновцы получали «старый» оклад. В 1717 г. командование Преображенского полка жаловалось Петру I: «...которые особы бьют челом вашему величеству о приверстании малых своих детей в гвардию в солдаты и ныне таких несколько... и жалованье получают а особливо Данилы Новицкого сын с 15 лет пишется малолетним, а жалованье получает старой оклад а в комплект не определен и не служит»⁴⁴². Положение малолетних в гвардии привело к постановлению 1724 г. о необходимости малолетним солдатам выставить за себя на действительную службу людей или же числиться в полках без денежного и хлебного жалованья⁴⁴³.

Еще одним свидетельством в пользу семейственности являются просьбы гвардейских офицеров записать их уже не малолетних сыновей и других родственников в те же полки. Такие челобитья, как правило, удовлетворялись⁴⁴⁴.

Источники по истории гвардии, включая материалы личного происхождения, переполнены сообщениями о существовавших в гвардии родственных связях. Б.И. Куракин, вспоминая о своем пребывании в Семеновском полку, указывает, что там же служил и его брат Михаил Иванович⁴⁴⁵. У чрезвычайного российского посланника в Китае в 1719–1721 гг. капитана преображенцев Л.В. Измайлова в гвардии также служил брат⁴⁴⁶. А. Петров-Соловой имел в полку «свойственника» – солдата И. Ляпунова⁴⁴⁷. Автор знаменитых «Записок» Я.П. Шаховской в возрасте 14 лет был записан в тот же полк, где в офицерском чине служил его дядя – А.И. Шаховской. При этом Я. Шаховской напрямую говорит о том, что попал в полк не каким-либо означенным формальным путем, а при посредничестве («представлении») дяди⁴⁴⁸.

Не стоит забывать о родственниках самого императора в лейб-гвардии. Здесь служили родственник царицы Натальи Кирилловны – генерал-адъютант С.Г. Нарышкин, брат царицы Марфы Матвеевны, жены царя Федора, – князь Я.А. Голицын, брат царицы Прасковьи Федоровны – В.Ф. Салтыков, муж Ксении Лопухиной, сестры первой жены Петра I, – Б.И. Куракин. Именно в гвардию Петр определил для службы царевича Алексея Петровича и будущего мужа цесаревны Анны Петровны герцога Голштинского. И наконец, в начале 1720-х годов император согласился на свадьбу своей племянницы царицы Прасковьи Ивановны, родной сестры будущей императрицы Анны, с известным гвардейцем И.И. Дмитриевым-Мамоновым. Первый случай морганатического брака в русской истории вызвал фурор в обществе, стал предметом разговоров при дворе, был отмечен в депешах иностранных дипломатов. Хотя этот брак так и остался официально не объявленным, сам факт можно считать знаковым. Женитьба на царице из рода Романовых утвердила бесспорную принадлежность Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова к высшему свету, открыв перед уже заслуженным генералом поистине блестящую карьеру.

Однако свидетельства такого рода при всей их важности все же иллюстративны и представляют во многом частную историю того или иного рода. Они не могут адекватно продемонстрировать распространенность семейных связей в гвардии на уровне всей структуры. Для понимания этого аспекта проведем анализ списков личного состава этих полков.

Предваряя выводы такого исследования, следует сказать, что родственные связи в гвардии могли быть самыми различны-

Гюст (с оригинала Г. Кнеллера),
Князь Борис Иванович Куракин.
Гравюра. 1710-е годы

ми: отцы–сыновья, деды–внуки, братья, двоюродные братья, свояки, кумовья. Вероятно, существовал здесь и уровень отношений зять–тесть, племянник–дядя.

Список дворян Преображенского полка за 1724 г. дает нам следующие цифры¹⁴⁹. Из 1482 человек 937 (63%) принадлежали к группе, которую условно можно определить как «однофамильцы». В данном случае речь идет о двух и более представителях свыше 300 фамилий. Среди последних значатся как известные дворянские роды (Апраксины, Бестужевы, Вельяминовы, Бутурлины, Глебовы, Голицыны, Долгорукие, Нарышкины, Румянцевы, Толстые, Юсуповы и др.), так и куда более скромные семейства (Алексеевы, Барановы, Жуковы, Ивановы, Карповы, Козловы, Лыковы, Марковы, Никитины, Озеровы, Павловы, Тарасовы, Федоровы, Хомутовы, Яковлевы и др.). Какой процент составляли здесь родственники (в том числе и неблизкие), неясно. Это связано прежде всего с недостатком исследований по генеалогии дворянских родов XVIII в. Так, при всей очевидной связи людей с такими редкими фамилиями, как Бороноволоков, Доможиров, Ендогуров, Князьяпин или Таптыков, доказать их родство не всегда возможно. Тем не менее мы можем констатировать, что среди указанного числа однофамильцев 329 человек (22%) составляют люди, у которых совпадают фамилия и отчество, т. е. возможные братья. Так, в одной только Бомбардирской роте Преображенского полка в 1724 г. служили Иван Алексеевич и Сергей Алексеевич Зимнинские, Дмитрий Васильевич и Гаврило Васильевич Золотиловы, Григорий Гаврилович и Андрей Гаврилович Чирковы. В списках 2-й роты в это же время можно встретить имена князей Енгальчевых – Федора и Герасима Сергеевичей. В 4-й роте служили Петр Игнатьевич и Матвей Игнатьевич Малечкины, а также Иван Иванович и Василий Иванович Хрущовы, а в 9-й – Афанасий, Василий и Матвей Ивановичи Володимеровы. В 10-й роте обращают на себя внимание имена Дремонтия Григорьевича и Петра Григорьевича Голенищевых-Кутузовых, Андрея Богдановича и Ивана Богдановича Трулмановых, а также Петра Михайловича и Михаила Михайловича Салтыковых. Но особенно интересно выглядят списки 6-й и 7-й рот Преображенского полка. В первой из них служило шесть человек, носивших фамилию Аракчеев, а во второй – пятеро Ушаковых. При этом среди Аракчеевых было трое Панфиловичей (Артамон, Любим и Емельян) и двое Зиновьевичей (Александр и Максим), а среди Ушаковых – двое Дмитриевичей (Иван и Семен).

Братья, как и возможные родственники в целом, конечно, совсем не обязательно числились в одной роте. Например, из семерых Хрущовых, фигурирующих в списках Преображенского полка за 1724 г., четверо служили в 1-й роте, а все остальные – в Бомбардирской, 6-й и 9-й ротах. Из четверых же однофамильцев лишь Иван и Петр Васильевичи Хрущовы проходили службу в одной роте⁴⁵⁰.

Архивные фонды гвардейских полков предоставляют нам также информацию и о количестве гвардейцев, объединенных связями отец–сын. В 1724 г. император приказал собрать о сыновьях гвардейцев как можно более полную информацию, касающуюся, прежде всего, их возраста и службы. В составленном в следующем году списке пригодными к службе значились 60 человек, все – старше 10 лет. При этом 12 из них были обозначены как уже служащие или приписанные к Преображенскому полку, а один (сын подполковника И.И. Бутурлина Аркадий) непродолжительное время служил фендриком Семеновского полка⁴⁵¹. Таким образом, более чем пятая часть от общего числа потенциальных рекрутов уже оказывалась связанной с гвардией.

Эти цифры, однако, могут быть скорректированы. Тот факт, что значительное количество преображенцев в момент создания списка дворянских детей служащих полка находилось в 1725 г. «в отлучении» и, соответственно, не предоставило сведений о своих семьях, позволяет предположить, что число это могло быть более значительным.

На протяжении всего периода петровского царствования процент родственников среди офицеров был в целом выше, нежели в солдатской среде. Рассмотрение послужных списков офицеров-семеновцев, поступивших в полк в период 1690–1725 гг. (всего 311 человек), позволило выделить 128 (43%) однофамильцев⁴⁵².

К концу 1724 г. ситуация несколько изменилась. В это время число однофамильцев среди дворян-солдат Преображенского полка было больше, чем среди офицеров, принадлежащих к тому же сословию. Из 1162 солдат к этой категории могло быть отнесено 635 человек (55%), тогда как у офицеров эти цифры составляли 115 человек из 320 (36%). Количество возможных братьев в солдатской среде достигало 17%, а в офицерской лишь 12%⁴⁵³.

То, что к концу 1720-х годов количество родственных связей в солдатской среде становится более значительным, представляется знаковым: тенденция к замкнутости офицерского состава гвардии дополняется аналогичным явлением в солдатской среде.

Однако в целом стоит отметить, что разделение офицерской и солдатской среды здесь носит условный характер, так как на уровне семейных связей никакой обособленности не наблюдается. Так, в списках Преображенского полка за 1724 г. 122 человека (8,2% от общего количества дворян в полку) составляли офицеры, имеющие родственников среди солдат, и наоборот⁴⁵⁴.

По указанным выше причинам, а также из-за плохой сохранности материалов о семейном положении гвардейцев первой четверти XVIII в. чрезвычайно осложнен вопрос и о частоте заключения браков между гвардейцами и родственницами их сослуживцев. Здесь мы можем лишь констатировать, что такие браки имели место. Источники личного происхождения дают нам пример свадьбы майора гвардии М.А. Матюшкина и вдовы гвардии майора того же полка Яковлева. При этом на церемонии присутствовали 12 шаферов из капитанов и поручиков гвардии⁴⁵⁵. Известно также, что подпоручик гвардии З.Д. Мишуков был женат на племяннице А.Д. Меншикова Анне Леонтьевой, а гвардии капитан И.К. Пушкин – на его сестре Татьяне Даниловне⁴⁵⁶. Гвардейский прапорщик С.А. Головин породнился с подполковником своего полка И.И. Бутурлиным, женившись на его родственнице – А.И. Бутурлиной⁴⁵⁷.

Сыновья солдат и офицеров гвардейских полков имели преимущество при зачислении в эти части. Формальный приоритет детей преображенцев и семеновцев был установлен лишь 10 сентября 1733 г., когда в материалах появилась формулировка «того полку солдатские дети в тот же полк в солдаты определяются»⁴⁵⁸. Однако дети гвардейцев обратили на себя внимание правительства значительно раньше.

В январе 1718 г. Петр указал устроить смотр «в Преображенском на генеральном дворе лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков салдацких детей от семи до двадцати лет 410 человек»⁴⁵⁹. В 1722 г. в «Санктпетербургской Академии и Московской школе» должны были обучаться по крайней мере 48 человек из числа детей гвардейцев⁴⁶⁰. В 1724 г., как уже упоминалось, император собирал информацию о возрасте и месте службы сыновей гвардейцев. Как монарх намеревался использовать эти данные – неясно. Но эти факты со всей очевидностью говорят о его внимании к вопросу родства в гвардии.

Петр I, а также высшие офицеры гвардии, безусловно, поощряли семейственность. Известны случаи, когда чины Семеновского полка переводились в Преображенский и наоборот из-за желания

быть в одном полку со своими братьями и родственниками⁴⁶¹. Так, И.И. Бутурлин в письме к И.И. Дмитриеву-Мамонову 22 января 1725 г. сообщал, что «присланный в 724 году из Военной коллегии недоросль Нестор Апрелев написан в Семеновский полк, а сего генваря в 20 день подал мне доношение помянутой Апрелев и просил, чтоб ево из Семеновского полку переписать лейб-гвардии в Преображенской наш полк в солдаты *к братьям*»⁴⁶². И хотя у нас нет информации о судьбе недоросля Апрелева, вероятно, что два гвардейца высокого ранга, нашедшие время для решения его судьбы, были к нему вполне благосклонны. Эти данные показывают, что наличие родственных связей в гвардии было очевидным, допустимым и даже культивируемым принципом.

Показательно и то, что распространенные в гвардии родственные отношения отражались в официальной полковой документации. Вполне ординарным явлением были записи следующего содержания: «В 7 день генваря 1725 году. К каптенармусу Буркову о выдаче заслуженова жалованья каптенармуса 3 роты Алексея Полтеву *племяннику ево той же роты солдату Ивану Полтеву денежного сентябрьской трети да хлебнова и слянова майской и сентябрьской трети прошлова 724 года*»⁴⁶³. Аналогичным образом часто при переводе из недорослей в солдаты документы фиксировали то или иное число переведенных «из *свойственников солдацких*»⁴⁶⁴.

Вопрос об определении точного соотношения родственников в рамках русской гвардии первой четверти XVIII в., безусловно, нуждается в самостоятельном исследовании. Следует признать, что определение уровня семейственности в гвардии нельзя свести к подсчетам процента однофамильцев. Ведь в этом случае комплекс родственных связей, которые нельзя идентифицировать на уровне фамилий (свояки, кумовья и т. д.), остается за рамками рассмотрения. Тем не менее приведенные выше данные говорят о важности семейных связей в рамках рассматриваемой группы, позволяют предположить влияние на сами принципы комплектования Преображенского и Семеновского полков в сторону большей обособленности гвардии.

Указание на семейственность в гвардии, впрочем, не может окончательно снять вопрос о тенденции к обособленности. Ведь сам тезис о возможной замкнутости Преображенского и Семеновского полков на уровне организации комплектования звучит парадоксально, особенно если вспомнить устойчивое историографическое положение о том, что гвардия являлась «пос-

тавщиком» высокопрофессиональных офицерских кадров для армии. Попытаемся разобраться.

На протяжении конца XVII – первой четверти XVIII в. Россия находилась в состоянии постоянной войны, что, в свою очередь, было сопряжено со значительными систематическими потерями личного состава Преображенского и Семеновского полков и необходимостью его постоянного обновления⁴⁶⁵. Не стоит забывать и о том, что количество чрезвычайных поручений, сопряженных с отлучкой их исполнителей, с течением времени в гвардии только росло. В первое десятилетие правления Петра I, когда пополнение Преображенского и Семеновского полков еще не было достаточно отлажено, это зачастую приводило к постоянному отсутствию существенной части личного состава. Этот факт был замечен современниками. Так, И.Г. Корб, описывая создание морского регимента из нескольких рот Лефортовского, Преображенского и Семеновского полков зимой 1695 г., сделал в своем «Дневнике» ремарку о полном уничтожении Преображенского полка⁴⁶⁶.

Действительно, практически на протяжении всего рассматриваемого периода гвардия находилась в состоянии постоянных потерь и восполнения людских ресурсов. Однако, как ни парадоксально, это нельзя считать нестабильностью.

Во-первых, отъезд гвардейца с целью исполнения какого-либо, даже самого долгосрочного, поручения никогда не означал его полную отставку от полка. Правда, зачастую гвардейцы перед очередной «отлучкой», особенно если последняя грозила затянуться, оговаривали детали подобной службы с Петром I. Б.И. Куракин, например, отправляясь в 1712 г. в Голландию, писал царю: «...прошу милостивого мне призрения о повышении чину в ранг генерала маэора. И чтоб в отбытность мою отлучену не быть от лейб-гвардии Семеновского полку, где от малых лет своих служил»⁴⁶⁷. Просьба Куракина, конечно, была удовлетворена.

Во-вторых, уже к 1710-м годам личный состав Преображенского и Семеновского полков был достаточно устойчивым. Об этом свидетельствуют материалы фондов гвардейских частей. В приведенной ниже сводной таблице содержатся сведения о службе обер- и унтер-офицеров и солдат Преображенского полка в середине 1710 – начале 1720-х годов. Источниками для ее составления послужили списки представляемых к производству за 1714–1716 гг.⁴⁶⁸, а также материалы медицинского осмотра 1721 г.⁴⁶⁹

Таблица

Сведения о службе солдат, обер- и унтер-офицеров Преображенского полка в 1714–1716 гг. и в 1721 г.

Срок службы в полку	1714–1716 гг.		1721 г.	
	Кол-во (чел.)	Кол-во (%)	Кол-во (чел.)	Кол-во (%)
Менее 1 года	0	0	0	0
1–5 лет	17	20	5	1
6–10 лет	11	13	44	13
11–15 лет	19	22	61	18
16–20 лет	24	28	120	35
Более 20 лет	15	17	112	33
<i>Всего</i>	86	100	342	100

Из таблицы видно, что 67% преображенцев из числа получивших повышение в 1714–1716 гг. служили в гвардии более 10 лет. Таким образом, можно предположить, что в целом к середине 1710-х годов большую часть Преображенского полка составляли люди, рекрутированные еще в начале Северной войны. Следует отметить, что категорию служивших в гвардии от года до пяти лет составляли в основном солдаты и бомбардирские ученики.

Данные за 1721 г. еще более показательны. Абсолютное большинство рассмотренной группы – 86% – служили в полку более 10 лет, из них 33% – более 20 лет. Более того, из 342 преображенцев, прошедших медицинский осмотр в 1721 г. и уволенных по болезни или за старостью, 75 человек были зачислены в полк еще в XVII в.

Цифры будут выглядеть еще значительнее, если провести исследование офицерского состава гвардии. Анализ послужных списков офицеров-семеновцев показывает, что из поступивших в гвардию в период с 1690 по 1725 г. 30% продолжили службу здесь в течение как минимум 6–10 лет, а неполных 25% – на протяжении 11–15 лет. Таким образом, число офицеров, прослуживших в Семеновском полку более 10 лет, достигало примерно 50%⁴⁷⁰.

Аналогичные цифры дает изучение материалов фонда Преображенского полка. Здесь сохранился список штаб-, обер- и

унтер-офицеров за 1727 г. со сведениями о службе. Отметим, что, хотя указанный документ был составлен в период царствования Екатерины I, сведения, содержащиеся в нем, могут быть использованы для разработки истории гвардии времен Петра Великого. Ведь согласно данному списку число штаб-, обер- и унтер-офицеров, поступивших на службу в Преображенский полк после смерти Петра, т. е. в 1725–1727 гг., составляло всего 13 человек. При этом 12 из них стали гвардейцами в 1725 г., т. е., возможно, еще при жизни первого русского императора.

Согласно этому документу из 491 человека лишь 38 (8%) служили в полку от 1 года до 5 лет. Количество гвардейцев, находившихся при полку в течение 11–15 и 16–20 лет, составляло соответственно 35 и 18%. Таким образом, число служащих в гвардии более 10 лет составило 53%. Более 21% офицеров-преображенцев засвидетельствовали, что были «записаны» в полк более 20 лет назад⁴⁷¹.

Таким образом, по крайней мере, офицерский состав гвардии оставался стабильным в середине 1710 – середине 1720-х годов.

Эти данные могут показаться парадоксальными, если принять во внимание появление упомянутого указа 1714 г. о производстве в офицеры дворян, не служивших солдатами в Преображенском и Семеновском полках. Ведь такая установка, как кажется, должна была дестабилизировать обстановку, превращая гвардию в структуру аморфную, более похожую на базу для формирования армейских полков (своего рода прообраз будущих военных школ), нежели на новую, мощную и динамичную силу на политической арене. Это, однако, не так. Указ 1714 г. затронул гвардию, точнее ее солдатскую часть, незначительно. По подсчетам М.Д. Рабиновича, только 6,6% из армейских офицеров 1721 г. прошли службу в гвардии⁴⁷². Эти цифры покажутся еще менее значимыми, если принять во внимание не замеченную историографией практику записи в офицеры армейских полков и морских батальонов гвардейских недорослей⁴⁷³. Фактически идея о значительных переводах из гвардии в армию в середине 1710-х годов представляет собой не что иное, как историографический миф.

Ситуация в гвардии была иной. Напротив, мы вполне можем констатировать определенную стабильность личного состава Преображенского и Семеновского полков, особенно во второй половине царствования Петра Великого.

Фактически уже к середине 1710-х годов для гвардейского полкового начальства становится принципиально значимо прошлое человека, поступающего на службу в гвардию.

В гвардии никогда не существовало бесконтрольности в отношении к принципам комплектования. Ведь эти вопросы, особенно в первые десятилетия существования полков, решал сам Петр I. При этом царь был чрезвычайно внимателен. Когда командиры гвардейцев обращались к нему с «Пунктами» относительно замещения «убылых мест», он никогда не давал резолюцию на них сразу⁴⁷⁴. Спешить в этом отношении его не заставляли даже сообщения о значительных людских потерях в полках. Так, в конце октября 1708 г. А.И. Репнин доложил Петру I о том, что в «лейб-гвардии Семеновской полк надобно было в дополнку 340 человек, а прислано 124, еще надобно 216 человек»⁴⁷⁵. Значит, вне зависимости от ситуации Петр I не стремился скорее заполнить вакантное место, а предпочитал тщательно выбирать кандидатов на него. Но комплектовать гвардию надлежало не за счет обычных армейских ресурсов.

Отметим, что количество переводов армейских офицеров и солдат в Преображенский и Семеновский полки в течение царствования Петра Великого неуклонно сокращалось. Источники свидетельствуют о том, что большая часть таких переводов приходится лишь на начало 1700-х годов, а также на 1714 г. К концу 1710 – началу 1720-х годов переводы из армии в гвардию становятся чрезвычайно редкими⁴⁷⁶.

Ситуацию не изменила даже практика записи в солдаты гвардии разжалованных армейских офицеров. Во-первых, такие случаи были немногочисленны. В Преображенском полку в период с 1711 по 1725 г. число разжалованных в солдаты армейских офицеров составляло 27, а в Семеновском – 11 человек. Во-вторых, практика такого рода объясняется стремлением гвардейского руководства повысить уровень военной подготовки солдатского состава за счет приписки к полку бывших офицеров, нежели присутствием некоей традиции или нормы. Анализ точных дат поступления этих людей в Преображенский и Семеновский полки показывает, что даже такие, несомненно, выгодные для гвардии переводы к 1720-м годам практически сводятся к нулю. Так, в указанной группе разжалованных время «приписки» к гвардии может быть установлено лишь в отношении 24 человек, из них лишь трое попали сюда в последние годы царствования Петра Великого⁴⁷⁷. Аналогичные явления происходят и в солдатской среде⁴⁷⁸. Сокращение общего числа переводов из армии в гвардию сопровождалось, кроме того, введением достаточно жесткого отбора для кандидатов.

Солдаты и офицеры, переходящие из армии на службу в полки гвардии, вынуждены были в той или иной степени корректировать свое положение в системе военной иерархии. Корректировка такого рода практически всегда была связана с понижением чина или оклада содержания. Стоит отметить, что четкой формулы реализации привилегий гвардии не существовало. Решение о статусе того или иного вновь прибывшего в гвардию производилось на индивидуальном уровне. Так, материалы фондов РГВИА указывают на то, что 16 октября 1718 г. личный состав Преображенского полка пополнился определенным числом солдат и офицеров, переведенных из армии. При этом одни были зачислены в полк, получив более низкий чин и «племянничье» содержание⁴⁷⁹, другие – низкий чин и более высокий, «старый» оклад⁴⁸⁰, третьи смогли сохранить свой чин, но не содержание⁴⁸¹. Такая система была применима не только к армейским офицерам, но и к армейским солдатам. Последние становились гвардейскими солдатами с «племянничьим» окладом, заротными или даже извозчиками⁴⁸². Случаи, когда солдат армейского полка, поступая в гвардию, становился, скажем, ефрейтором и одновременно получал повышенное жалованье, как это, например, произошло в 1718 г. с солдатом Воронежского полка Василием Петровым, представляют собой исключение⁴⁸³. Такое внимательное отношение к армейскому солдату говорит, вероятно, о его особых заслугах.

В целом же подобная система распределения чинов и окладов свидетельствует о несомненном знакомстве гвардейского начальства по крайней мере с послужным списком будущих гвардейцев.

Анализ документов по солдатским и офицерским переводам из армии в гвардию показывает, что рекрутирование в Преображенский и Семеновский полки осуществлялось не из какого-либо конкретного армейского полка. 9 ноября 1708 г. Преображенский полк пополнился 161, а Семеновский – 222 солдатами и офицерами. Источником пополнения личного состава гвардии в данном случае стали 35 армейских полков⁴⁸⁴. Вероятно, принадлежность к тому или иному армейскому полку не расценивалась как аспект, значимый для принятия решения о переводе. Безусловное исключение в начале царствования Петра I составляли лишь выходцы из стрельцов. После бунта 1698 г. за стрельцами четко закрепился образ врага. Их появление в числе гвардейцев не допускалось. Источники указывают лишь на один случай нарушения этого принципа. Бывший стрелец Г. Малыгин запи-

сался в солдаты Преображенского полка, «утаив свой прежний чин». Детали дела показывают, что это событие было расценено в полку как вопиющее. Событие, действительно, было из ряда вон выходящим. Ведь еще 17 января 1700 г. по именному указу Петра стрельцам, их женам и детям было запрещено жить в Москве, а жителям города предписывалось под угрозой «ссылки безо всякой пощады» не брать их на содержание или в работу⁴⁸⁵. Бывшие стрельцы не могли записываться в посад, не то что в гвардию! Поэтому итог дела стрельца-гвардейца предугадываем: Малыгин был приговорен к пожизненной каторге⁴⁸⁶.

Анализ послужных списков армейских солдат и офицеров, переведенных в гвардию, позволяет говорить о качественно иных критериях отбора в гвардию.

Во-первых, переходившие в гвардию армейские чины имели существенный военный опыт. В своих прежних полках они прослужили не менее 5 лет⁴⁸⁷.

Во-вторых, немаловажное значение придавалось и содержанию такого опыта. Несомненным плюсом считалось участие «в посылках», выполнение каких-либо особых поручений (работа в мундирной канцелярии, исполнение обязанностей комиссара или квартирмейстера), служба на флоте⁴⁸⁸. Такие навыки очевидным образом расценивались как полезные для будущего гвардейца.

В-третьих, на протяжении царствования Петра Великого при отборе людей в гвардию имел значение и уровень образования, которым они обладали. Преображенский и Семеновский полки стремились укомплектовать людьми грамотными, прошедшими «школы»⁴⁸⁹.

Образовательный уровень в гвардии был достаточно неплохим. Отметим: речь в первую очередь шла об арифметике, геометрии, фортификации, черчении и лишь потом о грамматике⁴⁹⁰. Иными словами, гвардейцу надлежало обладать прежде всего техническими знаниями и рядом практических навыков. Как известно, местом обучения инженеров и артиллеристов в гвардии являлась Бомбардирская рота Преображенского полка, при которой в 1698 г. была организована первая в России артиллерийская школа⁴⁹¹.

В 1713 г. Петр заявил о необходимости знаний в области инженерной науки для всех офицеров и унтер-офицеров⁴⁹². Рекомендательный характер такого рода наставлений впоследствии был заменен на четкий язык приказов. В 1721 г. появился петровский указ, по которому все офицеры Преображенского

полка должны были в обязательном порядке учиться «инженерству». Такие постановления периодически повторялись. С 1724 г. обучающимся в Инженерной школе при гвардии начали преподавать французский и немецкий языки⁴⁹³. При этом учащимся предоставлялись особые квартиры⁴⁹⁴, их было запрещено отрывать от «науки» или посылать в караул⁴⁹⁵. Более того, знание инженерного дела было напрямую связано с карьерным ростом. Гвардейцы, обладавшие такими знаниями, переводились в следующий чин, не подвергаясь баллотировке⁴⁹⁶.

Образовательный подход, вероятно, приносил свои плоды. Достаточно вспомнить в этом контексте о любимце Петра I преобразенце Г.Г. Скорнякове-Писареве, который, как указывалось выше, некоторое время преподавал артиллерию и механику в Морской академии, руководил математико-навигационной и цифирными школами, был автором первого сочинения по механике в России.

В-четвертых, судя по известным нам биографиям, переведенные в гвардию армейские чины, вероятно, были лояльны к власти, поскольку участвовали в подавлении восстаний (Стрелецкого 1698 г., Астраханского 1705–1706 гг., Булавинского 1707–1708 гг.) или имели родственников, пострадавших во время таких столкновений⁴⁹⁷. Заметим, между прочим, что перевод в гвардию даже разжалованных армейцев не противоречит данному тезису. Провинности таких людей никогда не были связаны с противодействием властям. Так, в 1720 г. в гвардию был определен разжалованный прапорщик Рижского гарнизона Иван Гринев. Как следует из материалов дела, он понес наказание в связи с нарушением порядка чинопроизводства: в 1713 г. Гринев был переведен из денщиков в прапорщики, не участвуя, как надлежало, в военных действиях против регулярных шведских войск⁴⁹⁸. Иных правонарушений за Гриневым не числилось.

Семеновский полк, куда он был переведен, получал солдата с 7-летним опытом службы в чине прапорщика.

В-пятых, вероятное преимущество при переводе в гвардию получали армейские солдаты и офицеры, имевшие родственников среди преобразенцев или семеновцев⁴⁹⁹. Речь идет не только о содействии гвардейских штаб- и обер-офицеров таким переводам. Этой возможностью обладали, вероятно, унтер-офицеры и даже солдаты Преображенского и Семеновского полков. В материалах РГВИА сохранилась поручная запись от 20 марта 1720 г. о переводе «Рижского гарнизона губернаторского полку прапорщика

И. Гринева в солдаты Семеновского полка». Документы гвардейского полка свидетельствуют о том, что появление И. Гринева в ряду семеновцев не было случайным. Этот перевод в гвардию состоялся по ходатайству его брата, служившего в Бомбардирской роте Преображенского полка⁵⁰⁰.

На протяжении всего царствования Петра I достаточно распространенной была практика перевода в гвардию родственников и протеже высших чинов государства. Именно так в Семеновский полк попал, например, офицер одного из драгунских полков А. Лодыгин. В «скаске», сохранившейся в материалах гвардейских полков, указывалось, что «...князь *Матвеем Гагарину* (М.П. Гагарин являлся в это время Сибирским губернатором. — Е. Б.) он свой потому что женат на племяннице ево князь Матвеевой»⁵⁰¹. Был переведен в Семеновский полк и еще один родственник М.П. Гагарина, поручик Вельяминова полка С. Шишкин⁵⁰². Источники свидетельствуют о частых переводах в гвардию адъютантов при высоком армейском начальстве. Из армии в Преображенский полк были переведены флигель-адъютант генерала К.Э. Ренне, адъютанты фельдмаршала Б.П. Шереметева и генерала А.М. Головина⁵⁰³. Интересно, что в случаях, когда зачисленный в гвардию не имел связей такого рода, полковые документы со всей откровенностью констатировали, что человек взят «со стороны...»⁵⁰⁴.

Идеальный пример армейского офицера, соответствующего указанным нормам, может предоставить нам дело А. Ржевского, переведенного в гвардию в 1715 г. Начав службу в первые дни Северной войны, он участвовал в сражении под Нарвой в 1700 г., активно продвигался по службе, был адъютантом генерала А.М. Головина. В этом качестве он часто выполнял особые поручения, в частности доставлял письма фельдмаршалу Б.П. Шереметеву. К 1715 г. он смог дослужиться до чина майора драгунского полка. Отметим, кроме того, что отец А. Ржевского погиб во время Астраханского бунта 1705–1706 гг. Источники умалчивают о том, каковы были причины, по которым в 1715 г. А. Ржевский был разжалован, тем не менее приведенный выше послужной список позволил ему стать солдатом Семеновского полка⁵⁰⁵.

В целом можно констатировать существование при переводе из армии в гвардию осмысленного отбора наиболее полезных людей. При этом сложно сказать, какой из вышеперечисленных принципов отбора являлся доминирующим. Скорее всего, тот или иной аспект или аспекты «срабатывали» при рассмотрении кон-

кретной кандидатуры. Это подтверждается тем, что мы зачастую не можем понять, чем тот или иной человек приглянулся полковому начальству или лично императору Петру. Так, например, не вполне ясно, чем мог понравиться, скажем, подьячий Сибирского приказа Иван Рудаков, отставленный от приказа *за болезнь*, но при этом сразу же определенный в солдаты Семеновского полка. Едва ли ему содействовал кто-то из родственников: по документам он числился сиротой с малолетства. Единственным преимуществом такого солдата было владение грамотой, что, возможно, но не обязательно стало причиной перевода в гвардию⁵⁰⁶. Столь же малопонятным является, например, и дело упоминавшегося выше солдата Василия Петрова, переведенного в гвардию и получившего, вопреки распространенной традиции, повышенный оклад содержания⁵⁰⁷.

Индивидуальную основу подбора солдат и офицеров для этих полков подчеркивает и тот факт, что вопросы комплектования гвардии решались исключительно в самой гвардии. При переводе кого-либо из армейских офицеров в гвардию армейское командование получало именные списки, а не право выбора. Предварительный же выбор осуществляли сами гвардейцы. Так, в 1719 г. полковник лейб-гвардии Семеновского полка князь П.М. Голицын сам участвовал в смотре драгунских полков Санкт-Петербургской губернии, отобрал несколько унтер-офицеров и драгун для своего полка, предоставив затем именной список потенциальных гвардейцев на рассмотрение А.Д. Меншикову, который либо утвердил его самостоятельно, либо направил Петру⁵⁰⁸.

Использование армейских резервов для пополнения гвардии с течением времени становилось все более затруднено. Процесс выбора человека, способного при необходимости выполнять задачи самого разного порядка, обладавшего навыками, волей, лояльностью к проводимым реформам, зачастую пониманием своей миссии, а также стремившегося как можно быстрее «вписаться» в гвардейскую среду, было делом нелегким. В этой связи все более очевидным становится нежелание командования Преображенского и Семеновского полков использовать армию для пополнения солдатского и особенно офицерского состава гвардии. Основным источником рекрутирования солдат Преображенского и Семеновского полков становятся недоросли.

Тенденция стала набирать силу в конце 1700 – середине 1710-х годов. Именно в это время в гвардию производились особенно крупные приемы недорослей. Так, в конце мая 1708 г. по

указу Петра I в Преображенский полк было послано 70 недорослей. Все они определены на «убылые места по ротам»⁵⁰⁹. В октябре того же года в Преображенский и Семеновский полки было послано еще от 200 до 500 человек⁵¹⁰. В феврале 1715 г. гвардейские полки пополнились 200 недорослями⁵¹¹. Столько же недорослей было определено к преображенцам и семеновцам по приговору Сената от 18 октября 1715 г.⁵¹²

О том, насколько значительной была доля недорослей среди общего числа записанных в гвардию, говорят и следующие цифры. Согласно послужному списку личного состава 11-й роты лейб-гвардии Преображенского полка в 1713 г., 23 «убылых» солдатских места были пополнены за счет 1 солдатского сына, 1 капрала армейского полка, 1 солдата армейского полка и 20 недорослей⁵¹³.

К концу 1710-х годов рекрутирование недорослей в гвардию становится нормой. Так, из определенных в Преображенский полк в 1721 г. недоросли составляли 41%, а уже в следующем году их число достигало 56%. Для примера: количество перешедших из армии в эти годы составляло 30 и 5,7% соответственно⁵¹⁴. Иногда число недорослей даже превышало реальные возможности полка. Так, определенным 11 января 1718 г. в Преображенский полк шестью недорослям не нашлось места в полку из-за отсутствия «убылых» мест. Их были вынуждены определить в Астраханский пехотный полк⁵¹⁵.

В это же время при несомненной устойчивости практики записи недорослей в гвардию можно констатировать изменение самой формы такого рекрутирования. Крупные «посылки» перестают быть актуальными. Недорослей назначают в гвардию едва ли не в индивидуальном порядке. Источники указывают на то, что в это время недорослей присылают в полки не сотнями, и даже не десятками, а по несколько человек, часто по одному⁵¹⁶ или по трое⁵¹⁷. Вероятно, и в данном случае перед нами реализация все той же установки на проведение выборочного зачисления в ряды гвардии. При этом «обретающиеся при гвардии» недоросли уже в этом статусе получали некоторое денежное содержание. Согласно приговору Сената от 18 октября 1715 г. 200 недорослям, отправляющимся в Санкт-Петербург на службу в полки лейб-гвардии, было определено жалованье «...на два месяца по 15 алтын человеку»⁵¹⁸.

Отбор недорослей в гвардию производился в период смотров. 11 июня 1713 г. состоялся один из таких смотров, во время которого 63 из 73 человек были определены к разного рода службам (посланы в Голландию, Ревель, определены в Адмиралтейство). Попасть в число солдат-преображенцев смогли лишь 14⁵¹⁹. На

смотре 10 июня 1712 г. Петр I лично определил к службе 41 недоросля. Из них в Преображенский полк было взято лишь двое⁵²⁰. И это при том, что в данном случае Петру, вероятно, было из кого выбирать. Пред ним были «школьники и недоросли». Все, за вычетом будущих преображенцев, были направлены на учебу в Голландию⁵²¹. Можно предположить, что факты подобного рода были связаны с высокими критериями отбора.

Оценка последних представляется особенно сложной. Ведь в отличие от армейских солдат и офицеров недоросли не могли обратить на себя внимание навыками и опытом боевой службы, выполнением специальных поручений или проявлением лояльности к власти. Источники тем не менее указывают на целый ряд черт, рассматривавшихся Петром I и полковым начальством как соответствующие нормам гвардии или полезные для нее.

Во-первых, при отборе недорослей в Преображенский и Семеновский полки принципиальное значение имели их физические качества. Петр I всегда стремился комплектовать Преображенский и Семеновский полки лучшими в этом отношении людьми. Он постоянно указывал гвардейскому командованию «горазда выбрать»⁵²². Показательно недовольство Петра действиями царевича Алексея, набравшего «негодных» рекрут для Преображенского полка⁵²³.

Во-вторых, как указывалось выше, образовательный уровень будущего гвардейца также приобретал значение. Это особенно касается последних лет царствования Петра I. В середине 1720-х годов формулировка «неумение» грамоте стала все чаще появляться в качестве причины отставки солдат и сержантов гвардии⁵²⁴. В Преображенский и Семеновский полки старались зачислять людей, обладающих определенными знаниями или, по крайней мере, грамотных⁵²⁵. Особое преимущество получали школьники. Так, 11 июля 1721 г. к преображенцам был «записан» школьник А. Сафонов⁵²⁶, а 2 марта 1722 г. – выпускник «...латинских школ» Ф. Чаплин⁵²⁷. Из 14 выбранных Петром 10 июня 1712 г. для прохождения службы в полках гвардии недорослей 13 человек, т. е. подавляющее большинство, обучались от 2 до 6 лет в Немецкой или Навигацкой школах⁵²⁸. Интересно, многие из бывших школьников, например упомянутый Федор Чаплин, зачислялись в гвардию зачастую даже в обход заротных. Впрочем, абсолютизировать значение образования здесь не стоит. Конечно, оно было для желающих поступить в гвардию скорее плюсом, чем главным условием.

В-третьих, как уже упоминалось, Петр I производил назначения в гвардию, придерживаясь и определенного мнения об имущественном положении этих недорослей. Формирование базы гвардии с широким привлечением небогатых русских дворян было вполне осмысленной установкой.

В-четвертых, рекрутирование в Преображенский и Семеновский полки недорослей использовалось самими гвардейцами для определения сюда родственников. Об этом говорит не только преимущество детей гвардейцев при вступлении в Преображенский или Семеновский полки⁵²⁹, но и появившаяся практика назначения недорослей в индивидуальном порядке⁵³⁰.

Следует отметить, что критерии отбора недорослей в гвардию во многом схожи с принципами, на основе которых производились переводы из армии. Это свидетельствует о понимании Петром Великим и гвардейским полковым начальством значимости и особенности статуса гвардии. Поэтому высшее руководство лично участвовало в комплектовании и организации гвардии, в том числе ограничивая доступ в нее представителей тех или иных групп. Ведь при всей схожести подходов к рекрутированию солдат и офицеров в гвардию из армии и из недорослей эти тенденции развивались в противоположных направлениях. Если число переведенных в гвардию из армии неизменно сокращалось, то общее число записанных в Преображенский и Семеновский полки недорослей столь же неизменно увеличивалось.

Рассмотрим причины этого явления. С одной стороны, судя по сведениям источников, даже при существовании ограничений переведенные из армейских полков солдаты и офицеры не всегда могли соответствовать уровню подготовки в гвардии. Более того, их навыки, опыт и поведение не всегда расценивались в гвардии как приемлемые. Так, 22 марта 1708 г. М.Б. фон Кирхен сообщал Петру I: «Послал до милости вашей ведомость о состоянии полку, такоже ведомость о негодных салдатах, и жалуютца господа афицеры, что с ними невозможно управитца, и уже биты все довольно, что болши того невозможно. Буди воля милости вашей их приказать куда послать в которые гварнизоны, и на их места взять с Москвы недорослей»⁵³¹.

С другой стороны, запись на службу в гвардию первой четверти XVIII в. предполагала не только появление возможности стать причастным к разного рода преимуществам и привилегиям. В период проведения мощных структурных реформ переход на службу в гвардию, основной задачей которой является обеспече-

ние этих реформ, предполагал и необходимость разделения жизни и представления, далеко не всегда одобряемые обществом. Гвардейское полковое начальство осознавало это в полной мере. Именно поэтому, вероятно, со временем пришло понимание того, что в данном случае новички не деструктурируют существующий опыт, а, напротив, поддерживают его. Особенно если речь шла о людях молодого возраста, способных позитивно воспринимать новую необычную обстановку, быстрее психологически адаптироваться и обучаться, не теряя при этом часто свойственные этому возрасту авантюризм, склонность к рискованным акциям и пренебрежение опасностью. Отбор же новичков в соответствии с рядом критериев был, безусловно, залогом успеха. Именно поэтому способы комплектования гвардии за счет нигде прежде не служивших недорослей – явление, безусловно, знаковое. Его можно расценивать как тенденцию ко все большей замкнутости этой структуры.

На этом фоне отношение полкового начальства к нижним чинам гвардии заметно меняется к лучшему. Рассмотрение их челобитий по поводу продвижения по службе решалось практически мгновенно и почти всегда положительно. Это касалось, например, дел денщиков, обратившихся с просьбой о переводе в солдаты⁵³² и каптенармусы⁵³³, или ротных музыкантов, стремящихся получить чины полковых музыкантов⁵³⁴.

Наиболее приемлемым, вероятно, считалось долгосрочное пребывание в полку при последовательном продвижении от низших должностей к высшим. Так, почти из 300 покинувших по разным причинам Преображенский полк в 1721 г. лишь 20 «находились в службе» дольше, чем служили непосредственно в гвардейском полку. Например, унтер-фендрик Р. Саритаков указал, что служит Великому Государю 23 года, из них «в Преображенском полку с 7207 г. (1699 г.)», т. е. 22 года⁵³⁵. Очевидно, что Р. Саритаков первый год своей службы находился вне гвардии. Этот пример типичен для офицеров, переведенных в Преображенский полк в 1690-х годах. Практически все они прослужили год или два в других подразделениях. Однако офицеры Преображенского и Семеновского полков после 1700 г. в большинстве своем начинали свою службу солдатами гвардии⁵³⁶.

Тенденция дистанцироваться от армии на уровне принципов комплектования была реализована не только в ограничении доступа в гвардию армейским офицерам и солдатам. Анализ источников по истории Преображенского и Семеновского полков

показывает, что гвардейское командование стремилось к сохранению личного состава, пытаясь всеми возможными способами противодействовать оттоку из гвардии в армию.

Даже разжалование офицера за совершенное правонарушение не означало, что он будет вынужден перейти в армию. 4 февраля 1725 г. Екатерина I издала указ, по которому все «за непорядочное в афицеры произвождение написаны в салдаты в гвардию или в другие полки тех всех от салдатства освободить и быть им в афицерских чинах кто в каком определен был попрежнему»⁵³⁷. В связи с этим положением канцеляриями Преображенского и Семеновского полков были собраны списки гвардейских офицеров, разжалованных за разного рода проступки за период с 1711 до 1725 г. включительно⁵³⁸. При этом учитывались лишь те, кто все еще находился в службе к моменту вступления Екатерины I на престол. Согласно этим данным, все 47 офицеров-преображенцев, разжалованных в солдаты, остались в том же полку. Более того, большинство из них к моменту подписания Екатериной I указа смогли снова дослужиться до низших офицерских чинов.

В целом систему комплектования гвардии в начале 1720-х годов можно считать сложившейся. Случайные люди как в социальном, так и в профессиональном смысле в это время здесь практически отсутствуют. Попасть на службу в гвардию было чрезвычайно сложно. Запись в Преображенский и Семеновский полки по непосредственному указанию Петра I также становится явлением достаточно редким. Самый известный из таких гвардейцев – арап Аврам (Ганнибал), пожалованный в 1724 г. «...в бомбардирскую роту в лейтенанты»⁵³⁹. При этом он был переведен в Преображенский полк не случайно, а с известным расчетом. Сразу после назначения ему было поручено заниматься обучением личного состава инженерному делу⁵⁴⁰.

Выработанные к началу 1720-х годов принципы комплектования Преображенского и Семеновского полков представляли собой тенденцию к «одворяниванию» гвардии в сочетании со стремлением скорее «вырастить» нового гвардейца путем продвижения по иерархической лестнице собственных солдат и унтер-офицеров, нежели перевести офицера из полевого или гарнизонного полка. Таким образом, Преображенский и Семеновский полки конца XVII – начала XVIII в. прошли путь от частей, куда рекрутировались разного рода «вольные и охочие люди», до относительно закрытого сообщества, ориентированного на дворянскую

среду и собственные резервы, а также на поддержание уважения к существующим в рамках гвардии родственным связям.

В целом, подводя итоги главы, следует указать на то, что в конце XVII – первой четверти XVIII в. Преображенский и Семеновский полки превратились в структуру с невероятно широким функциональным назначением. Наделение лейб-гвардии чрезвычайными полномочиями в вопросах не только военного, но и придворного, административного, полицейского, а зачастую и политического характера способствовало тому, что последняя заняла особое положение в системе российской государственности. Представляя собой, по сути, параллельный аппарат управления в период слома старой государственной системы, гвардия сосредоточила в своих руках значительную власть и получила возможность влияния на ситуацию в стране. Последующая организация самого существования гвардии была полностью соотнесена с ее полномочиями. Уровень привилегий, а также принципы пополнения Преображенского и Семеновского полков личным составом менялись в сторону все большей замкнутости этих частей.

Примечания

¹ См., например: *Пушкарев И.И.* История императорской российской гвардии. СПб., 1844. Ч. 1. С. 4–8; *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Л., 1940. Т. 1. С. 56–60; *Бобровский П.О.* Царь Петр Алексеевич и военная школа четырех первых регулярных полков в России (1690–1699). СПб., 1892. С. 3.

² *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2000. Т. 2. С. 230; *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 56.

³ *Пушкарев И.И.* Указ. соч. С. 4.

⁴ *Крекшин П.Н.* Записки новгородского дворянина Петра Никифоровича Крекшина // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 13; *Погодин М.П.* 17 первых лет в жизни императора Петра Великого. М., 1875.

⁵ *Прокопович Ф.* История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне. С. 9; *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1892. Кн. 1. С. 65; *Гордон П.* Дневник генерала П. Гордона // *Бобровский П.О.* История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка за 250 лет.

Т. 1. СПб., 1900. С. 9; *Пушкарёв И.И.* Указ. соч. С. 3; *Азанчевский М.* История Преображенского полка. М., 1859. С. XV.

⁶ *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 58.

⁷ *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка (1683–1900 гг.). Т. 1. С. 46–47, 56–58, 128; *Гиттиус В.* Лейб-гвардии бомбардирская рота в царствование императора Петра Великого. СПб., 1883. С. 101.

⁸ *Пушкарёв И.И.* Указ. соч. С. 8.

⁹ См., например: Франц Лефорт: страницы истории. М., 1999; *Гузевич И.Д., Гузевич Д.Ю.* Болезнь и смерть Франсуа Лефорта // Петровское время в лицах – 2004. СПб., 2004. С. 63–106; *Бакланова Н.А.* Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (его жизнь и быт по придворно-расходным книгам посольства) // Петр Великий: сборник статей (под ред. А.М. Андреева). М.; Л., 1947. С. 3–62; *Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России: правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 207.

¹⁰ *Пушкарёв И.И.* Указ. соч. С. 8.

¹¹ *Гордон П.* Указ. соч. // Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка (1683–1900 гг.). Прил. к Т. 1. С. 113.

¹² См., например: *Крекиши П.Н.* Указ. соч. С. 81; *Гордон П.* Указ. соч. // Бобровский П.О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка за 250 лет. Прил. к Т. 1. С. 13.

¹³ *Гордон П.* Указ. соч. // Бобровский П.О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка за 250 лет. Прил. к Т. 1. С. 14–15, 32–33. Подробнее об этих полках см. также: *Малов А.В.* Выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006.

¹⁴ *Гордон П.* Указ. соч. // Бобровский П.О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка за 250 лет. С. 6, 32–33.

¹⁵ *Gordon P.* Passages from the diary of general Patric Gordon (in years 1635–1699). L., 1968.

¹⁶ *Гордон П.* Указ. соч. // Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка (1683–1900 гг.). Прил. к Т. 1. С. 104, 107, 110.

¹⁷ Там же. С. 110.

¹⁸ Письма к царю Петру Алексеевичу преображенцев – командиров полка, офицеров, сержантов и других чинов // Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка (1683–1900 гг.). Т. 1. (прил.). СПб., 1900. С. 552–553; *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 34.

¹⁹ *Корб И.Г.* Указ. соч. С. 50.

²⁰ Там же. С. 208.

²¹ *Витсен Н.* Путешествие в Московию (1664–1665 гг.). СПб., 1996. С. 165.

²² *Гордон П.* Указ. соч. // Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка (1683–1900 гг.). Прил. к Т. 1. С. 103–124.

²³ *Гордон П.* Указ. соч. // Бобровский П.О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка за 250 лет. Т. 1 (прил.). С. 22.

²⁴ Там же. С. 105.

²⁵ *Корб И.Г.* Указ. соч. С. 262.

²⁶ Письмо А.М. Головина Петру I от 29 октября 1697 г. // Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка (1683–1900 гг.). Т. 1 (прил.). С. 185.

²⁷ *Корб И.Г.* Указ. соч. С. 185.

²⁸ *Куракин Б.И.* Указ. соч. С. 57.

²⁹ Письмо А.М. Головина Петру I от 6 августа 1694 г. // Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Прил. к Т. 1. СПб., 1900. С. 177.

³⁰ Там же. С. 185.

³¹ Письмо А.М. Головина Петру I от 15 ноября 1697 г. // Бобровский П.О. Указ. соч. С. 185.

³² *Гордон П.* Указ. соч. // Бобровский П.О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка за 250 лет. С. 5–29; *Бобровский П.О.* Царь Петр Алексеевич и военная школа четырех первых регулярных полков в России (1690–1699). С. 4–27.

³³ *Желябужский И.А.* Записки. СПб., 1840. С. 150.

³⁴ *Гордон П.* Указ. соч. // Бобровский П.О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка за 250 лет. С. 11–13, 25; Письмо Ф. Лефорта Петру I в начале июня 1696 г. // Письма и бумаги: В 13 т. СПб.; Л.; М., 1887–1918–1992. Т. 1. С. 573–574.

³⁵ *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1994. С. 139.

³⁶ *Орленко С.П.* Указ. соч. С. 207.

³⁷ Там же. С. 89.

³⁸ *Карцов П.П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. Т. 1. С. 48.

³⁹ *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 2. С. 16–19.

⁴⁰ Подробно об участии гвардии в боевых действиях см. истории Преображенского и Семеновского полков, указанные во Введении, особенно: *Пушкарев И.И.* Указ. соч. Ч. 1. С. 78–108.

⁴¹ См. об этом: Объявление о баталии меж его царским величеством Российским и Шведским генералом Левенгауптом при деревне

Лесной (16–18 октября 1708 г.) // Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 1. Прил. к с. 211; Письмо А.Д. Меншикова Петру I от 2 ноября 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 2. С. 918.

⁴² Письмо Б.П. Шереметева, А.Д. Меншикова, Г.И. Головкина и Г.Ф. Долгорукого Петру I от 4 июля 1708 г. // Там же. Т. 8. Вып. 2. С. 441.

⁴³ Ведомости времен Петра Великого: В 2 т. Т. 2. М., 1906. С. 83.

⁴⁴ Письмо А.Д. Меншикова Петру I от 17 октября 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 2. С. 795–796.

⁴⁵ Указ Петра I И.И. Дмитриеву-Мамонову, 28 февраля 1713 // Там же. Т. 13. Вып. 1. С. 97.

⁴⁶ Письмо Петра I кн. В.В. Долгорукому от 12 апреля 1708 г. // Там же. Т. 7. Вып. 1. С. 132–133.

⁴⁷ Там же. Т. 7. Вып. 2. С. 672–673; РНБ. Рукописный фонд. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1443. Л. 37–37об.

⁴⁸ Письмо А.Д. Меншикова В.Д. Корчмину от 4 июня 1706 г. // РНБ. Рукописный фонд. Ф. 588. Погодинские автографы. Оп. 3 Д. 56. Л. 3об.

⁴⁹ Вебер Х.Ф. Записки Вебера / Пер. П.П. Барсова // Русский архив. 1872. Вып. 6. С. 1101–1102.

⁵⁰ Указ дворян, неслуживших в гвардии солдатами, в офицеры не производить, 26 февраля 1714 г. // ПСЗ. Т. 5. № 2775.

⁵¹ История Северной войны. 1700–1721 гг. / Отв. ред. И.И. Ростунов. М., 1987. С. 34.

⁵² Рабинович М.Д. Полки петровской армии (1698–1725 гг.): Крат. справ. М., 1977. С. 25.

⁵³ Память в Ингерманландскую канцелярию от 14 марта 1705 г. // Письма и бумаги. Т. 3. С. 763.

⁵⁴ Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 9 мая 1707 г. // Там же. Т. 5. С. 644.

⁵⁵ Там же. Т. 5. С. 705; Т. 8. Вып. 2. С. 814–815; Т. 7. Вып. 1. С. 59, 368; Т. 12. Вып. 2. С. 12; РНБ. Рукописный фонд. Ф. 588. Оп. 3. Д. 56. Л. 7об.

⁵⁶ Вебер Х.Ф. Указ. соч. Вып. 6. С. 1117.

⁵⁷ Петербург в эпоху Петра I. Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского Института истории. Каталог. Ч. 1 / Сост. Е.А. Андреева, Т.А. Базарова, Г.А. Победимова, Ю.Б. Фомина. СПб., 2003. С. 445, 534, 599.

⁵⁸ Там же. С. 624–626, 630, 637, 642, 655–657, 670.

⁵⁹ Там же. С. 19.

⁶⁰ Журнал приказов, отдаваемых по Преображенскому полку, 1724 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 93. Л. 33.

⁶¹ См., например: Петербург в эпоху Петра I. С. 539.

⁶² О изготовлении подвод по тракту от Царицына до Москвы по случаю возвращения Государя из похода, 4 ноября 1722 г. // Сборник РИО. СПб., 1873. Т. 11. С. 499.

⁶³ О выдаче провианта салдатам, находящимся в СПб при доме царского величества для караула и других дел, 30 декабря 1715 г. // Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого (далее – Доклады и приговоры). СПб., 1880–1897. Т. 5. Ч. 2. С. 1273.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 140–141; Письма и бумаги. Т. 12. Вып. 2. С. 312–313, 532; *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711 гг.) / Пер. Ю.Н. Щербачева. М., 1900. С. 387–388.

⁶⁵ Письмо Петра I Екатерине Алексеевне от 20 сентября 1709 г. // Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1. Переписка императора Петра I с государынею Екатериной Алексеевной. М., 1861. С. 10.

⁶⁶ *Юль Ю.* Указ. соч. С. 387–388.

⁶⁷ Походный журнал Петра I 1712 г. // Походный журнал Петра I, 1695–1725. СПб., 1853–1855. С. 21.

⁶⁸ Там же. С. 21–22.

⁶⁹ *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 г.: Пер. с нем. И. Аммон. Ч. 1 // Неистовый реформатор. С. 416.

⁷⁰ Петербург в эпоху Петра I. С. 430, 433.

⁷¹ Походный журнал Петра I 1708 г. С. 27; Походный журнал Петра I 1710 г. С. 3, 23.

⁷² *Юль Ю.* Указ. соч. С. 116–120.

⁷³ Там же. С. 221.

⁷⁴ *Нащокин В.А.* Записки. СПб., 1742. С. 7–8.

⁷⁵ См., например: *Юль Ю.* Указ. соч. С. 116–120.

⁷⁶ *Желябужский И.А.* Указ. соч. С. 43.

⁷⁷ *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Вып. 6. С. 1095–1097; *Брюс П.Г.* Мемуары // Петербург Петра Великого в иностранных описаниях: введение, тексты, комментарии. Л., 1991. С. 170.

⁷⁸ См., например, описание церемонии по случаю победы при Гренгаме (1720 г.): *Нащокин В.А.* Указ. соч. С. 7–8.

⁷⁹ *Юль Ю.* Указ. соч. С. 113–114, 226, 281, 283; Походный журнал Петра I 1712 г. С. 21; *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 416; Журнал или записка впредь для памятования, 25 февраля 1724 г. // Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Отдел 1. Т. 1 (1703–1725 гг.). СПб., 1909. С. 153.

⁸⁰ *Нащокин В.А.* Указ. соч. С. 19.

⁸¹ *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Вып. 6. С. 1151.

⁸² Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 году // Петербург Петра Великого в иностранных описаниях. С. 155.

⁸³ *Артамонов В.А., Соболева Н.А.* Символы России. М., 1993. С. 149.

⁸⁴ Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 году. С. 156.

⁸⁵ Походный журнал Петра I 1708 г. С. 5–19.

⁸⁶ Походный журнал Петра I 1710 г. С. 22.

⁸⁷ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 217, 233.

⁸⁸ Там же. С. 321.

⁸⁹ Письмо Петра I М.М. Голицыну от 31 октября 1709 г. // Письма и бумаги. Т. 9. Вып. 1. С. 443–444.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 38. Л. 8–8об.; Д. 39. Л. 1–1об., 8; Д. 157. Ч. 1. Л. 395–398.

⁹¹ Письма и бумаги. Т. 11. Вып. 1. С. 147–148, 164–165; РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 107. Л. 10, 19, 24; Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. СПб., 1909. С. 116–127.

⁹² РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 35 Л. 13; Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 73, 98, 205–206об.; Д. 27. Л. 1об.; РНБ. Рукописный фонд. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1443. Л. 10; *Гордон П.* Указ. соч. // П.О. Бобровский История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка за 250 лет. Прил. к Т. 1. С. 26; Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. С. 50–51; Сборник РИО. СПб., 1873. Т. 11. С. 32, 290; Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 1. С. 285; Т. 10. С. 102, 549, 597; Т. 12. Вып. 2. С. 102; *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка (1683–1900 гг.). Прил. к Т. 2. С. 41.

⁹³ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 73, 98, 205–206об.; Петербург в эпоху Петра I. С. 283, 463; Подробнее о процедуре ареста см.: *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999. С. 238–253.

⁹⁴ Петербург в эпоху Петра I. С. 285.

⁹⁵ *Куракин Б.И.* Жизнь князя Б.И. Куракина, им самим описанная, 1676 – июля 20, 1709 г. // Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 281.

⁹⁶ *Корб И.Г.* Указ. соч. С. 185.

⁹⁷ Письмо Петра I В.В. Долгорукому от 15 августа 1708 г. // Архив РАН СПб. Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 45об.; *Пушкарев И.И.* Указ соч. Ч. 1. С. 95.

⁹⁸ Манифест о лишении царевича Алексея престола, 3 февраля 1718 г. // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 438–444; Письмо А.И. Румянцева И.Д. Титову от 27 июля 1718 г. // Там же. С. 619–628.

⁹⁹ См.: Письмо Петру I П.П. Шафирову от 11 июля 1712 г. и комментарии к нему // Письма и бумаги. Т. 12. Вып. 2. С. 12–13, 294–294.

¹⁰⁰ Подробнее об этом см.: *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М., 1990. С. 124–125.

¹⁰¹ РНБ. Рукописный фонд. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1443. Л. 37–37об., 45–45об.; Архив РАН СПб. Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 39–44об.; Письма и бумаги. Т. 8. С. 36, 81, 138; Сборник РИО. Т. 11. СПб., 1873. С. 30.

¹⁰² Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 154; Т. 7. Вып. 2. С. 673–678, 691–693; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 17. Л. 6–7, 95, 99, 126, 187.

¹⁰³ Письмо Петра I И.И. Чамберсу от 30 января 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 49; О капитане Зиминском и о подрядах, 1711–1725 гг. // РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Кн. 219; Дела следственных комиссий, 1717–1723 гг. // Там же. Кн. 222.

¹⁰⁴ *Желябужский И.А.* Указ. соч. С. 50. Такая оценка подтверждается данными из других источников: Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 88; Кн. 1. С. 547; Доклады и приговоры. Т. 5. Кн. 2. С. 687–691, 936.

¹⁰⁵ О посылке в Архангелогородскую губернию к господину маюру кн. Волконскому к розыску той губернии ландрихтера Нахалова, мая в 25 день 1714 г. // Доклады и приговоры. Т. 4. Кн. 1. С. 399.

¹⁰⁶ О допросе и питании в застенке бывшего сибирского губернатора князя Гагарина, 11 марта 1721 г. // Сборник РИО. Т. 11. С. 420–421; О допросе сына бывшего сибирского губернатора князя Гагарина, князя Алексея, об отпущенных с ним отцом его при поездке за границу деньгах, золоте, товарах, 11 марта 1721 г. // Сборник РИО. Т. 11. С. 421.

¹⁰⁷ О допросе и питании в застенке бывшего сибирского губернатора князя Гагарина, 11 марта 1721 г. С. 421; О допросе сына бывшего сибирского губернатора князя Гагарина, князя Алексея. С. 421; Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 2. С. 703–706.

¹⁰⁸ Присылаемые ордера и письма за 1718 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 122.

¹⁰⁹ *Корб И.Г.* Указ. соч. С. 185.

¹¹⁰ О нечинении доносов и о подметных письмах и о сжигании оных при свидетелях на месте, 25 января 1715 г. // ПСЗ. Т. 5. № 2877.

¹¹¹ О бытии у розыскных дел гвардии штаб- и обер-офицерам, о присылке к ним по требованиям их для розыска разных чинов людей и дел и о даче без задержания на подводы прогонных денег, 23 декабря 1717 г. // ПСЗ. Т. 5. № 3138.

¹¹² РГИА СПб. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 27. Л. 1, 9; Д. 16. Л. 1–12об.; Письма и бумаги. Т. 5. С. 670.

¹¹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Кн. 219, 222.

¹¹⁴ *Смирнов Ю.Н.* Роль гвардии в укреплении органов власти российского абсолютизма в первой половине XVIII в. // *Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма.* Куйбышев, 1985. С. 24.

¹¹⁵ Манифест о лишении царевича Алексея престола, 3 февраля 1718 г. // *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. С. 438–444.

¹¹⁶ О бытии в Архангелогородской губернии лейб-гвардии капитану Петру Лодыженскому на место вице-губернатора Курбатова, 24 мая 1714 г. // *Доклады и приговоры.* Т. 4. Кн. 1. С. 397.

¹¹⁷ Указ Сената вследствие указа великого Государя о поручении гвардии капитан-поручику Ю.А. Ржевскому управлять Нижегородской губернией до указа, 9 января 1719 г. // *Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве.* СПб., 1909. С. 41.

¹¹⁸ Письмо Р. Брюса, кн. Г.Д. Юсупова, С. Салтыкова, М. Волкова и других П.М. Голицыну, [февраль] 1720 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 16; *Журнал приказов, отданных по Преображенскому полку, 1720 г. (22 февраля)* // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 62. Л. 2об.

¹¹⁹ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 12. Л. 1об.; *Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве.* С. 135.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 114; РНБ. Рукописный фонд. Ф. 588. Оп. 3. Д. 56. Л. 1; РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 93. С. 33, 37; Д. 81. Л. 40об.; Ф. 2584. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–11об.; *Куракин Б.И.* Жизнь князя Б.И. Куракина. С. 277; Письма и бумаги. Т. 3. С. 57; Т. 4. С. 78; Т. 8. Вып. 1. С. 50; Т. 11. Вып. 1. С. 13; Т. 12. Вып. 1. С. 200–201, 275; *Сборник РИО.* Т. 11. С. 472–474; *Доклады и приговоры.* Т. 1. С. 237–246, 314–315; Т. 2. Кн. 1. С. 446–447; Т. 4. Кн. 2. С. 638; Т. 5. Кн. 1. С. 231; *Корб И.Г.* Указ. соч. С. 150; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1962–1963. Кн. 9. С. 501; *Карцов П.П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. Т. 1. СПб., 1852. С. 237.

¹²¹ Письма и бумаги. Т. 6. С. 409; Т. 8. Вып. 1. С. 352; Т. 8. Вып. 2. С. 465–466.

¹²² Письмо Петра I И.И. Скоропадскому от 21 мая 1711 г. // Письма и бумаги. Т. 11. Вып. 1. С. 232.

¹²³ Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 2. С. 650, 878; Т. 8. Вып. 2. С. 463–464.

¹²⁴ Письмо Петра I В.В. Долгорукому от 4 мая 1708 г. // *Архив РАН СПб.* Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 39.

¹²⁵ Петербург в эпоху Петра I. С. 369.

- ¹²⁶ О выдаче провизанта 13 июля 1714 г. // Доклады и приговоры. Т. 4. Ч. 2. С. 638.
- ¹²⁷ Письма и бумаги. Т. 12. Вып. 1. С. 83–85, 97, 113–122; Т. 12. Вып. 2. С. 71–72.
- ¹²⁸ Там же. Т. 1. С. 118–124.
- ¹²⁹ *Гуськов А.Г.* Великое посольство Петра I: Источниковед. исследование. М., 2005. С. 168, 304.
- ¹³⁰ Хроника событий Великого посольства, 1697–1698 гг. // Лефорт Ф. Сборник документов и мат-лов. М., 2006. С. 342.
- ¹³¹ Там же. С. 342.
- ¹³² Приходно-расходные книги Великого посольства, 25 февраля – 20 мая 1698 г. // Там же. С. 372.
- ¹³³ Хроника событий Великого посольства. С. 338.
- ¹³⁴ *Гуськов А.Г.* Указ. соч. С. 358.
- ¹³⁵ Хроника событий Великого посольства. С. 342.
- ¹³⁶ *Гуськов А.Г.* Указ. соч. С. 168, 304.
- ¹³⁷ Грамота к Прусскому королю Фридриху I, 21 августа 1707 г. // Лефорт Ф. Указ. соч. С. 358.
- ¹³⁸ Грамота Петра I Тосканскому великому герцогу Козимо III, 1 февраля 1711 г. // Письма и бумаги. Т. 11. Вып. 1. С. 50.
- ¹³⁹ *Куракин Б.И.* Жизнь князя Б.И. Куракина. С. 276; Инструкция из канцелярии его царского величества урожденному господину князю Борису Ивановичу Куракину, данная в Жолкеве 18-го дня генваря 1707 году, по которой ему надлежит чинить, будучи в Риме при папезском дворе // Письма и бумаги. Т. 5. С. 393–395.
- ¹⁴⁰ «Верючая» грамота Б.И. Куракину к Голландским штатам, после 14 сентября 1712. // Там же. Т. 12. Вып. 2. С. 133–134.
- ¹⁴¹ Наказные статьи И.П. Измайлову, июль 1706 г. // Письма и бумаги. Т. 4. С. 315.
- ¹⁴² Грамота к прусскому королю Фридриху I, 21 августа 1707 г. // Там же. С. 358.
- ¹⁴³ Указ офицерам Преображенского и Семеновского полков, 26 марта 1711 г. // Письма и бумаги. Т. 11. Вып. 1. С. 155.
- ¹⁴⁴ Там же. Т. 12. Вып. 2. С. 66, 112–113, 132, 314.
- ¹⁴⁵ Письмо П. Курбатова П.М. Голицыну, 28 марта 1720 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 22–22об.
- ¹⁴⁶ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1. С. 487.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 492.
- ¹⁴⁸ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 343–348.
- ¹⁴⁹ *Юль Ю.* Указ. соч. С. 201.

¹⁵⁰ Петербург в эпоху Петра I. С. 241.

¹⁵¹ Указ Петра I кн. А.Б. Черкасскому от 4 февраля 1716 г. // История Свейской войны. С. 584–585; См. также: *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1994. С. 428–429.

¹⁵² Письмо Г.Г. Скорнякова-Писарева Петру I от 17 сентября 1712 г. // Письма и бумаги. Т. 12. Вып. 1. С. 385.

¹⁵³ Письмо кн. Б.И. Куракина Петру I от 20 июля 1707 г. // Там же. Т. 5. С. 681.

¹⁵⁴ *Насонов А.Н.* История русского летописания (IX – начало XVIII в.). М., 1986. С. 496.

¹⁵⁵ Высочайший указ императора Петра I о древних летописцах и хронографе от 16 февраля 1722 г. // РНБ. Рукописный фонд. Ф. 542. Д. 716. Л. 1–1об.

¹⁵⁶ *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. 9. С. 445–456.

¹⁵⁷ *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974. С. 48.

¹⁵⁸ *Фоккеродт И.-Г.* Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 74.

¹⁵⁹ *Карцов П.П.* Указ. соч. Т. 1. С. 236.

¹⁶⁰ Присылаемые ордера и письма за 1718 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 333–333об.

¹⁶¹ Там же. Д. 5. Л. 1–39; Письма и бумаги. Т. 6. С. 140–141; Т. 10. С. 103; Доклады и приговоры. Т. 4. Кн. 1. С. 318.

¹⁶² Указ майору от гвардии Волконскому ехать в Архангельск и розыскать обвинения вице-губернатору Архангельска Курбатова на комиссара Дмитрия Соловьева о расхищении хлеба и других товаров из Санкт-Петербурга (25 июля 1713 г.) // РГИА СПб. Ф. 1329. Именные указы и высочайшие повеления Сенату. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

¹⁶³ *Карцов П.П.* Указ. соч. Т. 1. С. 236.

¹⁶⁴ *Серов Д.О.* Строители империи. Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 125–126.

¹⁶⁵ Донесение де-Лави, 28 декабря 1717 г. // Сборник РИО. Т. 34. С. 278.

¹⁶⁶ Письмо Петра I В.В. Долгорукому от 6 февраля 1708 г. // Архив РАН СПб. Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 37об.

¹⁶⁷ Рапорты командиров рот о прочтении ими приказа по полку с сообщением о смерти Петра I и восшествии на престол Екатерины I: списки солдат и офицеров полка, присягнувших Екатерине, списки солдат на выдачу провиянта и жалования, 1725 // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 53. Л. 9.

¹⁶⁸ Архив РАН СПб. Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 45об.

¹⁶⁹ Списки офицеров, поступивших в Семеновский полк в 1690–1759 гг. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

¹⁷⁰ Там же. Л. 39.

¹⁷¹ Письмо М.М. Голицына Петру I от 11 февраля 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 396; Письмо Петра I В.В. Долгорукому от 14 февраля 1712 г. // Письма и бумаги. Т. 12. Вып. 1. С. 79.

¹⁷² Карцов П.П. Указ. соч. Т. 2. С. 280.

¹⁷³ Письмо Петра I А.Д. Меншикову от 4 мая 1707 г. // РНБ. Рукописный фонд. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1443. Л. 2об.–3.

¹⁷⁴ Письмо Петра I А.Д. Меншикову от 8 мая 1707 г. // Там же. Л. 3об.

¹⁷⁵ Письмо М.М. Голицына Петру I от 11 февраля 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 396.

¹⁷⁶ Письмо Петра I В.В. Долгорукому от 14 февраля 1712 // Там же. Т. 12. Вып. 1. С. 79.

¹⁷⁷ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 193; Письма и бумаги. Т. 5. С. 608; Т. 7. Вып. 1. С. 498, 567, 569–572; Т. 7. Вып. 2. С. 679, 885; Доклады и приговоры. Т. 5. Ч. 2. С. 708; Т. 7. Вып. 1. С. 96.

¹⁷⁸ О немедленной высылке в полки рекрут, мастеровых людей и лошадей, 30 июля 1715 г. // Доклады и приговоры. Т. 5. Ч. 2. С. 708.

¹⁷⁹ Присылаемые ордера и письма за 1718 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 187.

¹⁸⁰ Доклады царскому величеству, ордера, челобитные, вопросы и прочия, 30 сентября 1716 – 18 декабря 1717 // Там же. Д. 35. Л. 108–113об.

¹⁸¹ Присылаемые ордера и письма за 1718 г. // Там же. Д. 43. Л. 40–40об.

¹⁸² Письмо Петра I к М.Б. фон Кирхену от 17 июня 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 210.

¹⁸³ Рапорты командиров рот о прочтении ими приказа по полку с сообщением о смерти Петра I и восшествии на престол Екатерины I; списки солдат и офицеров полка, присягнувших Екатерине, списки солдат на выдачу провианта и жалования, 1725 // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Ф. 53. Л. 33.

¹⁸⁴ Письмо Г.И. Головкина П.С. Салтыкову от 3 сентября 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 2. С. 610; *Азанчевский М.* Указ. соч. С. 123.

¹⁸⁵ Письмо Петра I П. Глебовскому от 27 января 1712 г. // Письма и бумаги. Т. 12. Вып. 1. С. 44; Письмо П. Глебовского А.В. Макарову от 10 марта 1712 г. // Там же. С. 321.

¹⁸⁶ Доклады царскому величеству, ордера, челобитные, вопросы и прочия, 30 сентября 1716 г. – 18 декабря 1717 г. Л. 35об.–38об.

¹⁸⁷ Письмо А.И. Ушакова В.В. Долгорукому от 26 января 1718 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 40–40об.

¹⁸⁸ См., например: Письмо П. Курбатова П.М. Голицыну, 28 марта 1720 г. // Там же. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 22–22об.

¹⁸⁹ Письмо Петра I В.В. Долгорукому от 17 апреля 1708 г. // Архив РАН СПб. Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 38; Архив РАН СПб. Ф. 140. Бекмейстер Логин Иванович. Оп. 1. Д. 11. Л. 38.

¹⁹⁰ См., например: РНБ. Рукописный фонд. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1443. Л. 40; Сборник РИО. Т. 11. С. 380; Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 133. 157; Доклады и приговоры. Т. 4. Кн. 2. С. 670.

¹⁹¹ Указ офицерам Преображенского и Семеновского полков, 26 марта 1711 г. // Письма и бумаги. Т. 11. Вып. 1. С. 155.

¹⁹² Письмо Г.Г. Скорнякова-Писарева А.И. Ушакову от 7 июля 1718 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 260.

¹⁹³ Высочайше утвержденные докладные пункты о посылках для надзора гвардии офицеров в места, где добывается соль, 12 января 1719 г. // Сборник РИО. Т. 11. С. 380.

¹⁹⁴ Письмо Петра I В.В. Долгорукому от 6 февраля 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 62; Письмо Петра I В.В. Долгорукому от 6 февраля 1708 г. // Архив РАН СПб. Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 37об.

¹⁹⁵ Указ Петра I П.Н. Ознобишину, 16 августа 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 6. С. 48.

¹⁹⁶ Наказные статьи И.П. Измайлову, июль 1706 г. // Там же. Т. 4. С. 315.

¹⁹⁷ Грамота к Прусскому королю Фридриху I, 21 августа 1707 г. // Там же. Т. 4. С. 358.

¹⁹⁸ Письмо Петра I В.В. Долгорукому от 17 апреля 1708 г. // Архив РАН СПб. Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 37об.–38.

¹⁹⁹ *Смирнов Ю.Н.* Русская гвардия в первой половине XVIII в. (социальный состав, принципы комплектования и участие в системе государственного управления). Диссертация. М., 1981. С. 161.

²⁰⁰ Документы канцелярии генерала М.А. Матюшкина, 1719 г. // РГИА СПб. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 27. Л. 356.

²⁰¹ См., например: Письмо Петра I В.Д. Корчмину от 20 марта 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 5. С. 151; Письмо М.А. Матюшкина [В.В. Долгорукому] от 23 января 1715 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 19. Л. 23.

²⁰² Указ П.Н. Ознобишину от 6 августа 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 6. С. 48.

²⁰³ Письмо Петра I М.М. Голицыну от 24 января 1707 г. // Там же. Т. 5. С. 42.

²⁰⁴ Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 21 февраля 1707 г. // Там же. С. 391–392.

²⁰⁵ См., например: Письмо Петра I Б.И. Куракину от 23 октября 1712 г. // Там же. Т. 12. Вып. 2. С. 187–188; Материалы для истории русского флота. Сост. С. Елагин. СПб., 1865. Т. 1–2.

²⁰⁶ Данков М.Ю. Карт-бланш царя на Карельский поход // Петровское время в лицах – 2005. СПб., 2005. С. 112–121.

²⁰⁷ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 70. Л. 1–9; Подробнее об этом см.: Кротов П.А. Осударева дорога 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 178–220; Данков М.Ю. О некоторых аспектах строительства «Осударевой дороги» 1702 г. // Изучение памятников морской археологии. СПб., 1998. Вып. 3. С. 203–205; Он же. Карт-бланш царя на Карельский поход. С. 112–121.

²⁰⁸ Куракин Б.И. Жизнь князя Б.И. Куракина. С. 265.

²⁰⁹ Андреева Е.А. Кто строил Петербург в 1703 г. // Меншиковские чтения-2004. СПб., С. 7–25.

²¹⁰ Петербург в эпоху Петра I. С. 327.

²¹¹ Там же. С. 395.

²¹² Там же. С. 396.

²¹³ Там же. С. 394.

²¹⁴ Там же. С. 650.

²¹⁵ Там же. С. 277.

²¹⁶ Там же. С. 282.

²¹⁷ Там же. С. 299–300.

²¹⁸ Там же. С. 402.

²¹⁹ Там же. С. 312.

²²⁰ Там же. С. 397.

²²¹ Там же. С. 268.

²²² Там же. С. 19.

²²³ Там же. С. 613.

²²⁴ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л., 1982. С. 251.

²²⁵ Пушкарев И.И. Указ. соч. Ч. 1. С. 85–86.

²²⁶ Там же. Т. 1. С. 100.

²²⁷ Высочайше утвержденная роспись о пожаловании, 11 января 1719 г. // Сборник РИО. Т. 11. С. 377.

²²⁸ О вещах, взятых из пожитков царевича Алексея Петровича судьями Тайной канцелярии, 1718 г. // РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 40. Л. 3.

²²⁹ Там же. Л. 2–2об.

²³⁰ Там же. Л. 1.

²³¹ Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 г. М., 1961. С. 74.

²³² О бытии лейб-гвардии полкам, как по приему жалованья, мундира и амуниции, так и по делам судным, как были при стольнике князе Ромодановском, 5 февраля 1718 г. // ПСЗ. Т. 5. № 3152.

²³³ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 38. Л. 22, 34; Д. 43. Л. 237; Ф. 2584. Оп. 1. Д. 29. Л. 3–3об., 7; Д. 47. Л. 46.

²³⁴ Пункты и доклады царскому величеству, 5 декабря 1717 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 35. Л. 4, 35; Пункты в доклад царскому величеству, 5 марта 1715 г. // Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка (1683–1900 гг.). Прил. к Т. 2. СПб., 1900. С. 232.

²³⁵ О суждении чинов гвардейских полков по исковым и розыскным делам в Юстиц-Коллегии, а находящимся в отпуску губернаторам, 29 августа 1727 г. // ПСЗ. Т. 7. № 5146.

²³⁶ *Пушкарев И.И.* Указ. соч. С. 59.

²³⁷ Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 8 января 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 5. С. 390–391.

²³⁸ *Пушкарев И.И.* Указ. соч. С. 95.

²³⁹ Письма и бумаги. Т. 10. С. 72–74, 528; Т. 9. Вып. 2. С. 1329; *Пушкарев И.И.* Указ. соч. С. 104.

²⁴⁰ Письмо Петра I В.В. Долгорукому от 3 января 1711 г. // Письма и бумаги. Т. 11. Вып. 1. С. 11; Письмо Петра I В.В. Долгорукову от 26 ноября 1708 г. // Там же. Т. 8. Вып. 1. С. 323.

²⁴¹ Там же. Т. 6. С. 39, 121, 278–279.

²⁴² *Пушкарев И.И.* Указ. соч. Ч. 1. С. 95.

²⁴³ Письмо Петра I А.Д. Меншикову от 8 мая 1708 г. // РНБ. Рукописный фонд. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1443. Л. 40.

²⁴⁴ *Карцов П.П.* Указ. соч. Т. 1. С. 166.

²⁴⁵ Письмо Сомова Г.Д. Юсупову-Княжево от 9 июня 1718 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 240–243.

²⁴⁶ Письмо В.В. Долгорукого Петру I от 2 июня 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 2. С. 691–694.

²⁴⁷ Письмо Петра I В.В. Долгорукому от 12 апреля 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 133.

²⁴⁸ Там же. Т. 6. С. 389, 541.

²⁴⁹ Письмо И.И. Бутурлина М. Волкову от 25 апреля 1722 года // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 51.

²⁵⁰ Журнал входящих бумаг Семеновского полка, 1722–1730 гг. // Там же. Д. 47. Л. 42.

²⁵¹ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М., 2004. С. 206–208; *Потоцкий П.* Гвардия русского царя под Нарвою в 1700 и 1704 году. СПб., 1890. С. 18–19.

- ²⁵² *Пушкарев И.И.* Указ. соч. С. 95, 104.
- ²⁵³ Письмо Е. Маврина Г.Д. Юсупову-Княжево от 1 февраля 1718 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 123.
- ²⁵⁴ Письмо М.А. Матюшкина Г.Д. Юсупову-Княжево от 28 февраля 1715 г. // Там же. Д. 19. Л. 65–65об.
- ²⁵⁵ Именной указ Петра об учете Преображенского полка солдат племянничьего и старого окладов, 1 ноября 1714 г. // Там же. Д. 15. Л. 2об.
- ²⁵⁶ РНБ. Рукописный фонд. Ф. 588. Погодинские автографы. Оп. 3. Д. 56. Л. 3об.
- ²⁵⁷ Журнал приказов, отдаваемых по Преображенскому полку, 1724 г. (25 февраля) // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 93. Л. 14об.
- ²⁵⁸ Определение, представленное Петру I из Ближней канцелярии, 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 6. С. 583.
- ²⁵⁹ *Милицин С.Д.* Правовой статус гвардии и ее роль в государственном механизме России XVIII в. // Правовые проблемы истории государственных учреждений. Свердловск, 1983. С. 63.
- ²⁶⁰ *Куракин Б.И.* Русско-шведская война. Записки Б.И. Куракина (1700–1710 гг.) // Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 306.
- ²⁶¹ *Он же.* Жизнь князя Б.И. Куракина. С. 276 // Там же. С. 261; *Пушкарев И.И.* Указ. соч. С. 114.
- ²⁶² Табель о рангах, 24 января 1722 г. // ПСЗ. Т. 6. № 3890.
- ²⁶³ Выписка лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков ис полковых окладных книг, 1717 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 35. Л. 15–18об.
- ²⁶⁴ См., например: *Бабич И.В.* «Указом определится» // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XXXII. Петровское время в лицах – 2006. СПб., 2006. С. 26.
- ²⁶⁵ Подробнее см.: *Серов Д.О.* Администрация Петра I. М., 2007. С. 65.
- ²⁶⁶ Выписка лейб гвардии Преображенского и Семеновского полков ис полковых окладных книг, 1717 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.
- ²⁶⁷ Послужные списки Семеновского полка, 1712 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 11. Л. 16.
- ²⁶⁸ Списки по старшинству 3 батальона Преображенского полка, 1714–1721 гг. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 15. Л. 44, 49об., 68, 77, 91об., 105.
- ²⁶⁹ Там же. Л. 4; Послужные списки Семеновского полка, 1712 г. Л. 16.
- ²⁷⁰ Послужные списки Семеновского полка, 1712 г. Л. 1об., 16–16об.
- ²⁷¹ Списки по старшинству 3 батальона Преображенского полка, 1714–1721 гг. Л. 48об., 78.

²⁷² Список Преображенского полку афицером по отмете господина полковника, май 1709 г. // Письма и бумаги. Т. 5. С. 645–648.

²⁷³ Список штаб-, обер- и унтер-офицеров со сведениями о службе, 1727 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–15об.

²⁷⁴ Списки по старшинству 3 батальона Преображенского полка, 1714–1721 гг. Л. 88об.

²⁷⁵ Журнал приказов, отданных по полку и входящих и исходящих бумаг полковой канцелярии. 14 апреля 1725 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 104. Л. 46.

²⁷⁶ Именной высочайший указ за подписью императрицы Екатерины I от 30 июня 1725 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 109. Л. 4.

²⁷⁷ Высочайше утвержденная роспись о пожаловании недвижимых имений генерал-поручику Бутурлину, бригадиру Ушакову и полковнику Скорнякову-Писареву, 14 января 1719 г. // Сборник РИО. Т. 11. С. 377.

²⁷⁸ Письмо Петра I Б.П. Шереметеву от 13 февраля 1711 г. // Письма и бумаги. Т. 11. Вып. 1. С. 60.

²⁷⁹ Письмо Петра I П.М. Голицыну от 3 марта 1711 г. // Там же. С. 119.

²⁸⁰ Журнал входящих бумаг Семеновского полка, 1722–1730 гг. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 47. Л. 39.

²⁸¹ Резолюция на докладных пунктах кн. А.И. Репнина, 23 апреля 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 5. С. 183–184.

²⁸² Карцов П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 166.

²⁸³ Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. СПб., 1900. С. 141–199.

²⁸⁴ Там же. С. 18.

²⁸⁵ Там же. С. 17–18.

²⁸⁶ Письмо В.Д. Корчмина Петру I от 29 марта 1697 г. // РНБ. Рукописный фонд. Ф. 608. Оп. 1. Д. 2940. Л. 4.

²⁸⁷ Письмо Б.И. Куракина Петру I от 20 июля 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 5. С. 681.

²⁸⁸ Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 329, 491, 494–495.

²⁸⁹ См., например: Присылаемые ордера и письма за 1718 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43.

²⁹⁰ Там же. Д. 35. Л. 131; Д. 43. Л. 203; Д. 93. Л. 2–61об.; Ф. 2584. Оп. 1. Д. 53. Л. 28.

²⁹¹ Доклады и приговоры. Т. 4. Кн. 1. С. 351, 510; Т. 5. Кн. 1. С. 515; Т. 5. Кн. 2. С. 1104.

²⁹² Прошение солдата Семеновского полка Ивана Чагина в полковую канцелярию, 5 января 1725 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 53. Л. 27.

- ²⁹³ Рапорты командиров рот о прочтении ими приказа по полку с сообщением о смерти Петра I и восшествии на престол Екатерины I; списки солдат и офицеров полка, присягнувших Екатерине, списки солдат на выдачу провианта и жалования, 1725. Л. 28,
- ²⁹⁴ Журнал приказов, отдаваемых по Преображенскому полку, 1724 г. (29 июля). Л. 40.
- ²⁹⁵ Письмо А.И. Ушакова [Л.В. Измайлову] от 5 марта 1718 г. // Там же. Д. 43. Л. 157, 169.
- ²⁹⁶ Письмо Петра I А.Д. Меншикову от 27 октября 1712 // Письма и бумаги. Т. 12. Вып. 2. С. 191; Письмо Петра I Сенату от 3 февраля 1713 // Там же. Т. 13. Вып. 1. С. 52.
- ²⁹⁷ Приходно-расходные книги Великого посольства, 25 февраля 1697 – 1 августа 1698 г. // Лефор Ф. Сборник документов и материалов. С. 379.
- ²⁹⁸ Там же.
- ²⁹⁹ Приходно-расходные книги Великого посольства, февраль – 30 июля 1698 г. // Там же. С. 482.
- ³⁰⁰ Письмо кн. М.М. Голицына В.В. Долгорукому от 25 января 1716 // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 19. Л. 40–40об.
- ³⁰¹ Письмо Петра I А.Д. Меншикову от 27 октября 1712 // Письма и бумаги. Т. 12. Вып. 2. С. 191.
- ³⁰² Письмо Петра I Ф.Ю. Ромодановскому от 28 октября 1712 // Там же. С. 193; Письмо Петра I Сенату от 28 октября 1712 // Там же. С. 194.
- ³⁰³ Письмо Петра I А.Д. Меншикову от 27 октября 1712 // Там же. С. 191.
- ³⁰⁴ Письмо Петра I Сенату от 3 февраля 1713 // Там же. Т. 13. Вып. 1. С. 52.
- ³⁰⁵ Об обязанности помещиков давать людям, записавшимся в солдаты Преображенского полка, а также их женам и детям их платья и денег, 11 декабря 1696 г. // ПСЗ. Т. 3. № 1560.
- ³⁰⁶ *Пушкарев И.И.* Указ. соч. С. 52–56.
- ³⁰⁷ См., например: Резолюции на докладе Марка Богдановича фон Кирхена, июль 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 6. С. 21–22.
- ³⁰⁸ *Куракин Б.И.* История о царе Петре Алексеевиче. С. 71.
- ³⁰⁹ *Карцов П.П.* Указ. соч. Т. 1. С. 193–194.
- ³¹⁰ См., например: Послужные списки Семеновского полка, 1712 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 11. Л. 18–18об., 20–20об., 22об.
- ³¹¹ Там же. Л. 18–18об., 20–20об.
- ³¹² Послужные списки Преображенского полка // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 15. Л. 3об.–4.

³¹³ Послужные списки Семеновского полка, 1712 г. Л. 5–6, 8об.–10, 11об., 18–21, 25об., 30 об.–33, 34об., 36об., 59–60об.

³¹⁴ Там же. Л. 1.

³¹⁵ Там же. Л. 8, 30об.

³¹⁶ Там же. Л. 31.

³¹⁷ Там же. Л. 39, 60об.

³¹⁸ Там же. Л. 55.

³¹⁹ Там же. Л. 11об., 14об.

³²⁰ Там же. Л. 16об.

³²¹ Челобитная В.Д. Корчмина Петру I, 1 ноября 1717 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 38. Л. 35; Журнал приказов, отдаваемых по Преображенскому полку, 1724 г. (19 января) // Там же. Л. 5.

³²² *Фоккеродт И.-Г.* Указ. соч. С. 103.

³²³ Роспись окладам офицерам и рядовым Преображенского полка, 19 октября 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 1. С. 226.

³²⁴ *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 344.

³²⁵ Письма и бумаги. Т. 10. С. 172, 609.

³²⁶ Книга записная посылаемым указам и ордерам о выдаче денежной казны, 1715–1720 гг. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–41; Документы о выдаче рационов разным чинам, 1715–1725 гг. // Там же. Д. 107. Л. 1–3.

³²⁷ ПСЗ. Т. 7. № 4873.

³²⁸ Именной указ Петра I об учете солдат племянничьего и старого окладов Преображенского полка, 1 ноября 1714 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 15. Л. 2об.

³²⁹ Письмо В.В. Долгорукого кн. Г.Д. Юсупову-Княжево от 6 февраля 1718 г. // Там же. Д. 43. Л. 74–75.

³³⁰ ПСЗ. Т. 5. № 3006.

³³¹ Там же. № 3322.

³³² Доклады царскому величеству, ордеры, челобитные, вопросы и прочия, 30 сентября 1716 – 18 декабря 1717. // Там же. Л. 36.

³³³ Доношение его превосходительству господину генералу Дупре, 29 июня 1715 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 18. Л. 80.

³³⁴ О распределении по губерниям гарнизонных полков и о даче им жалованья, 29 января 1712 г. // Доклады и приговоры. Т. 2. Кн. 1. С. 62–63.

³³⁵ Табель штата и роспись государственным приходам и расходам, 1724 г. // РГИА СПб. Ф. 1329. Именные указы и высочайшие повеления Сенату. Оп. 1. Д. 23. Л. 1об.

³³⁶ Указ полки гвардии содержать за счет Сибирской губернии, 11 декабря 1723 г. // ПСЗ. Т. 7. № 4472.

- ³³⁷ О содержании гвардии из остаточных сумм за распределением доходов по штатам, 7 июля 1725 г. // ПСЗ. Т. 7. № 4752.
- ³³⁸ Письмо Порсукова кн. Г.Д. Юсупову от 7 ноября 1716 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 28. Л. 169.
- ³³⁹ Журнал приказов, отдаваемых по Преображенскому полку, 1724 г. (1 января). Л. 1об.; *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 135.
- ³⁴⁰ *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка (1683–1900 гг.). Т. 1. С. 153.
- ³⁴¹ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951. С. 378.
- ³⁴² Жалованная грамота генерал-майору Г.Г. Скорнякову-Писареву на прежде бывшая вотчины Троицко-Сергиева монастыря // Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. СПб., 1909. С. 134.
- ³⁴³ Письмо Б.П. Шереметева Петру I от 26 мая 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 5. С. 670.
- ³⁴⁴ *Смирнов Ю.Н.* Русская гвардия в первой половине XVIII века (социальный состав, принципы комплектования и участие в системе государственного управления). Диссертация. С. 156–157.
- ³⁴⁵ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 274.
- ³⁴⁶ Там же. С. 276.
- ³⁴⁷ Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 2. С. 1058.
- ³⁴⁸ *Карцов П.П.* Указ. соч. Т. 1. С. 294–295.
- ³⁴⁹ О даче хлебного жалованья Ингермонландского полка солдатским женам, 1705 г. // Доклады и приговоры. Т. 1. С. 175.
- ³⁵⁰ *Юль Ю.* Указ. соч. С. 230.
- ³⁵¹ Письма и бумаги. Т. 6. С. 583, 585.
- ³⁵² Письмо А.В. Макарова С.Т. Клокачеву от 4 июля 1718 г. // РНБ. Рукописный фонд. Ф. 874. Оп. 2. Д. 207. Л. 16; Требования на квартиры для нижних чинов, 1722–1726 гг. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 81. Л. 1–41об.
- ³⁵³ Письмо А.В. Макарова С.Т. Клокачеву от 4 июля 1718 г. // РНБ. Рукописный фонд. Ф. 874. Оп. 2. Д. 207. Л. 16.
- ³⁵⁴ Петербург в эпоху Петра I. С. 588.
- ³⁵⁵ *Богданов А.И.* Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 51–52.
- ³⁵⁶ Журнал приказов, отдаваемых по Преображенскому полку, 1724 г. (17 января). Л. 4об.
- ³⁵⁷ Там же (23 марта). Л. 23.
- ³⁵⁸ Письма и бумаги. Т. 6. С. 404, 540–541; Т. 7. Вып. 1. С. 329, 396, 491, 494–495.
- ³⁵⁹ Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 4 февраля 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 339.

³⁶⁰ Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 16 апреля 1708 г. // Там же. С. 499.

³⁶¹ Присылаемые [в Преображенский полк] ордера и письма, 1718 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 351–358об.

³⁶² Доклады царскому величеству, ордера, челобитные, вопросы и прочия, 30 сентября 1716 – 18 декабря 1717. Л. 6.

³⁶³ Доклады и приговоры. Т. 1. С. 360, 423; Т. 3. Кн. 1. С. 235.

³⁶⁴ Письмо Петра I А.Д. Меншикову от 16 апреля 1709 г. // РНБ. Рукописный фонд. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1443. Л. 78.

³⁶⁵ ПСЗ. Т. 7. № 4873.

³⁶⁶ Грунд Г. Доклад о России в 1705–1710 гг. (пер. Ю.Н. Беспярых). М.; СПб., 1992. С. 104.

³⁶⁷ О пожаловании лейб-гвардии майору Федору Глебову поместных и вотчинных деревень, отписанных у полковника Рожнова, 5 апреля 1715 г. // Сборник РИО. Т. 11. С. 287–288; О даче поместий после умерших Ивана Волынцова и жены его и дочери прожиточного после брата его Андреяна Волынцова в разных городах, всего 152 четверти, 7 дворов безпоместному лейб-гвардии Преображенского полку поручику Дмитрию Шепелеву // Доклады и приговоры. Т. 3. Кн. 1. С. 288–289.

³⁶⁸ Письмо А.В. Макарова С.Т. Клокачеву от 4 июля 1718 г. // РНБ. Рукописный фонд. Ф. 874. Оп. 2. Д. 207. Л. 16.

³⁶⁹ Доклады и приговоры. Т. 3. Ч. 1. С. 65–66; Т. 5. Ч. 1. С. 65; Т. 5. Ч. 2. С. 741; РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1142; Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 2. С. 828–829.

³⁷⁰ Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 210; Т. 7. Вып. 2. С. 884.

³⁷¹ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 945, 947; РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 18. Л. 20.

³⁷² РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1132; Доклады и приговоры. Т. 5. Ч. 2. С. 749.

³⁷³ Доклады и приговоры. Т. 5. Ч. 1. С. 289; Т. 5. Ч. 2. С. 749.

³⁷⁴ О запрещении взимать с бомбардира лейб-гвардии Преображенского полка Федора Новокрещенова пошлину за баню, 10 мая 1714 г. // Доклады и приговоры. Т. 4. Кн. 1. С. 383.

³⁷⁵ Приговор Сената о приказании губернаторам строго смотреть за приезжающими в отпуск, 17 июля 1711 г. // Доклады и приговоры. Т. 1. С. 180.

³⁷⁶ Журнал приказов, отдаваемых по Преображенскому полку, 1724 г. Л. 1–61об.

³⁷⁷ Карцов П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 172.

³⁷⁸ Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка (1683–1900 гг.). Прил. к Т. 2. С. 9, 12.

- ³⁷⁹ Рапорт о численности гвардии налицо от 1 апреля 1723 г. // Бобровский П.О. История л.-г. Преображенского полка. Прил. к Т. 2. С. 85.
- ³⁸⁰ Карцов П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 184.
- ³⁸¹ Челобитные разных чинов об отпусках, 1721 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 74. Л. 3–44об.
- ³⁸² Ведомость о не вернувшихся из отпусков за рукой И.И. Бутурлина, 20 января 1725 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 53. Л. 67.
- ³⁸³ Списки офицеров, поступивших в Семеновский полк в 1690–1759 гг. Л. 13.
- ³⁸⁴ Там же. Л. 14.
- ³⁸⁵ Там же.
- ³⁸⁶ Ордер за рукою господина маэора Салтыкова капитану Карпову о штрафе солдат которые из домов своих на сроку к придут, 29 марта 1719 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 12. Л. 12об.
- ³⁸⁷ Указ о порядке принесения жалоб военными служащими и запрещении коллективных челобитий 1706 г. // Военные уставы Петра Великого (под ред. Н.Л. Рубинштейна). М., 1946. С. 64.
- ³⁸⁸ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 150; Ф. 2584. Оп. 1. Д. 53. Л. 34–35.
- ³⁸⁹ *Квадри В.В.* Столетие военного министерства (1802–1902 гг.). Императорская главная квартира. История государевой свиты. СПб., 1902. С. 42.
- ³⁹⁰ Список солдат и офицеров Семеновского полка за 1719 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 37. Л. 2об.; Список штаб-, обер- и унтер-офицеров Преображенского полка со сведениями о службе, 1727 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 47. Л. 2об.
- ³⁹¹ Послужные списки Семеновского полка, 1712 г. Л. 17.
- ³⁹² Там же. Л. 67.
- ³⁹³ Там же. Л. 39, 66об.
- ³⁹⁴ Письмо неизвестного лица кн. Г.Д. Юсупову [декабрь 1716 г.] // Там же. Л. 135–136.
- ³⁹⁵ Письмо С. Салтыкова кн. Г.Д. Юсупову от 25 февраля 1716 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 28. Л. 22–22об.
- ³⁹⁶ Журнал приказов, отданных по Преображенскому полку, 1720 г. (3 марта). Л. 3об.
- ³⁹⁷ См., например: Письма разных лиц командиру Преображенского полка, 1705–1719 гг. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 7. Л. 10–89; Письма разных лиц командиру Преображенского полка, 1705–1720 гг. // Там же. Д. 8. Л. 59–68.
- ³⁹⁸ См., например: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 35. Л. 131; Д. 93. Л. 2–61об.; Доклады и приговоры. Т. 4. Кн. 1. С. 351, 510; Т. 5. Кн. 1. С. 515; Кн. 2. С. 1104.

³⁹⁹ По пунктам генерал-майора Луки Чирикова о даче на генералитет... недосланных денег, 8 января 1713 г. // Доклады и приговоры. Т. 3. Ч. 1. С. 21.

⁴⁰⁰ Серов Д.О. Из истории военной юстиции петровского времени: процесс Н.Т. Ржевского // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762 гг.). СПб., 2002. Вып. 2. С. 42.

⁴⁰¹ Списки по старшинству 3 батальона Преображенского полка, 1714–1721 г. Л. 35, 45.

⁴⁰² Доклады царскому величеству, ордера, челобитные, вопросы и прочия, 30 сентября 1716 г. – 18 декабря 1717 г. Л. 300б.

⁴⁰³ Военные уставы Петра Великого. С. 33.

⁴⁰⁴ Карцов П.П. Указ. соч. С. 241–242.

⁴⁰⁵ Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX вв. М., 1996. С. 71.

⁴⁰⁶ Карцов П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 194.

⁴⁰⁷ Письмо И.И. Дмитриева-Мамонова от 22 февраля 1723 г. // Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. С. 148.

⁴⁰⁸ Берхгольц Ф.-В. Указ. соч. Ч. 1. С. 252–253, 386–387, 397.

⁴⁰⁹ Там же. С. 387.

⁴¹⁰ Гордон П. Бобровский П.О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка за 250 лет. Прил. к Т. 1. С. 9.

⁴¹¹ Бобровский П.О. Царь Петр Алексеевич и военная школа четырех первых регулярных полков в России (1690–1699 гг.). С. 13.

⁴¹² Там же.

⁴¹³ Корб И.Г. Указ. соч. С. 112.

⁴¹⁴ Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII в. М., 1998. С. 69.

⁴¹⁵ Там же. С. 43.

⁴¹⁶ Рабинович М.Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I: сб. ст. М., 1973. С. 154.

⁴¹⁷ См., например: Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» – град Святого Петра: Петербург в русском общественном самосознании начала XVIII в. СПб., 1999. С. 27.

⁴¹⁸ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 15, 92; РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 1, 11.

⁴¹⁹ Письма и бумаги. Т. 5. С. 755, 757; Т. 6. С. 40.

⁴²⁰ Письмо Р.Х. Боура Петру I от 1 июля 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 5. С. 710.

⁴²¹ О рекрутировании в бомбардирскую роту всяких чинов людей, кто похочет, 31 октября 1701 г. // ПСЗ. Т. 4. № 1873.

⁴²² О приеме новоопределяющихся в Преображенский полк, 24 апреля 1702 г. // Там же. № 1912.

⁴²³ Об освобождении от помещиков матерей, детей и пасынков крепостных людей, добровольно записавшихся в солдаты, 25 февраля 1697 // ПСЗ. Т. 3. № 1573.

⁴²⁴ Об обязанности помещиков давать людям, записавшимся в солдаты Преображенского полка, а также их женам и детям их платья и денег, 11 декабря 1696 г. // ПСЗ. Т. 3. № 1560.

⁴²⁵ *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка (1683–1900 гг.). Прил. к Т. 1. С. 104–108, 113, 159, 142–145, 150–151, 157–160; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 1. С. 106–109, 114, 281, 285, 288, 307, 505; Записки русских людей. СПб., 1841. С. 28; ПСЗ. Т. 3. № 1544, 1560, 1575.

⁴²⁶ Указ о рекрутировании в бомбардирскую роту всяких чинов людей, кто похочет, 31 октября 1701 г. // ПСЗ. Т. 4. № 1673; Выписка из дел Розрядного и Стрелецкого приказов о военных и гражданских делах и о бунтах бывших с начала царствования Петра Великого, 12 декабря 1715 г. // Доклады и приговоры. Т. 5. Кн. 2. С. 1161.

⁴²⁷ См., например: Списки по старшинству 3 батальона Преображенского полка, 1714–1721 гг. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 15.

⁴²⁸ *Куракин Б.И.* Жизнь князя Б.И. Куракина. С. 269.

⁴²⁹ Указ дворян, неслуживших в гвардии солдатами в офицеры не производить, 26 февраля 1714 г. // ПСЗ. Т. 5. № 2775.

⁴³⁰ *Смирнов Ю.Н.* Русская гвардия в первой половине XVIII в. С. 189.

⁴³¹ *Рабинович М.Д.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 138–139.

⁴³² Там же. С. 138–139.

⁴³³ Указ офицеров гвардии увольнять из оной в армию и в отставку с повышением чина, 7 марта 1721 г. // ПСЗ. Т. 6. № 3757.

⁴³⁴ Указ в гвардию писать знатных дворян, определяя знатность достоинством, 11 ноября 1724 г. // ПСЗ. Т. 7. № 4589.

⁴³⁵ См., например: *Смирнов Ю.Н.* Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. С. 88–89.

⁴³⁶ *Смирнов Ю.Н.* Русская гвардия в первой половине XVIII в. Диссертация. С. 191.

⁴³⁷ Пометки на списке школьников и недорослей, явившихся в Сенат, 10 июня 1712 г. // Письма и бумаги. Т. 12. Вып. 1. С. 240–242.

⁴³⁸ *Калашиников Г.В.* К вопросу о практике записи малолетних дворян в гвардию XVIII в. // «За веру и верность». 300 лет Российской Императорской Гвардии: тезисы науч. конф. СПб., 2000. С. 50.

⁴³⁹ Письмо А.Д. Меншикова В.Л. Долгорукому от 20 февраля 1709 г. // Письма и бумаги. Т. 9. Вып. 2. С. 687–688; Письмо Петра I А.Д. Меншикову от 13 февраля 1711 г. // Там же. Т. 11. Вып. 1. С. 60.

⁴⁴⁰ *Валькович А.* Указ. соч. С. 12.

⁴⁴¹ Пункты, которые надлежит доложить до царского величества, 1717 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 35. Л. 39.

⁴⁴² Там же.

⁴⁴³ Журнал приказов, отдаваемых по Преображенскому полку, 1724 г. (8 января). Л. 2об.–3.

⁴⁴⁴ Челобитная В. Трупова Петру I, ноябрь 1717 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 38. Л. 40.

⁴⁴⁵ *Куракин Б.И.* Жизнь князя Б.И. Куракина. С. 252.

⁴⁴⁶ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 349.

⁴⁴⁷ Об отдаче поместья умершаго вахмистра Мартюхина по его духовной князю Чегодаеву за долг, 31 января 1715 г. // Доклады и приговоры. Т. 5. Кн. 1. С. 63–65.

⁴⁴⁸ *Шаховской Я.П.* Записки князя Якова Петровича Шаховского, полицеймейстера при Бироне, обер-прокурора Священного Синода, генерал-прокурора и конференц-министра при Елисавете, сенатора при Екатерине II (1705–1777 гг.) СПб., 1872. С. 2.

⁴⁴⁹ Список офицеров и других чинов из дворян с указанием, где находятся и чему учатся их дети, 1724 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–27.

⁴⁵⁰ Там же. Л. 2об., 6об., 7, 11об., 14, 18.

⁴⁵¹ Там же. Л. 1–27.

⁴⁵² Списки офицеров, поступивших в Семеновский полк в 1690–1759 гг. Л. 2–33.

⁴⁵³ Список офицеров и других чинов из дворян с указанием, где находятся и чему учатся их дети, 1724 г. Л. 1–27.

⁴⁵⁴ Там же.

⁴⁵⁵ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 252–253.

⁴⁵⁶ *Меншиков А.Д.* Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова (1716–1720, 1726–1727 гг.) // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2000. Вып. 10. С. 630, 626.

⁴⁵⁷ Там же. С. 615.

⁴⁵⁸ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 138.

⁴⁵⁹ Письмо П. Глебовского кн. В.В. Долгорукому от 20 января 1718 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 31–31об.

⁴⁶⁰ Указ Петра I от 16 июля 1722 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 35. Л. 47.

⁴⁶¹ Письмо И.И. Бутурлина И.И. Дмитриеву-Мамонову от 22 января 1725 г. // Там же. Д. 53. Л. 87.

⁴⁶² Рапорты командиров рот о прочтении ими приказа по полку с сообщением о смерти Петра I и восшествии на престол Екатерины I; списки солдат и офицеров полка, присягнувших Екатерине, списки солдат на выдачу провианта и жалования, 1725. Л. 87.

⁴⁶³ Журнал приказов, отданных по полку и входящих и исходящих бумаг полковой канцелярии. 7 января 1725 г. Л. 2об.

⁴⁶⁴ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 152.

⁴⁶⁵ См., например: Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 2. С. 638, 795–796.

⁴⁶⁶ *Корб И.Г.* Указ. соч. С. 208.

⁴⁶⁷ Письмо Б.И. Куракина Петру I, сентябрь 1712 г. // Письма и бумаги. Т. 12. Вып. 2. С. 394.

⁴⁶⁸ Списки представляемых к производству, 1714–1716 гг. Л. 32–35.

⁴⁶⁹ Осмотр лейб-гвардии Преображенского полку унтер афицерам и капралам и салдатам, 1721 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 65. Л. 7–30об.

⁴⁷⁰ Списки офицеров, поступивших в Семеновский полк в 1690–1759 гг. Л. 2–33.

⁴⁷¹ Список штаб-, обер- и унтер-офицеров со сведениями о службе, 1727 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–15об.

⁴⁷² *Рабинович М.Д.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны. С. 166.

⁴⁷³ Письма и бумаги. Т. 6. С. 233; Вып. 1. С. 458; Т. 7. Вып. 2. С. 691–694; Т. 12. Вып. 2. С. 351.

⁴⁷⁴ Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 95; Т. 11. Вып. 1. С. 90.

⁴⁷⁵ Резолюции на докладе А.И. Репнина, 17–20 октября 1708 г. // Там же. Т. 8. Вып. 1. С. 212.

⁴⁷⁶ См., например: РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 23, 39; Д. 53. Л. 30; Ф. 2584. Оп. 1. Д. 11. Л. 6–11; Ф. 2583. Оп. 1. Д. 15. Л. 9об.–105об.; Д. 12. Л. 3об.

⁴⁷⁷ О возвращении чинов, разжалованных из офицеров в солдаты, 1725–1726 гг. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 107. Л. 1–3.

⁴⁷⁸ Журнал приказов, отдаваемых по Преображенскому полку, 1724 г. Л. 1–61об.

⁴⁷⁹ Списки по старшинству 3 батальона Преображенского полка, 1714–1721 г. Л. 9об., 55, 64, 66об., 69об., 72, 80об., 96-а, 102, 105об.; Список солдат и офицеров полка за 1719 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 37. Л. 28об.

⁴⁸⁰ Списки по старшинству 3 батальона Преображенского полка, 1714–1721 г. Л. 18, 25об, 29, 30об., 32об., 37, 55об., 58, 59, 72об., 77, 94об., 95; Послужные списки Семеновского полка, 1712 г. Л. 20об; Ордер, присланный в 16 роту Преображенского полка 21 декабря 1722 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 12. Л. Зоб.

⁴⁸¹ Списки по старшинству 3 батальона Преображенского полка, 1714–1721 г. Л. 15, 26, 37об., 42, 74, 81об., 84, 102об.

⁴⁸² Списки по старшинству 3 батальона Преображенского полка, 1714–1721 г. Л. 15, 26, 35, 37об., 42, 50, 74, 77, 81об., 84, 96, 102об.; Послужные списки Семеновского полка, 1712 г. Л. 5–6, 9об., 12об.

⁴⁸³ Списки по старшинству 3 батальона Преображенского полка, 1714–1721 г. Л. 70об.

⁴⁸⁴ Табель о выбывших из полков чинов и о вернувшихся после ранений и болезней с пометою Петра (не ранее 9 ноября 1708 г.) // Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 1. С. 299–300.

⁴⁸⁵ О недержании Московским жителям стрельцов, их жен и детей, 17 января 1700 г. // ПСЗ. Т. 4. № 1746.

⁴⁸⁶ Дело о побеге колодника, солдата Преображенского полка Г. Малыгина, май 1715 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 18. Л. 42.

⁴⁸⁷ Копии с высочайших резолюций о разжаловании офицеров, 1715 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 25. С. 9–12, 17–21об., 22, 25–25об.; Рапорты командиров рот, 1725 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 53. Л. 144.

⁴⁸⁸ Копии с высочайших резолюций о разжаловании офицеров, 1715 г. Л. 9–11, 19–20, 22об., 23об., 24–24об., 25–26., 29об.–30об., 31, 31об.–33об., 34–36об.

⁴⁸⁹ Реестр указам и ордерам, присланным в 16 роту (25 июля 1720 – 14 декабря 1727 г.) // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 12. Л. 17, 19; Копии с высочайших резолюций о разжаловании офицеров, 1715 г. Л. 23об, 27, 31об.–33об.

⁴⁹⁰ ПСЗ. Т. 5. № 2778.

⁴⁹¹ История Северной войны. С. 34.

⁴⁹² РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 23–29.

⁴⁹³ Карцов П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 257.

⁴⁹⁴ Журнал приказов, отдаваемых по Преображенскому полку, 1724 г. (25 февраля). Л. Зоб.

⁴⁹⁵ Там же. Л. 16.

⁴⁹⁶ Доношение л.-г. Семеновского полка обер и унтер офицерам, которые удостоены к повышению ранга по баллотированию, также по старшинству // Карцов П.П. Указ. соч. Прил. к Т. 1. С. 35.

⁴⁹⁷ Копии с высочайших резолюций о разжаловании офицеров, 1715 г. Л. 9–11.

- ⁴⁹⁸ Указ Петра I П.М. Голицыну, 5 апреля 1720 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 23.
- ⁴⁹⁹ Копии с высочайших резолюций о разжаловании офицеров, 1715 г. Л. 22об., 24–24об.
- ⁵⁰⁰ Поручная запись И. Гринева, апрель 1720 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 26.
- ⁵⁰¹ Копии с высочайших резолюций о разжаловании офицеров, 1715 г. Л. 25об.–26.
- ⁵⁰² Там же. Л. 34.
- ⁵⁰³ Там же. Л. 9–11, 13об.–16, 23–23об., 28об.–29.
- ⁵⁰⁴ Послужные списки Семеновского полка, 1712 г. Л. 58об, 61об., 62, 64; Копии с высочайших резолюций о разжаловании офицеров, 1715 г. Л. 9–11.
- ⁵⁰⁵ Там же. Л. 9–10.
- ⁵⁰⁶ Там же. Л. 27.
- ⁵⁰⁷ Послужные списки Семеновского полка, 1712 г. Л. 8об.
- ⁵⁰⁸ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.
- ⁵⁰⁹ Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 27 мая 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 2. С. 801.
- ⁵¹⁰ Письмо Петра I царевичу Алексею Петровичу от 13 октября 1708 г. // Там же. Т. 8. Вып. 1. С. 191.
- ⁵¹¹ О высылке из Москвы 200 человек недорослей в полки гвардейские, 12 февраля 1715 г. // ПСЗ. Т. 5. № 2884.
- ⁵¹² О даче денежного жалованья недорослям, посылаемым в Санкт-Петербург на службу в полки лейб-гвардии, 18 октября 1715 г. // Доклады и приговоры. Т. 5. Кн. 2. С. 938.
- ⁵¹³ Лейб-гвардии Преображенского полку 11 роты послужной список, 1713 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 10. Л. 4–7об.
- ⁵¹⁴ Определенные в Преображенский полк в солдаты, в бомбардиры, в бомбардирские и лекарские ученики, 1721–1724 гг. // Там же. Д. 49. Л. 1–13об.
- ⁵¹⁵ Письмо полковника Кошелева кн. В.В. Долгорукому, 8 и 11 января 1718 г. // Там же. Д. 43. Л. 33–33об., 35.
- ⁵¹⁶ Ведомости об определении в Преображенский полк недорослей от 15 февраля, 17 февраля, 3 октября, 23 марта 1718 г. // Там же. Л. 39, 76, 156, 294–294об.; Ведомости об определении в Семеновский полк недорослей от 15 и 20 мая 1715, 23 января 1725 // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 9, 53, 59, 102; Письмо подполковника Долгорукова к господину маэору от 31 января 1718 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 5.
- ⁵¹⁷ Ордер за рукою господина маэора Ушакова к капитану Сафонову, 18 марта 1721 г. // Там же. Д. 12. Л. 16об.; Ведомости об опре-

делении в Преображенский полк недорослей 18 марта 1718 г. // Там же. Д. 43. Л. 152.

⁵¹⁸ О даче денежного жалования недорослям, посылаемым в Санкт-Петербург на службу в полки лейб-гвардии, 18 октября 1715 г. // Доклады и приговоры. Т. 5. Ч. 2. С. 938.

⁵¹⁹ О посылке недорослей в Голландию, 19 июня 1713 г. // Доклады и приговоры. Т. 3. Кн. 1. С. 424; Резолюция на реестрах школьников и недорослей, 10–16 июня 1712 г. // Письма и бумаги. Т. 12. Вып. 1. С. 243–245.

⁵²⁰ Реестры школьникам и недорослям, посылаемым в Голландию и в Ревель и зачисляемым в Преображенский полк, 16 июня 1712 г. // Сборник РИО. Т. 11. С. 231–233.

⁵²¹ Петербург в эпоху Петра I. С. 215.

⁵²² Письмо Петра I М.Б. фон Кирхену от 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 94.

⁵²³ Письмо Петра I царевичу Алексею от 27 ноября 1708 г. // Там же. Т. 8. Вып. 1. С. 233.

⁵²⁴ Именной высочайший указ за подписью императрицы Екатерины I от 30 июня 1725 г. Л. 4об.

⁵²⁵ См., например: Пункты царскому величеству, 5 декабря 1717 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 35. Л. 30об.; Рапорты командиров рот, 1725 г. // Там же. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 53. Л. 82, 84, 86; Копии с высочайших резолюций о разжаловании офицеров // Там же. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 25. Л. 23об, 27, 31об.–33об.

⁵²⁶ Ордер за рукою господина мазора Г.Д. Юсупова-Княжево к капитану Сафонову, 11 июля 1721 г. // Там же. Д. 12. Л. 17.

⁵²⁷ Ордер за рукою господина мазора Матюшкина к капитану Сафонову, 2 марта 1722 г. // Там же. Л. 19.

⁵²⁸ Реестр школьникам и недорослям, смотренных в Санкт-Петербургху июня в 10 день 1712 года // Письма и бумаги. Т. 12. Вып. 1. С. 548–549.

⁵²⁹ Карцов П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 162.

⁵³⁰ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 9, 16об., 53, 59, 102; Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 5, 39, 76, 152, 156, 294–294об.; Ф. 2584. Оп. 1. Д. 53. Л. 87; Ф. 2583. Оп. 1. Д. 104. Л. 46.

⁵³¹ Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 7 апреля 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 496.

⁵³² РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 38. Л. 10, 39; Д. 93. Л. 22–23.

⁵³³ Челобитная А. Новокрещенова Петру I, июль 1717 г. // Там же. Д. 38. Л. 26.

⁵³⁴ Челобитная Г. Сафонова Петру I от 19 июля 1717 г. // Там же. Л. 24.

⁵³⁵ Осмотр лейб-гвардии Преображенского полка унтер-офицеров, капралов и солдат, 1721 г. // Там же. Д. 65. Л. 17об.

⁵³⁶ Осмотр лейб-гвардии Преображенского полка унтер-офицеров, капралов и солдат, 1721–1722 гг. // Там же. Л. 1–30об.

⁵³⁷ Указ Екатерины I, 4 февраля 1725 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 107. Л. 1.

⁵³⁸ О возвращении чинов, разжалованных из офицеров в солдаты, 1725–1726 гг. Л. 1об.–3.

⁵³⁹ Журнал приказов, отдаваемых по Преображенскому полку, 1724 г. (10 февраля). Л. 10об.

⁵⁴⁰ Там же (27 марта). Л. 23.

Глава II

ГВАРДИЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

1

Гвардия и император

Известно прохождение Петром I службы в гвардии по всей вертикали вплоть до полковника. В 1684 г. Петр I был сержантом¹, в период с 1701 по 1706 г. – капитаном Бомбардирской роты Преображенского полка. В 1706 г. он был объявлен полковником этой части. Однако один из гвардейцев, Б.И. Куракин, описывая 1701–1702 гг., сообщает, что «...Царское Величество учинен полковником от Преображенскаго полка гвардии первой»². Таким образом, понимание того, что государь является командиром гвардии, относится к более раннему времени, нежели официальная декларация об этом. Иностранцы аттестовали стремление Петра пройти службу в Преображенском полку, начиная с нижней ступени иерархии, как «комедию», целью которой являлось стремление уничтожить предрассудки о преимуществах рождения³.

Тот факт, что Петр I начал службу в Преображенском полку, а позднее стал его командиром, в любом случае оказал бы на гвардию определенное влияние. Но суть такого воздействия, безусловно, могла быть разной. Ведь царь мог ограничиться формальной стороной отношений: рассматривать преображенцев и семеновцев не более как преданных телохранителей⁴, участвовать в гвардейских смотрах⁵ и иногда во время сражения «...своею персоною» быть «при полках гвардии»⁶. Петр I, однако, далеко вышел за рамки таких отношений.

Ощущая себя командиром гвардии, Петр I все время аттестует эти части как «наши полки»⁷, Преображенский полк – как «наш полк»⁸, а Бомбардирскую роту – как «нашу роту»⁹. Свое по-

ложение как первого человека в лучшем полку Петр I использует чрезвычайно часто. Очевидно, что апелляция к статусу командира гвардии была очень значима для него. Так, «Походный журнал» именует его в 1703 г. «капитаном», а в 1708 г. – «полковником»¹⁰, т. е. в соответствии с его гвардейским чином. Еще один пример – сразу после коронации Екатерины император поздравил ее первым «по порядку старшинства» именно как полковник Преображенского полка¹¹.

Но такой саморепрезентацией дело не ограничивалось. Петр I действительно стремился быть командиром гвардии. Вместе с ними он сражается, слушает молебны и обедни, принимает пищу, участвует в разного рода полковых шествиях и празднествах государственного значения¹². Он не просто контролирует, а активно руководит вопросами снабжения полков, обмундирования, поиска средств передвижения, хороших зимних квартир и выплаты жалованья¹³. Он сам разрабатывает для них маршрут и старается обеспечить «свободный проход» за границу¹⁴. Петр I постоянно следит также и за изменениями в личном составе гвардии. Именно он утверждает назначения и наказания для преображенцев и семеновцев¹⁵.

Преображенцы и семеновцы представлялись Петру I столь значимой категорией людей, что, даже покинув элитные полки из-за болезни или ранения, они по-прежнему находились в поле зрения Петра, часто определявшего их к управлению рядом важных гражданских дел¹⁶.

Все это свидетельствует о том, что Петр I самым серьезным образом относился к своей службе в гвардии. По сути, он являлся полноценным полковником Преображенского полка и командиром всей гвардии.

Более того, источники предоставляют примеры удивительно теплых отношений государя со служащими Преображенского и Семеновского полков. Часто, давая характеристику царю, иностранцы могли начать ее словами «он любит своих солдат» и лишь потом перейти к сообщениям о том, что Петр I «сведущ в навигации, кораблестроении, фортификации и пиротехнике»¹⁷.

В самом деле, отношения императора и гвардии носили во многом личный характер. Как упоминалось выше, в 1683–1700 гг., а возможно, и в более поздний период Петр I сам определял жалованье преображенцам и семеновцам по мере их заслуг и материального положения. В начале века гвардия, вероятно, была известна ему едва ли не полностью. Но и позднее

первый русский император хорошо владел информацией о составе Преображенского и Семеновского полков. Помимо собственно тесного общения Петр восполнял пробел за счет дополнительных гвардейских смотров. Мы имеем сведения, по крайней мере, о двух подобных акциях – в 1706 и 1714 гг.¹⁸

Интересно, что, находясь в постоянном контакте с гвардейцами, Петр I много знал не только о командном составе, но и о жизни нижних чинов. Так, 9 марта 1718 г. И.И. Бутурлин проинформировал майора гвардии Г.Д. Юсупова о том, что «государь продлил отпуск солдату Василию Измайлову» в связи с необходимостью для последнего уплатить долги, оставшиеся после смерти отца¹⁹. Показательно также, что Петр лично занимался делом сержанта Преображенского полка Федора Тулубьева, объявившего об исцелении от иконы Тихвинской Богородицы²⁰.

Многие из гвардейцев были знакомы ему с детства, а такие, как Ф.Ю. Ромодановский, А.Д. Меншиков, А.А. Вейде, И.И. Бутурлин, А.И. Ушаков, Г.Г. Скорняков-Писарев, справедливо могут быть названы его друзьями. Именно с ними Петр I связывал воспоминания о целом ряде рискованных предприятий. Таких, например, как осмотр устья Невы 28 апреля 1703 г. в сопровождении всего лишь нескольких солдат гвардии и захват 7 мая того же года двух шведских фрегатов²¹.

Иные гвардейцы, как уже упоминалось, приходились государю родственниками. Многие были непосредственными телохранителями Петра Великого или его денщиками. Они постоянно находились в царских покоях или сопровождали государя в поездках²². Показательно, что согласно упоминавшемуся указу Сената от 30 декабря 1715 г. в Санкт-Петербурге «при доме царского величества» под началом капитан-поручика Василия Корчмина находилось 66 гвардейцев. При этом, как указывалось в документе, караульные гвардейцы составляли лишь треть от этого числа, а все остальные, т. е. 44 человека (включая восемь бомбардирских учеников, семь денщиков и трех солдат «при лаборатории»), пребывали в резиденции монарха «для других дел». В указе упоминалось, что все эти люди «живут» «при доме царского величества», т. е. находятся при резиденции постоянно²³.

Именно такими родственными и дружескими связями с преображенцами и семеновцами объясняются действия Петра I по отношению к личному составу этих частей. Он часто ездит в гости к офицерам среднего и высшего звена²⁴, обедает с ними²⁵, проводит в кругу гвардейцев праздники, такие как Богоявление и

Пасха²⁶. Их Петр I часто посещает²⁷, поздравляя с именинами²⁸ или участвуя в увеселениях, ими организованных (таких, например, как игра в кости у В.В. Долгорукого, ассамблеи у В.В. Долгорукого и Б.И. Куракина²⁹). Его письма к гвардейцам часто заканчиваются просьбами «отдать поклон» общим знакомым, товарищам³⁰.

Он постоянно принимает участие в семейных делах своих подчиненных: поздравляет их с именинами, становится крестным отцом их детей. В случае с крестинами, кстати, Петр проявлял удивительную последовательность. Не имея возможности лично участвовать в церемонии, он тем не менее не отказывался от идеи стать крестным отцом ребенка. В подобных случаях его заменял кто-либо из гвардейцев. Ситуации такого рода вовсе не были исключительными, скорее это была установившаяся практика, о которой гвардейцы были хорошо осведомлены. Так, в июне 1707 г. командир преображенцев полковник М.Б. фон Кирхен, сообщая о рождении сына, названного, вероятно, в честь государя Петром, просил царя и быть крестным отцом ребенка и в связи с невозможностью личного присутствия перепоручить эту роль другому гвардейцу: «Известую милости вашей: сего июня 2-го числа дал Господь Бог мне сына, а тезоименитство Петр... Да просим у тебя милости, дабы ваша милость изволил крестить, а вместо милости вашей бил челом господину маэору князю Долгорукову. Зело нам жаль, что милости вашей не сподобил Господь Бог видеть в таком случии»³¹. Петр I, поздравив отца с новорожденным сыном, такой план действий одобрил: «...по вашему желанию не отрекаюсь быть отцем крестным, но в небытии моем вместо меня исправит господин маеор»³².

Вообще Петр проявлял действенное внимание к родственникам гвардейцев. Он активно содействовал решению возникавших у них проблем³³. Среди архивных документов, связанных с историей Преображенского и Семеновского полков, часты упоминания детей гвардейцев в связи с теми или иными нуждами последних. Так, в 1713 г. по указу Петра некоему А.Ф. Глебову было предоставлено пять ямских подвод для поездки из Москвы в Петербург³⁴. Это событие можно было бы считать тривиальным, если бы не одно обстоятельство. Просьба об оказании такой помощи была послана Петру I от имени его отца – гвардии майора Ф.Н. Глебова. Последнее, вероятно, сыграло решающую роль в принятии решения. Эта акция не была, конечно, исключительной. Аналогичным образом обеспечена подводами для переезда в Санкт-Петербург была и жена капитана преображенцев А.И. Ушакова³⁵.

Петр Великий был всегда уверен в боеспособности и преданности своей гвардии³⁶. Одно из свидетельств такого отношения – письмо А.Д. Меншикову от 27 мая 1708 г. Царь сообщал своему фавориту: «...необходимая нужда мне будет на Дон ехать, а больше не желаю с собою как двух или трех батальонов своего полка, дабы сей огонь (ежели до сего не истребится) с помощью Божию конечно истребить»³⁷. Таким образом, Петр патетично заявлял, что способен решить проблему с восставшими всего при помощи двух батальонов преображенцев!

Такая уверенная оценка влияла на его стремление чаще самому быть во главе Преображенского полка или постоянно держать какую-то часть гвардии при себе. Находясь в сопровождении преображенцев и семеновцев, он, вероятно, чувствовал себя в полной, почти абсолютной безопасности. По всей видимости, только им он стремился доверять собственную охрану. Даже если по объективным причинам Петр I не мог лично находиться при гвардии и его охрана была передана кому-либо еще, то он предпринимал энергичные меры к тому, чтобы сократить свое пребывание с такими временными телохранителями. Часто какая-то часть Преображенского и Семеновского полков ожидала прибытия царя в назначенном месте или немедленно вызывалась к нему «понеже зело нужно»³⁸. Как упоминалось выше, именно преображенцам и семеновцам доверял он и охрану своей семьи.

В этой связи неудивительно невероятное раздражение, а порой просто ярость царя при получении известий о гибели кого-либо из преображенцев или семеновцев. В таких случаях он часто утверждал, что «зело печально о таких добрых офицерах и салдат, которых я с молодых лет с собою розтил»³⁹.

С таким отношением Петра I к своей гвардии была связана и одна из многочисленных размолвок царя с фельдмаршалом Б.П. Шереметевым в период кампании 1708–1709 гг. Во время боевых действий на северо-западе Украины по приказу Бориса Петровича был предпринят удар по шведским войскам, сосредоточенным в районе небольшого местечка Рашевка. В акции принимали участие четыре драгунских полка и два батальона преображенцев. Операция была проведена успешно, однако отзыв о ней государя был далеко не хвалебным. Она вызвала гнев Петра I, назвавшего ее «бездельным торопким поступком»⁴⁰. Император был недоволен решением фельдмаршала использовать в столь незначительном, с его точки зрения, деле преображенцев. Заметим, между прочим, что Шереметев, зная отношение Петра к этим

полкам, зачастую предварительно выяснял у царя, как именно ему надлежит поступать с преображенцами и семеновцами. Так, за год до описываемых событий фельдмаршал писал государю: «Когда указ вашего величества получу о походе с пехотными полками, пребывающими на Вольте, тогда оной лейб-гвардии иметь ли путь в поход с нами?»⁴¹

Однако в данном случае речь шла не столько о всей гвардии, сколько об одном-единственном человеке. Реакция Петра была понятна: в бою был убит один из его любимцев – майор Преображенского полка Ф.О. Бартевев. Причем именно в это время царь пытался «устроить» личные дела Бартевева. За две недели до гибели майора Петр I писал своей сестре царевне Наталье Алексеевне: «Просил меня майор наш Бартевев, чтоб ты поговорила жене господина Карпова (речь идет о вдове подполковника Преображенского полка Д. Карпова, руководившего в 1702 г. вместе с князем М.М. Голицыным штурмом Нотебурга и погибшего в июле 1704 г. – Е. Б.), дабы пошла она за него замуж, понеже у них уже давно сватовство есть и для того ты в сем постарайся, чтоб оное свершить»⁴².

Не говоря Б.П. Шереметеву ни слова и не объявляя ему выговора, Петр I передал командование Преображенским полком А.Д. Меншикову. Значение такой исключительно демонстративной меры было понято Б.П. Шереметевым предельно точно: его лишали не просто одного из вверенных полков, его лишали милости государя. Столь простое и убедительное проявление царского гнева произвело на фельдмаршала сильнейшее впечатление. Об этом свидетельствует посланное им 6 марта 1709 г. письмо: «...прошу вашего царского величества, моего премилостивейшаго государя, всенижайше, дабы мне в старости своей с печали безвременно не умереть и мне объявить, какое мое перед вашим величеством преступление, или повели к себе быть»⁴³.

Петр I принял оправдания Бориса Петровича и, возвращая ему преображенцев, так объяснял свои действия: «Преображенский полк я взял для двух дел: первое, что уж главного дела нет там; другое, что оному для моего проезду степью надобно со мною быть». Далее он не без горечи замечал: «А чтоб я за посылку баталионов или за смерть господина Бартевева сердит был, того не было, ибо как мне в войне других жалеть, когда себя не жалею»⁴⁴.

После гибели Бартевева Б.П. Шереметев четко усвоил, как надлежит вести себя с гвардией. Во время одной из военных кам-

паний, когда гвардия была при нем, 23 мая 1708 г. Б.П. Шереметев писал Петру: «А полк Преображенской ко удержанию паса неприятельского без указа вашего величества употреблять не будем»⁴⁵.

Отметим, между прочим, что подобное символическое лишение «фавора» могло в равной степени постигнуть и кого-либо из вышестоящих гвардейцев. Так случилось, например, с И.И. Чамберсом, который из-за неудачного Головчинского дела⁴⁶ был лишен наград и «команды отлучен», т. е. отставлен от гвардии. Как красноречиво сообщали источники, «и... токмо велено употреблять титул генерал-поручика»⁴⁷. И хотя очевидно, что и Шереметев, и особенно Чамберс в сущности понесли не самое суровое из наказаний, последнее, несомненно, носило показательный характер, а оттого было особенно болезненным.

Сколь существенными казались Петру I потери офицеров гвардии, видно и из содержания его «Походного журнала». Здесь предполагалось фиксировать лишь дела Петра и важные государственные события. Вероятно, именно таковым посчитал царь известие о гибели от шведского выстрела подполковника Преображенского полка, принимавшего активное участие в штурме Нотебурга в 1702 г., Дмитрия Карпова. Сообщения «Походного журнала» за 23 июля 1704 г. – только об этом⁴⁸.

Беспокойство и гнев царя многократно усиливались, если речь шла о безопасности группы гвардейцев или же структуры как таковой. Прекрасным примером тому могут послужить события начала февраля 1707 г., когда в Польше «шляхтич Вежитской» пригласил к себе в гости двух офицеров, сержанта и девятиерых солдат Семеновского полка и ночью убил их. Узнав о трагедии, Петр I потребовал от Б.П. Шереметева найти убийцу как можно скорее, не смущаясь в средствах. Он, в частности, предлагал: «...не худо, чтоб жидам или иному кому дать несколько денег, чтоб указал, где тот убийца... если в три недели оного убийцу не сыщут, то все огнем и мечем разорены будут»⁴⁹. Усилиями самих гвардейцев (отрядом под руководством М. Волкова и И.И. Дмитриева-Мамонова) преступник вскоре был найден⁵⁰.

Точно такие же сильные эмоции вызвало у Петра тремя годами позже сообщение о том, что во время похода к Выборгу Преображенский и Семеновский полки оказались в сложном положении, поскольку корабли, на которых они находились (около 270 судов), во время бури унесло в море, где они оказались среди дрейфующих льдов⁵¹. Узнав через некоторое время, что гвардия находится вне опасности, Петр I все же не перестал тревожиться.

Он потребовал от М.М. Голицына немедленно уведомить его о том, «всех ли сохранил бог от жесткой погоды...»⁵².

Впрочем, все привилегии и постоянное пристальное внимание императора к Преображенскому и Семеновскому полкам не меняли некоторых традиционных установок. Так, ничто не могло исключить необходимость постоянного участия гвардии в многочисленных военных операциях конца XVII – первой четверти XVIII в. А ее статус наиболее боеспособной части армии требовал постоянной активизации такого участия. Как же поступал в этом случае Петр I, так сожалевший о потере даже небольшой части гвардии? Не противоречило ли его стремление сохранить гвардию желанию воевать, завоевывая для России новые территории?

Действительно, во всех войнах указанного периода гвардия всегда находилась там, где ждали удара или нападения. Так, гвардия переломила исход многочисленных сражений: в 1702 г. при взятии Нотебурга, в 1703 г. – Ниеншанца⁵³. Во время турецкого похода 1711 г., когда Петр решился на отступление на виду у 300-тысячных войск турецкой армии, прикрывать отход пришлось преображенцам⁵⁴. Казалось бы, при первом возникновении опасности гвардия выдвигалась на поле боя.

Однако у этой практики была и другая сторона: при активном использовании силы гвардии стремились расходовать разумно, почти бережно. Так, например, после упоминавшегося взятия в 1702 г. Нотебурга, где гвардия сыграла решающую роль, Петр I сразу же увел преображенцев и семеновцев, оставив в городе три гарнизонных полка⁵⁵. А ведь завоеванные с таким трудом территории нуждались в постоянной и хорошей защите. Но, вероятно, подобные рассуждения не были для Петра I веским аргументом в пользу нахождения в этих местах гвардии. Точно так же получение сообщения о первых успехах в подавлении восстания Булавина послужило для Петра I сигналом к немедленному отзыву с места действия части преображенцев, задействованных в акции⁵⁶. 6 июня 1708 г. он писал А.Д. Меншикову из Петербурга: «О себе объявляю, что перед сим писал я к вам, что хотел немедленно сам туда ехать и свой полк взять с собою, но ныне как мало там тише стало, то я положил так, что один батальон послал нашего полку на Воронеж, а прочим остановится»⁵⁷. Интересно, что А.Д. Меншиков, прекрасно понимавший эту установку Петра I, уже 22 июля того же года советовал царю отозвать из региона, охваченного мятежом, всех оставшихся там преображенцев. «Тамошнее дело, – писал он царю, – слава богу, приходит ко окон-

чанию не изволите ль Преображенскому батальону... послать указ, чтоб они шли сюда...»⁵⁸

С течением времени Петр становился все более и более осторожен. Показательна ситуация, в которой оказалась гвардия летом 1710 г., когда движение Преображенского и Семеновского полков к Ревелю для участия в его осаде было остановлено из-за чумы. 25 июля 1710 г. Петр писал В.В. Долгорукому: «...к Нарве маршировать от поветренной болезни опасно. Того ради розставьте... по роте в удобных местах»⁵⁹. Через месяц, впрочем, В.В. Долгорукий получил от Петра I указ ехать к Ревелю и отправить в том же направлении часть гвардии, если выяснится, что эпидемия чумы утихает. При этом речь шла уже не о полках, а всего лишь о нескольких ротах Преображенского и Семеновского полков. Но так как 29 сентября Ревель был взят русскими войсками и надобность в посылке туда новых частей отпала, Петр I распорядился перевести Преображенский и Семеновский полки в Новгород. Здесь гвардии надлежало привести в порядок всю материальную часть на случай объявления войны Турцией⁶⁰. Аналогично в 1712 г., когда гвардия находилась в Померании, Петр приказал А.Д. Меншикову отпустить Преображенский полк в Санкт-Петербург, если неприятель направится в Голштинию. Примечательно, что сам светлейший князь должен был с остальными войсками преследовать противника⁶¹.

К середине 1710-х годов гвардия становится менее востребованной в военном отношении. Петр по-прежнему неизменно стремится использовать преобразенцев и семеновцев для участия в крупных сражениях (Гангут, Гренгам⁶²), однако, вероятно, участие всей гвардии в ежегодных походах уже не было необходимым. Так, в 1721 г. при выступлении гвардии в поход лейб-гвардии Семеновскому полку было приказано оставить «по разным назначениям» четверть личного состава. Согласно «Ведомости» из 2545 семеновцев в поход было «назначено» лишь 1914 человек. Более 600 семеновцев не пошли никуда: 169 человек остались в Санкт-Петербурге, 126 – в Москве, 79 – в Новгороде, где у семеновцев были склады разного рода, а 255 оказались «в разном расходе»⁶³.

Петр I постоянно требовал от высшего руководства русской армии «...смотреть, дабы не изнудить дорогою солдат» (преобразенцев и семеновцев)⁶⁴. Пускать гвардейцев в дело, с его точки зрения, следовало лишь в том случае, «ежели самая нужда требовать будет»⁶⁵. Собственно, упомянутое выше недовольство царя

действиями Б.П. Шереметева, повлекшими гибель майора преобразенцев Ф.О. Бартенева, было связано именно с нарушением фельдмаршалом указа царя – не пускать в бой гвардию до получения высочайшего распоряжения⁶⁶. Считаться с такой позицией царя должно было и армейское, и гвардейское руководство. Так, фактический командир преобразенцев В.В. Долгорукий писал Петру 30 января 1712 г.: «...Преображенской полк на экзекуцию (т. е. против шведов. – *Е. Б.*) посылать без указа вашего величества я не смею»⁶⁷.

Суть указанных процессов сводилась к тому, что Петр I стремился использовать гвардейцев для рывка, решительного броска, перелома, а потом сразу вводил основную часть. Вероятно, добывать врага или защищать новые территории, по мысли императора, могли уже армейские части. Участие гвардии в таких акциях не было жизненно необходимо: в такие моменты на первый план стремились выдвигать лишь некоторых преобразенцев или семеновцев, как правило, для руководства. Сама же гвардия рассматривалась как своего рода последний довод. Именно так произошло, например, во время уже упоминавшегося Прутского похода 1711 г., когда Петр I решился на отступление на виду огромной по численности турецкой армии, а прикрывать отход пришлось именно гвардейцам⁶⁸.

По мере того как Петр I убеждался во все большей преданности гвардейцев и их важности для функционирования государственной машины в период реформ, менялось и его отношение к тому, какими должны быть наказания провинившихся чинов Преображенского и Семеновского полков. Этот аспект истории гвардии не затрагивался в предшествующей литературе.

В начале царствования мысль о том, что и гвардейцы способны на определенные проступки, вероятно, приводила Петра в ярость. Присутствие в числе столь преданных и столь любимых им преобразенцев и семеновцев тех, кто мог решиться, скажем, на предательство или побег, вероятно, воспринималось Петром как личное оскорбление. Отсюда соответствующая реакция. Источники свидетельствуют о том, что до Полтавской битвы в 1709 г. Петр I выносил таким гвардейцам жесткие и демонстративно оскорбительные приговоры.

Весьма показательными в этом отношении являются наказания Якова Янсена и Яна (Ягана, Иоганна) Гуммерта (Гумерта). В обоих случаях речь шла о переходе в стан противника и передаче ценной информации, в обоих случаях имела место публичная казнь.

Голландец по происхождению, Яков Янсен, приехав в Россию и поступив на службу к молодому царю Петру, принял православие и был определен в лейб-гвардии Преображенский полк. Однако во время первой осады Азова, будучи уже капитаном преображенцев, он бежал к противнику, передав туркам данные о русских позициях. По совету перебежчика турки предприняли удачную вылазку, которая, нанеся тяжелый урон, фактически стала крушением всех планов Петра I по взятию Азова в 1695 г.⁶⁹ Однако, как известно, в следующем 1696 г. Азов был взят. Русское командование поставило непременным условием почетной сдачи турецкого гарнизона выдачу турками «немчина Якушки», что и было сделано.

Я. Янсен был доставлен в Москву. Во время торжественного въезда царских войск в столицу 30 сентября 1696 г. его провезли по городу в телеге. При этом сам он был одет в турецкое платье с веревкой-петлей на шее, а на телеге была построена импровизированная виселица, на перекладине которой находились два топора и десять кнутов. Через несколько дней в селе Преображенском он был подвергнут жесточайшим пыткам, колесован, а голова его поставлена на кол⁷⁰. Иностранец – современник произошедших событий – указывал, что «немчина Якушку» «колесовали и... во время пытки, внушали, что в то время, когда он имел повод считать себя обиженным и жаловаться на это, ему следовало искать справедливости у Его Величества, к которому имел он всегда свободный доступ, а не прибегать к измене, в коей он оказался виновным»⁷¹. Историки сходятся во мнении, что казнь «немчина Якушки» 1696 г. была первым известным случаем колесования⁷².

Ситуация с Яном или, как его называют русские источники того периода, Яганом Гуммертом была очень сходной, за тем лишь исключением, что Петр I не имел возможности физически расправиться с перебежчиком. Этот выходец из Лифляндии, как и Я. Янсен, был капитаном Бомбардирской роты Преображенского полка. Он был одним из участников Великого посольства и, безусловно, являлся доверенным лицом и любимцем Петра I⁷³.

Находясь с гвардией под стенами Нарвы, 10 ноября 1700 г. он отправился в обоз русского лагеря, а затем внезапно исчез. Полагали, что он либо утонул в реке, либо попал в плен после очередной вылазки шведов. Это последнее предположение даже побудило Петра послать к коменданту Нарвы письмо с требованием содержать пленного капитана как надлежит, согласно воинскому обычаю. К письму были приложены свидетельства пленных шведов

о том, что в русском лагере они не терпят никаких нужд. Однако 19 ноября, когда русские войска были разгромлены, выяснилось, что Гуммерт перешел на сторону шведов⁷⁴. Вполне возможно, что при следующей осаде Нарвы Петр I аналогичным образом потребовал бы от шведов выдачи беглеца, однако к 1704 г. Я. Гуммерт был уже мертв. Почти сразу после первой осады крепости он был пойман шведами при попытке передать русским несколько писем и был повешен в Нарве, как двойной предатель. Тем не менее смерть Я. Гуммерта в определенном смысле не остановила Петра, устроившего ему символическую казнь. Перед московским домом предателя была построена виселица, на которой висела кукла, изображавшая капитана преображенцев, а также бумага, в которой на русском и немецком языках описывались его преступления.

Принято считать, что оба случая, в большей мере жестокое наказание Я. Янсена, могли быть поучительным примером не только для иностранцев, но и для их сослуживцев – солдат и офицеров петровской гвардии.

Столь же демонстративный приговор был утвержден по делу о беглых солдатах Преображенского полка, вернувшихся в полк в 1708 г. Для них царь определил следующее наказание: «в полк быть не годны, послать оных в стрельцы в Быхов»⁷⁵. И это при том, что речь идет о времени, когда представление о стрельцах как о всегдашних противниках преображенцев и семеновцев и в целом как о своего рода воплощении образа врага Государства Российского приобрело в гвардии устойчивый характер. Такая абсолютно унижительная формулировка наказания была во многом направлена и на устрашение всех остальных гвардейцев. Помимо прочего, речь шла еще и о своего рода психологическом давлении. Очевидно, что Петр I, долгое время шаг за шагом выстраивавший у гвардейцев систему представлений о мире и своем месте в нем, мог достаточно легко воздействовать (и давить) на каждого члена этой группы.

До середины 1700-х годов Петр I полагал, что чины Преображенского и Семеновского полков, совершившие побег, служить в гвардии не должны. Анализ резолюций царя на приговоре кригсрехтов по делу о беглых гвардейских солдатах за 19 октября 1708 г. показывает, что из 29 человек, так или иначе наказанных, в полках гвардии не остался ни один. При этом все они в той или иной мере были подвергнуты телесному наказанию⁷⁶.

Наказания гвардейцев были всегда показательными, т. е. устраивались перед строем всего полка или обоих полков. Позже

эта норма была распространена на всю армию. 23 ноября 1717 г. Правительствующий Сенат постановил дополнить «Воинский устав» статьей о наказании рекрут за побег из полков, согласно которой «...ежели рекрут прежде года своей службы в полку побегит, то онго за первой побег бить шпицрутени через полк по три дни, по разу, а когда вдругорядь побегит или более году кто в службе, оных вместо смерти бить кнутом и, вырезав ноздри *перед полком*, сослать в вечную работу»⁷⁷. В гвардии задолго до 1717 г. наказания провинившихся осуществлялись публично. Именно так, скажем, поступили после суда над Н.Т. Ржевским, обвиненным в пропуске в Ригу вражеских судов. Преображенец был приговорен полковым кригсрехтом к смертной казни, которая была заменена Петром I наказанием кнутом, конфискацией имущества и ссылкой в Сибирь⁷⁸. Телесному наказанию Н.Т. Ржевский и его пособники были подвергнуты в Петербурге перед строем полка.

Период конца 1700 – начала 1710-х годов стал рубежным в отношении Петра I к наказаниям в гвардии. Как уже отмечалось, высокая оценка, данная царем действиям Преображенского и Семеновского полков при Полтаве и Переволочне, способствовала приобретению гвардией совершенно исключительного статуса. Фактически значимость этой структуры в целом и каждого из ее представителей в отдельности, с точки зрения Петра, стала столь велика, что даже провинившийся преображенец или семеновец становился полезен для государственной машины. Теперь судьба таких провинившихся и отставленных от полков гвардейцев, как кажется, не была безразлична царю. Более того, он очевидным образом стремился держать их в поле зрения. Так, 4 октября 1722 г. в Преображенский полк послан указ «О присылке ведомостей о колодниках... кто имянно и за какие долги... на галеру посланы»⁷⁹. И хотя в деле нет никаких указаний на то, что эти люди могли надеяться на пересмотр своих дел, но сам факт сбора такой информации очень показателен. 8 октября того же года указ был повторен⁸⁰.

Именно с этого момента подход Петра к вынесению приговоров преображенцам и семеновцам существенно изменился. Во-первых, виновных гвардейцев стали чаще прощать. Так, бывший семеновец извозчик В. Опрячин, бежавший из полка и долгое время скрывавшийся в монастыре, сообщил в своей «скаске», что «...720 году... пришел... к Москве для того что уведал его царского величества указ что им вины прощены...»⁸¹. Аналогичным образом были прощены Г.Г. Скорняков-Писарев⁸², Н.Т. Ржевский⁸³.

Во-вторых, установка Петра на то, что совершившим побег гвардейцам не место в полку, была скорректирована. В 1708 г. Петр в своей переписке с гвардейским командованием требовал, чтобы «впредь таких, которые збегут и паиманы будут, без всякой пощады казнить»⁸⁴. Указ царя выполнялся, при этом приговор варьировался от смертной казни до пятилетней каторги с неизменным телесным наказанием («прогнать трижды сквозь полк»)⁸⁵. Однако в течение десяти лет ситуация изменилась до неузнаваемости. Прекрасным примером тому может стать судьба семеновца князя В. Ухтомского, отпущенного «в дом свой» еще в 1718 г. и не возвращавшегося до 1720 г., т. е. фактически считавшегося беглым на протяжении трех лет. Он был не только был прощен, но даже «написан по прежнему» в солдаты своего полка⁸⁶.

В-третьих, наказания гвардейцев становятся мягче. Утвержденные Петром I приговоры, по сути, выглядят сдержаннее приговоров гвардейских кригсрехтов. Так, судя по «Выписке лейб-гвардии Преображенского полку о беглых солдатах и других чинов...(1715 г.)», государь смягчил наказания всем упоминавшимся в документе гвардейцам, при этом троим смертная казнь была заменена вечной каторгой, а пятеро по воле Петра отправались не на пожизненную, а на трехлетнюю каторгу⁸⁷.

В-четвертых, меняется отношение Петра I к телесным наказаниям в гвардии. Он все реже утверждает такие приговоры преображенцам и семеновцам, особенно – и это чрезвычайно показательно – офицерскому корпусу этих полков. Более того, в это время гвардейцев реже пугают телесными наказаниями. Анализ резолюций на прошениях об отпусках предоставляет ряд сведений, важных для понимания отношения Петра I к офицерам и солдатам гвардейских частей. Формулировки возможного наказания для солдат и для офицеров в случае несвоевременной явки в полк из отпуска в это время существенно разнятся. Если первым все еще традиционно грозили, что за неявку в полк в положенный срок «наказан будет жестока как на теле так и лишением чина»⁸⁸, то для вторых существовала лишь вероятность штрафа и разжалования⁸⁹. Таким образом, мы можем констатировать, что в середине 1710-х годов офицеров гвардии уже не запугивали телесными наказаниями.

Конечно, абсолютизировать эти факты не стоит. Отношения Петра I и гвардии все равно были вписаны в рамки отношений государя и подданных. Это, в свою очередь, означает, что воля и желания царя здесь были основными, и, соответственно, ничто не

удерживало государя от дубинки и кулаков, если, как ему казалось, такая надобность возникала. Вот один такой пример. «Когда оных пленных вели и... сам Государь, будучи в мундире гвардии, учреждал конвой и как идти с пленными до крепости, а лейб-гвардии Семеновского полка капитан старшей Петр Иванов сын Вельяминов, в то учреждение своим представлением вмешался, которого Государь, при всей той оказии бил тростью»⁹⁰. Конечно, никуда не ушла и демонстративность наказаний в гвардии. Однако качественное изменение налицо. Ведь эксцессы такого рода случались нечасто. Тенденция же не использовать регулярные телесные наказания в гвардии, особенно применительно к ее офицерскому корпусу, и вовсе носит исключительный, даже в какой-то мере знаковый характер.

Кроме того, понимание Петром I того, что и гвардеец способен совершать ошибки и даже преступления, не снижало для него значимость гвардии как целостной структуры. Указ от 23 декабря 1717 г. «О бытии у розыскных дел гвардии штаб- и обер-офицерам»⁹¹, законодательно оформлявший деятельность упоминавшихся выше майорских розыскных канцелярий, появился всего через несколько дней после упоминавшейся казни за злоупотребления руководителя одной из них – М.И. Волконского⁹². Таким образом, случай с М.И. Волконским был расценен как частность, не имеющая отношения к общему процессу. Случайностью, вероятно, считалось и вынесение пристрастных приговоров гвардейцам при рассмотрении некоторых дел о коррупции. Виновные неизменно подвергались жестоким наказаниям, а система продолжала работать⁹³. Известие о поддержке царевича Алексея со стороны отдельных высокопоставленных офицеров Преображенского полка не помешало Петру I поручить ряд важных обязанностей в связи с этим делом гвардейцам А.И. Румянцеву, А.И. Ушакову, И.И. Бутурлину, Г.Г. Скорнякову-Писареву⁹⁴. При этом последний проводил также дознание по делу первой жены Петра I Евдокии Лопухиной (1718 г.). Кроме того, царь не побоялся доверить преображенцам охрану «колодников» по этому делу, в частности их бывшего командира В.В. Долгорукого⁹⁵. Для Петра I гвардия была не просто структурой, в рамках которой существовал круг друзей и родственников. Это была более широкая группа сторонников и в каком-то смысле единомышленников, опора, а не узкий круг приближенных.

Вероятно, с течением времени у Петра I также сложилось представление о том, что гвардия нужна любому государю как

необходимый гарант и атрибут власти. Именно этим, безусловно, объясняется указание Петра от 14 июня 1707 г. на необходимость предоставить новому польскому королю «пристойную гвардию» до тех пор, пока он не получил в качестве поддержки со стороны России более значительные военные силы⁹⁶. Аналогичным образом, направляя экспедицию А.Б. Бековича-Черкасского на восток и требуя «хана хивинского склонять к верности и подданству», Петр упоминал о необходимости предоставить такому потенциальному союзнику «гвардию», имея в виду, конечно, не преображенцев и семеновцев, а создаваемые специально для поддержания власти хана русские полки⁹⁷.

В России же периода царствования Петра Великого гвардия, безусловно, становится своего рода символом власти. Именно в этом ключе стоит рассматривать стремление монарха сделать службу в Преображенском полку одной из ступеней воспитания великих князей. Существуют сведения о том, что царевич Алексей Петрович был записан в гвардию еще унтер-офицером⁹⁸, дослужившись впоследствии и до офицерского чина⁹⁹.

Еще более примечательным фактом является запись в Преображенский полк сержантом сына Алексея, будущего Петра II. В 1718 г. «юный великий князь... получил от царя царский портрет, усеянный бриллиантами и за свой бодрый воинственный нрав *объявлен сержантом лейб-гвардии*»¹⁰⁰. Случай этот показывает, что служба великих князей в Преображенском полку становится традицией. Помимо исполнения определенных воспитательных функций, «написание» потенциальных наследников престола в гвардию стало своего рода символом их причастности к верховной власти.

Эта традиция была усилена в 1723 г., когда будущий муж цесаревны Анны Петровны герцог Голштинский поступил в Преображенский полк капитаном. Положение Петра о том, что получение чинов должно происходить последовательно, применительно к этим случаям было забыто¹⁰¹.

Оценка взаимоотношений Петра I и чинов Преображенского и Семеновского полков в период конца XVII – первой четверти XVIII в. будет неполной, если не рассмотреть ее с другой стороны. Каков был взгляд преображенцев или семеновцев на своего государя?

Прежде всего, заметим, что гвардейцы четко осознавали место каждой из сторон в этих отношениях. Несмотря на то что уровень общения Петра I со своими гвардейцами был зачастую

неформальным, преображенцы и семеновцы конца XVII – первой четверти XVIII в. понимали уникальность личности самого Петра. Примером тому может стать исключительное по своей образности письмо Ф.Ю. Ромодановского царю по поводу взятия Азова в 1696 г. Поздравляя Петра I с победой, он сравнивает государя с апостолом Петром, Соломоном, Самсоном и Давидом, восхваляя, таким образом, веру, мудрость, силу и славу императора. И все это, по словам Ф.Ю. Ромодановского, является Петру I не иначе как «через малое искание или *только через видение*»¹⁰². Последняя фраза есть не что иное, как объявление Петра человеком, познавшим замысел Бога, провидцем.

Однако преображенцы и семеновцы, безусловно, понимали, что выступают в роли приближенных к особе государя. Более того, осознавали свою важность, чувствовали себя опорой Петра. По определению Б.И. Куракина, служившего в указанный период в Семеновском полку, «...непрестанно время свое проводил Его Царское Величество, уча оные (Преображенский и Семеновский) полки»¹⁰³ и «...так помалу привел себя теми малыми полками в ограничение от сестры или начал приходить в силу»¹⁰⁴.

Подтверждением этого факта могут служить доношения гвардейцев на государево имя, сохранившиеся в делах Преображенского приказа. Исследование этих материалов позволяет утверждать, что гвардейцы часто доносили по поводу дел, связанных с укрывательством от службы¹⁰⁵ или противодействием царским указам¹⁰⁶. Однако несомненное большинство подписанных преображенцами и семеновцами изветов на протяжении всего царствования Петра I было связано с оскорблением государевой чести. Так, в 1700 г. солдат Преображенского полка С. Лоташев обвинил крестьянина села Свищова Шацкого уезда М. Касимовца в «непристойных словах на государя», а его помещика А. Свищова в «укрывательстве»¹⁰⁷. В 1705 г. сержант того же полка А. Дедкавской подал в Преображенский приказ донос на армейского каптенармуса В. Бояркинского, «говорившаго про государя, что будто бы он с князем Меншиковым живут блудно и производят в Москве зажигательства»¹⁰⁸. Факты такого рода многочисленны¹⁰⁹.

Информация такого рода – свидетельство появления в гвардии не только особого отношения к монарху, но и усвоения ими еще при его жизни высокого образа Петра-императора и Петра-командира. Результатом этого процесса в краткосрочной перспективе стало восприятие оскорбительных слов в адрес государя как самого серьезного преступления из возможных.

Кстати, отношение к Петру I как к своему полковому командиру, характерное прежде всего для чинов Преображенского полка, также явление весьма примечательное. Именно преобразенцы называли монарха в своих письмах «господином полковником», «господином полковником Преображенского полка», «первейшим гвардии господином полковником и капитаном от бомбардиров»¹¹⁰. Петр I был для преобразенцев человеком, к которому можно и должно обращаться со всякого рода нуждами: о жалованье, об обеспечении продовольствием, о предоставлении подвод и т. д.¹¹¹ Была и постоянная потребность «снабжать» своего полковника новостями и «новостишками»: о различных полковых эксцессах (пьянстве, драках и т. д.), о маневрах, о смерти или гибели кого-либо из гвардейцев, о свадьбах, похоронах, крестинах¹¹². В ходу была традиция передавать ему приветы и поклоны¹¹³.

Более того, у гвардейцев (особенно у преобразенцев) многие поведенческие стандарты, безусловно, восходили к модели поведения, которую демонстрировал лично император. Иными словами, в гвардии можно заметить стремление копировать своего государя и командира. При этом тенденции такого рода считались в этой среде абсолютно допустимыми, приемлемыми. Подражания могли принимать самый разный характер. Например, распространенным случаем для поездки за границу инкогнито была замена фамилии отчеством по образцу, введенному в моду Петром I еще во время Великого посольства¹¹⁴. Именно так один из самых известных гвардейцев того времени, Б.И. Куракин, отправляясь с очередной миссией за рубеж, стал Борисом Ивановым. Не менее распространенным явлением в этой среде стало и наименование своих сел и поместий по названию подмосковной резиденции Петра – Преображенское (например, одноименное поместье того же Б.И. Куракина). Интересно, кстати, и то, что у многих из них, особенно у тех, кто принимал участие в Великом посольстве или учился за границей, сложился своего рода культ Запада. Таков был, например, преобразенец С.Г. Нарышкин, который, оказавшись в 1698 г. в Европе, потом неизменно возвращался туда с разного рода дипломатическими поручениями Петра I. Интересно, что во время одной из таких поездок во Флоренцию Нарышкин предпринял продолжительное увеселительное путешествие по Италии, посетив при этом Пизу и Ливорно¹¹⁵.

Очевидно, что гвардейцы (осознанно или нет, по внутреннему убеждению или желая угодить императору) выстраивали свой образ монолитной группы сторонников царя и проводимых

им реформ. Общество получало эту информацию иногда на самом базовом, визуальном уровне. Речь идет, прежде всего, об униформе Преображенского полка, которую так любил император. К тому же часто во время многочисленных костюмированных балов Петровской эпохи гвардейцы появлялись не только вместе с Петром I, но и в аналогичном костюме. Камер-юнкер при посольстве герцога Голштинского вспоминает, как в одном случае во время праздника «генерал-лейтенант Бутурлин и генерал-майор Чернышев», оба гвардейцы, появились одетыми голландскими матросами, «как его величество»¹¹⁶, а в другом гвардейские офицеры, присутствовавшие на карнавале, были одеты как римские воины¹¹⁷. Очевидно, что в последнем случае наряд гвардейцев также был призван продемонстрировать принадлежность к партии Петра.

Впрочем, одежда была не единственным свидетельством такого рода. Примером тому – жалованная грамота князю А.Д. Меншикову на княжеское достоинство (1 июня 1707 г.). Герб, который полагался петровскому фавориту, должен был, по мнению монарха, выглядеть особым образом, указывая на принадлежность владельца к гвардейской корпорации: «Держатели того герба да будут два солдата, по немецки убранные с мушкетами, верхнее платье по правой стороне темнозеленое *во знак нашей гвардии*, на левой же синее»¹¹⁸.

Известно, что Петр I награждал своих денщиков пожалованием в гвардию. В Преображенском полку прапорщиками служили царские денщики В.Д. Корчмин, Д.Т. Чевкин, Орлов, Пашков, Шемякин¹¹⁹. Офицеры гвардии (и в первую очередь высшие офицеры) часто стремились «произвести» в солдаты и своих денщиков. Преображенцы майоры М.А. Матюшкин¹²⁰, А.И. Румянцев и П. Глебовский, а также капитан Норов¹²¹ ходатайствовали о произведении своих денщиков в солдаты этого же полка. Петр удовлетворил их просьбы. Был переведен в гвардию и денщик светлейшего князя А.Д. Меншикова А. Аргамаков¹²². Любопытно, что в фондах Преображенского полка сохранилась челобитная гвардейца Пашкова с просьбой о написании его денщика Якова Колкотина в солдаты на убылое место. При этом сам Пашков был всего лишь гвардейским капитан-поручиком и отнюдь не состоял в дружеских отношениях с императором Петром I¹²³.

Подражание здесь очевидно: денщики в русском войске того периода состояли при всех офицерах, однако отнюдь не все стремились определить их в состав своих полков. К концу петровского царствования такого рода акции стали чрезвычайно популярны.

Если в 1722 и 1723 гг. в Преображенский полк из бывших офицерских денщиков было записано по одному человеку, то за первую половину 1724 г. таковых насчитывалось уже пять¹²⁴.

Оба полка гвардии были безусловно преданы Петру I. Фактически они ощущали себя защитниками царя и царской семьи. Так, 29 февраля 1708 г. капитан-лейтенант Ф. Бартев писал царю: «Вашей милости о том известно, что за нами здесь дело мало; *лутчи нам быть при вашей армей, для того, что неприятель от вас в близости*»¹²⁵.

Каких-либо случаев массового неподчинения или противодействия Петру в гвардии за все время царствования отмечено не было. Конечно, здесь имели место отдельные проявления неповиновения, а также случаи дезертирства, вызванные, впрочем, скорее тяготами войны или «оскудением» из-за задержек и невыплат жалованья в начале царствования, нежели неприятием вводимых новшеств. Однако в целом гвардия была лояльна как к службе, так и к самому Петру.

Спорным моментом остается отношение гвардии к делу царевича Алексея. Известно, что Алексей сам служил в гвардии. Еще до его формальной «записи» в Преображенский полк он был неплохо знаком со многими солдатами и офицерами. Проведя первые годы жизни в Кремлевском дворце и получив воспитание в духе московских традиций, Алексей в конце 1690-х годов, после ссылки Евдокии Лопухиной в монастырь, был отправлен в село Преображенское. Здесь царевич попал в атмосферу жизни, где проводили «экзерции», розыски, дознания, порой пытки. Вероятно, все это отнюдь не произвело на юного царевича благоприятного впечатления.

Пребывание царевича в гвардии никогда не было продолжительным. Кроме того, обязанности Алексея Петровича здесь ничем не отличались от его обычных дел, а именно: передача указов, набор рекрут, иногда решения вопросов снабжения¹²⁶. К тому же успехи наследника в гвардии были весьма незначительны. Достаточно лишь привести письмо Петра I от 27 ноября 1708 г.: «Я зело недоволен присылкою в наш полк (Преображенский полк. — Е. Б.) рекрутов, *которыя и в другия полки не все годятца*, из чего вижу, что ты ныне болше за бездельем ходиш, нежели дела под сей так нужной час смотриш»¹²⁷.

Отношение гвардейцев к царевичу до момента возникновения разбирательства по его делу никак не выходило за рамки формальных. Источники не указывают на то, что у Алексея

Петровича были друзья в числе преображенцев или семеновцев. Более того, в это время случаи обращения к Алексею сослуживцев по каким бы то ни было полковым надобностям единичны. Царевич, безусловно, ничего не решал, к тому же в этом не было необходимости, поскольку все можно было уладить, общаясь напрямую с Петром I. Вероятно, подобные контакты возникали лишь в том случае, когда некий аспект обеспечения гвардии в определенный момент оказывался в числе прямых обязанностей царевича. Скажем, во время пребывания гвардии в Польше зимой 1712 г. В.В. Долгорукий был вынужден писать Алексею о недостаточном обеспечении полка провиантом именно в связи с тем, что по указанию Петра I заниматься данным вопросом в это время надлежало именно царевичу¹²⁸.

Участие в жизни полка Алексей Петрович практически не принимал. Сохранилось лишь два указания относительно участия царевича в полковых парадах и шествиях. Оба они, что примечательно, относятся к 1714 г. Первое – парад Бомбардирской роты Преображенского полка 16 февраля 1714 г.¹²⁹ Согласно данным «Походного журнала Петра I», в этот день «...шла бомбардирская рота, государь царевич шел сержантом, везли: пушек 6, и знамен 76 пехотных, 4 драгунских и мушкетов несколько Штейнбоковой сдачи из голштиндии из Тоненога»¹³⁰. Второе – марш преображенцев 21 сентября 1714 г. П.Г. Брюс в своих «Мемуарах» так описывает этот день: «...состоялся роскошный прием в доме вице-царя Ромодановского, куда было приказано явиться батальону гвардейцев и роте гренадер. Промаршировав через весь город, они выстроились перед дворцом вице-царя и проделали все экзерциции. Царевич, все еще будучи гренадерским сержантом, прошел весь путь справа с алебардой на плече»¹³¹. По завершении марша царевич вместе с батальоном преображенцев некоторое время стоял под ружьем.

Это сообщение вызывает целый ряд вопросов. Почему царевич назван гренадерским сержантом, тогда как известно, что Алексей был пожалован в капитаны гвардии еще после победы при Лесной в 1708 г.¹³² А также почему наследник, хотя и принимает участие в совместном параде гвардейцев и гренадер, марширует вовсе не в составе Преображенского батальона?

Объяснение этому мы находим у самого Брюса. Он рассматривает появление Алексея в этой роли как наказание царевича. Брюс упоминает даже, что, когда солдаты проходили мимо дворца царевича, его супруга «выглянув... и увидев, как величественно он

марширует, лишилась чувств, и ее отнесли в постель». «Царевич был подвергнут этому унижению за пренебрежение своими обязанностями», – резюмирует мемуарист. По сообщению П.Г. Брюса, «пренебрежение обязанностями»¹³³ со стороны царевича заключалось в том, что последний не встретил Петра I во время триумфального въезда в Петербург после победы у мыса Гангут в 1714 г.

То, что ситуация, в которой оказался царевич, расценивается П.Г. Брюсом, а по его словам, и женой царевича кронпринцессой Шарлоттой как унижительная, является чрезвычайно знаковым моментом. Можно предположить, что действия Алексея Петровича привели к понижению последнего в чинах (от гвардейского капитана до армейского сержанта), а необходимость участвовать в параде рядом с гвардией, но вне ее состава должна была лишней раз подчеркнуть серьезность наказания. Подобного рода акция во многом напоминает упоминавшиеся выше «отлучения» от гвардии фельдмаршала Б.П. Шереметева после гибели петровского любимца гвардейца Бартенева при стычке со шведами у местечка Рашевка или И.И. Чамберса после Головчинского дела. Отчасти подобное видение ситуации подтверждается дальнейшим сообщением П.Г. Брюса о получении в этот же день наследником Петра чина прапорщика гвардии¹³⁴, т. е. фактическом возвращении Алексея Петровича в состав военной элиты.

Как известно, 24 июня 1718 г. продолжавшееся некоторое время следствие по делу царевича Алексея закончилось подписанием смертного приговора. Отношение гвардии к указанному эпизоду представляется неоднозначным. С одной стороны, из 127 подписавших приговор 39 были гвардейцами¹³⁵. Как упоминалось, активное участие в следствии и в суде над царевичем из числа гвардейцев приняли А.И. Ушаков, И.И. Бутурлин, Г.Г. Скорняков-Писарев. Все они впоследствии получили за это награды и поощрения.

С другой стороны, нельзя умолчать об участии отдельных гвардейцев на стороне царевича Алексея. В число подозреваемых по этому делу попали лишь трое гвардейцев – полковник В.В. Долгорукий, майор К.П. Матюшкин и капитан С.Г. Нарышкин¹³⁶. А значит, поддержка Алексея здесь не была массовой. Сообщение австрийского резидента О.А. Плейера о том, что «...гвардейские полки, составленные большей частью из дворян, замыслили с прочими войсками в Мекленбургии царя убить... и правление вручить кронпринцу»¹³⁷, не подтверждается сведениями других источников.

Все указанные лица были высокопоставленными офицерами-преображенцами, т. е. были сослуживцами или даже формальными командирами царевича. Но это лишь внешняя сторона дела. Важно, что двое из троих были родственниками Алексея.

Доверенное лицо царя, участник многих дипломатических акций, С.Г. Нарышкин, как указывалось, был братом царицы Марфы Матвеевны. К.П. Матюшкин происходил из фамилии, бывшей в родстве с представителями царствующего дома Романовых со времен царя Михаила Федоровича. Источники умалчивают о том, какие конкретно действия К.П. Матюшкина и С.Г. Нарышкина были расценены Петром как противоправные. Возможно, именно факт родства, сыгравший не последнюю роль при определении сторонников Алексея в целом, мог привлечь его внимание.

Не столь уж значительным было и содействие, которое оказал царевичу командир преображенцев В.В. Долгорукий. Известно, что последний занимал царевичу немалые суммы денег¹³⁸. Однако стоит ли рассматривать их как средство прямой поддержки действий Алексея? Возможно, это была просто дружеская услуга наследнику. Собственно, то, что В.В. Долгорукий предоставлял Алексею определенные средства, никак не значилось в его деле. Согласно «Записке пытаным по делу царевича Алексея с собственноручными отметками Петра Великого», содействие, оказанное В.В. Долгоруким Алексею, заключалось в поддержании с ним переписки, а также в том, что «...он князь Василей был ему царевичу в ответных, что будто он его царевича у отца с плахи снял»¹³⁹.

Малозначительность таких улик была, вероятно, очевидна Петру I. Наказания «сторонников» Алексея от гвардии можно считать относительно мягкими. К.П. Матюшкин в связи с указанными событиями потерял в результате конфискации все владения, составлявшие 3,748 четей земли и 373 крестьянских двора¹⁴⁰. Впрочем, это мало сказалось на отношении к нему Петра I. Уже в 1721 г. К.П. Матюшкин смог вернуть себе расположение монарха, а впоследствии, принимая активное участие в Каспийском походе 1722–1723 гг., смог дослужиться до чина генерал-лейтенанта¹⁴¹. В.В. Долгорукий был лишен чинов и сослан. Однако он был возвращен из ссылки еще при жизни Петра. Единственный, кого, как кажется, монарх не захотел или не успел простить, был капитан преображенцев С.Г. Нарышкин. За участие в деле царевича он был выслан в свои дальние деревни и смог вернуться в Петербург лишь в 1726 г.¹⁴²

Таким образом, можно говорить, во-первых, о незначительности связей Алексея с гвардией и, во-вторых, о сомнительности полученной им здесь поддержки. Кроме того, хотелось бы отметить и спорность самого утверждения, что помощь Алексею со стороны некоторых высокопоставленных преображенцев автоматически означала оказание скрытого противодействия Петру I. Во всяком случае поддержание родственных отношений и оказание услуг об этом не свидетельствуют.

Итак, взаимоотношения Петра I и гвардии были дружескими и неформальными. Однако при этом здесь были задействованы самые разные уровни, начиная от официального (император – подданный, полковник – подчиненный), заканчивая личными (родственники, друзья) и даже сакраментальными (величайший из людей, прорицатель). Значительность и значимость таких отношений способствовали упрочнению статуса гвардии как элитной структуры. Приобщение к верховной власти и близость к трону стали предметом корпоративной гордости и основой модели общественного поведения.

Более того, образ Петра Великого стал неотъемлемой частью корпоративных представлений гвардии. Для них первый русский император создал модель идеального командира и идеального императора. Активная роль гвардии в многочисленных переворотах XVIII в., поразившая как современников, так и историков, свидетельствует об устойчивости таких коллективных представлений.

2

Гвардия и армия

В период царствования Петра Великого гвардия, и об этом уже говорилось выше, представляла собой лучшую и наиболее боеспособную часть армии. Именно это последнее обстоятельство стало основой для создания своего рода образа русской военной элиты. Ведь Петр I всячески стремился подчеркивать первостатейность Преображенского и Семеновского полков. При этом способы таких демонстраций были самыми разными. Так, «Российские ведомости» постоянно публиковали победные репортажи с пространными сообщениями о блестящих действиях преоб-

раженцев и семеновцев на поле боя. Примером может послужить «Реляция, 19 июля 1712 г. о действии русских войск в Польше». Этот текст – образец, согласно которому было принято описывать военные заслуги гвардии. Здесь дается описание сложной ситуации, в которую попали русские части. Затем следует сообщение, что войска вынуждены были отступить, но Преображенский полк во главе с подполковником В.В. Долгоруким пришел на выручку: «...когда стали... наши рубить, то в такой страх неприятели пришли, что никто из них не мог никакова ружья против наших употребить...»¹⁴³ И это все при том, что «неприятель едва не в семь раз болши наших превосходил»¹⁴⁴. Итог сражения: «...наших при той потребе побито и ранено с 15 человек, а неприятелеи сколко побито, о том ведать невозможно»¹⁴⁵.

Немаловажно, кстати, что гвардия очевидным образом многое добавляла к образу русской армии как таковой. Ведь в целом ряде государственных церемоний появление гвардейцев символизировало присутствие русской армии. Особенно показательно в этой связи их участие в подобных ритуалах вместе с морскими офицерами. Так, например, на свадьбе племянницы царя и будущей императрицы Анны Иоанновны и те и другие выступали в роли шаферов, при этом каждая из групп насчитывала по 12 человек¹⁴⁶. В данном случае речь, вероятно, шла о своего рода символической репрезентации армии и флота, а гвардейцы представляли элиту русской армии. Показательно и то, что к концу царствования Петра I известнейший марш Преображенского полка, как лучший из военных маршей, стал общим для всей русской армии, т. е. «мог исполняться любым полком и служить одновременно для парадов и для походов»¹⁴⁷.

Вероятно, некоторое время гвардейцы на символическом уровне «отвечали» и за русский военно-морской флот, на тот момент еще не созданный. Об этом свидетельствуют, в частности, изображения на ранних ротных знаменах Преображенского полка, на полотнище которых были изображены Марс и Нептун, раздвигающие занавес, открывая вид моря и, на заднем плане, города и строящихся кораблей. Основным элементом этой композиции была плывущая по морю лодка, в которой Сатурн обучал юношу управлять веслом. Существует предположение, что город, изображенный на знаменах, представляет собой Азов, а строящиеся корабли – Воронежскую верфь¹⁴⁸. По мнению историков, изображение «иллюстрирует известную фразу Петра I о «патентате», который, лишь армию имея, – одну «руку вооруженной имеет, а имея армию и флот – имеет обе руки вооруженными»¹⁴⁹.

На практическом уровне взаимодействие гвардии с армией и флотом было не менее тесным. И преображенцы, и семеновцы находились в постоянном контакте с разными военными частями. Мы уже говорили о взаимоотношениях гвардии и Выборных полков (Бутырский и Лефортовский полки). Они появляются в источниках рядом с преображенцами и семеновцами вплоть до 1722 г.¹⁵⁰, однако в силу указанных выше причин в XVIII в. они уже не являлись наиболее близкими к гвардии частями.

С середины 1700-х годов эта роль переходит к Ингерманландскому и Астраханскому полкам¹⁵¹. Источники умалчивают о том, каковы были причины «возвышения» астраханцев. Закрепление за ингерманландцами статуса части, близкой к гвардии, напротив, вполне объяснимо. Формирование и командование этого полка в 1703 г. было поручено А.Д. Меншикову, и это при том, что светлейший князь сохранил свое положение в Преображенском полку.

Документы середины 1700-х годов фиксируют достаточно регулярные совместные действия ингерманландцев, астраханцев и гвардейцев¹⁵². Так, в сентябре 1714 г. преображенцы и семеновцы вместе с астраханцами переправляют лес на остров Котлин¹⁵³, а в 1721 г. все четыре полка были задействованы в торжествах по случаю окончания Северной войны и заключения Ништадтского мира 1721 г., состоявшихся в Москве¹⁵⁴.

Известны также и случаи, когда Ингерманландский и Астраханский полки самостоятельно участвовали в исполнении функций, традиционно возлагаемых на гвардию. В 1709 г. они приняли участие в сопровождении Петра I в его поездке за границу¹⁵⁵. Впрочем, воспользоваться возможностями такого рода ингерманландцам и астраханцам доводилось лишь при невозможности привлечения к этим акциям гвардии. Так, охрана прибывшего в Россию жениха Анны Петровны герцога Голштинского была первоначально по традиции возложена на полки гвардии. С отъездом гвардии для сопровождения императорской фамилии в Москву караул высокого гостя был составлен из солдат и офицеров Ингерманландского полка¹⁵⁶. Точно так же Ингерманландский полк получил право участия в церемонии приема польского посла Т. Дзялыньского под Нарвой 20 июня 1704 г.¹⁵⁷ Гвардейцы в этот момент находились там же, но были заняты тем, что подошли ближе к крепости и «учинили на... Шведцкий караул нападение.., где 6 человек неприятелей до смерти убили, а прочих прогнали в город»¹⁵⁸.

Высший офицерский состав гвардии достаточно регулярно привлекался к руководству Ингерманландским и Астраханским полками. Так, зимой и весной 1709 г. Б.И. Куракин, судя по имеющимся данным, командовал Семеновским и Астраханским полками¹⁵⁹, а уже после смерти Петра I, в 1726 г., капитан гвардии Иван Бахметев и вовсе стал полковником Астраханского полка¹⁶⁰.

Участие гвардейцев в управлении этими полками означало, что именно они порой занимались многочисленными возникавшими здесь проблемами. Преображенцы, семеновцы, ингерманландцы и астраханцы зачастую совместно получали лучшие мундиры, фураж и лошадей¹⁶¹, а гвардейское руководство часто занималось вопросами снабжения и быта астраханцев и ингерманландцев¹⁶², а также улаживало возникавшие здесь конфликты¹⁶³.

Как уже упоминалось, из двух полков ингерманландцы, как представляется, были наиболее близки к гвардии. А.Д. Меншиков стремился сделать уровень военной подготовки полка близким к гвардейскому. В этот полк с самого начала принимали лишь «самых добрых» солдат¹⁶⁴. Сохранились сообщения о последующих активных тренировках ингерманландцев. Нельзя, впрочем, не отметить, что преображенцы принимали активное участие в обучении бомбардирскому делу солдат Астраханского полка, но такие случаи были не столь регулярны, как в случае с ингерманландцами¹⁶⁵.

При организации полка в 1703 г. его чины получили равное с гвардией денежное и хлебное жалованье¹⁶⁶. В середине 1700-х годов, т. е. в период формирования статуса ингерманландцев, солдатские жены полка получали ежегодное хлебное жалованье – по «5 четвертей ржи человеку», что сопоставимо с аналогичными нормами в гвардии¹⁶⁷.

Возможно, применительно к началу 1700-х годов жалованье гвардии и ингерманландцев действительно было равным. Существование такой нормы впоследствии вызывает сомнение. Во-первых, это противоречит самой системе поощрений в гвардии. К тому же источники не указывают на наличие у ингерманландцев столь же сложного и неравномерного распределения денежных выплат. Во-вторых, согласно материалам конца петровского царствования общие расходы на Ингерманландский полк были значительно ниже расходов на каждый из полков лейб-гвардии¹⁶⁸. Ситуация осложнилась в связи с нестабильным положением А.Д. Меншикова с 1715 г., когда царь был вынужден начать следствие по делу о злоупотреблениях светлейшего князя.

Отличались эти полки от гвардии и по принципам комплектования личного состава. Ингерманландский и Астраханский полки формировались путем комплексных и в количественном отношении весьма значительных переводов из армии, что в целом не было характерно для гвардии.

Тем не менее заметная близость ингерманландцев к Преображенскому и Семеновскому полкам дала повод некоторым иностранцам назвать их гвардией¹⁶⁹.

Однако ни совместные военные акции и экзерциции, ни общее руководство, ни коллективное участие в исполнении придворной функции, ни некоторая схожесть в принципах комплектования не могли изменить общего направления взаимоотношений армии и гвардии. А оно всегда строилось исходя из более высокого статуса последней. Это прекрасно видно на уровне законодательного установления приоритета Преображенского и Семеновского полков, определения им более высоких окладов жалованья, наделения рядом привилегий, а также формирования образа гвардии как лучшей части русской армии.

Достаточно тесными были контакты гвардии с такой привилегированной структурой, как военно-морской флот. Как уже говорилось выше, гвардия по воле Петра была часто связана с морем, мореплаванием, военно-морской наукой: преображенцы и семеновцы часто передвигались на кораблях, выполняли отдельные задания совместно с матросами и морскими офицерами, занимались заготовкой корабельного леса и наблюдением за строительством бригантин, оценивали годность построенных галер¹⁷⁰. Полковые материалы фиксируют также, что при гвардии «на марше» часто находились «матрозы»¹⁷¹.

Кроме того, гвардию и флот объединяло также и то, что Петр I в равной степени придирчиво отбирал будущих гвардейцев и моряков. Именно поэтому рекрут для Преображенского и Семеновского полков и для морского ведомства Петр иногда менял местами. Солдаты Преображенского полка иногда отправлялись служить на флот, выражаясь словами источников, «распределялись по кораблям»¹⁷². Недорослей же, предназначавшихся для службы в качестве моряков, иногда распределяли в полки лейб-гвардии. В 1718 г. гвардия приобрела по крайней мере шестерых солдат, предназначавшихся для службы во флоте. Все они были из партии недорослей, которым Петр предоставил возможность выбора между службой на флоте и в гвардии. А.Д. Меншиков, сообщавший об этом событии А.И. Ушакову, не приводя, к сожалению,

нию, конкретных цифр, указывал, что по прошествии некоторого времени число желавших определиться в полки гвардии среди этой группы существенно возросло, но их желание уже не было удовлетворено. Лишь шестеро принявших решение сразу же после объявления указа царя были записаны солдатами в гвардию¹⁷³.

Источники фиксируют также отдельные случаи перевода моряков на службу в гвардию¹⁷⁴. Тем не менее значение этой практики преувеличивать не следует: на протяжении царствования Петра Великого Преображенский и Семеновский полки пополнились лишь единицами морских офицеров и матросов¹⁷⁵. Причины подобного явления, вероятно, связаны с желанием Петра максимально использовать специальные знания моряков, а также с формированием в это время особого статуса морского офицера, закрепленного преимуществами последних в один чин против армейских по «Табели о рангах» 1722 г. Показательно в этой связи, что, согласно этому же установлению, как уже отмечалось, гвардейцы получили преимущество в два чина. Отсутствие соответствующей строки о гвардейцах фактически уравнило бы их с моряками. Но позиция правительства в этом вопросе была определенной: старшинство гвардии было незыблемым.

Однако совершенно исключительный интерес представляет исследование взаимоотношений лейб-гвардейских Преображенского и Семеновского полков с частями русской армии, не имевшими какого-либо особого статуса. Первое, что бросается здесь в глаза, — это парадоксальная ситуация, связанная с тем, что если в конце XVII в. и особенно в первые годы Северной войны преображенцам и семеновцам часто поручалось выполнение задач обеспечения армии (заготовка фуража, сбор провианта, подготовка обмундирования, доставка жалованья), то уже в конце 1700-х годов армия и гвардия в этом отношении фактически поменялись местами. Зачастую армейские подразделения, согласно тому или иному чрезвычайному указанию, отдавали гвардии лучших лошадей, лучшие квартиры и безусловно лучшее продовольствие и фураж¹⁷⁶. Более того, зимние квартиры для гвардии старались отводить в самых лучших обжитых районах (в Петербургской губернии, в Польше, в Новгороде), в городах или хотя бы «местечках», тогда как вся остальная армия размещалась в деревнях. В источниках часто можно увидеть сообщения такого рода: «...Новгородский округ... *обязан давать квартиры лейб-гвардии Преображенскому и Семеновскому полкам*, а также придвинутым к ним полкам Астраханскому и Ингенрманландскому, на все время, когда они бывают не в поле...»¹⁷⁷

Ситуация не менялась, даже если городские квартиры оказывались занятыми какими-либо армейскими частями. Так, судя по источникам, во время пребывания семеновцев в Курляндии зимой 1712 г. полк без каких бы то ни было затруднений расквартировали недалеко от Риги¹⁷⁸. Однако тремя годами позже это место оказалось уже занятым. Тем не менее при распределении квартир, для того чтобы без какого бы то ни было стеснения определить на постой преображенцев и семеновцев, из города был выведен как минимум один полк – Каргопольский, которому было назначено другое место дислокации¹⁷⁹.

Порой гвардейцы занимали строения, которые планировалось использовать для обеспечения всей армии, например склады и мельницы. Для того чтобы «вернуть» себе такие объекты, армейское командование вело с гвардией долгие переговоры¹⁸⁰.

Такое положение дел мало устраивало армейское руководство¹⁸¹. Ведь появление гвардейцев непременно сопровождалось указом о необходимости заняться тем или иным «спешным» делом. Так, зимой 1710 г. подобная «радость» ожидала нарвского коменданта полковника В.Н. Зотова, которому надлежало приготовить провиант и фураж для Преображенского и Семеновского полков, идущих маршем в Петербург¹⁸², а летом того же года – Я.Н. Римского-Корсакова, которого обязали подготовить лошадей и седла для приближающейся гвардии¹⁸³. Кстати, подготовка необходимых преображенцам и семеновцам лошадей со временем стала настоящим кошмаром для армейского руководства, особенно если речь шла об обеспечении гвардейского батальона, сопровождавшего государя в его нескончаемых разъездах¹⁸⁴.

Приближение гвардии вызывало у армейского командования смешанные чувства – от полнейшего уныния до бешеной злости. Осенью 1707 г. Я.В. Брюс так рисовал Б.П. Шереметеву свои чувства в связи с приближающейся встречей подобного рода: «...а князь Михайла Михайлович (полковник Семеновского полка М.М. Голицын. – Е. Б.) будет сего числа сюды. Которым гостям я негораздо рад, понеже имеют при себе больше 300 коней»¹⁸⁵. Я.В. Брюс, очевидно, справедливо полагал, что, занимаясь сбережением гвардейских лошадей, может лишиться всего своего фуража.

Порой из-за обеспечения преображенцев и семеновцев лучшим продовольствием или квартирами случались нешуточные скандалы. При этом конфликты возникали на самых разных

уровнях. По сути, гвардейцы самых разных чинов постоянно конфликтовали с армейскими офицерами и солдатами из-за поста¹⁸⁶. Однако особенно серьезным бывало столкновение командиров. Так, подполковник преображенцев М.Б. фон Кирхен находился в состоянии постоянной вражды с фельдмаршалом Б.П. Шереметевым. Последний часто отказывался уступать гвардии места для поста. При этом М.Б. фон Кирхен, обращаясь за решением вопроса к Петру, неизменно одерживал верх¹⁸⁷.

Решая возникающие с гвардией проблемы, армейскому руководству приходилось регулярно апеллировать к Петру I, в более или менее открытой форме указывая на сложности такого сосуществования. Генерал князь А.И. Репнин, например, написал царю 4 февраля 1708 г. пространное письмо, содержавшее по большей части жалобы на недостачу фуража для армии. Любопытно, что в документе было указание и на потенциальный выход из сложившегося положения – перевод гвардии в другой район: «А зело бы потребно, ради лутчего довольства, наипаче лейб-гвардии Преображенского полку лошадям и салдатом уступить в Полоцк»¹⁸⁸. Таким образом, очевидно, что А.И. Репнин четко понимал правила игры: с одной стороны, сколь бы затруднительным ни было положение, посягать на полагающиеся гвардии преимущества не следовало, а с другой стороны, обсуждать сложившееся положение дел с гвардейским руководством совершенно не имело смысла, поскольку идти на уступки никто, разумеется, не собирался. Соответственно, решение по делам такого рода мог принять только монарх.

Чтобы облегчить марш гвардии, армейским частям иногда поручалось нести амуницию преображенцев и семеновцев. Например, 4 июня 1711 г. Петр I приказал все тому же генералу А.И. Репнину: «...вы по указу шли в путь свой и взяли амуницию, сколько возможно, ибо наши полки будут для меня несколько дней мешкать, и для того, чтоб им лехче было итить и догонять вас»¹⁸⁹. Этот случай, по всей видимости, является исключением. Но от этого не становится менее показательной агрессивная демонстрация приоритета гвардии.

Неудивительно поэтому, что негативное отношение к гвардии было характерно не только для армейского руководства, но и для низших чинов армии, включая солдат. В фонде Преображенского приказа сохранился один весьма показательный источник – «Дело о наказании кнутом солдат Ивана Трофимова и Ивана Воинова» 1705 г. Согласно этому документу, Иван

Трофимов «учинил» ложный извет на солдат Преображенского, Семеновского и Ингерманландского полков, что «будто бы они по дорогам грабили людей и отнимали у проезжих лошадей... и проезду от них нет». В обвинении же второго фигуранта по делу содержится едва ли не мотив подстрекательства к бунту: «Ивано Воинов говорил такие слова как Преображенские и Семеновские и Ингермоландские салдаты пойдут на службу и после де их наши салдаты станут бунтовать». Удивительно, однако, что и Трофимов и Воинов получили достаточно мягкий для подобного обвинения приговор: «наказанье бить кнутом и отослать... по прежнему в тот же полк в салдаты»¹⁹⁰. Вероятно, подобный вердикт был связан с тем, что расследование показало отсутствие здесь реального заговора, с четким пониманием неизбежности противоречий в тандеме «гвардия–армия», а порой и просто ненависти к привилегированным и обласканным.

Отношения гвардии и армейских частей, безусловно, не сводились к решению бытовых проблем в пользу первых. Они были более сложными. Своеобразное положение Преображенского и Семеновского полков, связанное с возлагаемыми на гвардию полномочиями, было часто сопряжено с грубым нарушением общепринятых норм. Доверие императора к своей «дружине» было столь велико, что выполнение поручений иной раз сопрягалось с нарушением воинской иерархии. Вот лишь несколько поразительных примеров.

В 1706 г. к фельдмаршалу Б.П. Шереметеву, главнокомандующему русской армией, направленному для подавления Астраханского восстания, был приставлен гвардии сержант М.И. Щепотев. Полномочия последнего были настолько велики, что он, будучи сержантом, в сущности указывал, что делать фельдмаршалу¹⁹¹.

Эта ситуация по понятным причинам вызвала у Бориса Петровича самую бурную реакцию. Прямые жалобы Петру I с указаниями на пьяные дебоши, устраиваемые М.И. Щепотевым¹⁹², вероятно, не возымели должного эффекта, и фельдмаршал начал рассылать письма о причиненных ему обидах самому широкому кругу респондентов. Цель, которую преследовал Шереметев, вероятно, заключалась в определенном воздействии на монарха через посредничество третьих лиц («Если мне здесь прожить, прошу, чтоб Михайло Щепотева от меня взять»¹⁹³). Наиболее красочно, как кажется, беды его представлены в переписке с Ф.А. Головиным. «А как я вошел в город и пришел на свой двор,

*И.П. Аргунов. Портрет фельдмаршала графа Б.П. Шереметева.
XVIII в.*

и он, Михайло (М.И. Щепотев – Е. Б.), говорил во весь народ, что прислан он за мною смотреть, и что станет доносить, чтоб я во всем ево слушал»¹⁹⁴, «и непрестанно пьян, боюсь, чево б надо мною не учинил. Ракеты денно и ночью пускает, опасно, чтоб города не выжег»¹⁹⁵, – писал Шереметев. Дальше больше: фельдмаршал обвинял сержанта в «умысле на клевету» перед государем: «всенародно говорит, что хочет меня государю огласить, не знаю чем, и с Александром Даниловичем (А.Д. Меншиковым. – Е. Б.) ссорить»¹⁹⁶.

Примечательны в этом отношении и действия гвардейца. В своем письме он уведомлял Петра I, что действительно «неугоден» фельдмаршалу и «другим протчим, которые при нем обретаются» и прибавлял, что «как увижу очи ваши... донесу милости вашей пространнее сего письма»¹⁹⁷. За этим вполне традиционным слогом начала XVIII в. – спокойное изложение ситуации, не более. Для того чтобы понять, чем объясняется такое хладнокровие сержанта, стоит сказать несколько слов о нем самом.

Об этом интереснейшем человеке сохранилось достаточно много сведений. Михайло (Михаил Иванович) Щепотев происходил из русской дворянской фамилии. Вероятнее всего, службу начал в Потешных, а продолжил – в Преображенском полку. Храбрый и азартный, Щепотев, несомненно, являлся одним из приближенных Петра I, о чем свидетельствует ряд поручений, возложенных на него.

Первая известная нам операция с участием сержанта относится к 1702 г. Это упоминавшаяся выше «Осударева дорога», т. е. строительство «перспективы» от Белого моря до Онежского озера для переброски русской армии к шведскому Нотебургу. Напомним: М.И. Щепотев являлся как одним из разработчиков плана, так и одним из руководителей невероятно сложного комплекса работ, требующих крайнего напряжения воли и сил¹⁹⁸. В декабре того же года он вместе с солдатами Преображенского полка участвовал в организации прохождения шведских военнопленных по Тверской улице Москвы. В 1704 г. он фактически был русским шпионом под стенами Нарвы, доставляя секретные сведения военного характера, прежде всего о численности шведских войск в этом районе, а также «ведомости взятых языков», способствовавшие успешной осаде крепости войсками Петра I в том же году¹⁹⁹.

Безусловно, перед Щепотевым открывалась блестящая карьера. Однако сержант погиб на Балтике во время одной из

дерзких военных акций. 12 октября 1706 г. русские войска, собиравшиеся захватить Выборг, с суши заметили несколько торговых судов, уходивших от города в море. Петр I приказал одному из своих любимцев, сержанту Преображенского полка, уже упоминавшемуся М.И. Щепотеву, отыскать любые плавательные средства и остановить шведские корабли. Пока искали, поднялся туман, и шведы ушли далеко в море. Дальнейшее преследование стало опасным, однако планы не были изменены. Уже ночью 12 октября М.И. Щепотев на пяти рыбацких лодках с командой из 48 (по другим сведениям – 52) гренадер и гвардейцев погнался за шведами, но был встречен двумя военными ботами с восемью пушками на обоих и экипажем свыше 200 человек.

Несмотря на неравенство сил, М.И. Щепотев приказал идти на абордаж. Гвардейцы атаковали одномачтовый шведский бот «Эсперн», перебили большую часть команды, а остальных загнали под палубу. От второго шведского бота им также удалось отбиться. Живыми из боя вышли всего 18 человек, из которых только четверо остались без ран. Именно им удалось привести «Эсперн» с полным вооружением и 27 пленными (по другим данным, в плен были взяты 5 офицеров и 103 матроса) к русскому лагерю²⁰⁰. Сержант Щепотев погиб в этой акции.

Разночтений в этой истории гибели сержанта много. Но оценка его действий в целом очевидна. Смелость, авантюризм, способность пойти на риск и, в конечном итоге, наглость были нормой поведения как для самого сержанта, так и для многих его сослуживцев. При этом речь шла отнюдь не только о поведении на поле боя. Достаточно вспомнить судьбу еще одного преображенца – Виллима Монса, который стал парламентаром, посланным русскими к шведской армии, отступавшей после проигранной битвы при Полтаве и остановившейся у Переволочны 30 июня 1709 г. Монс предложил капитуляцию шведскому войску, насчитывавшему 16 тыс. человек, тогда как преследовавший их отряд М.М. Голицына составлял лишь 9 тыс.²⁰¹ Однако, как известно, преображенец окончил свои дни на плахе за взяточничество, а фактически за любовную связь с женой Петра I, будущей Екатериной I.

Возвращаясь к противостоянию М.И. Щепотева и Б.П. Шереметева, стоит отметить, что демонстративно вызывающее поведение, столь свойственное гвардейцам, вообще было поддержано четким пониманием правомочности своих действий и даже в каком-то смысле осознанием неизбежности конфликта. Сержант выполнял волю монарха, а потому здесь не могло быть места стра-

ху или хотя бы неуверенности. Петр I, конечно, не только не имел претензий к Щепотеву, но и в очередном письме благодарил «за труды и прочее»²⁰².

Перед нами достаточно часто встречающаяся в это время ситуация. Отправляя сержанта М.И. Щепотева к Б.П. Шереметеву, Петр I стремился не только контролировать фельдмаршала в сложный период восстания; он фактически провоцировал конфликтную ситуацию, заставляя одного из участников подобной стычки (не гвардейца!) опасаться возможной потери своего чина и статуса.

Следует отметить, что это была система, применявшаяся не к одному Б.П. Шереметеву. Щепотев в аналогичной роли состоял некоторое время при Репнине²⁰³. В январе 1706 г. к генерал-поручику барону Г.Г. Розену был послан капитан Преображенского полка П. Глебовский. Гвардеец должен был не только проконтролировать выполнение распоряжений государя, но и, используя всю данную ему власть, не допустить дальнейшего разорения противником Дерптского и Псковского уездов при попустительстве вверенных Г.Г. Розену войск²⁰⁴.

Да и злоключения фельдмаршала Б.П. Шереметева, связанные с необходимостью считаться с гвардии офицерами, далеко не закончились с подавлением Астраханского восстания. Во время Прутского похода 1711 г. к нему был приставлен гвардии подполковник В.В. Долгорукий, в обязанности которого входило способствовать «поспешанию» войск фельдмаршала, двигавшихся в назначенный императором район боевых действий²⁰⁵.

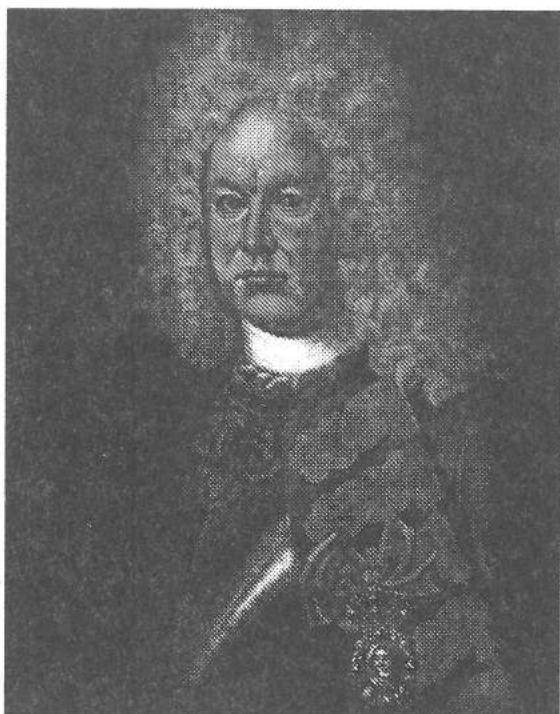
Немаловажно отметить и то, что возмущение, которое неизменно испытывали высшие офицерские чины при появлении такого присланного Петром I гвардейца, было вызвано не только унижительным несоблюдением принципа воинской иерархии, но и элементарным страхом. Ведь гвардеец, доводя до сведения государя свою оценку ситуации, мог оказаться более чем прямолинейным, выдвигая порой жесточайшие обвинения. Так, например, произошло в 1707 г., когда против генерала Р.Х. Боура были фактически выдвинуты обвинения в предательстве. Сохранилось письмо поручика Бомбардирской роты Г. Писарева к Петру I от 19 июня 1707 г., в котором гвардеец заявлял, что смог уличить генерала Р.Х. Боура в разглашении секретных пунктов о необходимости любой ценой взять «Быховскую фортецию»²⁰⁶. Р.Х. Боур был вынужден оправдываться перед царем, с его подчиненных были взяты «скаски». Генерал был возмущен подобным

отношением, указывая Петру: «...я над поверенными от вашего высокоцарского величества войсками команду вести имею, когда на едино неосновательное обнесение ...оправдание принести принужден есмь»²⁰⁷. При разборе дела и поручик Г. Писарев, и генерал Р.Х. Боур отмечали, что свидетелями по делу могут стать генералы И.И. Чамберс и фон Верден²⁰⁸. Нет указаний на то, что генералы полагали обвинения, выдвинутые против Р.Х. Боура, справедливыми. Таким образом, гвардии поручик обладал невероятной уверенностью, что даже в случае признания царем правоты Р.Х. Боура его собственной жизни и службе ничто не будет угрожать.

Сложности у армейских чинов как с самими гвардейцами, так и с определением их статуса возникали не только при выполнении специальных полномочий. Часто в период военных действий преображенцы и семеновцы обращались к государю с просьбой подтвердить их старшинство и полномочия перед теми или иными армейскими начальниками. 23 июня 1707 г. командир преображенцев М.Б. фон Кирхен обратился к Петру со следующей просьбой: «...пожалуй, прикажи ко мне отписать, в чем господина фельтмаршала и иным господам послушным быть»²⁰⁹. Впрочем, такие вопросы в 1710-х годах практически не возникали. Фактически после Полтавы гвардейцы усвоили, что в любом случае преимущество может быть только за ними.

Обретение гвардией многочисленных привилегий, а также формирование образа этих частей как структуры во всех смыслах лучшей, несомненно, оказывало сильнейшее влияние на самоидентификацию преображенцев и семеновцев. Такое отношение позволило воспитать у гвардейцев петровского периода понимание своего места в иерархии чинов и выработать поведение в сопряженной с ней системе общественных взаимоотношений. Иными словами, преображенец или семеновец мог декларировать, что «...коль паче... Всемиловивейший меня... патентом своим за подписанием собственной... монаршей руки государственная печати утвердили чтоб всем меня... *надлежащим образом признать и почитать*»²¹⁰. Последнее могло означать если не зарождение представлений о чести, то, несомненно, осознание своего высокого общественного статуса.

Одним из проявлений этого процесса стал тот факт, что гвардейцы, принимавшие активное участие в решении дел армейских полков, часто резко негативно относились к попыткам вмешательства в собственные полковые дела. Для них стремление

Неизвестный художник. Родион Христианович Боур.
Первая четверть XVIII в.

охранять собственное право автономии было абсолютным: никто, кроме Петра I, не мог повлиять на принятие решения*.

Любое вторжение извне вызывало сильнейшее сопротивление. Примером тому – очередной раунд разногласий, возникших в 1707 г. между подполковником Преображенского полка М.Б. фон Кирхеном и фельдмаршалом Б.П. Шереметевым, переросших постепенно в ссору. Фельдмаршал, в ведении которого в то время состояли преображенцы, решил разобраться с одним из назначений в полку. Однако Кирхен имел на этот счет особое мнение и не уступал, горячо апеллируя к своему полковнику²¹¹. Петр I встал на сторону подполковника. И хотя такое развитие ситуации обернулось для М.Б. фон Кирхена последующими столкновениями с фельдмаршалом по совершенно другим вопросам²¹², он был вполне удовлетворен решением дела. Плохие отношения с фельдмаршалом его, как видно из документов, не слишком волновали. Ведь при необходимости он всегда мог обратиться к государю и практически всегда мог рассчитывать на благосклонный ответ.

Вообще охрана собственных прав и привилегий была основой отношений Преображенского и Семеновского полков к другим частям русской армии конца XVII – первой четверти XVIII в. Перевод из гвардии в армию считался переходом на более низкий качественный уровень, даже несмотря на то, что, как упоминалось, офицеры гвардии, увольнявшиеся в полевые или гарнизонные полки, получали повышение чина²¹³. Установленное Петром I статусное различие между гвардией и армией сопровождалось усвоением гвардией точки зрения на армию как на иную, во многом низшую структуру.

Способствовало усвоению такого отношения и то, что перевод в армию часто становился способом избавиться от неугодного человека. Даже повышение на два чина (а не на один, как это было положено до 1722 г.) не могло изменить общего ощущения «падения» человека, лишенного «фавора».

Именно поэтому, вероятно, просьбы гвардейцев о переводе в армию за весь период царствования Петра I единичны, почти

* Такая система была впоследствии введена и в армейских частях. Здесь, однако, баллотирование происходило всегда в присутствии члена военной коллегии (*Пузыревский А.К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра I. СПб., 1889. С. 56*).

уникальны. Показательно, что мотивируются подобные челобитья не столько желанием служить в армии, сколько обидами на гвардейское полковое командование. Так обстояло дело с Иваном Шеховским, служившим в чине капитана Семеновского полка в течение 17 лет и, вероятно, ощущавшим себя обойденным в чинопроизводстве. В 1718 г. он просил перевода в армию с непрерывным повышением чина²¹⁴.

То же было и на уровне личных взаимоотношений гвардейцев с армейскими чинами. В архиве Преображенского полка сохранились документы, демонстрирующие, что эти отношения были неоднозначны, зачастую конфликтны. Так, в 1717 г. генерал-майор артиллерии И.Я. Гюнтер подал Петру I несколько челобитных против гвардии подполковника Гревса, который нанес ему оскорбления, «учинился... непослушен и многия противности показал *оставя должную субординацию*»²¹⁵. Прибыв по указу царя в Ревель, Гюнтер стал активно вмешиваться в дела гарнизонной артиллерии, что, судя по упоминанию «указа Его Царского Величества», соответствовало полученным им инструкциям. Последние, однако, вынуждали его к совместным действиям с гвардейским полковником, в ведении которого находилась артиллерия указанного гарнизона. Такая путаница в разграничении полномочий привела к крупному конфликту. Гревс в резкой форме заявил И. Гюнтеру, что поскольку он по чину равен генерал-майору от армии, то по всем положениям он не только не обязан подчиняться последнему, а должен сам взять руководство над ним. Гвардеец при этом, безусловно, был не прав. В указе Петра I от 20 августа 1706 г. отмечалось, что преимущество над армейским генерал-майором имеет лишь полковник гвардии²¹⁶.

Гвардеец в этом случае не только нарушил субординацию, но и стремился подчеркнуть свое превосходство. У И. Гюнтера отобрали всех людей, даже самых безобидных. Так, «подполковник Гревс ...бочара ...при самом походе велел из бота силою взять»²¹⁷. Более того, армейский генерал-майор оказался в полной изоляции, так как его противник публично сказал, что запрещает офицерам разговаривать и даже видеться с ним. Итогом этого конфликта стала открытая ссора двух офицеров в доме графа Апраксина на «банкете» по случаю дня рождения царя, во время которой преображенец объявил, что «не почитает [И. Гюнтера] за генерала майора».

Этот случай представляет в определенном смысле вполне типичное поведение гвардейца первой четверти XVIII в., отличавшееся уверенностью в своем превосходстве перед армейски-

ми офицерами вне зависимости от указов и положений, а также стремлением открыто демонстрировать свою первостатейность вплоть до прямого парирования и конфликтов.

Рассмотрим также отношение армейских чинов к преображенцам и семеновцам. Как уже отмечалось, переход из армии в гвардию считался определенным повышением по службе. Задолго до появления первых указов, законодательно оформляющих приоритет чинов гвардии над армейскими, переводы офицеров из армии осуществлялись с потерей чина. Все это, а также связь преображенцев и семеновцев с царем постепенно сформировали подход, согласно которому служба в гвардии была почетной вне зависимости от чина.

Так, в период петровского царствования складывается традиция награждать гвардией. Выше уже говорилось о почетной записи в Преображенский и Семеновский полки детей высших сановников. Кроме того, в первой четверти XVIII в. в гвардию начинают зачислять армейских солдат или офицеров, принесших Петру I сообщение о какой-либо победе или иную «добрую весть». Именно так в Преображенский полк попал сообщивший Петру I о победе над Левенгауптом²¹⁸.

С другой стороны, со временем гвардия превратилась в место почетной ссылки высших офицерских чинов, проступки которых требовали серьезного наказания, но отнюдь не окончательного удаления от дел. Генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии А.И. Репнин, к примеру, «...во время его службы генералом, великое несчастье от шведов под Головщиным имел, где знамена и пушки отбиты были, за что он написан был из генералов в гвардию в гранодеры, а после таки пожалован полковником и генеральство получил»²¹⁹.

Учитывая особое положение преображенцев и семеновцев в рамках системы российской государственности как при выполнении полномочий, так и в целом в связи с близостью к особе императора, высшие армейские чины выстраивали свои отношения с гвардией чрезвычайно аккуратно. Полномочным государя старались «...чинить всякое споможение»²²⁰, впрочем часто запрашивая одобрение у Петра I²²¹.

Аккуратность в обращении проявлялась и в отношении к рядовым гвардейцам. Это особенно хорошо видно на примере поимки кем-либо из армейских чинов беглых гвардейцев. В делах Семеновского полка сохранилась «скаска» солдата Т. Веташилова, который во время пребывания полка за границей самовольно по-

кинул место его дислокации, «учинился пьян» и в конечном итоге отстал от семеновцев. Попытки догнать полк не увенчались успехом. Некоторое время солдат странствовал, пытаясь найти какой-нибудь русский полк. Свой шанс он смог реализовать, вероятно, лишь через два месяца после «побега». Интересно, как поступили с этим солдатом те, к кому он обратился. Известно, что о провинности он смог объявить писарю одного из русских полков. Последний, взяв его под караул, передал капитану своего полка, а тот сдал его своему бригадиру, который, в свою очередь, доставил солдата генералу А.И. Репнину. Таким образом, Т. Веташилов в конце концов добрался до Семеновского полка²²². Его медленно, но верно передавали от одного должностного лица к другому. Очевидно, что армейские чины четко понимали особенности правового положения гвардейцев. Десятки аналогичных примеров позволяют предположить, что такое представление было распространено в армии широко²²³.

Однако ни стремление армейских начальников не вступать по возможности в конфликты с доверенными лицами Петра I из числа гвардейцев, ни тенденция уважать право преобразенцев и семеновцев на особый «суд и расправу» не могли изменить уровень личных отношений.

То, как вели себя армейские чины при столкновении с гвардейцами, может быть проиллюстрировано следующим образом. Как уже упоминалось, Ф.-В. Берхгольц, описывая одно из своих путешествий по России, вспоминает, что «...выпросил себе на дорогу... солдата гвардии, который... заботился по пути о фураже и других надобностях». Во время поиска места для постоя этот солдат вступил в конфликт с армейским капитаном, фактически выгнав его с занимаемой им площади. «Таким образом, мы добыли себе квартиру, которой капитан, конечно, никогда бы нам не уступил, если б не было с нами смелого солдата», сообщает мемуарист. Причину же такой удачи он видит в том, что «...офицеры армейских полков не доверяют солдатам гвардии и неохотно имеют с ними дело»²²⁴.

Суммируя приведенные выше факты, можно сказать, что привилегии, полученные гвардией, существенно повлияли на ее отношения с армейскими частями. Несомненным представляется существование в разные периоды петровского царствования более близких к гвардии частей – Бутырского, Лефортовского, Ингерманландского и Астраханского полков; однако наличие таких частей не оспаривало первенства гвардии в вооруженных

силах. На личностном уровне взаимоотношения гвардейцев и чинов армии были достаточно сложными. Они характеризовались подчеркнуто высокомерным поведением гвардейцев, основанным на понимании своего превосходства.

3

Гвардия и гражданская среда конца XVII – первой четверти XVIII в.

С самого момента своего появления Преображенский и Семеновский полки привлекали внимание современников. Но восприятие ими гвардии периода царствования Петра I не было неизменным.

Уже в середине 1690-х годов солдаты и офицеры будущих гвардейских полков представляли собой абсолютно узнаваемую современниками группу. Однако узнавание такого рода представляло для преобразенцев и семеновцев несомненную опасность. Источники указывают на то, что в это время преобразенцы и семеновцы постоянно находились в конфликте с представителями ряда социальных страт и профессиональных групп, не являясь при этом инициаторами таких столкновений. Так, сохранились многочисленные жалобы солдат и офицеров этих полков на грабежи и неуплату заемных денег²²⁵. Такого рода конфликты, впрочем, были в это время явлением распространенным и не служат доказательством какого-то особого отношения к будущим гвардейцам. Но конфликтные ситуации, в которые попадали в конце XVII в. солдаты и офицеры первых петровских полков, этим не ограничивались. По существу основной формой столкновений, в которых участвовали преобразенцы и семеновцы, являлась драка. Приведем несколько случаев, произошедших в течение всего лишь 10 дней. Свидетельства о них сохранились в фонде Преображенского приказа (РГАДА).

1696 г. .

8 марта служащие Преображенского полка капрал Григорий Лядовский и солдат Корней Дудимский избиты сторожами Данилой Яковлевым и Сергеем Нетровым.

9 марта служитель Рождественского собора Иван Васильев зарезал каптенармуса Семеновского полка Ивана Рыкунова.

11 марта угличанин Василий Федоров избил солдата Преображенского полка Петра Резанова, а сторож «церкви великомученика Никиты что в Басманной» Яков Антипов – солдата Семеновского полка Забелина.

12 марта солдат Семеновского полка Иван Рукавишников избит крестьянином боярина князя Юрия Семеновича Урусова Иваном Анофриевым.

14 марта крестьянский сын Антип Бокавнин, крестьяне Кондратий и Андрей Худяковы избили солдата Преображенского полка Ивана Кирилова.

16 марта солдат Преображенского полка Владимир Раковский избит [крепостным] человеком боярина Алексея Семеновича Шеина.

18 марта подьячий Судного приказа Алексей Филипов избил солдата Преображенского полка Ивана Рослева и его сына Василия.

28 марта солдат Преображенского полка Федор Несмеянов был избит поленом сторожем столовой палаты Михаилом Ивановым²²⁶.

За март 1696 г. сохранилось 10 жалоб преображенцев и семеновцев на нанесенные побои²²⁷. За первые 10 дней апреля того же года царю было подано пять аналогичных челобитий²²⁸.

В 1697 г., как следует из источников, ситуация к лучшему не изменилась²²⁹. Не был спокойным в этом отношении и следующий, 1698 г.²³⁰ Фактически на протяжении второй половины 1690-х годов количество противоправных действий такого рода, совершенных против будущих гвардейцев, неуклонно нарастало. Пик нападений пришелся на 1697–1698 гг.²³¹

Согласно источникам, в это время нападения на солдат и офицеров приближенных к молодому царю частей совершали представители самых разных социальных слоев и профессиональных групп – дворяне, купцы, крестьяне, церковнослужители, ямщики, стрельцы, подьячие, сторожа, плотники и просто «неведомо какие люди».

Нападение на гвардейцев принимало самые разные формы. Порой случались откровенно комичные эпизоды. Так, достаточно известный впоследствии гвардеец Преображенского полка Андрей Новокрещенов, будучи еще прапорщиком, жаловался на побои, нанесенные ему «шайкою и венником в бане дьяком Григорием Степановым»²³².

Подобные случаи, впрочем, были исключением. Как правило, нападения носили чрезвычайно жестокий характер и заканчивались нанесением серьезных побоев, увечьями и нередко смертью. В 1698 г. солдат Преображенского полка Степан Потехин был ограблен и избит до «полусмерти» ямщиками Переяславской ямской слободы. В том же году группа иноземных купцов напала на стоявших на карауле в Новонемецкой слободе солдат того же полка. В результате стычки преображенцев «били и гнали до съезжей избы». Тогда же стрельцами был забит до смерти солдат-преображенец Андрей Федчиков²³³. Список можно продолжать.

Причины явления, как кажется, вполне объяснимы. Близость преображенцев и семеновцев к столь ненавистой фигуре молодого царя, а также их приверженность реформам, по крайней мере на представительском уровне, были очевидны. Массовые нападения 1697–1698 гг.²³⁴ на будущих гвардейцев объясняются активным участием последних в подавлении Стрелецкого бунта 1698 г. и первых, а потому особенно шокирующих, акций по введению в России ряда европейских норм. Так, преображенец Андрей Новокрещенов, не понравившийся в бане дьяку Григорию Степанову, лично участвовал в казни стрельцов на Красной площади. Свидетель событий А.И. Желябужский в своих «Дневных записках» описывает казнь так: «Февраля в 3 день по указу великого государя казнили на Красной площади стрельцов, которые явились в измене в Воскресенском, а казнили их Преображенского полка прапорщик *Андрей Михайлов сын Новокрещенов* да палачи Терешка с товарищи. У казни был сам великий государь... *также и иные прочие*»²³⁵.

В целом следует отметить, что уже в конце XVII в. современники преображенцев и семеновцев, несомненно, оценивали их как сплоченную группу сторонников молодого царя. Объединяющим принципом здесь, вероятно, считался стиль поведения, воспринимавшийся как знак принадлежности к иной системе ценностей. Последняя при этом рассматривалась как неправая, а потому ненавистная. Сложно сказать, насколько сами преображенцы и семеновцы осознавали приверженность некоему новому образу жизни. Однако очевидно, что в тот момент, когда для них самих этот вопрос еще оставался открытым, для их современников это была уже абсолютная истина.

В начале нового столетия ситуация резко меняется. Прежде всего поток жалоб гвардейцев на избиения резко сокращается. Фактически в 1701–1702 гг. преображенцы и семеновцы уже не

жалуются на «битье смертным боем». Дела, рассматривавшиеся в Преображенском приказе, носят иной характер и содержат совершенно другие формулировки: речь теперь идет не о побоях, а о драках, не о физической расправе, а о словесном оскорблении²³⁶. Факты такого рода указывают на то, что уже в первые годы XVIII в. на гвардейцев перестали открыто нападать, а основной формой проявления недовольства стали, выражаясь терминологией того времени, «непристойные слова». Последнее, вероятно, могло быть связано как с привлечением гвардии к решению полицейских задач, так и с более активной, если не сказать агрессивной позицией в отношении своего статуса и общественной роли. И в том, и в другом случае основной интенцией, остановившей волну нападений на преображенцев и семеновцев, стал страх перед все усиливавшейся группой сторонников Петра I.

Примечательно, что представление о гвардии как о структуре принципиально инородной по самому образу жизни в обществе сохранилось. Так, иностранцы, имевшие возможность наблюдать этот феномен в 1700–1720-х годах и стремившиеся проанализировать особенности функционирования этой группы, определить ее положение в рамках социальной композиции общества того времени, часто указывали на ее принципиальную чужеродность в широком смысле слова. Секретарь королевского прусского посольства И.Г. Фоккеродт, повествуя о создании Петром I лейб-гвардии, утверждал, что именно таким путем император стремился «обессилить» как стрельцов, так и *дворянство*²³⁷. Стремление унижить дворянство было одной из причин формирования первых регулярных полков и по мнению английского посла Ч. Уитворта²³⁸. Отметим, что при этом ни тот, ни другой не отрицали, что отряды гвардии состояли из дворян по рождению. Здесь скорее речь идет о формировании особой группы, не приемлющей принципы жизни русского дворянства допетровского периода.

Со временем образ гвардейцев как сторонников Петра I был дополнен новыми чертами, поскольку современники, и прежде всего столичное дворянство, получили возможность составить представление об особом положении Преображенского и Семеновского полков в структуре госуправления и при дворе. При этом источники получения такой информации могли быть самыми разными.

Одним из таких источников были разного рода церемониалы, военные и светские торжества, к исполнению которых привлекалась гвардия. Как уже указывалось, на протяжении царствова-

ния Петра Великого исполнение церемониалов было всегда одной из наиболее важных функций гвардии. Однако с момента окончания Северной войны уровень полномочий Преображенского и Семеновского полков начинает меняться в сторону еще большей значимости исполнения придворных и представительских обязанностей. Отметим, между прочим, что в последующих многочисленных войнах XVIII в. участвовала лишь малая часть гвардии – сводные гвардейские батальоны. Количество гвардейцев из Преображенского и Семеновского полков, принимавших участие в боевых действиях, на протяжении почти всего века постоянно сокращалось. Подобная ситуация стала возможна именно благодаря военной реформе Петра Великого и созданию мощной регулярной армии, что, в свою очередь, позволило, не нанося ущерба безопасности страны, содержать в столице несколько полков лейб-гвардии. И это во многом изменило функциональное назначение этих частей.

Другим источником формирования у современников представлений о гвардии были различные приказы, ордера и положения. В соответствии с установившейся практикой объяснять подданным свои действия, а также стремясь обеспечить преображенцам и семеновцам наилучшие условия для исполнения обязанностей, Петр I в своих многочисленных установлениях неизменно подчеркивал полномочия и статус гвардии²³⁹. Требования, «чтобы все послушны были» присланным для решения разных дел гвардейцам, распространялись в учреждениях Санкт-Петербурга, в частности в Сенате²⁴⁰. Часто такие послания сопровождались и директивами оказывать гвардии активную помощь и поддержку, «ибо они здесь не гуляют»²⁴¹.

Появление того или иного гвардейца в качестве фигуранта по какому-либо делу также едва ли не автоматически означало появление в ближайшее время особой инструкции насчет необходимых разбирательств по делу. Так, например, 23 мая 1724 г. солдат Преображенского полка В. Бидков «бил челом» государю на незаконный захват его поместья. Чуть более чем через неделю из Кабинета Его Императорского величества в московский надворный суд было послано требование срочно «учинить решение» по этому делу и сообщить о результатах в Кабинет Его Императорского величества²⁴². Очевидно, что судьи московского надворного суда, вынужденные проявить в данном случае особое внимание, имели также возможность составить представление о статусе солдата Бидкова.

И наконец, информация об особом положении гвардии черпалась из личных отношений. Ведь солдаты и офицеры Преображенского и Семеновского полков в силу особенности своего положения были знакомы со многими армейскими командирами, высшими чиновниками, иностранными представителями при дворе Петра Великого.

Кстати, знакомства такого рода часто перерастали в дружеские отношения. Упомянутая запись в гвардию в 1723 г. будущего мужа цесаревны Анны Петровны герцога Голштинского сопровождалась активным представлением ему чинов Преображенского, а чуть позже и Семеновского полков²⁴³, в том числе и не самых высокопоставленных. Камер-юнкер при посольстве Ф.-В. Берхгольц упоминает представление молодого князя С.М. Долгорукого, находившегося в то время лишь в чине капрала гвардии²⁴⁴. Постоянное и, по крайней мере первоначально, вынужденное общение с гвардейцами со временем стало носить неформальный характер. Судя по «Дневнику» Ф.-В. Берхгольца, герцог, вероятно, подружился с майором Преображенского полка А.И. Румянцевым, который был постоянным гостем на обедах и ассамблеях будущего родственника Петра I²⁴⁵. Гвардейцы, впрочем, достаточно часто появлялись на обедах и приемах у иностранцев, например у голштинского посланника А.-Э. Штамке, тайного советника Г.Ф. Бассевича и валашского князя Д.К. Кантемира²⁴⁶, сыновья которого также служили в гвардии²⁴⁷.

Дружеское общение предполагало интенсивную переписку, а порой и оказание друг другу различных услуг. Именно так и вели себя высшие чины петровской армии и администрации в общении с гвардейцами. Так, например, кабинет-секретарь Петра I А.В. Макаров сообщал преображенцу А.И. Ушакову о том, что государю все чаще доносят о том, что в центре Москвы вместо указанных мазанок жители строят деревянные дома. При этом Макаров замечает, что «...хотя в том на тебя никакова нарекания по се время нет, однако... извольте в том бодрю иметь осторожность, дабы потом чего не взыскалось на вас»²⁴⁸. То есть кабинет-секретарь фактически предупредил А.И. Ушакова о возможных неприятностях.

Гвардейцы, в свою очередь, также были способны на ответные действия. Оказанием одной из таких услуг, вероятно, объясняется благодарность князя А.И. Репнина В.В. Долгорукому, о которой говорится в одном из писем. А.И. Репнин выражал признательность за то, что командир преображенцев «...изволили по своей дружбе.. остеречь» его сына²⁴⁹.

Проанализировав возможные источники получения информации о Преображенском и Семеновском полках в первой четверти XVIII в., можно сказать, что современники, и прежде всего столичное дворянство, были хорошо осведомлены о статусе и роли гвардии в системе российской государственности. Но какова была оценка, которую получили преображенцы и семеновцы, изменилась ли она по сравнению с концом XVII в.?

Прежде всего надо отметить тот исключительный интерес, который проявили к гвардии иностранцы. Ни один из европейских дипломатических представителей в России не обошел их вниманием. При этом первое, что они отмечали, – это наглое поведение гвардейцев. «Пополудни я был в церкви у вечерни (Aftensang) и пел вместе с остальной паствой, – писал датский посланник Ю. Юль, – вдруг я заметил, что церковные двери открылись и в них появилась будущая супруга царя с (лицами) своей свиты. Уже стоя на пороге, они долго еще раздумывали, войти ли им в церковь или не входить. Наконец, увидав меня, вошли и поместились в занимаемую мною скамью, одно из обыкновенных мужских отделений, – чем привели меня в крайнее смущение. Вне отделений стояло много русских гвардейских офицеров; *они говорили, кричали и шумели, как будто (находились) в трактире*»²⁵⁰. Столь же возмутительным образом, по мнению Ю. Юля, вели себя любимцы и в присутствии царицы. Так, он сообщает, что в один из дней октября 1711 г. «застал... ее (Екатерину. – Е. Б.) в обществе двенадцати или шестнадцати преображенских офицеров, *которые сидели кругом нея, тили, кричали и играли*». Отметим: Екатерина неизменно принимала у себя гвардейцев в день преобразования Господня (официальный праздник Преображенского полка) и в дни «вспоминаний» победных баталей²⁵¹. В данном случае посол был свидетелем празднования победы при Лесной²⁵².

Грубость и бесцеремонность преображенцы и семеновцы проявляли и по отношению к самим иностранцам. Так, 10 ноября 1710 г. некий капитан Преображенского полка прибыл к упомянувшемуся выше датскому послу с требованием, чтобы последний освободил дом, в котором его разместили и который принадлежал гвардии майору В.В. Долгорукому. Когда посол отказался выполнить требование, капитан без долгих размышлений заявил, что переселит его «силою»²⁵³. При этом Ю. Юль, несомненно, понимал основательность таких угроз. Он наверняка был наслышан о событиях 1707 г., когда во время одной из пирушек караульные гвардейцы затеяли драку с прусским посланником при русском

дворе Г.И. Кейзерлингом²⁵⁴. Этот случай, бывший, конечно, абсолютным исключением (ни раньше, ни позже гвардейцы не позволяли себе такого поведения в отношении европейского дипломата в России), тем не менее был вполне показательным.

Показателен также «несчастный случай», приключившийся с камер-юнкером герцога Голштинского Ф.-В. Берхгольцем. Во время одного из царских приемов в Летнем саду, гостем которого он был, «появились дурные предвестники, а именно человек шесть гвардейских grenadiers, которые несли на носилках большие чаши с самым простым хлебным вином (водкой. – Е. Б.); запах его был так силен, что оставался еще, когда grenadiers уже отошли шагов на сто и поворотили в другую аллею... Очень многие стали ускользать, как будто завидели самого дьявола... За чашею с вином всюду следуют майоры гвардии, чтобы просить пить тех, которые не трогаются увещеваниями простых grenadiers»²⁵⁵. В данном случае, помимо очередного столкновения иностранца с петровскими гвардейцами, интересна и сама фиксация того, что даже на бытовом уровне или при исполнении церемониалов гвардия употреблялась с той же целью, что и в системе управления, т. е. для принуждения.

Иностранцы отмечали также многочисленные коллективные действия гвардейцев, особенно во время разного рода стычек на улицах обеих столиц. Как-то особенно много претерпевший в России датский посланник, проезжая однажды по Москве, нечаянно сшиб санями женщину. «Тотчас, – пишет он, – произошло волнение, и бывшие там царские гвардейцы стали меня теснить. Я выпрыгнул из саней, вынул шпагу... В это мгновение надо мною было поднято по крайней мере 24 обнаженные шпаги»²⁵⁶.

Европейские дипломаты в России не менее часто указывали и на то, что гвардия постоянно находится в оппозиции или в прямом столкновении с какой-либо группой. Не укрылись от них и причины подобного явления, а именно поразительная власть, которую сосредоточили в своих руках гвардейцы. Так, секретарь прусского посольства в Петербурге И.-Г. Фоккеродт сообщал, что майорские розыскные канцелярии, созданные для обуздания лихоимства царских «любимцев», состояли «...из одних гвардейских офицеров»²⁵⁷. Ему вторил и брауншвейг-люнебургский резидент Ф.Х. Вебер. Упомянув о вынесении одной из таких канцелярий смертного приговора, он писал: «...в России дошло до того, что какой-нибудь почтенный член Сената, из важнейших родов государства, должен будет являться перед лейтенантом и давать ему

ответы»²⁵⁸. Схожую оценку майорским розыскным канцеляриям дал и французский резидент де-Лави: «Царь, убоясь в трудности отыскать между образованными людьми лиц, достаточно беспристрастных, чтобы производить следствие над дворянами, так как многие участвовавшие в этом деле могли бы при посредстве своих родственников располагать их в свою пользу, решился составить совет из наилучших офицеров своего гвардейского Преображенского полка и поручить им разбор важнейших дел»²⁵⁹.

Статус гвардии представлялся иностранцам порой столь исключительным, что, с одной стороны, вызывал к жизни самые причудливые теории. Так, Ф.Х. Вебер, сообщая о причинах бегства царевича Алексея Петровича, отметил, что «...ходили слухи, будто бы он недоволен тем, что до сих пор числился только сержантом»²⁶⁰. С другой стороны, возможно, именно тот факт, что действия гвардии представлялись иностранцам практически всегда коллективными и при этом чрезвычайно агрессивными, оказывал влияние на подсчеты численности личного состава гвардейских полков. Цифры, которые в данном случае приводились, почти всегда оказывались чрезвычайно завышенными. Так, Ф.-В. Берхгольц, увеличивая число гвардейцев более чем в полтора раза, сообщал, что «...в обоих полках (Преображенском и Семеновском. – Е. Б.) ...до 7000 человек, не считая нестроевых»²⁶¹. Здесь, вероятно, срабатывала психологическая установка на соположение агрессивного и огромного.

Однако главное, что с глубоким удивлением отмечали все иностранцы в России первой четверти XVIII в., – это исключительная близость гвардейцев к фигуре самого Петра I. Датчанин Ю. Юль, повествуя о праздновании православного Рождества в 1710 г., в частности, отмечал: «...Царь сел за стол. Тотчас после него сели прочие, где попало, без чинов офицеры его гвардии до поручиков включительно»²⁶². Схожее впечатление осталось и у английского посла Ч. Уитворта, отмечавшего, что «на любой церемонии царя сопровождают *офицеры его армии* и знать без какого бы то ни было соблюдения рангов, что выглядит довольно эффектно»²⁶³.

Эта особенность бытования полков гвардии неизменно вызывала интерес и в отдельных случаях порождала стремление использовать петровских любимцев для того, чтобы приблизиться к особе самого Петра или изменить свое положение к лучшему. Так поступал жених цесаревны Анны Петровны герцог Голштинский Карл-Фридрих, часто приглашавший на званые обеды высших гвардейцев с женами именно для того, чтобы «заманить» к себе Петра I²⁶⁴.

Подобная точка зрения не принадлежала исключительно иностранцам. Ее отметили и подданные самого царя: за яркими представительскими функциями гвардейцев, их вовлеченностью в работу госаппарата современники, так же как и в конце предшествующего столетия, видели близость к власти, т. е. к фигуре самого государя, чье активное участие в жизни полков не могло остаться незамеченным.

Источники фиксируют также попытки подать прошения царю через гвардейцев. Например, голштинец Ф.-В. Берхгольц упоминает в своем «Дневнике» о случае, когда хозяйка дома, где он квартировал, попросила его передать прошение одному майору гвардии через посредничество прямого начальника Берхгольца – тайного советника Г.Ф. Бассевича²⁶⁵. Необходимость прибегать к услугам столь длинной цепочки посредников, с точки зрения просительницы, была, скорее всего, оправдана ожиданием положительного решения вопроса при вмешательстве человека из гвардии.

Также в обществе было распространено мнение, что состоять в дружбе или родстве с офицером или солдатом гвардии и выгодно, и почетно. Вот, например, описание одной из ассамблей, принадлежавшее перу одного из иностранцев в России: «Все дамы, в особенности же хозяйки дома, которые много лет провели за границей и считают себя образованными и умеющими жить, не были настолько вежливы, чтобы пригласить нас танцевать хоть раз... Они охотнее выбирали молодых неотесанных русских... *большую часть унтер-офицеров гвардии*»²⁶⁶. Надо отметить, что дипломату едва ли удалось выстроить правильную логическую цепочку: дамы, присутствующие на этом вечере, несомненно, «умели жить» и именно поэтому предпочитали танцевать с гвардейскими офицерами. Это и понятно: со временем жены гвардейцев, особенно старших офицеров, были все более и более на виду, принимая участие в ряде светских церемоний, таких как маскарады, свадьбы, торжественные обеды²⁶⁷.

Положение, которое дамы в подобном случае занимали, вполне соответствовало высокому статусу их мужей. Например, в 1702 г. в Москве состоялась свадьба, в которой принимала участие супруга И.И. Бутурлина, полковника Семеновского полка. Ее карета, запряженная двенадцатью лошадьми, и открывала церемонию. Сама же дама во время обеда «сидела одна, на возвышенном помещении (на подиуме), отгороженном решеткою». Положение этой дамы во время церемонии объясняется следующим образом: она исполняла обязанность «царицы (императрицы)»

или «жены государства»^{*}. Несколько иной была роль княгини Ромодановской на маскараде по случаю свадьбы «князя-папы» П.И. Бутурлина²⁶⁸. Здесь шествие царицы практически полностью воспроизводило выход царя. И если гвардейцы, сопровождавшие Петра I, символизировали принадлежность, как сказали бы в конце XVIII в., к «партии Петра», то дамы, в первую очередь княгиня, выполняли аналогичную функцию при Екатерине. Так или иначе, в роли «жен государства» или в свите императрицы жены высших чинов гвардии получают определенное место при исполнении церемониалов.

Стремление поддерживать с любимцами Петра I дружеские отношения диктовалось не только оценкой высокого статуса гвардии. Наряду с пониманием широты полномочий Преображенского и Семеновского полков в обществе существовало также четкое представление о сопряженной с этой властью опасности. Участие гвардейцев в судебных делах и расправах было известно. А указы, объявленные через майорские розыскные канцелярии, такие, например, как указ от 25 ноября 1721 г. «О снятии с виселицы тела казненного князя Матвея Гагарина, с тем, чтобы подцепить его к ней на железной цепи»²⁶⁹, или подписи 38 преображенцев и семеновцев под приговором царевичу Алексею²⁷⁰, не могли оставаться незамеченными. Имена преображенцев и семеновцев на таких документах пугали и заставляли внимательнее присматриваться ко всей гвардии.

Ситуация осложнялась еще и тем, что гвардейцы первой четверти XVIII в. были невероятно конфликтны. Этот факт вместе с правом апеллировать при необходимости к государю и вероятной возможностью получения положительного ответа делали гвардейцев опасными. При этом в случае возникновения конфликта статус противной стороны не имел большого значения.

На более низком уровне, т. е. в солдатской среде Преображенского и Семеновского полков, это прежде всего касалось взаимоотношений, связанных с постоем.

* При этом автор сообщения – голландский путешественник К. де Бруин – отмечает, что аналогичную «должность» должна была исполнять и супруга «генералиссимуса» Преображенского полка князя Ф.Ю. Ромодановского. Она, однако, на церемонии отсутствовала из-за болезни (*Де Бруин К. Путешествие в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 60–61*).

Приближенность гвардии к персоне государя, а также к членам царской фамилии и обязанность принимать участие в государственных и придворных ритуалах диктовали необходимость размещения этих полков в столице. Изменение положения столицы, соответственно, влекло за собой изменение основного места нахождения гвардии. С начала 1710-х годов гвардия постепенно переезжает в Санкт-Петербург.

Как известно, с конца XVII в. в России существовало два способа размещения солдат и стрельцов: в домах гражданских жителей на постое и в специально сооруженных казною избах, находившихся в особых слободах²⁷¹. Во время Северной войны повсеместным способом квартирования становится размещение военнослужащих в домах гражданских жителей.

По мысли Петра, Преображенская и Семеновская слободы в Москве должны были смениться соответствующими слободами в Петербурге. Но при жизни преобразователя ни слободы, ни даже квартиры для гвардии не были построены. Указ о строительстве для гвардейских полков постоянных квартир в новой столице появился лишь 16 ноября 1726 г.²⁷² Однако выбор места расположения слобод производился еще и при жизни преобразователя. В 1720 г. Петр I приказал отвести места для постройки домов. В следующем году «фортификационная канцелярия вымерила пространство за рекою Фонтанкою, от нынешняго Аничкина и до Обухова моста, и представила план на Высочайшее рассмотрение»²⁷³. На этой территории предполагалось построить слободу Семеновского полка. В том же году в черте города Петр выделил участок под строительство домов для преображенцев²⁷⁴.

Слухи о начале строительства слобод активно распространялись и по полкам. Примечательно, что офицеры-гвардейцы, которые, как указывалось выше, активно обзаводились квартирами в новой столице, были весьма озабочены подобными сообщениями. Так, в фонде Преображенского полка сохранились «Пункты» за 17 декабря 1717 г., своего рода вопросник царю. Одним из пунктов значился следующий вопрос: «Как слышно ежели Преображенского и Семеновского полка салдацкия слободы будут строить против канеца на сей стороне не повелишь ли афицеров все на сей стороне дворы свои строить для близости к салдацким слободам»²⁷⁵. Тем не менее вопрос о строительстве солдатских слобод для Преображенского и Семеновского полков долгое время не был решен. Гвардейцы стали селиться в слободах в черте города лишь в 1740-х годах²⁷⁶.

В период петровского царствования гвардейцы, не имевшие собственных домов в Петербурге, определялись для жилья по обывательским квартирам. Вопрос о квартирах для гвардии был постоянной головной болью для городских властей Санкт-Петербурга. Не изменил ситуацию даже тот факт, что с 1723 г. отвод квартир для офицеров гвардии был прекращен: они были обязаны или нанимать их, или строить собственные дома на отведенной казною земле.

Порядок размещения полка по квартирам был напрямую связан с городским полицейским управлением. Распределение происходило по решению Полицмейстерской канцелярии²⁷⁷. Причем последней, вероятно, пришлось поработать активно, особенно в 1720-е годы, когда руководство полков, уже нашедшее жилье для офицеров, стремилось найти квартиры в столице для большинства унтер-офицеров и солдат²⁷⁸. В 1722–1723 гг. канцелярии надлежало обеспечить квартирами целый Семеновский полк, окончательно переведенный в город²⁷⁹. В этом случае поиск жилья решился достаточно быстро, так как ведением Полицмейстерской канцелярии занимался А.М. Девиер, являвшийся одновременно капитаном Преображенского полка.

Первоначально квартиры солдатам и офицерам Семеновского полка отводились на Петербургской стороне и Васильевском острове, а позднее и на Адмиралтейском острове²⁸⁰. При этом смена квартир была достаточно частым явлением. «Передвижения эти делались иногда ежемесячно, независимо от того, что каждую весну и осень, перед прекращением сообщения через Неву, части полка переходили на одну из сторон»²⁸¹.

Постой на обывательских квартирах означал, что гвардейцы не только жили, но и столовались у своих хозяев²⁸². Кроме того, в списках личного состава, который необходимо было обеспечить квартирами, есть ряд приписок относительно семейного положения гвардейцев или находящихся при них домочадцах («з женою», реже «з матерью»)²⁸³. Сам факт внимания к этим сведениям, а также многочисленные сообщения о том, что большая часть семей гвардейцев находилась в это время в столице, позволяет предположить, что определенный на постой преображенец или семеновец потенциально мог привести на квартиру и всю свою семью.

Именно в 1720-е годы, когда вся гвардия была размещена в столице, разного рода бытовые столкновения между гвардейцами и обывателями участились²⁸⁴. Конфликты часто бывали вызваны агрессивным поведением солдат-гвардейцев. Пьянство, драки,

дебоши, ссоры с женами и сожительницами, вымогательство денег у хозяев жилья или отказ платить за «стол», а также мелкие кражи были причинами многочисленных обращений обывателей в полк²⁸⁵.

С ситуациями подобного рода гвардейские полковые канцелярии старались разбираться, и разбираться активно. Прежде всего, посредством декларативного запрещения поведения такого рода. Приказы о том, чтобы гвардейцы «обывателям обид не показали и стояли в квартирах смирно а с мещанами ссор не имели б»²⁸⁶, повторялись сначала ежегодно, а потом и еще чаще. За первую половину 1724 г. было как минимум три (22 февраля, 29 июля, 19 июля)²⁸⁷. Принимались и более радикальные меры. 28 февраля 1720 г. в Преображенском полку был распространен приказ «со всякой роты по капралу да два человека солдат чтоб ходили по улицам против своих квартир и смотрели б чтоб драк не было и ежели где будет драка брать оных и приводить под караул»²⁸⁸. Однако, как было показано выше, квартиры гвардейцев могли находиться на значительном расстоянии друг от друга и контролировать всю территорию было просто невозможно, а значит, предотвратить конфликты не всегда удавалось.

Любая ссора, возникавшая между гвардейцем и обывателем, очевидным образом, хотя и далеко не всегда, могла закончиться жалобой, поданной в полковую канцелярию или кому-либо из офицеров полка. Челобитье такого рода, как правило, приводило к расследованию дела. Последнее, в свою очередь, до определенной степени устраняло конфликт: деньги, которые следовало заплатить за выпитое пиво, взимались, украденный кафтан возвращался, а дебоширы-гвардейцы наказывались²⁸⁹.

Впрочем, внимание полкового командования к конфликтам, возникавшим во время постоя, не следует преувеличивать. Наказание того ли иного гвардейца следовало, только если проступок оказывался абсолютно доказанным или обвиняемый признавал свою вину. При этом за кражу следовало понижение оклада и иногда чина, за аналогичный проступок, совершенный повторно или отягощенный чем-либо еще, например совершенный в пьяном виде, гвардеец получал телесное наказание (шпицрутены) и отчислялся из полка. Но в этом случае его неизменно переводили в привилегированные Ингерманландский или Астраханский полки²⁹⁰, что в принципе не лишало провинившегося возможности возвращения в гвардию. Главным, однако, было то, что дела рассматривались в индивидуальном порядке: порой единственным

звзысканием обвиненного в краже становился штраф, иной раз гвардеец и вовсе оставался без какого-либо наказания²⁹¹.

В подобных случаях зачинщиками конфликтов были нижние чины Преображенского и Семеновского полков. Офицеры-гвардейцы, которые быстро обзавелись собственным жильем, как правило, не были замешаны в конфликтах в связи с постоем.

Однако самые серьезные конфликты возникали между гвардейцами и высшими чиновниками петровской администрации, особенно при столкновении профессиональных или статусных интересов. Иными словами, основой большинства разногласий здесь было привлечение гвардии к управлению империей. По сути, конфликты были такими же, как и при столкновениях гвардейцев с высшими армейскими командирами. Так, например, капитан-поручик Преображенского полка Г.П. Коншин, вернувшись из посылки, донес на воеводу «коширского», так как, по его мнению, последний вел себя неподобающе петровским нормам²⁹². Известна также громкая ссора барона П.П. Шафирова с обер-прокурором и гвардейцем Г.Г. Скорняковым-Писаревым 9 января 1723 г., во время которой преображенец назвал П.П. Шафирова вором. По делу был учинен розыск²⁹³, Г.Г. Скорняков-Писарев был разжалован в солдаты, а П.П. Шафиров приговорен к смертной казни, но впоследствии помилован. Г.Г. Скорняков-Писарев был прощен через полтора года (7 мая 1724 г.). Его восстановили в чине полковника, он также получил половину отнятых по суду земель, еще через год гвардеец вернул себе вторую половину имущества²⁹⁴. Интересно, что после этого инцидента, а возможно, благодаря столь быстрому возвращению своего прежнего статуса, Г.Г. Скорняков-Писарев никогда больше не переставал конфликтовать, попеременно то попадая в опалу, то выбираясь из нее²⁹⁵.

Открытые личные ссоры, перерастающие в скандал на глазах едва ли не у всего Петербурга, были все же редки, отсюда, возможно, и столь жестокий приговор, вынесенный П.П. Шафирову и Г.Г. Скорнякову-Писареву. Чаше конфликты гвардейцев и представителей местного и столичного дворянства были скрытыми, но от того не менее показательными.

Поручение майорским розыскным канцеляриям дел о злоупотреблениях князя А.Д. Меншикова и графа Ф.М. Апраксина вряд ли улучшило отношения последних с чинами Преображенского и Семеновского полков, особенно учитывая, что Меншиков сам являлся гвардейцем. Точно так же не усиливало симпатию к гвардии объявление через такие канцелярии ука-

зов «О взыскании за неправильное решение дел и объявление штрафных денег с сенаторов: князя Долгорукова, графа Мусина-Пушкина, Самарина, Стрешнева и графа Апраксина»²⁹⁶.

Судя по источникам, обиды на гвардейцев в это время были часты. Однако официальных жалоб на оскорбления с их стороны мало, и все они касаются действий нижних чинов гвардии. При этом большинство противоправных действий сводятся к оскорблению женщин²⁹⁷, многочисленным дракам²⁹⁸ и не менее многочисленным неуплатам заемных денег²⁹⁹.

Решать же конфликты с высшими чинами гвардии оказывалось чрезвычайно сложно. Показателен в этой связи конфликт Я.В. Брюса и известного преображенца В.Д. Корчмина, вспыхнувший в мае 1707 г. по вопросу о разграничении полномочий. Столкновение, судя по всему, спровоцировал гвардеец. Доказывая свои права, он, по словам Я.В. Брюса, ссылаясь на указ Петра I, который, однако, отказался предъявить. Возмущенный Я.В. Брюс, проявив недюжинную настойчивость, обратился к главе Преображенского приказа Ф.Ю. Ромодановскому³⁰⁰, а затем и к А.Д. Меншикову с просьбой разрешить создавшийся конфликт. Примечательно, что это обращение заканчивалось следующими словами: «Того ради прошу всеуниженно ваше сиятельство, дабы изволили уведомить о том и ко мне пожаловали б отписали, есть ли у него (В.Д. Корчмина. – Е. Б.) какой указ от Царского Величества до артиллерии надлежащей, чтобы мне *неведанием не пострадать*»³⁰¹. Таким образом, Брюс оставлял себе возможность маневра. Ведь при наличии у преображенца монаршего указа (или даже словесного указания) конфликт, безусловно, оказывался исчерпанным, а Я.В. Брюс, напротив, мог попасть в весьма сложное положение.

К слову сказать, попытки прояснить ситуацию с полномочиями гвардейцев, сходные с действиями Я.В. Брюса или Б.П. Шереметева, предпринимались довольно редко. И это при том, что число конфликтов такого рода, вероятно, было огромным, учитывая число поручений, возложенных на гвардию, и неразбериху, царившую в военном и административном управлении страны в 1700-е годы. Иметь дела с гвардейцем оказывалось «себе дороже», ведь у него всегда мог найтись такой «царский указ».

По сравнению с аналогичными явлениями, происходившими в конце XVII в., количество дел в первой четверти следующего столетия, в которых преображенцы и семеновцы выступали пострадавшей стороной, не столь значительно. Гвардейцы, как и

многие другие подданные Петра I, терпели убытки и «разорение» из-за поджогов, ограблений и разбойных нападений на их имения³⁰². Однако источники практически не сообщают о случаях, когда жизнь петровских любимцев, не находившихся в тот момент в зоне военных действий, хотя бы в малейшей степени подвергалась опасности. Единственным исключением может быть дело солдат Преображенского полка И. Позднякова, С. Коверзина и О. Долгова, которые были «порублены» при нападении на них некоего Шульца. Последний заявил, что принял их за грабителей³⁰³.

Противоречия, возникавшие между чинами Преображенского и Семеновского полков и окружавшими их людьми, в этот период не выливались в какие-либо акции против гвардейцев. Напротив, источники начала XVIII в. переполнены заявлениями о необходимости идти на уступки и не вступать в ссоры с гвардейцами ни при каких условиях. Тот же Ф.-В. Берхгольд, к примеру, упоминает «недешево обошедшиеся» Голштинскому герцогу колядки гобоистов Преображенского полка по случаю Нового года, а также последующие визиты многочисленных гвардейских музыкантов, которые «...пользуются всяким случаем, где только можно получить на водку»³⁰⁴. Однако, несмотря на недовольство, герцог был вынужден принять и наградить всех. Страхи такого рода были вызваны часто неоправданными опасениями вмешательства в конфликт самого царя³⁰⁵.

Фактически на протяжении петровского царствования обществом был выработан комплекс устойчивых представлений о гвардии. В глазах современников преобразенцы и семеновцы были единым целым, группой, сплоченной единой системой ценностей, базирующейся на преданности Петру I и приверженности его политике реформ, обладающей четкими полномочиями, правами и привилегиями. Таким образом, Преображенский и Семеновский полки воспринимались как корпоративная структура.

Вместе с тем на протяжении царствования Петра Великого некоторые представления о гвардии претерпели существенные изменения. В конце XVII в. близость преобразенцев и семеновцев к молодому царю стала основой многочисленных конфликтов. Однако в первой четверти XVIII в. то же самое качество, сопряженное, с надением гвардии огромными полномочиями и привилегиями сдерживало агрессию, возникавшую в их отношении в начале правления Петра I.

Более того, в рассматриваемый период внешний образ Преображенского и Семеновского полков был успешно создан.

Это подтверждается и тем, что уже в начале 1700-х годов можно отметить стремление копировать его.

В первой четверти XVIII в. можно указать на целый ряд примеров создания личной гвардии. Такое право получил А.Д. Меншиков. В награду за военные заслуги ему была предоставлена возможность организовать в 1703 г. уже упоминавшийся Ингерманландский полк. Одним из неперемных условий записи была хорошая внешность, сюда набирали только из «самых взранных солдат»³⁰⁶. Это был не единственный случай копирования образа лейб-гвардии. Жених Анны Петровны герцог Голштинский Карл-Фридрих, заскучав в Москве, также занялся организацией своей гвардии³⁰⁷.

В середине 1720-х годов эта тенденция вышла на новый, более высокий уровень. Именно в этом ключе следует рассматривать организацию 30 мая 1724 г. роты Кавалергардов. Новая структура была создана специально для коронационной церемонии Екатерины I. Критерием отбора личного состава Кавалергардов был внешний вид – высокий рост и стройность. Отбор производился из различных частей русской армии, прежде всего из Преображенского и Семеновского полков³⁰⁸. Последний факт не случаен. Во время церемонии Кавалергарды выполняли функции, традиционно возлагаемые на лейб-гвардейские части: они сопровождали Екатерину и фактически являли собой символ государственной власти. По окончании коронационных торжеств рота была распущена. Однако ее организовали вновь в 1725 г. для похорон императора Петра Великого.

В целом образ гвардии, сформировавшийся в период царствования Петра I, строился на причастности преображенцев и семеновцев ко всем уровням власти. Последнее часто имело агрессивную окраску и вызывало скорее страх, нежели какие-либо другие эмоции. Отчасти это было связано со сложным отношением общества к проводимым реформам, но в большей степени вызвано пониманием близости гвардии к государю и потому осознанием присущей такой структуре вседозволенности и неподконтрольности на местном или личном уровне.

С другой стороны, стремление изменить свое социальное и материальное положение в лучшую сторону делало эти же стороны существования гвардии привлекательными. Служба в одном из привилегированных полков, более высокое жалованье, многочисленные, невиданные в армии поощрения, доступ к государю и членам императорской фамилии делали службу в гвардии хоро-

шим трамплином для построения карьеры в любой области, будь то военная, гражданская или придворная сферы.

Отношение представителей армии и столичного дворянства к гвардии было схожим. И те и другие осознавали близость гвардии к власти. И те и другие понимали, с одной стороны, привлекательность, а с другой стороны, опасность установления контактов с такой структурой. Однако вне зависимости от того, воспринимались ли все вышеперечисленные качества как положительные или как отрицательные, они всегда приписывались гвардии в целом, а не конкретным ее представителям. Таким образом, есть все основания предполагать, что русское общество конца XVII – первой четверти XVIII в. оценивало Преображенский и Семеновский полки как единую группу – корпорацию.

Примечания

¹ *Пушкарев И.И.* История императорской российской гвардии. СПб., 1844. Ч. 1. С. 7.

² *Куракин Б.И.* Жизнь князя Б.И. Куракина, им самим описанная, 1676 – июля 20, 1709 гг. // Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 261.

³ *Фоккеродт И.-Г.* Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 31.

⁴ Письмо Петра I А.Д. Меншикову от 4 мая 1707 г. // РНБ. Рукописный фонд. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1443. Л. 2об.; О заготовлении подвод по тракту от Царицына до Москвы по случаю возвращения Государя из похода, 4 ноября 1722 г. // Сборник РИО. СПб., 1873. Т. 11. С. 499.

⁵ Походный журнал Петра I 1706 г. // Походный журнал Петра I, 1695–1725. СПб., 1853–1855. С. 5; Походный журнал Петра I 1714 г. С. 151.

⁶ Походный журнал Петра I 1705 г. С. 6.

⁷ Письмо Петра I М.Б. фон Кирхену от 4 мая 1710 г. // Письма и бумаги императора Петра Великого: В 13 т. СПб.: Л., М., 1887–1918–1992. Т. 10. С. 121.

⁸ Походный журнал Петра I 1700 г. С. 3, 8.

⁹ Походный журнал Петра I 1702 г. С. 2.

¹⁰ Походный журнал Петра I 1703 г. С. 1; Походный журнал Петра I 1708 г. С. 33–34.

- ¹¹ Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 г.: Пер. с нем. И. Аммон. Ч. 2 // Юность державы. М., 2000. С. 227.
- ¹² Походный журнал Петра I 1705 г. С. 8; Походный журнал Петра I 1708 г. С. 23; Походный журнал Петра I 1710 г. С. 14, 15; Походный журнал Петра I 1712 г. С. 21; Походный журнал Петра I 1716 г. С. 16, 26, 71, 94, 103; Походный журнал Петра I 1714 г. С. 1–2, 6, 8, 16, 97–99, 108, 116, 120, 129–130, 133, 138, 140; Походный журнал Петра I 1715 г. С. 23, 46, 49, 55, 75; Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711 гг.): Пер. Ю.Н. Щербачева. М., 1900. С. 221–222, 234.
- ¹³ Письма и бумаги. Т. 5. С. 90, 450; Т. 7. Вып. 1. С. 82; Т. 10. С. 70; Т. 12. Вып. 1. С. 16, 110; Т. 13. Вып. 1. С. 128.
- ¹⁴ Письма и бумаги. Т. 6. С. 325; Т. 12. Вып. 1. С. 155, 157; Вып. 2. С. 11–12.
- ¹⁵ Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 7 мая 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 5. С. 644; Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 12 августа 1707 г. // Там же. Т. 6. С. 247–248.
- ¹⁶ Смирнов Ю.Н. Русская гвардия в первой половине XVIII века (социальный состав, принципы комплектования и участие в системе государственного управления). М., 1981. С. 214–217.
- ¹⁷ Утворт Ч. Россия в начале XVIII в. М.; Л., 1988. С. 74.
- ¹⁸ Походный журнал Петра I 1706 г. С. 5; Походный журнал Петра I 1714 г. С. 151.
- ¹⁹ Присылаемые ордера и письма за 1718 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 150.
- ²⁰ Лавров А.С. Колдовство и религия в России (1700–1740 гг.). М., 2000. С. 273.
- ²¹ Походный журнал Петра I 1703 г. С. 15.
- ²² Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). СПб., 1998. С. 136.
- ²³ О выдаче провиянта салдатом., находящимся в Санкт-Петербурге при доме царского величества для караула и других дел, 30 декабря 1715 г. // Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1880–1897. Т. 5. Ч. 2. С. 1273.
- ²⁴ Походный журнал Петра I 1714 г. С. 111, 115, 117, 123, 133, 149; Походный журнал Петра I 1715 г. С. 72; Походный журнал Петра I 1716 г. С. 60, 71–73, 77, 82, 105.
- ²⁵ Походный журнал Петра I 1714 г. С. 8, 98, 99, 108, 116, 120, 130, 133, 138, 140; Походный журнал Петра I 1715 г. С. 23, 55, 75; Походный журнал Петра I 1716 г. С. 16, 71, 103.

- ²⁶ Походный журнал Петра I 1714 г. С. 1, 2, 6.
- ²⁷ Походный журнал Петра I 1714 г. С. 111, 115, 117, 123, 133, 149; Походный журнал Петра I 1715 г. С. 72; Походный журнал Петра I 1716 г. С. 60, 71, 73, 77, 82, 105.
- ²⁸ Походный журнал Петра I 1716 г. С. 69.
- ²⁹ Походный журнал Петра I 1714 г. С. 114, 139, 155; Походный журнал Петра I 1716 г. С. 61, 103.
- ³⁰ Письмо Петра I А.В. Кикину от 5 мая 1713 г. // Архив РАН СПб. Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 22; Письмо Петра I А.Д. Меншикову от 2 января 1708 г. // РНБ. Рукописный фонд. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1443. Л. 25.
- ³¹ Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 4 июня 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 5. С. 705.
- ³² Письмо Петра I М.Б. фон Кирхену от 14 июня 1707 г. // Там же. Т. 5. С. 309.
- ³³ См., например: Походный журнал Петра I 1716 г. С. 59, 69; Письма и бумаги. Т. 5. С. 309; Доклады и приговоры. Т. 3. Кн. 1. С. 106.
- ³⁴ Дело о содержании под караулом до приезда для розыска майора князя Волконского вологодских подьячих обвиненных устюжским фискалом И. Оконишниковым в злоупотреблениях. 1713 г. // РГАДА. Ф. 248. Кн. 22. Д. 50.
- ³⁵ О даче лейб-гвардии капитана Андреева жены Ушакова до Санкт-Петербурга ямских 12 подвод, 28 февраля 1713 г. // Доклады и приговоры. Т. 3. Ч. 1. С. 106.
- ³⁶ Письмо Петра I А.Д. Меншикову от 27 мая 1708 г. // РНБ. Рукописный фонд. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1443. Л. 45об.; Письмо Петра I А.Д. Меншикову от 14 апреля 1708 г. // Там же. Л. 38.
- ³⁷ РНБ. Рукописный фонд. Ф. 1000. Собрание отдельных поступлений. Оп. 2. Д. 1443 л. 45об.
- ³⁸ Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 1. С. 163; Т. 11. Вып. 1. С. 277; Т. 12. Вып. 2. С. 293, 343; Походный журнал Петра I 1712 г. С. 42, 45; Юль Ю. Указ. соч. С. 182.
- ³⁹ Письмо Петра I В.Л. Долгорукому от 13 февраля 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 5. С. 75.
- ⁴⁰ Письмо Петра I А.Д. Меншикову от 1 марта 1709 г. // Там же. Т. 9. Вып. 1. С. 107.
- ⁴¹ Письмо Б.П. Шереметева Петру I от 19 июля 1707 г. // Там же. Т. 6. С. 235.
- ⁴² Письмо Петра I царевне Наталье Алексеевне от 5 февраля 1709 г. // Там же. Т. 9. Вып. 1. С. 78.
- ⁴³ Письма Б.П. Шереметева Петру I от 6 марта 1709 г. // Там же. Т. 9. Вып. 2. С. 770.

- ⁴⁴ Письмо Петра I Б.П.Шереметеву от 13 марта 1709 г. // Там же. Т. 9. Вып. 1. С. 123.
- ⁴⁵ Письмо Б.П. Шереметева Петру I от 23 мая 1708 г. // Там же. Т. 7. Вып. 2. С. 806.
- ⁴⁶ РНБ. Рукописный фонд. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1443. Л. 51–51об.; Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 2. С. 533–536.
- ⁴⁷ Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 2. С. 535–536; Письмо Г.И. Головкина царевичу Алексею, 6 августа 1709 г. // Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1861–1862. Т. 2. С. 13.
- ⁴⁸ Походный журнал Петра I 1704 г. С. 72.
- ⁴⁹ Письмо Петра I Б.П. Шереметеву от 13 февраля 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 5. С. 76.
- ⁵⁰ Письмо Б.П. Шереметева Петру I от 18 февраля 1707 г. // Там же. Т. 5. С. 453–454.
- ⁵¹ Юль Ю. Указ. соч. С. 196.
- ⁵² Письма Петра I М.М. Голицыну от 8 мая 1710 г. // Письма и бумаги. Т. 10. С. 124.
- ⁵³ Подробнее об участии гвардии в войнах первой четверти XVIII в. см.: *Пушкарев И.И.* Указ. соч. Ч. 1. С. 78–108.
- ⁵⁴ Там же. С. 103.
- ⁵⁵ Там же. С. 86.
- ⁵⁶ Письмо Петра I В.В. Долгорукому от 23 июля 1708 г. // Архив РАН СПб. Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 44об.–45; Письмо А.Д. Меншикова Петру I от 22 июля 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 2. С. 464. Об участии гвардии в подавлении восстания К. Булавина см. также: *Подъяпольская Е.П.* Восстание Булавина (1707–1709 гг.). М., 1962. С. 119–196.
- ⁵⁷ РНБ. Рукописный фонд. Ф. 1000. Собрание отдельных поступлений. Оп. 2. Д. 1443. Л. 46об.
- ⁵⁸ Письмо А.Д. Меншикова Петру I от 22 июля 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 2 С. 464.
- ⁵⁹ Письмо Петра I В.В. Долгорукому от 25 июля 1710 г. // Там же. Т. 10. С. 253.
- ⁶⁰ Письмо Петра I В.В. Долгорукому. После 29 сентября 1710 г. // Там же. С. 757.
- ⁶¹ Инструкция А.Д. Меншикову, 19 декабря 1712 // Там же. Т. 12. Вып. 2. С. 268.
- ⁶² *Пушкарев И.И.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1852. Ч. 1. С. 106–108.
- ⁶³ Ведомость о числе чинов Семеновского полка, назначенных в поход 1721 года и об оставшихся по разным назначениям // Карцов П.П. Указ. соч. Прил. к Т. 1. С. 35.

⁶⁴ Письмо Петра I М.М. Голицыну от 17 марта 1710 г. // Письма и бумаги. Т. 10. С. 70.

⁶⁵ Письмо Петра I А.Д. Меншикову от 2 октября 1707 г. // РНБ. Рукописный фонд. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1443. Л. 10об.-11.

⁶⁶ Письмо Б.П. Шереметева Петру I от 23 мая 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 2. С. 806.

⁶⁷ Письмо В.В. Долгорукого Петру I от 30 января 1712 г. // Там же. Т. 12. Вып. 1. С. 276.

⁶⁸ *Пушкарев И.И.* Указ. соч. Ч. 1. С. 103.

⁶⁹ *Прокопович Феофан.* История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне, включительно. СПб., 1773. С. 15.

⁷⁰ *Перри Д.* Другое и более подробное повествование о России // Чтения Императорского общества истории и древностей российских. № 2. М., 1871. С. 95; *Гордон П.* Дневник генерала П. Гордона. Отрывки // Бобровский П.О. История лейб-гренадерского Эриванского Е.И.В. полка. Прил. к Т. 1. СПб., 1892. С. 26; *Прокопович Феофан.* Указ. соч. С. 15.

⁷¹ *Перри Д.* Указ. соч. С. 95.

⁷² *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. Л., 1940. С. 116, 120; *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 556.

⁷³ *Бакланова Н.А.* Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (его жизнь и быт по придворно-расходным книгам посольства // Петр Великий: Сб. ст. М.; Л., 1947. С. 21.

⁷⁴ Объявление с российской стороны о баталии со шведами при Нарве 1700 г. // Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Прил. к Т. 2. СПб., 1900. С. 20; См. также: *Потоцкий П.* Гвардия русского царя под Нарвою в 1700 и 1704 году. СПб., 1890. С. 18–19.

⁷⁵ Резолюция на приговоре кригсрехта по делу о бежавших солдатах, 19 октября 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 1. С. 226.

⁷⁶ Там же. С. 217–224.

⁷⁷ О дополнении воинского устава статьей о наказании рекрут за побег из полков, 23 ноября 1717 г. // Сборник РИО. Т. 11. С. 356.

⁷⁸ Письма и бумаги. Т. 6. С. 423; Походный журнал Петра I 1714 г. С. 17.

⁷⁹ Ордер о присылке ведомостей о колодниках, 4 октября 1722 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

⁸⁰ Ордер о присылке ведомостей о колодниках, 8 октября 1722 г. // Там же. Л. 8об.

⁸¹ Скаска гренадерской роты Семеновского полку беглого извощика В. Опрядина, 1720 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.

⁸² О всемилостивейшем прощении Скорнякова-Писарева с пожалованием ему чина полковника и с возвращением половины отписанных у него деревень, 7 мая 1724 г. // Сборник РИО. Т. 11. С. 548.

⁸³ Подробнее об этом см.: *Серов Д.О.* Из истории военной юстиции петровского времени: процесс Н.Т. Ржевского // *Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762 гг.)*. Вып. 2. СПб., 2002. С. 41–43.

⁸⁴ Резолюция на приговоре кригсрата по делу о бежавших солдатах, 19 октября 1708 г. // *Письма и бумаги*. Т. 8. Вып. 1. С. 226.

⁸⁵ Там же. С. 221–224; РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 15. Л. 55об.; РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 386.

⁸⁶ Письмо М.А. Матюшкина Лихареву от 11 марта 1722 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 47. Л. 45об.–46; Д. 46. Л. 1–1об.

⁸⁷ Выписка л.-г. Преображенского полку о беглых солдатах и других чинов, 1715 г. // Там же. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 18. Л. 73–75.

⁸⁸ Челобитные разных чинов об отпусках, июнь – сентябрь, 1721 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 74. Л. 4–5об., 8, 12–12об., 14–14об., 17–17об., 23–23об., 29–29об., 32–32об., 36–39об., 43–43об.

⁸⁹ Там же. Л. 7–7об., 11–11об., 13–13об., 18–18об., 20–20об., 22–22об., 24–26, 30–31, 34–35об., 44–44об.

⁹⁰ *Нащокин В.А.* Записки. СПб., 1842. С. 8.

⁹¹ О бытии у розыскных дел гвардии штаб- и обер-офицерам, о присылке к ним по требованиям их для розыска разных чинов людей и дел и о даче без задержания на подводы прогонных денег, 23 декабря 1717 г. // ПСЗ. Т. 5. № 3138.

⁹² *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1962–1963. Кн. 8. С. 511.

⁹³ *Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.* М., 1951. С. 378.

⁹⁴ Манифест о лишении царевича Алексея престола, 3 февраля 1718 г. // *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 438–444; Письмо А.И. Румянцева И.Д. Титову от 27 июля 1718 г. // Там же. С. 619–628.

⁹⁵ Записка пытаным по делу царевича Алексея с собственноручными отметками Петра Великого об арестантах, содержащихся в Петербургской крепости по тому же делу, 1718 // РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 38. Л. 8об., 10.

⁹⁶ Резолюция от его царского величества, данная на поданные пункты ясновельможного воеводы Белского, гетмана великого коронного // *Письма и бумаги*. Т. 5. С. 696.

⁹⁷ РНБ. Рукописный фонд. Ф. 595. Д. 100. Л. 1–1об.

⁹⁸ Грунд Г. Доклад о России в 1705–1710 гг.: Пер. Ю.Н. Беспятовых. М.; СПб., 1992. С. 130.

⁹⁹ Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 2. С. 738; Брюс П.Г. Мемуары // Петербург Петра Великого в иностранных описаниях. Л., 1991 / Под ред. Ю.Н. Беспятовых. С. 66.

¹⁰⁰ Вебер Х.Ф. Записки Вебера: Пер. П.П. Барсова // Русский архив. 1872. Вып. 7. С. 1428.

¹⁰¹ Пушкирев И.И. Указ. соч. Ч. 1. С. 115.

¹⁰² Письмо кн. Ф.Ю. Ромодановского Петру I от 4 августа 1696 г. // Письма и бумаги. Т. 1. С. 596–597.

¹⁰³ Куракин Б.И. Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1892. Кн. 1. С. 58.

¹⁰⁴ Там же. С. 57.

¹⁰⁵ Доклады и приговоры. Т. 5. Кн. 1. С. 289, 354; РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 653.

¹⁰⁶ Дело о присланном в Преображенский приказ из Архангелогородской губернии ссыльном в Пусто-озеро капрале л.-г. Преображенского полка Степане Морозе, 1721 г. // РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1501. Л. 1–5.

¹⁰⁷ Дело по извету солдата Преображенского полка Саввы Лоташева на крестьянина с. Свищова Шацкого уезда Мартына Касимовца, 1700 // Там же. Оп. 4. Д. 780.

¹⁰⁸ Дело, начавшееся по доносу Преображенского полка сержанта Александра Деджавского на каптенармуса Владимира Бояркинского говорившего про государя, 27 мая 1705 г. // Там же. Оп. 1. Ч. 1. Д. 377.

¹⁰⁹ Дело по извету солдата Семеновского полка Парфена Полякова на князя Василья Юрьевича Солнцева-Засекина, 1701–1705 гг. // Там же. Оп. 4. Д. 1034; Дело по извету Преображенского полка драгуна Василья Макашева на посадского человека Федора Кошкина, 1701 г. // Там же. Оп. 4. Д. 1048.

¹¹⁰ Письма и бумаги. Т. 5. С. 750; Т. 6. С. 273; Т. 7. Вып. 1. С. 322, 365; Т. 8. Вып. 2. С. 1022–1023.

¹¹¹ См., например: Письма и бумаги. Т. 1. С. 534–536, 637, 807; Т. 3. С. 773; РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 22. Д. 30, 50; РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 150.

¹¹² См., например: Письма и бумаги. Т. 1. С. 807, 811, 753; Т. 5. С. 76, 309, 705.

¹¹³ См., например: Письмо А. Протасова и других, служивших в Преображенском полку, июнь 1694 г. // Письма и бумаги. Т. 1. С. 496–497; Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 9 мая 1707 г. // Там же. Т. 5. С. 644; Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 31 мая 1708 г. // Там же. Т. 7. Вып. 2. С. 742.

- ¹¹⁴ *Бакланова Н.А.* Указ. соч. С. 51.
- ¹¹⁵ Письма и бумаги. Т. 11. Вып. 1. Примеч. С. 366–367.
- ¹¹⁶ *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725: Пер. с нем. И. Аммон. Ч. 1 // Неистовый реформатор. М., 2000. Ч. 1. С. 126.
- ¹¹⁷ *Берхгольц Ф.В.* Там же. Ч. 1. С. 211.
- ¹¹⁸ Жалованная грамота Александру Даниловичу Меншикову на княжеское достоинство, 1 июня 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 5. С. 288–289.
- ¹¹⁹ *Квадри В.В.* Столетие военного министерства (1802–1902 гг.). Императорская главная квартира. История государевой свиты. СПб., 1902. С. 42.
- ¹²⁰ Журнал приказов, отдаваемых по Преображенскому полку, 1724 г. (3 августа) // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 104. Л. 43.
- ¹²¹ Определенные в Преображенский полк в солдаты, в бомбардиры, в бомбардирские и лекарские ученики, 1721–1724 гг. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 49. Л. 10, 13–13об.
- ¹²² Журнал приказов, отданных по Преображенскому полку, и входящих и исходящих бумаг полковой канцелярии, 1725 г. (4 января) // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 104. Л. 2.
- ¹²³ Письма разных лиц командиру Преображенского полка, 1705–1720 гг. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 7. Л. 15об.
- ¹²⁴ Определенные в Преображенский полк в солдаты, в бомбардиры, в бомбардирские и лекарские ученики, 1721–1724 гг. Л. 1–13об.
- ¹²⁵ Письмо Ф. Бартенева Петру I от 29 февраля 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 366.
- ¹²⁶ Там же. Вып. 2. С. 801; Т. 8. Вып. 2. С. 686–687; Т. 12. Вып. 1. С. 276; РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.
- ¹²⁷ Письмо Петра I к царевичу Алексею Петровичу от 27 ноября 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 1. С. 323.
- ¹²⁸ Письмо В.В. Долгорукого Петру I от 30 января 1712 г. // Там же. Т. 12. Вып. 1. С. 276.
- ¹²⁹ Походный журнал Петра I 1714 г. СПб., 1854. С. 88; Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 1. С. 233.
- ¹³⁰ Походный журнал Петра I 1714 г. С. 88.
- ¹³¹ *Брюс П.Г.* Указ. соч. С. 172–173.
- ¹³² Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 2. Примеч. С. 738.
- ¹³³ *Брюс П.Г.* Указ. соч. С. 173.
- ¹³⁴ Там же. С. 172–173.
- ¹³⁵ *Александров В.А.* Гвардейцы – доверенные люди Петра I // Труды науч. студ. об-ва МГУ. М., 1947. Вып. 1. С. 11.

¹³⁶ Записка пытаным по делу царевича Алексея с собственноручными отметками Петра Великого об арестантах, содержавшихся в Петербургской крепости по тому же делу, 1718 г. Л. 6.

¹³⁷ Цит. по: *Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 146.

¹³⁸ Письмо царевича Алексея дьяку Ратманову от 4 мая 1717 г. // Сборник РИО. Т. 11. С. 59–60.

¹³⁹ Записка пытаным по делу царевича Алексея с собственноручными отметками Петра Великого об арестантах, содержавшихся в Петербургской крепости по тому же делу, 1718 г. Л. 7.

¹⁴⁰ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. С. 376.

¹⁴¹ *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1994. С. 432–433.

¹⁴² См.: Письмо Петра I Я.В. Брюсу от 10 февраля 1711 и примечания к этому документу // Письма и бумаги. Т. 11. Вып. 1. С. 366–367.

¹⁴³ Ведомости времен Петра Великого. М., 1903–1906. Т. 2. С. 125.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же. С. 124–126.

¹⁴⁶ *Юль Ю.* Указ. соч. С. 256.

¹⁴⁷ *Артамонов В.А., Соболева Н.А.* Символы России. М., 1993. С. 149.

¹⁴⁸ *Пушкарев И.И.* Указ. соч. С. 49.

¹⁴⁹ *Вилинбахов Г.В.* Знамена российской императорской гвардии в собрании Эрмитажа // «За веру и верность». 300 лет российской императорской гвардии: тезисы науч. конф. СПб., 2000. С. 33.

¹⁵⁰ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 287.

¹⁵¹ Доклады и приговоры. Т. 1. С. 452; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Вып. 6. С. 1123; РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 38. Л. 15; *Куракин Б.И.* Жизнь князя Б.И. Куракина. С. 282.

¹⁵² Походный журнал Петра I 1705 г. С. 6.

¹⁵³ Петербург в эпоху Петра I. С. 268.

¹⁵⁴ *Нащокин В.А.* Указ. соч. С. 15.

¹⁵⁵ Письма и бумаги. Т. 9. Ч. 1. Примеч. С. 385–387.

¹⁵⁶ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 232.

¹⁵⁷ Походный журнал Петра I 1704 г. С. 49–50.

¹⁵⁸ Там же. С. 51–52.

¹⁵⁹ *Куракин Б.И.* Указ. соч. С. 282.

¹⁶⁰ *Меншиков А.Д.* Повседневные записки делам кн. Меншикова (1716–1720, 1726–1727 гг.) // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2000. Вып. 10. С. 388.

¹⁶¹ Доклады и приговоры. Т. 1. С. 360; Т. 2. Кн. 1. С. 8; Т. 5. Кн. 1. С. 229; Т. 5. Кн. 2. С. 879.

- ¹⁶² Там же. Т. 1. С. 77.
- ¹⁶³ Письмо А.И. Репнина В.В. Долгорукому от 24 ноября 1721 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 2. Л. 42.
- ¹⁶⁴ О даче хлебного жалованья Ингерманландского полка солдатским женам, 19 марта 1712 г. // Доклады и приговоры. Т. 2. Кн. 1. С. 174–176.
- ¹⁶⁵ Петербург в эпоху Петра I. С. 318.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 174–176.
- ¹⁶⁷ См., например: О даче хлебного жалованья Ингерманландского полка солдатским женам, 1705 г. // Доклады и приговоры. Т. 1. С. 175.
- ¹⁶⁸ См., например: О расписании и отпуске сумм на содержание полков, расположенных по губерниям, 29 января 1712 г. // Доклады и приговоры. Т. 2. Кн. 1. С. 63–66.
- ¹⁶⁹ *Грунд Г.* Указ. соч. С. 98.
- ¹⁷⁰ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 187, 220, 274; Д. 93. Л. 37; Походный журнал Петра I 1703 г. С. 3, 15; Походный журнал Петра I 1713 г. С. 29; Походный журнал Петра I 1714 г. С. 25, 28; Походный журнал Петра I 1716 г. С. 26; *Юль Ю.* Указ. соч. С. 196; Архив РАН СПб. Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 11; Письма и бумаги. Т. 12. Вып. 1. С. 275.
- ¹⁷¹ Присылаемые ордера и письма за 1718 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 187.
- ¹⁷² РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 3, 4. Л. 298–298об.; *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 150; Письма и бумаги. Т. 12. Вып. 2. С. 351.
- ¹⁷³ Присылаемые ордера и письма за 1718 г. Л. 298–298об.
- ¹⁷⁴ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 37. Л. 33; Д. 43. Л. 175.
- ¹⁷⁵ См., например: Список солдат и офицеров полка за 1719 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 37. Л. 33.
- ¹⁷⁶ См., например: Письмо А.И. Репнина А.Д. Меншикову от 29 октября 1712 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 2. Л. 32. Письмо кн. В.В. Долгорукого кн. Г.Д. Юсупову-Княжево, 6 февраля 1718 г. // Там же. Д. 43. Л. 76.
- ¹⁷⁷ *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Вып. 6. С. 1123.
- ¹⁷⁸ Письмо Петра I М.М. Голицыну от 15 января 1712 г. // Письма и бумаги. Т. 12. Вып. 1. С. 16.
- ¹⁷⁹ О распределении на зимние квартиры драгунских полков около Риги, 31 декабря 1715 г. // Доклады и приговоры. Т. 5. Кн. 2. С. 1279–1280.
- ¹⁸⁰ Письмо А.И. Репнина В.В. Долгорукому от 24 ноября 1724 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 2. Л. 39–39об.
- ¹⁸¹ Письмо кн. А.И. Репнина Петру I от 4 февраля 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 372.
- ¹⁸² Петербург в эпоху Петра I. С. 124.

¹⁸³ Там же. С. 131.

¹⁸⁴ Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 31 января 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 320.

¹⁸⁵ Письмо Я.В. Брюса Б.П. Шереметеву от 13 октября 1707 г. // Архив генерала-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 3. СПб.; Щелково, 2006. С. 147.

¹⁸⁶ Кригсрехты учиненные л.-г. Преображенского полку разных чинов людям, 1719–1720 // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 54.

¹⁸⁷ Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 16 апреля 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 499–500.

¹⁸⁸ Письма А.И. Репнина Петру I от 4 февраля 1708 г. // Там же. Т. 7. Вып. 1. С. 372.

¹⁸⁹ Письмо Петра I А.И. Репнину от 4 июня 1711 г. // Там же. Т. 11. Вып. 1. С. 277.

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 350.

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 17. Л. 95, 99, 126, 187.

¹⁹² Письмо фельдмаршала Б.П. Шереметева Петру I от 12 марта 1706 г. // Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII в.: сб. док. М., 2004. С. 97.

¹⁹³ Письмо фельдмаршала Б.П. Шереметева к судье Посольского приказа Ф.А. Головину из Астрахани от 5 мая 1706 г. // Там же. С. 117.

¹⁹⁴ Письмо фельдмаршала Б.П. Шереметева к судье Посольского приказа Ф.А. Головину о взятии Астрахани от 13 марта 1706 г. // Там же. С. 101.

¹⁹⁵ Письмо фельдмаршала Б.П. Шереметева к судье Посольского приказа Ф.А. Головину из Астрахани от 5 мая 1706 г. // Там же. С. 117.

¹⁹⁶ Там же. С. 117.

¹⁹⁷ Письмо сержанта М. Щепотева Петру I о взятии Астрахани и действиях фельдмаршала Б.П. Шереметева от апреля 1706 г. // Там же. С. 111–112.

¹⁹⁸ Подробнее об этом см.: Кротов П.А. Осударева дорога в 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 178–220; Данков М.Ю. О некоторых аспектах строительства «Осударевой дороги» 1702 г. // Изучение памятников морской археологии. СПб., 1998. Вып. 3. С. 203–205; *Он же*. Карт-бланш царя на Карельский поход // Петровское время в лицах – 2005. СПб., 2005. С. 112–121.

¹⁹⁹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 4. Ч. 2. Прил. С. 305.

²⁰⁰ Походный журнал Петра I 1706 г. С. 10–11; Подробнее о биографии М.И. Щепотева см.: Данков М.Ю. «Неистовый» гвардеец царя Петра // Петровское время в лицах – 2004. СПб., 2004. С. 123.

- ²⁰¹ *Артамонов В.А.* Трагедия царской семьи // Семевский М.И. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс (1692–1724 гг.). М., 1994. С. 26.
- ²⁰² *Голиков И.Д.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788. Т. 14. С. 276.
- ²⁰³ *Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. С. 83.
- ²⁰⁴ Письмо Петра I к барону Г.Г. Розену от 10 января 1706 г. // Письма и бумаги. Т. 4. С. 963.
- ²⁰⁵ Там же. Т. 11. Вып. 1. С. 178, 285, 287.
- ²⁰⁶ Письмо Г. Писарева к Петру I от 19 июня 1707 г. // Там же. Т. 6. С. 226.
- ²⁰⁷ Письмо Р.Х. Боура Петру I от 7 августа 1707 г. // Там же. С. 226–227.
- ²⁰⁸ Письмо Р.Х. Боура Петру I от 26 июля 1707 г. // Там же.
- ²⁰⁹ Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 23 июня 1707 г. // Там же. Т. 5. С. 707.
- ²¹⁰ Челобитная В. Языкова Петру I от 19 июня 1717 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 38. Л. 15.
- ²¹¹ Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 23 июня 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 5. С. 707; Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 4 июля 1707 г. // Там же. Т. 5. С. 754; Письмо Петра I М.Б. фон Кирхену от 6 августа 1707 г. // Там же. Т. 6. С. 39–40.
- ²¹² Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 13 июля 1707 г. // Там же. Т. 5. С. 756.
- ²¹³ Указ офицеров гвардии увольнять из оной в армию и в отставку с повышением чина, 7 марта 1721 г. // ПСЗ. Т. 6. № 3757.
- ²¹⁴ Алфавитный список обер- и унтер-офицеров полка, представленных к производству в следующие чины, 1718 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.
- ²¹⁵ Челобитная И. Гюнтера Петру I, октябрь 1717 г.; Доношение И. Гюнтера о непослушании и противностях, о бесчестии учинившихся от подполковника Гревса, октябрь 1717 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 38. Л. 29–31об.
- ²¹⁶ *Куракин Б.И.* Русско-шведская война. Записки Б.И. Куракина (1700–1710 гг.) // Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 306.
- ²¹⁷ Доношение И. Гюнтера о непослушании и противностях, о бесчестии учинившихся от подполковника Гревса, октябрь 1717 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 38. Л. 31.
- ²¹⁸ Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 1. С. 169; Т. 8. Вып. 2. С. 637, 737.
- ²¹⁹ *Нащокин В.А.* Указ. соч. С. 26.

²²⁰ Письмо Р.Х. Боура Петру I от 19 марта 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 441.

²²¹ Письмо Б.П. Шереметева Петру I от 14 сентября 1707 г. // Там же. Т. 6. С. 235.

²²² Сказка лейб-гвардии Семеновского полку солдата Трофима Веташилова, 6 августа 1717 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 35. Л. 116–117.

²²³ Там же. Д. 43. Л. 102; Там же. Д. 35. Л. 123; Доклады и приговоры. Т. 5. Кн. 2. С. 702–703.

²²⁴ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 274.

²²⁵ РГАДА. Ф. 371. Оп. 3. Д. 15, 55, 86, 90; Там же. Оп. 1. Ч. 1. Д. 3789, 3791, 3803, 3805, 3806, 3808; Оп. 3. Д. 54, 105; Оп. 4. Д. 575, 576.

²²⁶ Там же. Оп. 3. Д. 18, 23, 26, 35, 39, 43, 49, 61, 80.

²²⁷ Там же. Д. 18, 23, 26, 35, 39, 43, 49, 52, 61, 80.

²²⁸ Там же. Д. 4, 25, 38, 45, 52.

²²⁹ См., например: РГАДА. Ф. 371. Оп. 4. Д. 491, 539.

²³⁰ Там же. Оп. 3. Д. 580, 630, 642, 715.

²³¹ Там же. Оп. 4. Д. 491, 539, 580, 630, 642, 715.

²³² Там же.

²³³ Там же. Д. 580, 630, 642, 715.

²³⁴ Там же. Д. 491, 539, 580, 630, 642, 715.

²³⁵ *Желябужский И.А.* Записки. СПб., 1840. С. 136.

²³⁶ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 3795, 3801.

²³⁷ *Фоккеродт И.-Г.* Указ. соч. С. 31–31.

²³⁸ *Уитворт Ч.* Указ. соч. С. 66–67.

²³⁹ Письмо Петра I В.В. Долгорукому от 17 апреля 1708 г. // Архив РАН СПб. Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 38.

²⁴⁰ Указ Петра I Сенату об оказании помощи капитану-поручику И. Плещееву, 9 июня 1715 г. // Сборник РИО. Т. 11. С. 289–290; Указ Петра I Сенату о посылке к казанскому губернатору указов об оказании вспомоществования Кудрявцову и Нестерову, отправленным для осмотра корабельных лесов по Волге, Оке и другим рекам, 2 апреля 1712 г. // Там же. С. 227.

²⁴¹ Письмо Петра I В.В. Долгорукому от 15 января 1712 // Письма и бумаги. Т. 12. Вып. 1. С. 15.

²⁴² Мемория из кабинета Его Императорского величества в Московский надворный суд от 2 июня 1724 г. // Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка (1683–1900 гг.). Прил. к Т. 2. С. 18.

²⁴³ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 228.

²⁴⁴ Там же. С. 343.

²⁴⁵ Там же. С. 404.

- ²⁴⁶ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 133, 169, 255, 344.
- ²⁴⁷ Там же. С. 168–169.
- ²⁴⁸ Письмо А.В. Макарова А.И. Ушакову от 9 августа 1717 г. // РНБ. Рукописный фонд. Ф. 874. Оп. 2. Д. 207. Л. 37.
- ²⁴⁹ Письмо кн. А.И. Репнина В.В. Долгорукому от 17 января 1718 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 28об.
- ²⁵⁰ *Юль Ю.* Указ. соч. С. 389.
- ²⁵¹ Письмо Екатерины Петру I [1723–1724 гг.] // Бобровский П.О. История л.-г. Преображенского полка (1683–1900 гг.). Прил. к Т. 2. С. 18.
- ²⁵² *Юль Ю.* Указ. соч. С. 390.
- ²⁵³ Там же. С. 253–254.
- ²⁵⁴ Письмо Петра I Прусскому королю Фридриху I от 30 июня 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 5. С. 345–346.
- ²⁵⁵ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 140.
- ²⁵⁶ *Юль Ю.* Указ. соч. С. 457.
- ²⁵⁷ *Фоккеродт И.-Г.* Указ. соч. С. 35.
- ²⁵⁸ *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Вып. 7. С. 1428.
- ²⁵⁹ Донесение де-Лави. 28 декабря 1717 г. // Сб. РИО. Т. 34. С. 278.
- ²⁶⁰ *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Вып. 6. С. 1105.
- ²⁶¹ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 134.
- ²⁶² *Юль Ю.* Указ. соч. С. 133.
- ²⁶³ *Уитворт Ч.* Указ. соч. С. 74–75.
- ²⁶⁴ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 323.
- ²⁶⁵ Там же. Ч. 1. С. 385.
- ²⁶⁶ Там же. Ч. 1. С. 335.
- ²⁶⁷ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 210.
- ²⁶⁸ Там же. С. 209–211.
- ²⁶⁹ Высочайший именной указ, объявленный через канцелярию гвардии майора И.И. Дмитриева-Мамонова о снятии с виселицы тела казненного князя Матвея Гагарина, с тем, чтобы подцепить его к ней на железной цепи, 25 ноября 1721 г. // Сборник РИО. Т. 11. С. 433.
- ²⁷⁰ *Александров В.А.* Указ. соч. С. 11.
- ²⁷¹ *Карпущенко С.В.* Армейские будни: казарма, каша, казна, кафтан // Военный быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 16.
- ²⁷² О построении квартир для полков лейб-гвардии Преображенского и Семеновского, 16 ноября 1726 г. // ПСЗ. Т. 7. № 4981.
- ²⁷³ *Карцов П.П.* Указ. соч. Т. 1. С. 252.
- ²⁷⁴ *Будко А.А., Шабунин А.В.* Полковое место л.-г. Семеновского полка: прошлое, настоящее, будущее // За веру и верность. 300 лет Российской Императорской Гвардии: тезисы науч. конф. СПб., 2000. С. 27–30.

²⁷⁵ Доклады царскому величеству, ордера, челобитные, вопросы и прочия, 30 сентября 1716 г. – 18 декабря 1717 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 35. Л. 34об.

²⁷⁶ Более подробно об этом см.: Антонов Б.И. Начало строительства гвардейских казарм в Петербурге // За веру и верность. 300 лет российской императорской гвардии: тезисы науч. конф. СПб., 2000. С. 19–22.

²⁷⁷ Журнал приказов по Преображенскому полку, 1724 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 93. Л. 35об.

²⁷⁸ Требования на квартиры для нижних чинов, 1722–1726 гг. // Там же. Д. 81. Л. 1–41об.

²⁷⁹ Там же. Л. 1–57об.

²⁸⁰ Карцов П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 251.

²⁸¹ ПСЗ. Т. 7 № 4981; Карцов П.П. Указ. соч. Т. С. 251–252.

²⁸² Требования на квартиры для нижних чинов, 1722–1726 гг. Л. 32.

²⁸³ Там же. Л. 1–41об.

²⁸⁴ См., например: Кригсрехты, учиненные л.-г. Преображенского полку разных чинов людям, 1719–1720. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 54. Л. 22–22об.

²⁸⁵ Там же. Л. 1–3, 8.

²⁸⁶ Журнал приказов, отданных по Преображенскому полку, 1720 г. (30 марта 1720 г.) // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 62. Л. 8.

²⁸⁷ Журнал приказов по Преображенскому полку, 1724 г. Л. 14, 32об., 35.

²⁸⁸ Журнал приказов, отданных по Преображенскому полку, 1720 г. (28 февраля). Л. 3.

²⁸⁹ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 54. Л. 8; Д. 93. Л. 276.

²⁹⁰ См., например: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–3, 8; Ф. 2584. Оп. 1. Д. 11. Л. 40; Д. 47. Л. 52.

²⁹¹ Там же. Д. 54. Л. 8; Д. 61. Л. 41–54.

²⁹² Письмо Петра I Ф.Ю. Ромодановскому от 12 июля 1710 г. // Письма и бумаги. Т. 10. С. 228–229.

²⁹³ О поручении Сенату составить скаску о ссоре барона Шафинова с обер-прокурором Г.Г. Скорняковым-Писаревым, 9 января 1723 г. // Сборник РИО. Т. 11. С. 502–503.

²⁹⁴ Семевский М.И. Царица Прасковья // Семевский М.И. Тайная служба Петра I. Минск, 1993. С. 172–173.

²⁹⁵ См. подробнее: Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2007. С. 70–71.

²⁹⁶ Высочайший именной указ, объявленный через канцелярию гвардии майора И.И. Дмитриева-Мамонова, о взыскании за неправильное решение дел и объявление штрафных денег с сенаторов: князя

Долгорукова, графа Мусина-Пушкина, Самарина, Стрешнева и графа Апраксина, 10 апреля 1719 г. // Сборник РИО. Т. 11. С. 384.

²⁹⁷ Челобитная М. Вагнеровой А.И. Ушакову, 18 июня 1718 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 230–233.

²⁹⁸ *Бобровский П.О.* История л.-г. Преображенского полка (1683–1900 гг.). Прил. к Т. 2. С. 44–45.

²⁹⁹ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 198; Д. 18. Л. 91–91об.

³⁰⁰ Письмо Я.В. Брюса Ф.Ю. Ромодановскому от 17 мая 1707 г. // Архив генерала-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 3. С. 83–84.

³⁰¹ Письмо Я.В. Брюса А.Д. Меншикову от 24 мая 1707 г. // Там же. С. 86.

³⁰² РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 74. Л. 3–44об.; Доклады и приговоры. Т. 5. Кн. 1. С. 117–119, 139, Т. 5. Кн. 2. С. 942.

³⁰³ Сказки солдат Преображенского полка Ивана Позднякова, Степана Коверзина, Осипа Долгова, 2 марта 1717 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 35. Л. 70–74.

³⁰⁴ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 399.

³⁰⁵ Там же. С. 152.

³⁰⁶ Приговор Сената одаче хлебного жалованья Ингерманландского полка солдатским женам, 19 марта 1712 г. // Доклады и приговоры. Т. 2. Кн. 1. С. 174–176.

³⁰⁷ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 433–434.

³⁰⁸ *Панчулидзева С.А.* История кавалергардов (1725–1799–1899 гг.): В 4 т. СПб., 1899–1903. Т. 1. С. 8.

Глава III

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВНУТРИ КОРПОРАЦИИ

1

Взаимоотношения в рамках двух гвардейских полков

В период царствования Петра Великого в гвардии появляется совершенно особая внутренняя организация. Ее создание было связано с комплексом существовавших здесь прав, привилегий, отношений и коллективных представлений. Укажем характерные черты этой внутренней организации.

Здесь отмечаются сложности существования общепринятой иерархии чинов. Как уже было сказано, огромное влияние на отношения чинов в рамках гвардии оказала многоплановость использования самой гвардии. Часто при выполнении специальных поручений преображенцы и семеновцы вступали в противоречие не только с чинами армии или представителями разных социальных страт, но и с собственными командирами. В подобных случаях нарушался один из основных армейских принципов – подчинение нижестоящего вышестоящему. Так случилось с капитаном Преображенского полка князем А.Л. Долгоруким. Выполняя в 1712 г. ряд дипломатических поручений в Польше, он вынужден был послать указ подполковнику этого же полка В.В. Долгорукому, т. е. своему прямому командиру. Капитан фактически потребовал от подполковника не брать с жителей дополнительного провианта¹. Точно так же разные чины гвардии, бывшие ассессорами майорской розыскной канцелярии В.В. Долгорукого, должны были в 1715 г. расследовать дело о подлогах и хищениях в провиантской части, произошедших при участии их сослуживца и командира А.Д. Меншикова.

Отношения Преображенского и Семеновского полков с Петром I, как кажется, также не способствовали укреплению

военной иерархии. Очевидно, что среди гвардейцев, особенно среди преобращенцев, у царя были свои фавориты. С их привилегированным положением полковым командирам приходилось считаться, порой поступаясь собственным статусом. 22 ноября 1707 г. подполковник Преображенского полка писал царю о недовольстве квартир и фуража, прибавляя, что «...обо всем я болше писал к господину мазору князю Долгорукову, чтоб милости вашей словесно доложил»². Иными словами, подполковник преобращенцев предпочел решить вопрос не напрямую с Петром, а через посредничество своего подчиненного и несомненного любимца Петра I – В.В. Долгорукого.

Утверждение приговоров в майорских розыскных канцеляриях проходило, вероятно, точно так же при незначительном внимании к соблюдению военной иерархии. Известны случаи, когда документы такого рода подписывали вначале руководители канцелярий – майоры, а потом все остальные асессоры без какого бы то ни было соблюдения чинов. Виза поручика могла здесь стоять раньше подписи капитан-поручика или даже капитана³.

Гвардия выделялась совершенно особым, отличным от армейского, уровнем отношений между офицерами и солдатской массой.

Обобщение такого рода не следует рассматривать как абсолютное. В гвардии, как и в любом другом военном подразделении того времени, между солдатами и офицерами, несомненно, существовал серьезный статусный барьер. Здесь также имели место случаи избиения и притеснения солдат, использование их труда в личных целях⁴. Так, в 1698 г. целая группа солдат-преобращенцев (56 человек) подала Петру I челобитную об «обидах и налогах», причиненных им их каптенармусом Ф. Фанторгиным. Показательно, что Ф.Ю. Ромодановский, занимавшийся этим делом, приказал всех солдат «бить батоги» за их «наглое челобитье, что они, приходя, били челом великому государю многолюдством великим невежеством». Коллективные жалобы, действительно, расценивались в армии как бунт и были запрещены под страхом смертной казни в начале XVIII в.⁵ Вместе с тем по приказу того же Ф.Ю. Ромодановского относительно действий каптенармуса был учинен розыск⁶.

Явления такого рода в гвардии действительно стремились искоренить. Рукоприкладство офицеров не считалось чем-то предосудительным, но от таких гвардейцев все же старались избавляться. 28 января 1715 г. А.Д. Меншиков сообщил В.В. Долгорукому, что «по... царскому указу из *заполошних офицеров* преобращенской и семеновской гвардии определены здесь подпорутчик Сергей

Бухвостов в Санкт-Петербургской гварнизон маеором... да поручики Григорей Рупов, Тимофей Коптев, подпоручик Родион Маслов, Илья Збруев в Троицкой Александров монастырь для управления монастырских дел и вотчин»⁷. К концу 1710 – началу 1720-х годов такая практика, вероятно, стала приносить свои плоды. В материалах гвардейских полков и Преображенского приказа челобитные с жалобами солдат на побои офицеров единичны.

Еще более жестко выступало полковое руководство против использования офицерами труда солдат-гвардейцев в своих личных целях. И хотя таких случаев зафиксировано немного, реакция полкового начальства на подобное явление была исключительно резкой⁸. Периодически в полковых приказах упоминалось требование, «...чтоб афицеры салдат на квартире для фуражу не посылали и ни в какие б свои работы не употребляли»⁹.

Особое положение солдат-гвардейцев, впрочем, не ограничивалось заботой о них командования. Солдаты Преображенского и Семеновского полков были допущены к принятию полковых решений определенного уровня. Они принимали участие в кригсрехтах, а значит, имели возможность высказать свою точку зрения¹⁰. Ведь мнение каждого из судей записывалось и доводилось до сведения императора. Более того, участвуя таким образом в жизни полка, солдаты-гвардейцы оказывались внутри корпорации, а не за ее пределами.

К тому же, как отмечалось выше, возложенные на гвардию обязанности, принцип коллегиальности управления, а также многочисленные привилегии делали положение унтер-офицерской и солдатской среды значительно более свободным, а их участие в полковой жизни – активным. Кроме того, сама динамика жизни этих полков требовала иного уровня отношений. Ведь Петр I все время требовал от гвардии, «...чтоб во всяких потребных делах... никакия остановки не было»¹¹. Не реже поступали его приказы «баталиону... без подлинной... ведомости назад не поворачиваца» или намного чаще «...быть к себе», «батальону... возвратился, понеже ему дела нет», «поспешать», передвигаться «как возможно скорее»¹². При этом даже живя на пределе сил, гвардейцы иной раз получали выговоры от Петра I за «медлительность». Так, в письме от 12 июня 1711 г. царь обвинял В.В. Долгорукого в нерасторопности при движении к Дунаю¹³.

Жизнь в постоянном и диком движении влияла на самую атмосферу в Преображенском и Семеновском полках, делала отношения разных чинов значительно более неформальными, чем это

можно было ожидать. Так, например, офицеры и солдаты гвардии вступали друг с другом в отношения купли-продажи. При этом старший по званию мог выступать по отношению к младшему по званию и как покупатель, и как продавец; он мог и давать деньги, и брать их взаймы. Разница в ценах здесь значения не имела. Источники свидетельствуют о случаях купли-продажи между подпоручиками и солдатами, капитанами и солдатами¹⁴. И наконец, сохранилась копия с подлинной купчей, согласно которой 10 декабря 1715 г. солдат Семеновского полка А. Аленин продал генерал-лейтенанту, кавалеру и подполковнику Преображенского полка В.В. Долгорукому «свою вотчинную пустошь» за 25 рублей¹⁵. Часто бывало, что неграмотные офицеры гвардии просили солдат поставить за себя подпись¹⁶.

Известно также, что в гвардии существовала традиционная «заротная команда», состоявшая из алебардчиков, извозчиков, денщиков, а позднее еще и из гобоистов, профосов, писарей, фельдшеров, лекарских учеников и мастеровых.

Заротные в гвардии не были оторваны от полка. Именно эти чины часто пополняли ряды солдат, а впоследствии и младших офицеров. Даже совершение какой-либо провинности не закрывало заротным гвардии дальнейшее продвижение по службе. Наказанный дважды за грабеж извозчик Н. Машутин смог дослужиться, по крайней мере, до солдатского чина¹⁷. Кроме того, как видно из полковых документов, на заротные чины, а также на недорослей распространялась практика получать продвижение по службе через чин или через два. Например, обозный С. Ватулин был переведен не в солдаты, не в ефрейторы, а сразу в капралы¹⁸. Точно так же многие недоросли имели возможность начать свою службу в полку сразу с чина ефрейтора¹⁹.

Источники свидетельствуют и об участии заротных чинов гвардии в выполнении специальных поручений. Денщик полковника лейб-гвардии Преображенского полка В. Нелюбохтин в 1714 г. был послан по царскому указу из Санкт-Петербурга в Москву «...для взятия матросов и по тому указу привел он... матросов 38 человек...». При выполнении указанного дела В. Нелюбохтина сопровождали 22 солдата Леонтьева полка Московского гарнизона. При этом по окончании «посылки» денщик В. Нелюбохтин подал запрос в Сенат, следует ли отпустить в Москву прикомандированных к нему солдат²⁰. Так, денщик от гвардии выполнял обязанности командира группы. По сути, его статус в этот момент был равен статусу младшего офицера.

Вышесказанное позволяет сделать весьма значимый вывод. Известно, что в целом вне зависимости от исторической эпохи и места действия офицерский состав из-за особенностей его функций выделяется в особую категорию, во многом оторванную от остальной части полка. Так же справедливо замечание о том, что «...из самой сущности армии как социального института, организованного по жесткому иерархическому принципу, из характера профессиональной деятельности командного состава неизбежно вытекало объективное неравенство военных начальников и подчиненных»²¹. Однако в гвардии времен царствования Петра Великого картина была несколько иной. Оторванность офицерского состава и особенность военного быта старших чинов здесь не были абсолютными. По сути, особый круг служебного и внеслужебного общения делал границы между офицерами и солдатами прозрачными. Причины такого явления связаны с количеством и качеством возлагавшихся на гвардию поручений, их исключительными привилегиями и социальной унификацией частей, состоявших в большинстве своем, как уже говорилось, из дворян.

Личные отношения чинов гвардии резко вторгались в сферу, регулируемую лишь военными установлениями, принципом соподчинения и четкими правами и обязанностями в рамках иерархии чинов.

Аргументом в пользу этого положения служат документы разбирательств по поводу превышения власти в гвардейских полках. Количество таких случаев велико, а число решений по ним практически отсутствует. Последнее обстоятельство объясняется, вероятно, тем, что полковое начальство смотрело на случаи такого рода сквозь пальцы.

Одним из вариантов превышения власти, безусловно, было покровительство родственникам, в частности в вопросах о предоставлении отпусков. Вот один из подобных случаев. 21 марта 1715 г. солдат 4-й роты Преображенского полка Г. Бобрищев-Пушкин просил поручика той же роты С. Епишкова, собиравшегося «ехать к Москве», чтобы тот взял его с собой «*по свойству*». Поручик исполнил его просьбу, не поставив об этом в известность полковое начальство²². Еще через два дня, 23 марта 1715 г., аналогичный случай произошел с солдатом 10-й роты Преображенского полка Д. Селифонтовым и поручиком этой же роты Салтыковым: поручик, уезжая в отпуск, взял с собой солдата. Высшие чины полка при этом находились в неведении²³. Список можно продолжать²⁴.

Еще одной возможностью покровительства было влияние на продвижение по службе или повышение оклада своим родственникам или протее. Лояльное до известной степени отношение к подобного рода вещам периодически нарушалось полковыми указами о необходимости «...донести господам афицерам, ежели впредь подавать будут о старых салдатских окладах ведомости на убыльыя места, кого удостоят, чтобы в тех ведомостях приказали писать их службы с которова году служат»²⁵.

На уровне высших офицеров полка семейные и дружеские связи иной раз были сопряжены и с более серьезными нарушениями. В 1723 г. обер-прокурор Сената и полковник лейб-гвардии Преображенского полка Г.Г. Скорняков-Писарев утвердил снисходительный приговор Сената по делу о коррупции светлейшего князя А.Д. Меншикова. Последнее объясняется не столько дружеским расположением Г.Г. Скорнякова-Писарева к петровскому фавориту, сколько тем, что в деле был замешан его собственный брат – Б.Г. Скорняков-Писарев. Петр расценил это решение как случай злоупотребления властью. Г.Г. Скорняков-Писарев был разжалован, а все его имущество конфисковано. Отметим, между прочим, что уже в следующем, 1724 г. Г.Г. Скорняков-Писарев был прощен и смог возместить все свои потери²⁶.

Вышеперечисленные особенности личного состава гвардии – сложности существования здесь четкой военной иерархии чинов, семейные связи, а также отсутствие непреодолимых статусных барьеров между солдатами и офицерами – стали основой ее внутренней организации.

Однако представленные выше отношения между чинами гвардии – все же комплекс относительно ограниченных связей. Что же останется, если вынести за скобки отношения родственников, друзей, покупателей и продавцов земли и угодий, фаворитов Петра I и тех, кто не являлся таковыми? Останется принадлежность к элитным полкам, отношения в которых носят особый характер.

Гвардейское полковое начальство стремилось относиться к своим подопечным с вниманием, которое сложно даже предположить в армейских частях. Так, командиры Преображенского и Семеновского полков постоянно следили за подчиненными, находившимися в «отлучках». Их переписка с армейским руководством пестрит требованиями отпустить того или иного гвардейца в полк, «не мешкав»²⁷, или предупреждениями о том, что после исполнения поручения гвардеец должен быть возвращен в полк «по прежнему»²⁸.

Примечателен случай, когда командир Преображенского полка князь В.В. Долгорукий прислал в Адмиралтейство возмущенное письмо в связи с посылкой туда солдата Беклемищева. В.В. Долгорукий указывал, что «по вашему требованию надлежит... *приказать* взять скаску и потом *в полк послать немедленно* ибо он салдат многие годы у дел и в посылках был к тому ж и из адмиралтейства в посылках *много помешкал чего ему против его братии небезобидно* а ежели по скаске его в каком неисправлении по посылке из адмиралтейства ... и о том извольте нас *приказать уведомить писменно*»²⁹. То есть фактически В.В. Долгорукий был раздражен тем, что его людей отвлекают, как ему казалось, по пустякам. Кроме того, сам этот текст удивительно напоминает отповеди, которые получали от Петра I армейские начальники, напрасно расходовавшие силы гвардии.

Надо сказать, что и сами гвардейцы четко доносили своему начальству о том, что «в отлучке» им приходится заниматься какими-либо иными делами. Например, бывший писарь Семеновского полка, направленный «генералу Гевальтичеру... для определения государева дела», оказался в сложной ситуации, поскольку его временный начальник заставил семеновца «управлять домашние интересы», а именно «чистить лошадей», «варить вместо повара... и ездить за извозчика». Семеновец изложил все вышесказанное в жалобе, где он справедливо отметил, что не желает заниматься тем, что ему «править не надлежит»³⁰.

Требования командования Преображенского и Семеновского полков вернуть того или иного гвардейца в часть касались прежде всего солдат и заротных чинов. Очевидно, что офицеры гвардии (включая унтер-офицеров), находясь при исполнении того или иного поручения, сами контролировали ситуацию и уж конечно, не подчинялись чьим-либо приказам со стороны и не занимались делами вне задания или сферы собственных интересов.

На протяжении первой четверти XVIII в. в гвардии изменилось отношение к преступлениям, совершенным ее представителями. В первой половине царствования Петра I приговоры, вынесенные полковыми кригсрехтами беглым преображенцам и семеновцам, часто были довольно суровыми. В целом участники гвардейских судов расценивали побег как тяжелое преступление и подписывались под изгнанием провинившихся из полка и определением их в долгосрочную или вечную каторгу³¹. К середине 1710-х годов мнения гвардейцев по этому вопросу были существенно скорректированы. Участники кригсрехта

1714 г. над беглым солдатом 6-й роты Преображенского полка А. Крыловым разошлись в оценке. Одни предлагали наказать его шпицрутенами и послать на каторгу на один год. Другие указывали, что его следует «написать в извошки». То есть уже к 1714 г. в гвардии были люди, считавшие, что побег – это лишь проступок, за который следовало понизить в должности, даже не исключая из гвардии³². При том что восемь лет назад участники кригсрехта требовали по меньшей мере, прогнать беглецов три раза сквозь строй и «учинить» 5 лет каторги или и вовсе «казнить смертью»³³.

По подсчетам историков, в период 1705–1709 гг. число дезертиров в русской армии ежегодно составляло 10 000 человек³⁴. Источники по истории Преображенского и Семеновского полков указывают на то, что уже в середине 1700-х годов дезертирство здесь не было серьезной угрозой, а в середине 1710-х годов беглые преображенцы или семеновцы стали явлением исключительным³⁵. Кроме того, большинство беглых покидали свои полки не из-за недовольства службой, а из-за реакции на сиюминутную ситуацию, а именно «убоясь наказания» из-за потери обмундирования или офицерских вещей или «спьяну».

В историографии преувеличено количество беглых в гвардии за счет включения в эту категорию отставших от полка. А таковых в гвардии было немало³⁶. Ведь преображенцы и семеновцы вынуждены были следовать воле, потребностям и желаниям непредсказуемого Петра. Вот лишь один пример. В августе 1717 г. солдат Преображенского полка А. Лебедев вместе с группой гвардейцев был отправлен снимать галеры с мели. По окончании этой работы он пошел в корчму, чтобы купить хлеба. Вернувшись, солдат не обнаружил на прежнем месте своих товарищей и понял, что может отстать от полка. Найдя на берегу рыбацью лодку, он пытался достичь галер, но из-за погоды не смог этого сделать. Его отнесло к берегу, а лодка с амуницией утонула. А. Лебедев был подобран местными жителями, после чего «нищенствовал». По прошествии времени он обратился к поручику одного из армейских полков и был вскоре отправлен к преображенцам³⁷.

Вероятно, члены кригсрехтов, утверждавшие приговоры гвардейцам-дезертирам, понимали всю сложность таких ситуаций. В середине 1710-х годов Петр изменил свое отношение к проступкам и преступлениям в гвардии, и это повлияло на мнение членов суда о необходимом наказании.

Болезнь того, к середине 1710-х годов наказания гвардейцев за один и тот же проступок стали варьироваться. Так, солдат

Преображенского полка Е. Шальгин, который «бежал ис полку однажды покравши деньги у своего порутчика», должен был провести в работе всего три года, тогда как солдат того же полка Ф. Псковитинов за аналогичное преступление был отправлен в вечную работу³⁸. Вероятно, в это время участники кригсрехта при вынесении приговора Шальгину приняли во внимание и прежние заслуги виновного.

Члены кригсрехта перестали торопиться с принятием решения, если информация по делу была недостаточно полной. 28 октября 1718 г. был отложен суд над солдатом Травиным, поскольку его сослуживцы предположили, что, будучи отпущен домой, он мог заболеть. Было принято решение о необходимости проверки всей информации³⁹. Это не единственный случай. Сохранились приговоры Сената о сыске гвардейцев, отпущенных от полка, но не вернувшихся к сроку. Часто сыск конкретного солдата поручали одному из младших офицеров полка⁴⁰.

Особое внимание обращали на солдат, пропавших во время исполнения специальных поручений, что время от времени случалось. Так, сохранился приговор Сената 25 июля 1711 г. «О сыске 14 солдат Преображенского полка, посланных в разные губернии с указами и не явившихся обратно в полк»⁴¹. В подобных случаях полковое командование стремилось провести расследование и установить, сколько именно солдат были убиты или умерли. До окончания расследования дела на один из них не был назван беглым. При том что в этом же году Сенат, как указывалось выше, издал приговор, по которому военные чины, не объявлявшие о причинах своего приезда местному начальству, считались укрывающимися от службы⁴².

Уже в начале 1710-х годов в случаях, когда дело выходило за рамки собственно полкового, командование этих частей стремилось встать на сторону своих подопечных. При этом гвардейцам оказывалась, как представляется, далеко не только моральная поддержка. Порой начальство просто покрывало своих солдат и офицеров. 23 марта 1714 г. в Сенат поступила жалоба подьячего Оружейной палаты В. Сорокина на недоросля Преображенского полка Андрея Аврамовича Щепотева, который вместе со своим двоюродным братом, солдатом-преображенцем Василием Кирилловичем Щепотевым, за три года до описываемых событий, т. е. в 1711 г., вместе «с товарищами своими» поймал подьячего и, увезя его из города, ограбил и жестоко избил. Сорокин указал, что причиной такого отношения была месть «за прежнюю

недружбу» и нежелание возвращать заемные деньги. Подьячий утверждал, что подал жалобу В.В. Долгорукому, но расследование по делу не было проведено. Более того, по мнению В. Сорокина, полковое начальство сделало все, чтобы не дать челобитной ход: замешанные в деле гвардейцы спешно покинули Москву по государеву делу, а самого челобитчика «без... указа заперши держали в Преображенском в покаянной, приковав к стене под съезжею избюю»⁴³.

Не только полковое командование, но и сами гвардейцы зачастую помогали друг другу в решении личных дел. Показательна история капитана Преображенского полка Г.А. Урусова, направившего в 1723 г. в свои «шацкие волости» подчиненного ему капрала Я. Мансурова. Последний легко навел в деревне порядок, избив кнутом и продержав некоторое время под караулом приказчика одной из деревень Прасолова⁴⁴.

Тенденция к оказанию содействия сослуживцу, попавшему (часто по собственной вине) в неприятное положение, не ограничивалась солдатской средой или малозначительными бытовыми конфликтами. Зачастую высшие офицеры гвардии, обвинявшиеся в более серьезных проступках и преступлениях, находили поддержку в своих полках. Стоит вспомнить упоминавшийся выше снисходительный приговор по делу о коррупции А.Д. Меншикова, одобренный в 1723 г. обер-прокурором Сената и полковником лейб-гвардии Преображенского полка Г.Г. Скорняковым-Писаревым⁴⁵. Именно в этом ключе, вероятно, стоит рассматривать и нерасторопность А.И. Ушакова в деле 1715 г. о расследовании злоупотреблений Ф.С. Салтыкова, также гвардейца, известного своим участием в дипломатических миссиях первой четверти XVIII в. Фактически А.И. Ушаков, приступив к делу, «...ограничился, кажется, тем, что узнал в Поместном приказе, сколько за Салтыковым числилось дворов»⁴⁶.

В ситуациях, когда преимущество было на стороне гвардии, как в случае с солдатом В.К. Щепотевым, или при отсутствии состава преступления, как в деле Ф.С. Салтыкова, гвардейское руководство в целом или кто-либо из чинов в отдельности участвовали в положительном решении судьбы своего однополчанина. Конечно, речь никогда не шла о противостоянии воле Петра.

Отношение командования гвардии к ее солдатам и офицерам полностью копировало отношение Петра I к этим частям. Так же как и император, командиры преображенцев и семеновцев стремились контролировать и собирать бесконечно отсутствовав-

ших из-за выполнения поручений солдат и офицеров. Так же как и император, они настаивали на сокращении срока пребывания гвардейцев в «отлучках», требуя от последних лишь энергично вмешаться, изменить ход событий и, передав отработку деталей в руки кого-либо другого, немедленно возвращаться к полку. Провинности рассматривались все более лояльно, а недовольство их противниками было все более ошутимо.

Фактически к середине 1710-х годов гвардейцы начинают осознавать и даже иногда использовать предоставленную им власть в личных или корпоративных целях.

В это время в гвардии вырабатывается понимание того, какие правонарушения и проступки допустимы для гвардейца, а какие нет. Такие военные преступления, как побег или содействие бегству военнопленных, неизменно карались смертной казнью⁴⁷. Абсолютно неприемлемым считалось уклонение от службы и нанесение себе с этой целью увечий. Так, в 1719 г. солдат Преображенского полка Василий Кортнев донес на солдата-семеновца Ивана Скулмского. Он, по словам преображенца, «не хотя его величеству служить... с умыслом отсек у себя руки два перста». Над обвиняемым был учинен розыск. По приговору гвардейского кригсрехта солдат Скулмский был подвергнут наказанию перед полком («бит кнутом и вырваны ноздри») и сослан в вечную каторгу⁴⁸. Аналогичные наказания ожидали гвардейцев, ложно объявивших за собой «слово и дело»⁴⁹, т. е. объявивших себя свидетелями по делу о государственном преступлении или, что случалось исключительно редко, говоривших оскорбление «на государя»⁵⁰. Важным для понимания процессов создания гвардейской корпорации является и тот факт, что доносы о совершении преступлений такого рода неизменно поступали от самих же гвардейцев, в большей или меньшей степени осознававших, что таким людям не место в полку. Историк гвардии И.И. Пушкарев сообщает о переводе нижних чинов гвардии, замеченных «в дурной нравственности», на службу в полк генерала Архарова⁵¹. Это, впрочем, не подтверждается данными источников.

С другой стороны, драки⁵², мелкое воровство⁵³ и «непристойные слова»⁵⁴ отнюдь не относились к числу проступков, требовавших отчисления. В таких случаях следовало лишь понижение в чине и/или окладе, иногда покаяние. Исключение составляли случаи, когда правонарушение являлось также проявлением элементарного неуважения к воинской иерархии со стороны кого-либо из солдатской массы. Так, у участников кригсрехта по

делу преображенца Ларионова разногласий не было. Военный суд единогласно принял решение о смертной казни солдата, который украл во время караула деньги у майора своего же полка Румянцева⁵⁵. Резолюции Петра I на приговоре нет, поэтому участь солдата неизвестна.

Пьянство, вероятно, также не считалось серьезным проступком. Впрочем, полковое командование неизменно «радело» об искоренении подобных явлений. Так, в 1708 г. руководство Семеновского полка предприняло отчаянную попытку разрешить проблему пьянства. Сначала в полку был распространен указ о том, чтобы «...маркитеннеры... торговали всяким съестным харчем, а вином торговать запретить, а ежели учнут торговать вином и то вино у них отнимать и посылать в канцелярию»⁵⁶. В этом же году за пьянство из полка было отставлено четыре человека (капитаны И.Д. Лихарев и В. Полозов, прапорщики М.С. Ларгин и Е. Блудов)⁵⁷. Показательные отчисления, однако, не слишком помогали, как, впрочем, и воспитательная работа, проводившаяся участниками кригсрехтов. При разбирательстве судьи неизменно спрашивали, обращаясь, например, к гвардейским солдатам: «В бытность твою в солдатстве читали тебе военный артикул? По тому артикулу надлежит, чтоб всякой солдат от пьянства весьма удалялся...» Следовал стандартный ответ («Против сего известен»), стандартный приговор (штраф, понижение в чине или содержании)⁵⁸. Все это тем не менее не мешало тому же солдату появиться через некоторое время перед очередным кригсрехтом по аналогичному поводу.

Впрочем, полковое руководство могло отступить от такого спокойного созерцания проблемы, если пьяная выходка кого-либо из гвардейцев приводила к нанесению увечий кому-либо из сослуживцев. Вполне реальной могла оказаться и отставка от полка, если гвардеец оказывался замечен в систематическом употреблении горячительных напитков или, как выражались источники того времени, негодным к службе «за многим пьянством». Пьянство также вело к отчислению, если было сопряженным с каким-либо другим серьезным проступком или недостатком. Так, в октябре 1708 г. в Преображенском полку оказалось 15 человек, отставленных от полка «за пьянством и за гульбою», «за пьянством и за старостью», «за пьянством и за неуправление дела», «за пьянством и дуростью», «за глупостью и пьянством», «за болезнью и за пьянством»⁵⁹. В данном случае, однако, не вполне ясно, какой из недостатков становился решающим.

Достаточно спокойное отношение гвардейского командования к решению проблемы пьянства было связано с пониманием невозможности искоренить здесь пьянство. Очевидно, что борьба с этим в период диких пьянок, инициатором которых выступал император, а неизменными участниками были сами гвардейцы, просто не могла быть успешной. Достаточно вспомнить, как окончил свои дни командир преображенцев Марко Богданович фон Кирхен. По сообщению датского посла в России, «один из лучших генералов царской службы, подполковник Преображенского полка генерал-майор фон Кирхен до того напился на этой попойке (по случаю взятия Кексгольма. — Е. Б.), что вечером, съезжая с кораблей на берег, упал с береговой пристани в воду и утонул»⁶⁰.

В период царствования Петра Великого формируется тенденция считать причастными к корпорации и тех, кто по той или иной причине покинул ее. При этом речь идет не только о традиции записывать в полк гвардейцев, возвращавшихся из плена⁶¹. По сути, ни преображенцы, ни семеновцы не были забыты даже после ухода из полка. Как уже упоминалось, гвардейцев переводили в армию или отправляли в отставку с повышением чина задолго до законодательного оформления этого положения⁶². Еще в 1707 г. Петр I указывал, что «афицеров и ундер-афицеров, которые из нашего (Преображенского) полку за старостью и за увечьем отставлены надлежит переводить, переменяя чинами единым градусом выше, а именно из сержантов и из каптенармусов в прапорщики, прапорщиков и подпоручиков в поручики, поручиков в капитаны»⁶³.

Петр I стремился найти применение уволенным из гвардии по болезни или «за ранами». Многие из них, и прежде всего бывшие офицеры, получали назначение на руководящие посты в армейские полки. Для отставников в марте 1703 г. были созданы специальные московские Преображенская и Семеновская отставные роты⁶⁴. Гвардейцы, проявившие себя исключительным образом или страдающие от серьезных болезней, могли быть отправлены в отставку с гарантированным лечением. Так, полковой секретарь Андрей Иванов, прослуживший в гвардии 29 лет, был «за многолетнюю службу и за болезнь» отправлен «к санкт-питербурхским лазаретам»⁶⁵.

Бывшие гвардейцы могли также использовать полученные ими во время выполнения бесчисленных отлучек знания и навыки. Так, 19 декабря 1718 г. отставные преображенцы капралы М. Кошкин, М. Шишкин, В. Кольцов, Ф. Соловьев и солдат О. Черной были определены к делам Провиантской канцелярии⁶⁶.

На этом, однако, возможности отставников не заканчивались. Часто они переходили на службу «при доме царского величества». Функции, возложенные на отставных гвардейцев «при дворце», могли быть самыми разными. Прежде всего они пополнили охрану петровского двора и императорской семьи в целом⁶⁷.

Интересные трансформации происходили и с жалованьем, выплачиваемым отставникам. Как свидетельствуют документы, оно всегда было соотнесено с жалованьем гвардейцев. Так, до 1716–1717 гг. бывшие солдаты и офицеры Преображенского и Семеновского полков получали хлебное жалованье «сполна», а также треть денежного содержания самих гвардейцев. Позже было решено увеличить их выплаты до половины от сумм, получаемых преображенцами и семеновцами⁶⁸. В конце концов по указу Петра I гвардейское жалованье выплачивалось всем служившим в Преображенском и Семеновском полках «по смерти»⁶⁹.

Если гвардейцы-отставники по какой-либо причине сталкивались с невыплатами, они активно требовали восстановления своих прав. Например, бывшие солдаты-преображенцы прапорщик Феоктист Иевский и Артемий Борзынцев, служившие после отставки в Московском гарнизоне, судя по документам, долгое время не получали положенное им содержание. Подав жалобу в Сенат, они добились выплат денежного и хлебного жалованья «по их рангам»⁷⁰.

Более того, на протяжении всего рассматриваемого времени отставники элитных полков часто обращались с просьбой об увеличении жалованья. Такие прошения практически всегда решались положительно⁷¹. Видно, даже оставив гвардию по той или иной причине, бывшие преображенцы и семеновцы понимали возможность и справедливость таких требований.

Все офицеры гвардии, назначаемые на высокие должности в армии, сохраняли как символ принадлежности к корпорации свои гвардейские чины⁷², военным, переходящим в статскую службу, а также непригодным к службе, оставляли их шпагу и мундир⁷³.

При этом отставники, как правило, не теряли контакта ни с полковым руководством, ни с бывшими сослуживцами. С одной стороны, само положение бывшего гвардейца требовало поддержания таких отношений. Ведь, судя по информации источников, отставники Преображенского и Семеновского полков часто получали жалованье при полках гвардии⁷⁴. При этом длительность такого положения не была четко определена, поскольку оно вводилось «пока вперед ево императорска величества указ и опре-

деление будет»⁷⁵. С другой стороны, ушедшие из гвардии помнили о своей службе там и при необходимости апеллировали к своему прежнему статусу. В документах Сената сохранилось дело уже упоминавшегося Г. Овцына. В 1710-е годы он служил поручиком в Семеновском полку, а 1711 г. был переведен «за ранами» в Московский гарнизон майором. В 1712 г. он в том же чине перешел в полк Вельяминова-Зернова. Именно в это время Г. Овцын обращается в Сенат с просьбой о повышении, которая и была удовлетворена посредством присвоения чина подполковника. Примечательно в этом случае то, что обе стороны (сам Г. Овцын и Сенат) рассматривают этот случай как дело гвардейца. Два года, проведенных в армии, лишь упоминаются, но не расцениваются как какая-либо (пусть и еще одна) заслуга. В приговоре Сената значится, что Г. Овцын получает чин подполковника исключительно «за многую службу в лейб-гвардии Семеновском полку»⁷⁶. Кроме того, известны случаи, когда уже уволенные со службы в гвардии люди, все еще помня о своем бывшем положении, просили принять иски к полковым делам⁷⁷. Сохранилось также несколько документов о принятии отставников от гвардии обратно в полк⁷⁸.

Примечательно, что солдаты и офицеры, покинувшие по тем или иным причинам Преображенский или Семеновский полки, часто продолжали следовать принятой в гвардии линии поведения. В частности, бывшие гвардейцы часто обращались в Преображенский приказ с извещениями и доносами по поводу дел об оскорблении государевой чести. Например, по челобитной бывшего солдата Преображенского полка Ф. Аристова был проведен розыск против донского казака Н. Смирного. Последний, по словам Ф. Аристова, говорил «про великого государя царя Петра Алексеевича что он де государь не царь [а] антихрист»⁷⁹. Интересно, что даже бывшие гвардейцы, разжалованные или посланные за те или иные проступки, часто доносили на окружавших за разговоры «в непристойных словах про государское величество»⁸⁰. Безусловно, в данном случае это была попытка выбраться из сложного положения, в котором они оказались, попытка привлечь к себе внимание, переломив таким образом ход событий. И тем не менее периодичность появления именно таких извещений представляется знаковой.

Очевидно, что отставники Преображенского и Семеновского полков были связаны с гвардией, их статус был схож с гвардейским. Они находились в поле зрения правительства, их определяли в разные учреждения или доверяли особые полномочия,

увеличивали привилегии и утверждали преимущества в чинопроизводстве. Кроме того, они поддерживали контакт с бывшими сослуживцами и, несомненно, сохраняли выраженное на знаковом уровне ощущение причастности к гвардии. То есть фактическая отставка от гвардии не являлась полным выходом из корпорации.

Другой стороной этого процесса было отношение в гвардии к новичкам. Отметим сразу, что новым людям, особенно переведенным из армии, приходилось здесь нелегко. Уже на вербальном уровне вновь прибывших определяли как чужаков. При переводе новых солдат или офицеров в гвардию в полковых документах неизменно отмечалось, что человек был взят «со стороны»⁸¹.

Новички не были равны с остальными чинами гвардии в возможности получения повышения. Считалось, что во время баллотировок голоса таких мало пока известных в полку гвардейцев могут быть расценены как сомнительные⁸².

Неравенство между гвардейцами и людьми, переведенными из армии в Преображенский или Семеновский полки, существовало и в отношении получения жалованья. В 1725 г. лейтенант Преображенского полка Н. Шепелев подал полковому начальству прошение. В 1721 г. по указу Петра I он был переведен из армии в гвардию. При этом из армейского капитана он стал гвардии лейтенантом. В прошении Н. Шепелев указал, что по «Табели о рангах» армейские капитаны и лейтенанты от гвардии состоят в одном классе. Именно поэтому, как полагал Н. Шепелев, он должен был иметь «перед своею братию старшинство с 716 году как он написан в капитаны в гренадерский полк а не с определения в наш (Преображенский) полк в лейтенанты». Вероятно, сам того не осознавая, Н. Шепелев затронул очень важный вопрос. Ситуация с переводом из армии в гвардию была чрезвычайно сложной уже в Петровское время. Как показано выше, армейские офицеры и солдаты еще до появления «Табели о рангах» часто поступали в Преображенский и Семеновский полки с потерей чина и понижением жалованья. При этом человек попадал в ситуацию, когда о его прежней службе просто забывали. Он словно начинал службу заново. Старшинство такого офицера или солдата по отношению к людям одного с ним чина считали от года его вступления в гвардию, а не в армию вообще. Такое положение дел было болезненным для некогда переведенных из армии. Ведь старшинство напрямую влияло на размер жалованья. Переведенные из армии в гвардию часто жаловались на существование подобной системы.

Командир семеновцев И.И. Бутурлин, которому Н. Шепелев подал прошение, дать четкого ответа на вопрос не смог. Более того, этот документ, как кажется, поставил его в тупик, и он обратился к преображенцу В.В. Долгорукому со следующим вопросом: «Есть ли такие образцы кто б старшинство имел с тех чисел в которых в других полках написаны а не с определения в гвардию»⁸³. Конкретное решение по делу Н. Шепелева так и не было принято. Зато ровно через месяц после подачи прошения появился указ, определивший порядок разрешения таких вопросов. Избавляя гвардейских офицеров от совместничества с переведенными из армии, указ от 11 декабря 1725 г. повелевал: «Переводимых из других полков начальных людей в старшинстве писать и числить в гвардии с того года, месяца и числа, как они написаны, *и тем им быть довольным, что в гвардии написаны*, а прежнего старшинства им не значить»⁸⁴. Таким образом, практика, при которой переведенный из армии в гвардию солдат или офицер фактически начинал свою службу с нуля, была законодательно закреплена.

При таком отношении в гвардии далеко не все бывшие армейские чины могли быть уверены, что будут здесь безоговорочно приняты. Одним из наиболее ярких в этом плане может быть дело солдата И. Муралева. 22 сентября 1724 г. он был переведен к преображенцам из Ингерманландского полка, а уже 27 сентября того же года переведен обратно в Ингерманландский полк. Тот факт, что он пробыл в Преображенском полку всего пять дней, говорит о многом. Вероятнее всего, полковое начальство, а возможно, и значительно менее высокопоставленные чины гвардии сочли его «не подходящим». Точно так же вынужден был покинуть гвардию после года службы капрал лейб-гвардии Семеновского полка Ф. Максимович, бывший прежде «в других полках сержантом». Он был отослан в Военную коллегию «для определения» в какую-либо другую часть⁸⁵.

Такое отношение испытывали не только переведенные из армии солдаты. Х. Климберх (Клингенберг), бывший подполковником полка графа Фризена, указом Петра I от 20 мая 1707 г. был переведен майором в Преображенский полк⁸⁶. Это назначение вызвало негативную реакцию в гвардии. 28 июня того же года Петр был вынужден даже повторить свой указ⁸⁷. На этом, однако, дело не кончилось. Активное противодействие группы гвардейцев во главе с подполковником преображенцев М.Б. фон Кирхеном, требовавших убрать Х. Климберха, увенчалось успехом, и несостоявшийся майор гвардии вернулся в свой прежний полк. Отметим,

что одним из основных аргументов противников назначения являлось то, что Х. Климберх недостаточно знает русский язык и «грамоте ничего не умеет», а значит, «пользы... не будет»⁸⁸.

Кстати, здесь имеет смысл вернуться к вопросу об образовательном уровне в гвардии. Как отмечалось выше, в целом он был достаточно высоким по сравнению с армейским. Однако, несмотря на то что Преображенский и Семеновский полки были местом службы целого ряда просвещенных сподвижников Петра (Г.Г. Скорняков-Писарев, Б.И. Куракин, Л.В. Измайлов), неграмотность была здесь часто встречающимся явлением. Прежде всего это касалось солдат и младших офицеров⁸⁹.

Примечательно также и то, что даже гвардейцы, чей образовательный уровень оставался низким, отнюдь не всегда проявляли рвение в приобретении новых знаний или навыков. Показательна ситуация с очередным указом Петра I 1725 г. относительно обучения «инженерству» в гвардии. На сей раз императором был подписан указ о начале обучения на добровольной основе. При этом Петр I обещал, что подобные волонтеры будут награждены монаршей милостью и чинами. Согласно сохранившемуся списку, воспользоваться этой возможностью было предложено 79 семеновцам, 30 из которых были солдатами. При этом 29 человек из указанного списка находились в момент составления документа в отпусках или в «отлучках», а значит, не могли сообщить о своем решении. Из оставшихся 50 лишь 5 человек захотели продолжать обучение. При этом пожелали продолжать учебу исключительно нижние чины полка – солдаты и писарь, т. е. именно те, кто стремился продвинуться по карьерной и социальной лестнице. Даже приступив к учебе, гвардейцы часто ее бросали или проявляли полное нежелание. Все в том же Семеновском полку три солдата 7-й роты, обучавшиеся «инженерству», были из «...школы исключены и штрафованы». При этом, однако, каких-либо более серьезных наказаний к ним применено не было: они не только продолжали числиться в полку, но и вскоре были «отпущены в отпуск»⁹⁰.

Однако несмотря на подобное отношение к «науке», гвардейцы относились к обучению своих детей с абсолютной серьезностью. Из 104 детей дворян Преображенского полка, находившихся в 1724 г. в возрастной категории, подходящей для обучения (от 4 до 20 лет), процент детей, которые либо учились, либо уже обладали какими-то образовательными навыками, был достаточно высоким (33,6%). При этом сравнительный анализ демонстрирует, что дети офицерского состава являлись более

обученной группой, нежели дети нижних чинов (48 и 23% соответственно). Главной дисциплиной здесь была русская грамота. Следующим же по популярности предметом были иностранные языки. Так, если предположить, что дети, посланные для обучения в латинскую или немецкую школы, также не обходили своим вниманием древние и новые языки, то в целом можно сказать, что 14 из 35 обучающихся сыновей гвардейцев (40%) намеревались овладеть немецким, французским или латынью⁹¹.

Возвратимся к истории с подполковником Х. Климберхом. На фоне не столь уж активного стремления пополнять собственный багаж знаний гвардейцы, как кажется, со всей серьезностью отнеслись к навыкам и умениям своего потенциального сослуживца. Однако едва ли аргументы преображенцев относительно низкого профессионального уровня Х. Климберха выдерживают критики. В 1707 г. тенденция продвигать на тот или иной ключевой пост пусть несведущего, но иностранца отходила в прошлое, а уровня грамотности Х. Климберха вполне хватало для исполнения обязанностей подполковника неплохого армейского полка. Скорее всего, перед нами еще один случай, когда человек не был принят в полку по личным не известным нам причинам. Более того, этот случай свидетельствует о том, что отношения гвардейцев и государя Петра I не были односторонними. Апелляции к Петру как к полковнику Преображенского полка были часты и носили характер отнюдь не только челобитных и просьб. Зачастую, как в рассмотренном случае, прошения в завуалированной форме содержали нежелание принять в полк того или иного человека.

Определение комплекса причин, по которым офицер или солдат не был принят в полк гвардии, весьма затруднено. Источники чаще всего умалчивают о них. Однако очевидно, что дело тут не в том, что солдат И. Муралев или подполковник Х. Климберх не смогли соответствовать строгим нормам гвардии. Ведь в этих полках снисходительно относились к куда более существенным проступкам, нежели неумение написать свое имя. Так, в 1720 г. из гвардии был отчислен солдат П. Душардон. В перечислении «вин» последнего, в частности, сообщалось, что он дважды оставлял караул (18 февраля 1718 и 9 августа 1720 г.) и пять раз «своей волею» не являлся в полк (25 марта, 22 и 29 мая, 29 октября 1718 г., а также в период с 9 по 20 ноября 1720 г.)⁹². Отметим, что П. Душардон не только не был отчислен или переведен из полка после первого, второго или даже пятого проступка, но не всегда был наказан за них. Источники, сохранившиеся в полковом архи-

ве Преображенского полка, указывают, что в 1718 г. «марта 25 дня как пошли из Москвы он же Душардон собою в Москве остался а в полк явился в Питербурхе с адъютантом Раевским с амунициею за оную вину ему Душардону *не было штрафа*»⁹³. При том что в данном случае неявка в полк означала неучастие в походе, что следовало расценивать как побег.

А вот еще один пример – на сей раз с военнотружашим Семеновского полка. Сохранилась челобитная извозчика этой части Н. Машутина, датированная январем 1725 г. Н. Машутин, желавший получить солдатский чин, между прочим, сообщал, что с 1718 г. служил в полку в солдатах, а в 1721 г. за некую провинность был «бит батоги» и разжалован в извозчики. Как очевидно из материалов дела, он умолчал о том, что был «бит батоги» еще и в следующем, 1722 г. Каков же итог дела? Согласно резолюции на документе, Н. Машутин был снова произведен в солдаты⁹⁴. Иными словами, не раз пойманный на совершении провинности гвардеец вполне мог претендовать на неоднократное прощение и дальнейшее продвижение по службе.

Приведенные выше примеры отношения полкового руководства к провинностям самих гвардейцев и новичков из числа бывших армейских чинов позволяют говорить о существовании в Преображенском и Семеновском полках своего рода двойных стандартов поведения. То, что считалось приемлемым для офицера или даже солдата, долгое время служившего в гвардии, не расценивалось как допустимое для новичка.

Гвардейский коллектив легко принимал в свои ряды родственников своих сослуживцев. Ни один из упомянутых выше родственников гвардейцев, переведенных в Преображенский или Семеновский полки, не был исключен из гвардии в связи с тем, что «пользы... не будет» или «грамоте ничего не умеет».

Вероятно, столь же хорошо адаптировались в гвардии люди, имевшие здесь друзей или, по крайней мере, знакомых. Так обстояло дело с целой группой денщиков крупных военачальников, принятых в число солдат и ефрейторов гвардии. Все они – денщик генерал-майора Чернышева В. Стоумов⁹⁵, фельдмаршала Б.П. Шереметева С. Костюрин⁹⁶, денщики полковника Преображенского полка князя В.В. Долгорукого И. Заворнев, А. Ульянов и М. Сластунов⁹⁷ – стали преображенцами и, судя по материалам источников, служили еще долгое время.

Появление в этом списке трех последних фамилий особенно примечательно. Бывшие денщики В.В. Долгорукого

И. Заворнев, А. Ульянов и М. Сластунов поступили на службу в Преображенский полк 22 декабря 1718 г., всего через несколько месяцев после того, как их начальник был осужден по делу царевича Алексея. Во времена, когда опала, постигшая кого-либо из высших чинов, распространялась на все его семейство и многих приближенных, гвардейское руководство, и прежде всего сам Петр, не увидели никаких причин, препятствующих «записи» этих людей в солдаты гвардии. Вероятно, этот шаг объясняется пониманием относительности вины В.В. Долгорукого в указанном деле, а также значимостью его личности для гвардии. Так или иначе, но это еще раз доказывает существование здесь особых подходов как к принципам комплектования полков, так и к последующей оценке «годности» офицеров и солдат.

«Годность» преображенцев и семеновцев, впрочем, не сводилась исключительно к демонстрации своей причастности к гвардии как таковой. Согласно «Списку солдат, отставленных от Преображенского полка», датированному 1708 г., примерно пятая часть от общего числа покинувших полк (22 человека из 122) составляли солдаты, прослужившие здесь до трех лет, т. е. новички. При этом большая их часть была отчислена «за худобою и в коном строе не управен», «за старостью и безчеловечеством» или «за малоумием и за неуправлением дела»⁹⁸. Наверняка определить, каков был здесь процент армейских солдат, не представляется возможным. Однако очевидно, что среди неумелых, «бесчеловечных», а то и вовсе «малоумных» таковые были. При существовании такого отношения к «своим» и «чужим» эти критерии, вероятно, не стоит рассматривать как полностью соответствующие действительности.

Впрочем, нельзя утверждать, что переведенные из армии офицеры и солдаты никогда до конца не могли быть приняты в ряды «своих». Большинство новичков по прошествии времени все же смогли найти здесь свое место. Во многом это становилось возможным благодаря существовавшей в гвардии системе социализации новичков. Такая система была необходима не только из-за описанного выше отношения к вновь прибывшим. Вступление солдата или офицера в Преображенский или Семеновский полк означало полное принятие петровских общественных, политических и культурных преобразований. Последнее же, как неоднократно отмечалось в историографии, предполагало выбор между традиционной и новой культурой, выступало «как своего рода религиозное решение, связывающее человека на всю жизнь».

Принятие петровских культурных новшеств имело характер вступления в новую веру и обязывало к положительной рецепции всего комплекса петровских преобразований – от культа самого Петра I до переустройства государственного управления»⁹⁹. Социализация очевидным образом помогла сделать такой выбор.

Способов социализации в гвардии было достаточно много. По крайней мере в первую половину петровского царствования – это само проживание в подмосковных Преображенском и Семеновском. Эти села, особенно Преображенское, были по-настоящему знаковым корпоративным пространством.

Преображенское оставалось местом дислокации гвардии весьма продолжительное время, даже после принятия решения о переводе этих полков в северную столицу. Так, судя по «Докладам и приговорам правительствующего Сената...», в начале 1712 г. преображенцы и семеновцы в полном составе все еще находились в пределах Московской губернии¹⁰⁰. Более того, архивные документы, датированные февралем–ноябром 1724 г., показывают, что в Петербурге в это время находилось лишь 1772 преображенцев. 893 человека оставались в этот период в Москве¹⁰¹. Подобного уникального места компактного проживания чинов полка (к тому же в соседстве с семеновцами) в новой столице Петру I создать не удалось: планы по устройству гвардейских полковых слобод в это время реализованы не были.

Преображенское во многом оказалось абсолютно новым петровским проектом, весьма мало соотносящимся с подмосковной резиденцией царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. Ведь еще в конце XVII в. возникло деление на Старое и Новое Преображенское, граница между которыми проходила по реке Яузе. При этом Старо-Преображенское, располагавшееся на правом берегу реки и окружавшее дворец Алексея Михайловича, ставшее местом неофициальной ссылки второй жены царя Н.К. Нарышкиной и юного Петра, по-прежнему являлось своего рода дворцовой территорией. Ново-Преображенское, возникшее на месте компактного проживания дворцовых слуг, было солдатской слободой.

Уже с начала 1690-х годов соотношение между поселениями резко изменилось. В 1689 г., получив сообщение о готовящемся заговоре и опасаясь за собственную жизнь, Петр I бежал из Преображенского под защиту стен Троице-Сергиева монастыря, а после победы, одержанной в длительном противостоянии с царевной Софьей, окончательно покинул Старо-Преображенский

дворец. Перебравшись на противоположный берег Яузы, в более безопасную солдатскую слободу, он, по сути, начал создавать свое особое пространство.

В короткое время здесь был построен Нагорный дворец, именовавшийся в официальных документах «государевым потешным двором, что за рекою за Яузою»¹⁰². Представлявший собой, по сути, одноэтажную деревянную избу, дворец на некоторое время стал основной петровской резиденцией. Голландский этнограф и художник К. де Бруин, бывавший в Преображенском, достаточно четко локализовал это сооружение: «После великолепнейшего угощения здесь отправились все в Преображенский дворец (имеется в виду дворец в Ново-Преображенском. – Е. Б.), который считается как бы обычным местом пребывания капитана, так как его величество не принимал еще до сих пор на себя более высокого чина. Дворец этот был на расстоянии одного доброго получаса от города и очень близко от дворца князя Александра. Тут же находился и арсенал полка гвардейцев его величества»¹⁰³. Иными словами, дворец был относительно удален от Москвы, но при этом располагался в центре солдатских слобод и рядом с усадьбой Меншикова в селе Семеновском.

Датский посланник Ю. Юль, получивший аудиенцию у Петра I в его подмосковной резиденции, описал новый «царский двор» подробнее и эмоциональнее: «Предместье, где находится царский дом, в котором Царь дал мне аудиенцию, называется Преображенскою Слободой, ибо состоит она из барачков и домов Преображенскаго полка, главной царской гвардии. Когда полк в Москве, в Преображенской Слободе живут его офицеры и солдаты; когда он в походе, там остаются их жены и дети. Среди этих-то барачков, на маленьком холме, стоит деревянный царский домик; вокруг него разставлено небольшое количество металлических пушек»¹⁰⁴. Ф.-В Берхгольц, увидевший дом царя в Преображенском значительно позднее, в начале 1720-х годов, выражался еще более откровенно. По его словам, он увидел «старинный, маленький и плохой деревянный дом, за который, судя по его наружности и местоположению, нельзя дать и ста талеров. Глядя на него снаружи, нельзя не принять его за жилище простого человека, потому что в нем, по-видимому, нет и шести порядочных комнат... Стоит он в узком и дурном переулке, к которому с большой улицы ведет очень тесный проход, и окружен небольшим частоколом»¹⁰⁵.

Вместе с тем «плохой деревянный дом», появившийся посреди солдатской слободы, изменил ситуацию на качественном

уровне, поскольку превратил Ново-Преображенское в царскую резиденцию, а значит, средоточие всего, что непосредственно касалось монарха, начиная от государственно-представительских функций и заканчивая личными интересами и пристрастиями. А.Г. Брикнер заметил, что «престол при нем (Петре Великом. – Е.Б.) часто превращался в кафедру, с которой царь преподавал своему народу некоторые важнейшие начала политического и общественного прогресса...»¹⁰⁶ Очевидно, что в первые годы царствования этот престол находился именно в селе Преображенском.

Вот в этой уникальной обстановке протекала жизнь чинов Преображенского полка. При этом речь в данном случае шла не столько о пребывании в непосредственной близости от монарших дел и развлечений, сколько о непосредственном участии, не о сосуществовании, а о своего рода интерактивном взаимодействии. Ведь именно здесь широко принимали иноземцев, проводили бесчисленные армейские смотры, «экзерциции», тестировали разные «инвенции», а в Старо-Преображенском с середины 1700-х годов при содействии младшей сестры Петра I царевны Натальи Алексеевны устраивались театральные представления¹⁰⁷. Каждый из этих аспектов предполагал, если не требовал, по мнению монарха, участия гвардии. Взаимодействие носило тотальный характер и предполагало участие во всех событиях, происходивших в Преображенском, начиная от банкетов, крестин и свадеб и заканчивая бритьем бород и участием в казнях.

Этот последний аспект очень важен. В период подавления стрелецкого мятежа 1698 г. село Преображенское, где находился Преображенский приказ, становится местом пыток и казней стрельцов. Первые казни в селе состоялись в последний день сентября 1698 г. и продолжились в следующем месяце (13, 17–18, 21 октября) и даже в начале следующего 1699 г. (4 февраля). При этом, согласно подсчетам историка М.М. Богословского, за один только день 17 октября 1698 г. в Преображенском было обезглавлено 109 стрельцов, а 4 февраля 1699 г. – 192 человека¹⁰⁸. Участие гвардейцев в этих массовых казнях было известно современникам событий. Об этом, в частности, писали иностранцы-мемуаристы. Австриец И.Г. Корб сообщал о том, что «царь сам покарал в Преображенском топором пять преступников (стрельцов. – Е..Б.), при этом его окружали только его собственные солдаты»¹⁰⁹. Среди принимавших собственноручное участие в казнях были такие известные в будущем гвардейцы, как Ф.Ю. Ромодановский, А.Д. Меншиков, А.А. Головин, А.М. Новокрещенов¹¹⁰.

В Преображенском, впрочем, происходили не только реальные, но и символические (зачастую не менее страшные) экзекуции. Примером тому может стать казнь боярина И.М. Милославского в 1697 г. Скончавшийся почти за полтора десятилетия до этого, он был объявлен духовным наставником заговорщиков – стрельцов и приговорен к смерти. Церемониал посмертной казни был по-настоящему ужасающим. Труп Милославского достали из фамильной усыпальницы и доставили в Преображенское на саях, запряженных свиньями. После этого гроб был открыт и поставлен возле места казни стрельцов таким образом, чтобы кровь обезглавленных проливалась на мертвое тело князя. Затем труп Милославского разрубили и закопали под стрелецкими дыбами¹¹¹.

Ново-Преображенское, которое неизбежно приходило в запустение после переезда двора и части гвардии в Санкт-Петербург в начале 1710-х годов, тем не менее не было забыто окончательно. Каждый раз, приезжая в Москву, Петр I останавливался «...у себя на дворе в Преображенском». Царь неизменно приезжал сюда. Он слушал здесь рождественскую вечерню зимой 1708 г.¹¹², а посетив город через год, по традиции предпочел остановиться именно здесь, а не в Кремле¹¹³. Также Сенат регулярно издавал приговоры о немедленной починке «ветхаго строения» в Преображенском¹¹⁴. Особенно заботились, конечно же, о Нагорном дворце, который надлежало периодически «поновлять». Так, кабинет-секретарь Петра I А.В. Макаров сообщал в декабре 1717 г. А.И. Ушакову: «Царское величество указал к вам отписать, чтоб хоромы его величества в Преображенском велели вы немедленно починить, дабы к пришествию его величества были совсем готовы»¹¹⁵. Не менее важно было оберегать царские «хоромы» от пожара. Так, в 1710 г. в Преображенском случился большой пожар, причиной которого стал, вероятно, поджог. Ф.Ю. Ромодановский писал по этому поводу царю: «...Известно милости твоей буди сего сентября против 10-го числа в четвертом часу ночи учинился пожар в Преображенском в Салдацкой слободе. Загорелся во дворе Василья Корчмина в пустой избе, которая была близ караульни. Знатно, что зажгли. А згорело Васильев двор Корчмина, Моисея Буженинова да Гаврилова двора Кобылина воротная изба, сушило и заборы, а хоромы отстояли. А милости твоей двор насилу отстояли»¹¹⁶.

В конце своего царствования, когда Преображенское совершенно обезлюдело, а на место гвардейцев пришли отставные армейские солдаты, матросы парусной фабрики и даже оброч-

ные крестьяне¹¹⁷, Петр намеревался осуществить серьезный проект перестройки слободы, превратив ее в целый дворцовый ансамбль на Яузе. При этом император хотел сохранить потешную крепость Прешбург. И хотя из одобренного Петром проекта П. Еропкина почти ничего не было осуществлено¹¹⁸, стремление монарха очевидно.

Интересно, что такое особое, чрезвычайно концентрированное и до определенной степени изолированное от внешнего мира пространство Преображенского включало в свою орбиту и соседнее Семеновское с размещенным здесь полком гвардии, дворцом А.Д. Меншикова, Приказной палатой, а затем Ингерманландской (Ижорской) канцелярией, конюшнями, цейхгаузами (складами оружия, обмундирования и продовольствия), литьем пушек по «новым образцам», с испытанием пожарных огнегасительных труб, приемом иностранцев и неизменными военными учениями¹¹⁹. Именно так это воспринимали современники царя: Преображенское и Семеновское казалось некой единой «солдатской слободой»¹²⁰.

Впрочем, жизнь в мире, где все было устроено по иным правилам и действовали другие нормы поведения, была не единственным способом социализации в гвардии. Очевидно, что особую роль здесь играла война как таковая. Военная служба, безусловно, была основным объединяющим фактором. Нельзя не согласиться с распространенным мнением о том, что армейские чины «чаще всего чувствовали себя россиянами, членами единой семьи россиян в военной обстановке. Ведь ничто так не сближает и не объединяет людей, как чувство угрожающей всем опасности и необходимости самозащиты объединенными усилиями»¹²¹. Немаловажную роль здесь играло и участие в дерзких военных акциях, как, например, захват упомянутого бота «Эсперн», в котором погиб петровский любимец М. Щепотев, или вылазка 26 мая 1704 г., когда Петр I вместе с солдатами Преображенского полка взял штурмом два шведских корабля «шкуты»¹²².

Одной из форм сплочения гвардии являлось также участие в наказаниях и экзекуциях. Именно так можно трактовать широкое привлечение гвардии к казням и пыткам стрельцов – участников восстания 1698 г. и подписанию приговора по делу царевича Алексея в 1718 г. Факты такого рода были отмечены как современниками, так и историками гвардии¹²³.

Вовлекали новичков-гвардейцев в полковую жизнь, вероятно, и через участие их в разного рода церемониях конца XVII –

первой четверти XVIII в. В данном случае ритуал становился своего рода объединяющим действием.

Все церемониалы указанного периода по уровню значимости могут быть условно разделены на две группы. Это, во-первых, государственные, тщательно подготовленные, массовые и открытые для широкого обозрения военные или гражданские ритуалы. Акции такого рода в большинстве своем не являлись ежегодными мероприятиями, проводимыми в установленный срок. Как правило, это были празднования крупных событий (свадьба Петра I и Екатерины I в 1712 г., коронация Екатерины I в 1724 г., перенесение мощей св. Александра Невского из Владимира в Петербург в 1723 г.), военных побед (под Азовом в 1696 г., Полтавой в 1709 г.), а также ежегодные ритуалы по случаю Водосвятия и Вербного воскресенья.

Во-вторых, в рассматриваемый период можно отметить значительное количество акций, которые сложно причислить к церемониалам в прямом значении этого слова, но чья символическая природа очевидна. Наиболее показательны здесь акции «всешутейшего и всепьянейшего собора», незначительные военные парады и марши, бывшие частью военной подготовки элитных частей, а также разного рода празднования, такие как дни рождения или крестины.

Последняя категория церемоний представляется наиболее важной для процессов социализации новичков в гвардии, а наиболее существенной акцией такого рода можно считать собрания «сумасброднейшего, всешутейшего и всепьянейшего собора». Эта шутовская организация, созданная для увеселения и представления разнообразных церемоний (карнавалы, маскарады, парады) и являвшаяся, по мнению большинства историков, пародией на иерархов и порядки Русской православной церкви, представляла собой яркую структуру. Организованный, вероятнее всего, еще в самом начале 1690-х годов, «всешутейший и всепьянейший собор» просуществовал до самого конца петровского царствования.

Согласно разным подсчетам, число участников «собора» резко разнится. Большинство исследователей, однако, полагает, что количество приближенных Петра I, присутствовавших при такого рода акциях, вероятнее всего, ограничивалось тремя сотнями¹²⁴. Заметим, что Ф.Ю. Ромодановский и И.И. Бутурлин, командиры Преображенского и Семеновского полков соответственно, являлись активными участниками ассамблей «всешутейшего и всепьянейшего собора». Точное число гвардейцев, так или иначе

задействованных в акциях «собора», неизвестно. Однако факт их участия в разнообразных шутовских представлениях бесспорен. Вот один из примеров – свадьба П.И. Бутурлина. Известный мемуарист В.А. Нашокин описывает ее следующим образом. «Тогож году (1720 г.) князь-папа Петр Иванов сын Бутурлин женился. Свадьба его была курьозная: в маскарадном были платье. В оной свадьбе выбраны были трое скороходов, весьма претолстые люди Петр Павлович Шафиров, Иван Федоров сын Бутурлин, *Иван Степанов сын Собакин, офицер Семеновского полку*»¹²⁵.

Шутовские ассамблеи обычно проходили в Преображенском, т. е. в месте дислокации одного из гвардейских полков и в непо-средственной близости от другого. Можно предположить, что солдаты и офицеры Преображенского и Семеновского могли участвовать или, по крайней мере, наблюдать шутовские церемонии, так или иначе связанные со «всепьянейшим собором». Утверждение Н.И. Павленко о том, «в составе “всепьянейшего собора” не было ни губернаторов, ни сановников»¹²⁶, лишь подкрепляет предположение о том, что гвардейцы, возможно, составляли большой процент участников.

Вероятно, не осознавая этого, Петр I создавал в акциях «всешутейшего и всепьянейшего собора» реальность и модель поведения, принципиально противоположные общепринятым. Используя свои личные знания о каждом из участников «собора», царь влиял на их участие в тех или иных акциях, способствуя их большей вовлеченности в процесс постоянно меняющейся жизни.

Вообще стоит отметить, что игра сопровождала едва ли не всю историю формирования гвардии. Само возникновение ее из аморфного Потешного войска, в котором как современники, так и потомки видели «игрушку» юного царевича, не могло не наложить отпечаток на форму бытования преображенцев и семеновцев.

Стремление Петра I постоянно поддерживать здесь игровое начало, привлекая значительное число гвардейцев к акциям «всепьянейшего собора», способствовало не только созданию в гвардии критического отношения к внешнему миру, но и воспитанию лояльности к самым значительным планам реформ.

Помимо участия в церемониалах или рискованных вылазках, существовали также и другие варианты утверждения новичка в гвардии.

В делах Преображенского и Семеновского полков сохранились документы, ранее не известные историографии, но чрез-

вычайно важные для изучения истории гвардии Петра Великого. Речь идет о так называемых поручных записях.

Вот предыстория создания одной из них. 20 марта 1720 г. по приказу Петра I и по приговору Военной коллегии прапорщик Рижского гарнизона И. Гринев был лишен ранга за то, что «он в тот чин произведен не порядочно», а именно переведен из денщиков в прапорщики, не участвуя в военных действиях против регулярных шведских войск. В тот же день он был определен в гвардию солдатом¹²⁷. После его перевода в лейб-гвардии Семеновский полк И. Гринев подписывает упомянутую поручную запись. Приведем ее текст целиком.

«1720 года апреля в день ручили меня рижского гварнизона из афицеров ис прапорщиков Ивана Гринева в том что будучи мне лейб-гвардии Семеновском полку не пить не бражничать... и в карты не играть с воровскими людми не знатца... у себя воровским людям не держать и стоя на карауле ...никакой хитрости никак не учинить в том я Иван сын Парфенов писал. Лейб-гвардии Преображенского полку бонбардирской роты салдат Григорей Гринев по указу за брата своего Ивана Гринева. К сей поручной записи лейб-гвардии Семеновского полку третьей роты салдат Алексей Ширшин вместо поручика того ж полку первой роты Тимофея Черкасова, втарой роты Федосея Кракова, Екима Шишкина по их прошению руку приложил. К сей парушной записи лейб-гвардии Семеновского полку салдат четвертой роты Семен Муханов вместо поручиков таго ж полку четвертой роты Ивана Смирнова, девятой роты Агапа Маскалева, Арефья Невл[e]ва по их прошению руку приложил. К сей поручной записи лейб-гвардии Преображенского полку четвертой роты салдат князь Василей Мещерской вместо поручиков Семеновского полку ... девятой роты Самойл Сухорева Исая Окулова по их прошению руку приложил»¹²⁸.

Перед нами документ, фактически оформляющий прием нового человека в корпорацию. Именно в корпорацию, а не в Семеновский полк, поскольку поручителями солдата становятся гвардейцы обоих полков. Это не только вариант социализации для переведенного из армии разжалованного офицера, но и реальная попытка оформить корпоративность на формальном уровне.

Рассмотрение взаимоотношений гвардейцев позволяет сделать вывод о существовании здесь особой внутренней орга-

низации, отличающейся отсутствием абсолютного приоритета общепринятой военной иерархии и принципа соподчинения, характеризующейся чрезвычайным уважением к семейным связям в рамках полков, а также отсутствием целого ряда статусных барьеров между солдатами и офицерами. Взаимоотношения преображенцев и семеновцев с отставниками гвардии и ее новичками демонстрируют несомненную заинтересованность в поддержании связей с первыми и определенное недоверие ко вторым. Последнее, несомненно, можно расценивать как вариант защиты особых прав и привилегий членов корпорации. Найденные в полковых архивах поручные записи позволяют зафиксировать первые попытки оформить корпоративность документально.

2

Взаимоотношения преображенцев и семеновцев

При всей формальной обособленности каждого из полков, на протяжении конца XVII – первой четверти XVIII в. они во многом представляли собой одну целостную «дружину» императора Петра I. Такое предположение подтверждается фактами, свидетельствующими, что автономия каждого из полков по отношению друг к другу не была в это время абсолютной.

Об этом говорит, прежде всего, система управления обоими полками. Как уже отмечалось, перемещение части Потешных в село Семеновское еще в 1687 г. привело в итоге к разделению их в начале 1690-х годов на два полка. Была проведена и реорганизация Преображенской Потешной избы, вместо которой были созданы две съезжие избы – Преображенская и Семеновская. Но «разделение управления полками между двумя избами было осуществлено не полностью. Преображенский и Семеновский полки как будущая гвардия представляли собой единый военный организм и общее управление оставалось централизованным»¹²⁹. Суть этого явления сводится, пожалуй, к тому, что распределение обязанностей между созданными учреждениями было неравномерным: Преображенская съезжая изба контролировала жизнь Преображенского полка целиком и полностью, тогда как

Семеновская съезжая изба выполняла все функции управления Семеновским полком, кроме военной. Эта последняя обязанность была возложена на Преображенскую съезжую избу. Отметим, что с началом Северной войны военное управление полка стало включать в себя все аспекты его существования, а значит, Преображенская съезжая изба являлась фактическим и единственным центром руководства будущими гвардейскими полками.

Последующее переименование в 1695 г. Преображенской съезжей избы в Преображенский приказ и широкое привлечение гвардии к деятельности этой структуры по проведению следствия и суда также способствовали тому, что связи между преображенцами и семеновцами были довольно тесными.

Решение целого ряда административных вопросов оставалось коллективным. К числу подобных проблем относилось денежное и хлебное содержание гвардейских полков. Средства на выплату жалованья, пошива униформы, содержания лошадей выдавались всей гвардии, а не каждому из полков отдельно¹³⁰. Например, 31 декабря 1711 г. Сенат приговорил «...лейб-гвардии маэору Панкратию Глебовскому... выдать ныне 500 рублей с манетного медного двора на строение мундиру и полковых припасов на Преображенский и Семеновский полки»¹³¹.

Проблемы комплектования гвардии также часто решались общими усилиями. Так, в середине 1710-х годов высшие чины Преображенского полка обратились к Петру I с просьбой о введении в гвардии должности аудитора, «хотя б к обоим полкам один был определен»¹³². В 1711 г. командир преображенцев В.В. Долгорукий точно так же просил Петра назначить в оба полка гвардии *одного* комиссара «для приему и роздачи денег»¹³³. Такие формулировки наводят на мысль, что в это время в гвардии существовала практика назначать по мере необходимости одного человека для выполнения обязанностей как в Семеновском, так и в Преображенском полку одновременно. Чаще это касалось единого управления полками.

Это подтверждается рядом материалов. В делах преображенцев сохранилась аттестация В.В. Долгорукого, данная им 27 апреля 1715 г. капитану этого полка князю Щербатову. Документ был подготовлен по запросу фельдмаршала Б.П. Шереметева о возможном переводе Щербатова на службу в Невский пехотный полк в чине полковника. В.В. Долгорукий, всегда прекрасно аттестовавший своих подчиненных, утверждал, что Щербатов обладает достаточным опытом для получения чина армейского

полковника, поскольку, будучи капитаном Преображенского полка, долгое время «за маэоре лейб-гвардии в Семеновском полку управление имел»¹³⁴. О существовании такой практики говорят и челобитные гвардейцев. Семеновцы часто приносили свои жалобы командирам-преображенцам¹³⁵. Тот факт, что такие действия являлись грубым нарушением положения о правилах подачи жалоб, вероятно, никого не удивлял. Во всяком случае, источники умалчивают о наказаниях таких челобитчиков.

После смерти Петра I, в конце 1720 – начале 1730-х годов, практика единого управления полками гвардии нашла свое развитие на уровне пожалований целому ряду известных преобращенцев офицерских чинов Семеновского полка. В 1730 г. майор преобращенцев А.И. Ушаков стал подполковником Семеновского полка¹³⁶. В это время семеновцы также часто становились офицерами-преобращенцами. И.И. Дмитриев-Мамонов, будучи майором Семеновского полка, в 1727 г. получил чин подполковника преобращенцев¹³⁷.

Принимая во внимание практику единого управления, неудивительно, что в конце XVII – первой четверти XVIII в. проведение ряда военных акций и исполнение специальных поручений возлагалось на сводные гвардейские команды. В 1713 г., во время взятия Фридрихштадта, города в Шлезвиге, из трех батальонов преобращенцев и двух батальонов семеновцев была сформирована именно такая команда. Руководил ею майор Преображенского полка П. Глебов¹³⁸. Этот пример, конечно, далеко не единственный¹³⁹.

Связи между преобращенцами и семеновцами на уровне управления и исполнения полномочий способствовали тому, что между полками сформировалось своего рода единое информационное пространство. В этом отношении показательным представляется уже упоминавшийся приказ Петра I семеновцу князю М.М. Голицыну о необходимости отослать офицера Преображенского полка Норова для строительства моста через Днепр. В этом случае приказ Норову был отдан в обход его прямого командира М.Б. фон Кирхена, который, в свою очередь, получил эту информацию от князя Голицына¹⁴⁰.

О крупных назначениях и повышениях в чине кого-либо из семеновцев или преобращенцев объявлялось в обоих полках. 19 мая 1722 г. в Преображенском полку был получен ордер о том, что «минувшего апреля в 20 день императорское величество пожаловал господина маэора и от бомбардир капитана лейтенанта Василия Корчмина в брегадиры», в том же документе было объяв-

лено «в лейб-гвардии Семеновском полку о том публиковать»¹⁴¹. В этом же году семеновцам было объявлено и о получении майором Преображенского полка Г.Г. Скорняковым-Писаревым армейского чина генерал-майора¹⁴². Гвардейские полки получали информацию не только об отличившихся преображенцах и семеновцах. Наказания преступников из числа их сослуживцев часто проходили перед строем обоих полков. Так, 8 апреля 1714 г. «...был собран в строй Преображенской и Семеновской полки, при которых было вершение по делу Никиты Ржевского, которого клали на плаху, и потом в животе его даровали и били кнутом перед строем»¹⁴³.

Между преображенцами и семеновцами существовали и просто дружеские связи. Преображенцы и семеновцы принимали участие в личных делах друг друга: известны многочисленные случаи участия гвардейцев разных полков в оформлении документов чинов соседнего полка, таких, например, как закладные, купчие, даже поручные записи¹⁴⁴.

Однако, несмотря на существование тесных связей между полками петровской гвардии, еще в конце XVII в. наметилась тенденция, связанная с установлением первенства преображенцев по отношению к семеновцам: их чаще предпочитали использовать при выполнении и придворных функций, и специальных заданий, связанных с участием в системе управления империей.

Процесс этот продолжился и в первой четверти XVIII в. Об этом свидетельствует целый ряд обстоятельств. Следует отметить, что на протяжении всего петровского царствования по количеству личного состава преображенцы отличались от семеновцев. В год первого Нарвского сражения личный состав Преображенского полка насчитывал 2204 человека, а Семеновского всего 1589¹⁴⁵. Судя по «Докладам и приговорам» Сената, в начале 1712 г. «в лейб-гвардии в Преображенском... налицо служащих 2400, в Семеновском... 1800 человек»¹⁴⁶. Таким образом, количество офицеров и солдат в Преображенском и Семеновском полках не было постоянным и, что существенно, не было равным в численном отношении.

Неравенство полков было заметно в связи с возникновением своеобразной системы организации управления отдельными гвардейскими подразделениями в экстренных случаях. Как указывалось выше, в петровское время часто имели место случаи формирования из солдат обоих полков единого подразделения для выполнения какой-либо особой задачи. Зимой 1702 г. были получены сведения о намерении войск крымского хана, Белгородской

орды и запорожских казаков напасть на Воронеж. Для выяснения обстановки к месту возможного набега было решено направить батальон гвардейцев. Однако в силу неясных причин Петр I предпочел отправить сводный «батальон солдат преображенских и семеновских». Командиром был назначен майор Преображенского полка В. Рикман (Рихман)¹⁴⁷. Этот случай далеко не единственный. Во время осады Нарвы в 1704 г. солдаты обоих полков посылались на работы всегда под общей командой кого-либо из старших офицеров Преображенского полка, например М.Б. фон Кирхена, имевшего тогда чин майора¹⁴⁸. Примеры можно было бы продолжать¹⁴⁹. Командирами таких подразделений всегда были преображенцы.

Подтверждение неравенства между частями можно найти не только в военной сфере. Зачастую решение каких-либо бытовых или финансовых вопросов, важных для обоих полков, также отдавалось в ведение преображенцев. Так, уже упоминалось, что в 1711 г. лейб-гвардии майор Преображенского полка Панкратий Глебовский занимался «строением мундиров» и «полковым припасом» для обоих полков¹⁵⁰. Этот случай мог бы показаться тривиальным. Однако такая мелочь могла, возможно, при наличии определенных обстоятельств способствовать неравномерному расходованию полученных средств. Более того, преображенцы часто напрямую «курировали» разные дела у семеновцев. Например, по приговору Сената от 30 мая 1715 г. «О довольствии в Ревеле солдат Семеновского и Ингерманландского полков вином и мясом» решение этого вопроса было поручено преображенцу В.В. Долгорукому¹⁵¹.

Те, кому сами семеновцы наносили какой-либо вред или урон, также часто обращались к командованию Преображенского полка. Именно так действовал «иноземец» Густав, продавший солдату Семеновского полка Ф. Лепунову свой «двор» на Посадской улице. Ф. Лепунов, обещавший заплатить за него 350 рублей, отдал лишь 255. Иноземец принес жалобу на чинимые семеновцем «обиды» командиру преображенцев В.В. Долгорукому¹⁵². Так же вели себя жители, претерпевшие от действий близкого к гвардии Астраханского полка. По их мнению, вероятно, преображенцы «курировали» дела семеновцев и астраханцев. Преображенцы столь часто появлялись в качестве своего рода контролирующей и карающей инстанции, что апеллировать к ним, возможно, считалось делом обычным.

Командиры-преображенцы имели возможность влиять не только на решение бытовых проблем семеновцев, но и

на продвижение последних по службе. Согласно документам Преображенского полка, В.В. Долгорукий часто составлял семеновцам аттестации для производства в следующий чин¹⁵³.

Распределение ролей между полками гвардии было зафиксировано на уровне законодательства и ритуалов. Все нововведения тестировались в Преображенском полку и лишь затем распространялись на семеновцев. Так произошло с практикой обязательного обучения офицеров-гвардейцев «инженерству». Указ о запрещении производства офицеров, не обладавших подобными знаниями, в следующий чин, вероятно, был объявлен преображенцам ранее, чем семеновцам¹⁵⁴. Более того, ряд важных указов, таких как постановление об освобождении из крепостного состояния солдат, добровольно записавшихся в гвардию, и членов их семей, сохранились только относительно Преображенского полка¹⁵⁵. И хотя предположение о возможной последующей передаче этого права семеновцам вполне вероятно, утверждать, что права и привилегии полков были абсолютно равными, мы не можем.

Преображенский полк в силу своей приоритетности был лучше оберегаем и обласкан. Здесь был более стабильный личный состав. Даже учитывая неравенство численности двух полков, процент офицеров-преображенцев, служивших продолжительное время (более 10 лет), был существенно выше, нежели в Семеновском полку¹⁵⁶.

Вероятно, при серьезном внимании к вопросам комплектования гвардии вообще Петр I все же контролировал пополнение Семеновского полка чуть менее придирчиво. Так, большая часть массовых переводов из армии в конце и после Северной войны приходится на Семеновский полк. В 1715 г. «на убыль места» Семеновского полка было 170 человек из Казанского драгунского полка, а после войны 372 человека из Финляндского корпуса¹⁵⁷. Интересно, что выбор семеновцев, поступавших на службу в армию, Петр I в отдельных случаях мог перепоручить кому-либо из армейских чинов, тогда как любые назначения в Преображенском полку контролировали либо высшие офицеры-преображенцы, либо он сам. В июле 1707 г. царь поручил эту миссию Б.П. Шереметеву: «В пехотные полки в дополнку афицеров изволь выбрать из урядников и из недорослей Семеновского полку, а из Преображенского сам выберу»¹⁵⁸.

Первоначальная причина формирования несомненного приоритета преображенцев, вероятно, была связана со службой самого Петра I в Преображенском полку. Такая расстановка сил

была закреплена на уровне управления полками, что, в свою очередь, способствовало установлению особой системы подчиненности, при которой офицеры-преображенцы, несомненно, имели более высокий статус и могли быть временно назначены командирами не только сводных частей, состоящих из солдат обоих гвардии полков, но и отдельных подразделений Семеновского полка.

Интересно при этом, что солдатских, а тем более офицерских переводов из Семеновского полка в Преображенский и наоборот было очень немного¹⁵⁹. Один из самых известных – упоминавшийся выше перевод М.А. Матюшкина из Семеновского полка в Преображенский¹⁶⁰. Подобные случаи, впрочем, были единичными¹⁶¹ по сравнению с общим числом переводов из армии в гвардию. При этом, как правило, в полковых документах значилась причина такого перевода. Отправка одного из немногих офицеров-преображенцев на службу в Семеновский полк сопровождалась указанием на необходимость такого шага. Сделано это было с практической целью – «для обучения обер- и унтер-офицеров и солдат инженерной науке». Показательно также дело офицера-семеновца П.А. Шестемирова, переведенного в 1708 г. в лейб-гвардии Преображенский полк. В том же году он был зачислен обратно в Семеновский полк¹⁶². Неизвестно, было ли это сделано с какой-либо практической целью, или офицер просто чем-то не угодил полковому начальству.

Примечательно и соотношение между полками применительно к тезису о семейственности в гвардии. Источники указывают на то, что преображенцы могли иметь родственников среди семеновцев, и наоборот¹⁶³. Однако в данном случае важную роль играет численное соотношение. Чрезвычайно существенно и соотношение между обоими полками гвардии. Согласно полковым спискам за 1719 г., лишь 13 преображенцев (менее 1%) имели братьев в обоих полках гвардии. И только пять офицеров и солдат того же полка (менее 1%) отмечали наличие последних только в Семеновском полку. Это еще раз показывает автономное во многом существование Преображенского и Семеновского полков¹⁶⁴.

Система разграничений между преображенцами и семеновцами действовала даже при окончании службы в гвардии. Ведь отставные роты продолжали принцип разделения: каждый полк имел отдельную отставную роту.

Эти нигде не зафиксированные правила, а также последующее более частое использование преображенцев для выполнения тех или иных специальных поручений способствовали созданию

особых психологических установок как у преображенцев, так и у семеновцев.

Превосходное свидетельство тому – письмо «генералиссимуса» Семеновского полка И.И. Бутурлина Петру I от 19 августа 1695 г. Сообщая государю, что в Семеновском «...твоими бунбардирскими молитвами, слава Богу...» все хорошо, Бутурлин обращается к Петру со следующей просьбой: «...да пожалуй, государь мой, побей челом генералу своему Афтамону Михайловичу (А.М. Головин, полковник Преображенского полка. – Е. Б.), чтоб он был милостив с Семеновским полковником и к начальным людем и ко всему Семеновскому полку, также и сам, пожалуй, буди к нам милостив»¹⁶⁵.

Заметим: Бутурлин здесь ведет себя не просто как подданный государя, но и как непосредственный подчиненный Головина. При этом, по ощущениям И.И. Бутурлина, полковник Преображенского полка стоит к государю ближе, чем командир семеновцев.

Очевидно, что восприятие фигуры государя у преображенцев несколько отличалось от точки зрения семеновцев. Переписка императора с семеновцами позволяет сделать ряд достаточно важных выводов. Прежде всего, обращает на себя внимание довольно низкая интенсивность переписки Петра I с семеновцами. Во-вторых, письма государя, направленные в этот полк, всегда обращены к старшим обер-офицерам – майорам, подполковникам, полковникам. Заметим, что в огромном количестве писем Петра Великого к преображенцам послания к нижним чинам нередки. В-третьих, сама переписка семеновцев с Петром I более формализованна. Вот реакция полковника Семеновского полка И.И. Чамберса на одно из писем Петра: «И я воспряхом, за такую великую милость восхвалил Господа Бога; и не мог такую великую радость в себе скрыть, послал к товарищем своим, к полуполковнику, к маеорам, и протчим чинам, и салдатом, и ту твою превысочайшую милость им объявил и поздравил. И оне, товарищи мои, и салдаты, восхваля Бога, обвеселились с великим благодарением»¹⁶⁶. Этот отрывок исключительно показателен: переписка преображенцев и Петра Великого носила куда менее формальный характер.

Более того, как уже упоминалось, преображенцы неизменно воспринимали Петра I как своего полкового командира. Они демонстрировали наличие подобных связей. В «Походном журнале» Петра I за 1714 г. указано, что 2 апреля преображенцы, вошедшие в Петербург, проходя мимо «дома государева Зимняго... палили

из ружья», вероятно, приветствуя царя как своего полковника. Интересно, что, согласно тому же источнику, через два дня тем же путем в город вошли семеновцы. При этом при прохождении мимо «дома государева» «никакого шума» не было¹⁶⁷.

Некоторое символическое неравенство гвардейских частей проявлялось и на визуальном уровне. Как уже отмечалось, во время многочисленных церемоний Петровской эпохи преображенцы демонстрировали свое особое положение при особе государя. Командир Семеновского полка принимал участие в церемониях высокого порядка, но его роль по отношению к высшим офицерам Преображенского полка всегда вторична. Вот описание торжественной литургии по случаю празднования дня Полтавской баталии (27 июня 1721 г.). «Шагах в пятидесяти от алтаря стоял его величество... Позади его стояли подполковники гвардии: по правую сторону князь Меншиков, по левую – генерал Бутурлин, а за ними в три или четыре ряда, большое число обер-офицеров с пиками в руках и шляпами под мышкой»¹⁶⁸. Таким образом, А.Д. Меншиков, представлявший преображенцев, занимает место, символически более значимое, нежели семеновец И.И. Бутурлин.

Семеновцы, действительно, чувствовали себя более дистанцированными от особы Петра и более близкими к армейским частям. Сопоставление самой формулировки указов, изданных в полках гвардии под влиянием сходных обстоятельств, позволяет выявить очевидный уровень различий. В 1708 г. по Семеновскому полку был распространен приказ: «Как прибудем в Полоцк чтоб господа *капитаны* пересмотрели у солдат мундир и ружье ежели у кого что попортилось приказать починить»¹⁶⁹. Аналогичный указ в Преображенском полку звучал несколько иначе: «...приказать *каптенармусам* у салдат смотреть как за мундиром так и за амуницией»¹⁷⁰. Речь идет отнюдь не только о более бережном отношении семеновцев к оружию и амуниции, которые, между прочим, часто доставались им старыми, после использования преображенцами¹⁷¹, а об иной организации жизни в полку.

Согласно полковым спискам, чинопроизводство в Семеновском полку в большей степени соответствовало армейским правилам и нормам: капитан-поручики переводились в капитаны, поручики – в капитан-поручики, подпоручики – в поручики, прапорщики – в подпоручики, сержанты – в прапорщики и т. д. Перескакивание через одну или более ступеней в военной иерархии чинов, столь распространенное в Преображенском полку, для семеновцев было куда менее характерным.

Существовала и другая сторона этого процесса. Чины Семеновского полка были более дисциплинированы, нежели гвардейцы-преображенцы. Они аккуратно относились к сбору каждодневной информации о числе солдат и капралов, лошадей, подвод, больных и т. д.¹⁷² Здесь не было неразберихи в финансовых документах или материалах, фиксировавших чинопроизводство в полку¹⁷³, тогда как неразбериха такого рода была для преображенцев едва ли не нормой жизни.

Все вышесказанное вполне совпадает с восприятием подобных внутрикорпоративных отношений современниками. Прежде всего, не вызывает сомнения тот факт, что с точки зрения социума гвардейские полки составляли во многом некую цельную единицу. Звучала даже формулировка «царские гвардии»¹⁷⁴. Иностранцы отмечали, что Семеновский полк «...во всех отношениях уравнен с Преображенским»¹⁷⁵.

Вместе с тем статусное разделение в корпорации не осталось незамеченным. Рассмотрение конфликтных ситуаций, в которые попадали гвардейцы в первой четверти XVIII в., позволяет сделать вывод о том, что в основном семеновцы выступали в роли пострадавших, тогда как преображенцы были скорее зачинщиками. В 1708 г. капитан Семеновского полка А. Шамордин подал в приказ жалобу на помещика Ф. Арнаутова. Последний захватил имущество и учинил «буйство» над его людьми в деревне Колугиной Орловского уезда, которой владел семеновец¹⁷⁶. Такие случаи были частым явлением в первые десятилетия царствования Петра I¹⁷⁷.

С течением времени ситуация не изменялась. В 1713 г. прапорщик Семеновского полка И. Рыкунов «бил челом» на капитана Ингерманландского полка Буркова и майора той же части Чичерина. Последние по непонятным причинам не пропустили его, а также следующих с ним больных солдат через переправу. Более того, по сообщениям прапорщика, он был арестован и избит¹⁷⁸. Сравним случаи такого рода с делом солдата-преображенца, который сумел найти место для постоя, прогнав из квартиры армейского капитана, упомянутого в «Дневнике» Ф.-В. Берхгольца¹⁷⁹.

Приведенные факты свидетельствуют о четком понимании в обществе различий между преображенцами и семеновцами. Преображенский полк был не просто лидером тандема. Это была единственная часть в русской армии, командиром которой был сам царь. Последний факт поднимал преображенцев на недосягаемую (даже для семеновцев) высоту.

Неизвестно отношение семеновцев к первенству преображенцев. Историк Семеновского полка П.П. Карцов, например, считал, что подобную расстановку сил чины Семеновского полка не могли расценивать как справедливую. Он полагал, что фактическое подчинение их полка преображенцам не устраивало полковое начальство. В качестве аргумента приводится тот факт, что с 1717 г. командир семеновцев М.М. Голицын постоянно получал жалобы от своих солдат и офицеров на неспешность принимаемых Ф.Ю. Ромодановским решений по делам семеновцев. Указ от 19 декабря 1723 г., согласно которому все ведомости и требования Семеновского полка следовало подавать в Штатс-контору вместо Преображенского приказа, и последующий перевод семеновцев в ведение Сената и Военной коллегии расцениваются историком как результат подобного процесса¹⁸⁰.

И хотя известные нам источники умалчивают о конфликтах, возникавших между командованием семеновцев и Преображенским приказом, подобная оценка событий, несомненно, имеет право на существование. Ведь конец 1710 – начало 1720-х годов – время осознания гвардией в целом и семеновцами в частности своего высокого статуса в системе российской государственности. Это, в свою очередь, могло способствовать стремлениям к перераспределению ролей в рамках корпорации. Однако в период петровского царствования подобные идеи не могли быть реализованы.

В целом можно констатировать установление в конце XVII – первой четверти XVIII в. основ системы отношений в гвардии, связанных, прежде всего, с традициями первенства преображенцев по отношению не просто к другим полкам, но и к семеновцам. Несмотря на непосредственную близость полков гвардии друг к другу, единый круг полномочий и привилегий, семеновцы всегда были вторыми в тандеме, абсолютными лидерами которого являлись преображенцы.

Распределение статусных ролей, впрочем, не ограничивалось оформлением отношений между преображенцами и семеновцами. В каждом из полков гвардии существовали свои элитные группы.

В Преображенском полку таковой считалась *Бомбардирская рота*. Большинство историков датируют ее появление 1694 г.¹⁸¹ Руководил ею в этот период иноземец инженер Я. Гуммерт. Статус лейб-гвардейской рота получила в 1711 г., когда была основана Бомбардирская рота Первого артиллерийского полка и возникла

необходимость продемонстрировать на знаковом уровне отличия бомбардиров-преображенцев¹⁸².

Преимущества, которые получила Бомбардирская рота, так же как и первостатейность преображенцев в целом, были связаны с ролью Петра I. В 1700 г. царь принял звание капитана Бомбардирской роты Преображенского полка. В историографии существует предположение о том, что сама идея стать капитаном этой роты появилась у Петра I в связи со стремлением подражать Людовику XIV, который в то же время объявил себя полковником королевского бомбардирского батальона¹⁸³. Хотя, возможно, такое решение было связано с предательством и бегством к шведам в этом же году командира бомбардиров Я. Гуммерта. Так или иначе, Петр I принимал активное участие в управлении ротой. Известно, что он лично командовал ею в 1700 и 1704 гг. во время первой и второй осады Нарвы, в 1702 г. при Нотебурге, а также в 1703 г. при Ниеншанце.

Бомбардиры имели преимущество в один чин против своих сослуживцев. Судя по указу 1719 г., это правило распространялось также на урядников и рядовых. Бомбардир здесь был выше гвардейского солдатского капрала¹⁸⁴. По сравнению с другими преображенцами бомбардиры также получали более высокие оклады. Разница могла быть весьма существенной¹⁸⁵.

Последнее, вероятнее всего, имело большое влияние на имущественное положение служащих в Бомбардирской роте. В середине 1720-х годов из всех унтер-офицеров гвардии Преображенского полка собственные дома в Санкт-Петербурге были только у сержанта И. Казимерова, каптенармуса В. Бестужева, капрала П. Козлова. Все они служили в Бомбардирской роте¹⁸⁶.

Историки, размышлявшие над причинами возникновения особого статуса Бомбардирской роты, указывают, что пушкари составляли в период царствования Петра Великого особую элитную группу в рамках русской армии, а переводы сюда были наградой за службу¹⁸⁷, ведь именно здесь служил монарх. Впрочем, самые первые наборы в роту, как и в гвардию в целом, составляли волонтеры, чему способствовали указы Петра I, в частности положение от 31 октября 1701 г. о рекрутировании в Бомбардирскую роту «всяких чинов людей, кто похочет»¹⁸⁸.

Впоследствии ситуация изменилась. Стоит отметить, что на протяжении всего царствования Петра зачисления в Бомбардирскую роту не были частым явлением. В своих обращениях к Петру I преобразенцы часто жаловались, что «Бом-

бардирская рота никогда себе комплекту людьми не имеет...»¹⁸⁹ Действительно, в 1716–1717 гг. рота состояла из 222 человек вместо 250 положенных¹⁹⁰. Показательно и большое количество служивших здесь в разное время друзей императора. Среди них были Я. Воронин, С. Буженинов, А. Д. Меншиков¹⁹¹.

Преимущества бомбардиров по отношению к преображенцам, вероятно, также были связаны с уровнем знаний и навыков, которыми они обладали. Рота комплектовалась из бомбардирских учеников. Последние, в свою очередь, рекрутировались из выпускников Навигацкой, Инженерной и Артиллерийской школ¹⁹².

Со временем само бомбардирское дело стало считаться престижным. Показательно здесь дознание по делу капрала этой роты С. Морозова. Он, по сообщениям капрала Преображенского полка Д. Хрущова, намеревался, получив «пашпорт», идти на службу «в войско шаха персицкого». Морозов, отвергая обвинения, отвечал, что хотел лишь уехать из столицы, предварительно «...поучась в Москве бомбардирству». Последнее было нужно, так как, по его мнению, именно овладев этой «наукой», «*мог... в отчизне своей иметь пропитание*»¹⁹³.

Интересно, что преимущества Бомбардирской роты выразилось также особым символическим образом. По сообщению П. Потоцкого, в обязанности бомбардиров входило устройство походной церкви, а также забота об иконе Св. Николая, пожалованной Петром I Бомбардирской роте в 1694 г. и находившейся при гвардии в битвах под Нарвой, Полтавой и на Пруте¹⁹⁴.

Указание на привилегированное положение Бомбардирской роты Преображенского полка не может полностью закрыть тему о существовании элитных групп в рамках гвардии. В Преображенском и Семеновском полках периода царствования Петра Великого существовала широкая практика перевода гвардейцев из одной роты полка в другую, не меняя при этом чина переведенного. Подчеркнем: эта практика носила массовый характер¹⁹⁵.

Большинство таких случаев отмечается в солдатской среде, хотя источники фиксируют и случаи офицерских переводов такого рода. В 1707 г. капитан 7-й роты Преображенского полка П. Глебовский и поручик 6-й роты И. Юров были переведены в 3-ю роту того же полка, сохранив свои прежние чины. В этом же году преображенец капитан 14-й роты Д. Плуталов был объявлен капитаном 2-й роты, а поручик 14-й роты все того же полка Б. Бохин стал поручиком Гренадерской роты¹⁹⁶.

Несмотря на то что все приведенные примеры взяты из материалов фонда преображенцев, подобная практика была распространена и в Семеновском полку¹⁹⁷. В «Списке солдат и офицеров Семеновского полка» за 1719 г., например, есть следующая запись: «Максим Шишов (солдат 1-й роты Семеновского полка), апреля в 14 день умре... оклад ево отдан в 3 роту... на ево место из 9 роты солдат Сергей Фомин апреля в 14 день»¹⁹⁸.

Часто такие переводы оказывались парными, т. е. задействованные в такой перестановке солдаты или офицеры менялись местами. В 1712 г. солдат 1-й роты Семеновского полка С. Пахомов был «назначен» в 4-ю роту этого же полка. Его место занял солдат-семеновец 4-й роты А. Назаров¹⁹⁹. Подобная перестановка была произведена и относительно солдат того же полка Я. Голубя и П. Богомолова, служивших в 1-й и 12-й ротах соответственно²⁰⁰. Случаи такого рода также не единичны²⁰¹.

Перевод солдат, унтер- и обер-офицеров из одной роты полка в другую не следует связывать с изменениями в содержании этих людей. Полковые документы не фиксируют в таких случаях повышение каких-либо выплат. Примером тому может послужить перевод уже упоминавшегося солдата-семеновца С. Фомина. Он был назначен на службу в 1-ю роту на место солдата, чей повышенный оклад был еще ранее отдан третьему лицу.

При этом переводы производились из конца ротного списка в начало, и наоборот. Например, солдаты 3-й роты переходили на службу в 10-ю или офицеры 9-й роты назначались во 2-ю. Такие переводы из 1-й роты во 2-ю или из 9-й в 10-ю не проводились. Создается впечатление, что каждый из полков гвардии был условно поделен на две части, между которыми происходил своего рода обмен людьми.

Каковы причины формирования практики переводов? Источники в большинстве случаев умалчивают о том, чем были вызваны столь многочисленные и, казалось бы, бессмысленные перестановки гвардейцев. Однако в 1719 г. при переводе солдата Семеновского полка И. Дьякова из Гренадерской в 4-ю роту упоминалось, что сделано это было из-за «малого роста» солдата²⁰². По той же причине был «написан» семеновец А. Моковеев в 11-ю роту из Гренадерской²⁰³. Приведенные факты указывают на то, что появление традиции переводов без перемены чина и содержания было вызвано стремлением полкового начальства сделать первые роты более репрезентативными.

С одной стороны, вполне возможно допустить появление тенденции к изменению внешнего вида первых рот полков гвардии. Ведь именно они чаще всего использовались при исполнении церемониала. Однако, с другой стороны, рассмотренные выше принципы комплектования Преображенского и Семеновского полков позволяют предположить, что задача репрезентации осуществлялась бы уже на уровне первичного отбора в гвардию. Да и сама необходимость улучшать таким образом первые роты может быть поставлена под сомнение, если учесть, что последние роты Преображенского и Семеновского полков также имели значение для исполнения военных и государственно-представительских ритуалов. Они чаще всего замыкали шествия.

Вероятно, причины возникновения практики таких переводов не были связаны лишь исключительно со стремлениями изменить внешний вид гвардии. Причины этого явления, вероятно, кроются в другом. Анализ записей о переводе в гвардию солдат и офицеров из армии, а также недорослей позволяет прийти к выводу, что условное разделение гвардейских полков на две части не было случайным. Ведь на протяжении царствования Петра Великого новички, поступавшие в Преображенский или Семеновский полки, определялись на службу в 6–12-ю роты²⁰⁴. Случаев «записи» таких людей в Бомбардирскую роту Преображенского полка или Гренадерские роты обоих полков источниками не зафиксированы. Чрезвычайно редким было и определение вновь прибывших в 1-ю и 3-ю роты Преображенского и Семеновского полков²⁰⁵. Учитывая, что рекрутирование в гвардию означало определенный отбор и последующую социализацию в рамках полка, можно предположить, что последние роты преображенцев и семеновцев считались наименее привилегированными по отношению к первым.

Это предположение подтверждается тем, что на протяжении своего царствования Петр I всячески стремился развивать систему поощрений гвардейцев и стимулировать активность этих людей. Этому, в частности, способствовало использование при чинопроизводстве преображенцев и семеновцев как гвардейской, так и армейской системы чинов. Ведь, как уже упоминалось, преображенцы и семеновцы получали гвардейские и армейские чины параллельно. Таким образом, преображенцы и семеновцы, достигавшие своего рода «потолка» карьерного роста в рамках гвардейских чинов, имели возможность продвижения по службе, а возможно, и улучшения жалованья, получая чины армейские. Практика перевода гвардейцев из одной роты полка в другую без

изменения чина и содержания, вероятно, может рассматриваться как составная часть этого процесса. Перевод из менее элитной части полка в более привилегированные первые роты мог считаться определенным повышением статуса в рамках корпорации. Служба в первых ротах Преображенского и Семеновского полков была, действительно, более почетна. Так, Г.В. Вилинбахов, говоря о гвардии, указывает на то, что «в петровское время окончательно было установлено, что знамя первой роты является полковым и отличается белым цветом, а ротные – имеют цветное поле»²⁰⁶. К тому же 1-й батальон преображенцев, в составе которого с 1716 г. находилась Бомбардирская рота²⁰⁷, был расквартирован на расстоянии выстрела от Зимнего дворца²⁰⁸.

Возможность перевода в одну из первых рот гвардии создавала ощущение динамики карьерного роста, прежде всего у солдат и унтер-офицеров полка, и способствовала как интеграции новичков, так и повышению активности старослужащих. Таким образом, в данном случае появление элитных групп в рамках Преображенского и Семеновского полков способствовало сплочению гвардии и пониманию гвардейцами своего высокого статуса.

В целом следует указать, что в конце XVII – первой четверти XVIII в. Преображенский и Семеновский полки представляли собой общность, своего рода «дружину» императора Петра I. Об этом свидетельствует коллективное исполнение многочисленных особых поручений, формирование сводных гвардейских команд для выполнения разных, прежде всего военных, задач, единство управления вплоть до назначения одного человека для одновременного выполнения обязанностей в обоих полках, формирование единого информационного пространства, а также многочисленные дружеские связи, возникавшие между преображенцами и семеновцами.

В указанный период формируется также и ряд особенностей в системе взаимоотношений в гвардии, связанных с традициями первенства преображенцев по отношению к семеновцам. Первые чаще использовались при выполнении специальных заданий, связанных с участием в системе управления империей, на них возлагались организация и управление отдельными гвардейскими подразделениями и сводными командами. Решение каких-либо бытовых или финансовых вопросов, важных для обеспечения функционирования обоих полков, также отдавалось в ведение преображенцев. Распределение ролей между полками гвардии было зафиксировано и на уровне исполнения придворных и представи-

тельских обязанностей. Эта практика способствовала обособленности личного состава каждого из полков, а именно ограничению солдатских, а тем более офицерских переводов из Семеновского полка в Преображенский, и наоборот. Семейственность в гвардии также была замкнута рамками конкретного полка. Существует предположение, что первенство Преображенского полка не устраивало полковое начальство семеновцев, стремившееся пересмотреть распределение ролей в рамках корпорации.

Элитные группы в гвардии не ограничиваются лишь известной Бомбардирской ротой Преображенского полка. Анализ переводов гвардейцев позволил указать на существование в обоих полках более привилегированных первых рот. В первой четверти XVIII в. в Преображенском и Семеновском полках была широко распространена практика перевода гвардейцев из одной роты полка в другую без изменения чина и содержания, рассматривавшаяся как повышение статуса в рамках корпорации.

В конце XVII – первой четверти XVIII в. развитие взаимоотношений между чинами Преображенского и Семеновского полков двигалось в сторону формирования здесь особой внутренней организации. Это было связано со складыванием в гвардии групповой идентичности. Ее формирование определялось не только существованием комплекса прав и полномочий гвардии, но и отсутствием здесь целого ряда статусных барьеров. Относительность приоритета военной иерархии и принципа соподчинения, распространение среди нижних чинов значительных привилегий и возможностей служебного роста, а также широкое привлечение последних к выполнению специальных заданий и единство социального происхождения делали унтер-офицерскую и солдатскую массу Преображенского и Семеновского полков абсолютно причастной ко всем сторонам жизни гвардии. Более того, рассмотрение взаимоотношений среди чинов гвардии позволяет поставить под сомнение существование здесь традиционной для армии времен Петра Великого обособленности офицерской и солдатской среды.

Осознание петровскими преображенцами и семеновцами своего единства было сопряжено с пониманием того, что высокий общественный статус, который волей Петра I получила гвардия, является коллективным. А значит, сама структура, представлявшая собой некое сформировавшееся единство, и ее составляющие приобретали ценность и значимость, которую необходимо было поддерживать и охранять. В период царство-

вания Петра Великого можно констатировать появление вполне осознанных попыток защиты особых прав и привилегий как кого-либо из гвардейцев в отдельности, так и всей корпорации. Последние были связаны не только с осознанием гвардейским полковым начальством ценности своих подчиненных и оказанием им поддержки в сложных ситуациях, но и стремлением сохранить существующий личный состав путем недопущения переводов в армию и другие структуры, лояльного отношения к проступкам гвардейцев, культивирования существовавшей здесь семейственности. Появляются первые попытки оформить корпоративность на формальном уровне (поручные записи).

Вместе с тем формирование здесь военной корпорации не означало насаждения полной унификации. В рамках гвардии существовали разные люди, разные уровни отношений и субгруппы. Так, несомненное единство гвардии дополнялось привилегированным положением Преображенского полка по отношению к Семеновскому. Появился в гвардии и целый ряд элитных групп, таких как Бомбардирская рота Преображенского полка и первые роты гвардейских полков.

Примечания

¹ Ответ Петра I на мемориал Ф. Фицтума, 13 марта 1712 // Письма и бумаги. Т. 12. Вып. 2. С. 131.

² Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 22 ноября 1707 г. // Там же. Т. 6. С. 541.

³ Приговор по делу о Белозерском коменданте В. Корсакове от 24 декабря 1714 г. // РГИА СПб. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 16. Л. 12об., 30.

⁴ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 8. Л. 3; Д. 35. Л. 85–91об.

⁵ Указ о порядке принесения жалоб военнослужащими и запрещении коллективных челобитий 1706 г. // Военные уставы Петра Великого. М., 1946. С. 65.

⁶ Дело по челобитной солдат 8 роты Преображенского полка на каптенармуса Федора Фанторгина в «обидях и налогах» // РГАДА. Ф. 371. Оп. 4. Д. 669.

⁷ Письмо А.Д. Меншикова В.В. Долгорукому от 28 января 1715 // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 19. Л. 22.

⁸ Письмо Е. Маврина Г.Д. Юсупову от 1 февраля 1718 г. // Там же. Д. 43. Л. 123.

- ⁹ Журнал приказов, отданных по полку за 15 марта 1720 г. // Там же. Д. 62. Л. 5об.
- ¹⁰ См., например: Присылаемые ордера и письма за 1718 г. // Там же. Д. 43. Л. 245–246об.
- ¹¹ Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 320; Архив РАН СПб. Ф. 140. Бекмейстер Логин Иванович. Оп. 1. Д. 11. Л. 44об., 45.
- ¹² Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 60, 321; Т. 8. Вып. 1. С. 89; Архив РАН СПб. Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 34; Походный журнал Петра I 1695–1700 гг. // Походный журнал Петра I, 1695–1725. СПб., 1853–1854.
- ¹³ Письмо Петра I В.В. Долгорукому от 12 июня 1711 г. // Письма и бумаги. Т. 11. Вып. 1. С. 287.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 38. Л. 7, 27–27об.; Доклады и приговоры. СПб., 1880–1897. Т. 4. Кн. 1. С. 87.
- ¹⁵ Копия с подлинной купчей, 10 декабря 1715 г. // Там же. Д. 18. Л. 89–90.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 23–29.
- ¹⁷ Челобитная извозчика Семеновского полка Никиты Машутина, январь 1725 г. // Там же. Д. 53. Л. 89–90.
- ¹⁸ Послужные списки Семеновского полка, 1712 г. // Там же. Д. 11. Л. 66об.
- ¹⁹ Списки по старшинству 3 батальона Преображенского полка, 1714–1721 гг. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 15. Л. 29об.
- ²⁰ Об отпуске из Санкт-Петербурга в Москву солдат, бывших в провозах за матросами, 16 апреля 1714 г. // Доклады и приговоры. Т. 4. Кн. 1. С. 310.
- ²¹ *Сеняевская Е.С.* Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М., 1999. С. 113.
- ²² Скаска солдата 4 роты Преображенского полка Г. Бобрищева-Пушкина от 21 марта 1715 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 23. Л. 26.
- ²³ Скаска солдата 10 роты Преображенского полка Д. Селифонтова от 23 марта 1715 г. // Там же. Л. 26об.
- ²⁴ Скаска солдата 10 роты Преображенского полка Ф. Боркова от 15 марта 1715 г. // Там же. Л. 27.
- ²⁵ Журнал приказов по Преображенскому полку, 1724 г. // Там же. Д. 93. Л. 15.
- ²⁶ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951. С. 378.
- ²⁷ Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 86; Т. 10. С. 104; Т. 12. Вып. 2. С. 273.
- ²⁸ Императорские и сенатские указы, 1719–1720 гг. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–11об.

- ²⁹ Письмо В.В. Долгорукого С. Остулкову от 31 января 1718 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 15–16об.
- ³⁰ Письма разных лиц командиру Преображенского полка, 1705–1720 гг. // Там же. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 8. Л. 4–4об.
- ³¹ Резолюция на приговоре кригсрехта по делу о бежавших солдатах, 19 октября 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 1. С. 217–226.
- ³² Выписка лейб-гвардии Преображенского полку о беглых солдатах и других чинов людей о которых был держан кригсрехт в Санктпитебурхе, ноября в разных числех прошлого 1714 году // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 18. Л. 73об.
- ³³ Резолюция на приговоре кригсрехта по делу о бежавших солдатах, 19 октября 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 1. С. 217–226.
- ³⁴ *Бобровский П.О.* Военное право в России при Петре Великом. СПб., 1882–1898. С. 709; *Duffy C.* Russia's military way to the west: origins and nature of Russian military power, 1700–1800. London; Boston, 1981. P. 113.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 20, 33; Ф. 2583. Оп. 1. Д. 35. Л. 134–134об.; Д. 43. Л. 340–340об.; Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 2. С. 802.
- ³⁶ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–1об.; Д. 35. Л. 114–117, 124–125; Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 1. С. 217–224.
- ³⁷ Ведомость царскому величеству о солдате (Преображенского полка) Автомоне Лебедеве, 6 августа 1717 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 35. Л. 114.
- ³⁸ Ведение лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полку, 1715 г. // Там же. Д. 18. Л. 72.
- ³⁹ Письмо Е. Маврина А.И. Ушакову от 28 октября 1718 г. // Там же. Д. 43. Л. 310–310об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 80–82об., 115–116, 145–145об.
- ⁴¹ О сыске 14 солдат Преображенского полка, посланных в разные губернии с указами и не явившихся обратно в полк, 25 июля 1711 г. // Доклады и приговоры. Т. 1. С. 185–186.
- ⁴² О приказании губернаторам строго смотреть за приезжающими в отпуск высшими и низшими военными чинами и не позволять им жить ни в постоянных, ни в частных домах без объявления причин своего приезда местному начальству, 17 июля 1711 г. // Доклады и приговоры. Т. 1. С. 180–181.
- ⁴³ О доношении подьячего Оружейной палаты Василья Сорокина. 23 марта 1714 г. // Доклады и приговоры. Т. 4. Кн. 1. С. 263–268.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2335.
- ⁴⁵ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. С. 378.

⁴⁶ Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. М., 2000. С. 34.

⁴⁷ Дополнения квартирмейстеру Луке Хабарову об окончании счетов с Преображенским приходом, 1720 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 61. Л. 71–78об.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 322; 360; 386; 659; 1206; РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 61. Л. 40.

⁵⁰ Дело, начавшееся по доносу Преображенского полка сержанта Александра Дедкавского на капитанармуса Владимира Бояркинского говорившего про государя, 27 мая 1705 г. // РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 377.

⁵¹ Пушкирев И.И. История императорской российской гвардии. СПб., 1844. Ч. 1. С. 56.

⁵² РГАДА. Ф. 371. Оп. 3. Д. 19, 44.

⁵³ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 54. Л. 1; Д. 61. Л. 52; Ф. 2584. Оп. 1. Д. 11. Л. 40, 48.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 547; Оп. 3. Д. 104.

⁵⁵ Кригсрехты, учиненные л.-г. Преображенского полку разных чинов людям, 1719–1720 // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 54. Л. 42–44.

⁵⁶ Приказы по лейб-гвардии Семеновскому полку, 1708 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

⁵⁷ Списки офицеров, поступивших в Семеновский полк в 1690–1759 гг. // Там же. Д. 37. Л. 20, 24.

⁵⁸ Дополнения квартирмейстеру Луке Хабарову об окончании счетов с Преображенским приходом, 1720 г. Л. 25.

⁵⁹ Письмо Петра I Ф.Ю. Ромодановскому от 16 октября 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 1. С. 199–207.

⁶⁰ Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711 гг.): Пер. Ю.Н. Щербачева. М., 1900. С. 245–246.

⁶¹ Письмо М. Алексеева М.М. Голицыну [январь 1720 г.] // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 19–19об.

⁶² Указ офицеров гвардии увольнять из оной в армию и в отставку с повышением чина, 7 марта 1721 г. // ПСЗ. Т. 6. № 3757.

⁶³ Письмо Петра I М.Б. фон Кирхену от 2 октября 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 6. С. 121.

⁶⁴ Карцов П.П. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1852. Т. 1. С. 165.

⁶⁵ Именной высочайший указ за подписью императрицы Екатерины I от 30 июня 1725 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 109. Л. 4.

- ⁶⁶ Письмо Коншина А.И. Ушакову от 19 декабря 1718 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 43. Л. 379.
- ⁶⁷ Пункты, которые надлежит доложить в Москве до царского величества, 1717 г. // Там же. Д. 35. Л. 38.
- ⁶⁸ Пункты, которые надлежит доложить в Москве до царского величества, 1717 г. // Там же. Л. 32.
- ⁶⁹ О даче л.-г. офицерам жалованья по смерти их при переводе их к другим делам, 13 мая 1720 г. // ПСЗ. Т. 6. № 3580.
- ⁷⁰ О помещении офицеров Борзынцева и Иевского на житье в Троицкий Сергиев монастырь, 30 марта 1715 г. // Доклады и приговоры. Т. 5. Ч. 1. С. 284–285.
- ⁷¹ Доклады и приговоры. Т. 2. Кн. 1. С. 10–11; Т. 5. Кн. 1. С. 284–285; Письма и бумаги. Т. 13. Вып. 1. С. 142.
- ⁷² Пузыревский А.К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра I. СПб., 1889. С. 57.
- ⁷³ Валькович А. Чада мои возлюбленные: Петровская гвардия – основа крепости российских войск // Родина. 2000. № 11. С. 10–17.
- ⁷⁴ О даче отставным л.-г. сержантом, капралом и рядовым 15 человекам, которые при дворце правиянта, 14 июня 1714 г. // Доклады и приговоры. Т. 4. Кн. 1. С. 504; РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 35. Л. 38.
- ⁷⁵ Письмо И.И. Бутурлина М. Волкову от 25 апреля 1722 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 51.
- ⁷⁶ О выдаче из Канцелярии Правительствующего Сената жалованья на полгода подполковнику Григорию Овцыну, 9 января 1712 г. // Доклады и приговоры. Т. 2. Кн. 1. С. 11.
- ⁷⁷ Журнал входящих бумаг Семеновского полка, 1722–1730 гг. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 47. Л. 46.
- ⁷⁸ Послужные списки Семеновского полка, 1712 г. Л. 33, 68–68об.
- ⁷⁹ Извет бывшего солдата Преображенского полка Федора Аристова на донского казака Назарку Смирного, 1699 г. // РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 291.
- ⁸⁰ Там же. Д. 1501; Оп. 4. Д. 734, 802, 911, 953.
- ⁸¹ Послужные списки Семеновского полка, 1712 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 11. Л. 58об., 61об., 62, 64.
- ⁸² Карцов П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 187.
- ⁸³ Письмо И.И. Бутурлина И.И. Дмитриеву-Мамонову от 10 января 1725 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 53. Л. 31–31об.
- ⁸⁴ Пушкирев И.И. Указ. соч. Ч. 1. С. 130.
- ⁸⁵ Государственной военной коллегии доношение, 25 января 1725 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 53. Л. 115.

⁸⁶ Письмо Петра I М.Б. фон Кирхену, 20 мая 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 5. С. 263.

⁸⁷ Письмо Петра I М.Б. фон Кирхену от 28 июня 1707 г. // Там же. С. 341.

⁸⁸ Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 6 июля 1707 г. // Там же. С. 755.

⁸⁹ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 54. Л. 2-3, 6-7; Д. 38. Л. 27-27об.; Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 26, 29; Д. 34. Л. 3.

⁹⁰ Рапорты командиров рот о прочтении ими приказа по полку с сообщением о смерти Петра I и восшествии на престол Екатерины I; списки солдат и офицеров полка, присягнувших Екатерине, списки солдат на выдачу провианта и жалования, 1725 // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 53. Л. 227-233об.

⁹¹ Список офицеров и других чинов из дворян, с указанием, где находятся и чему учатся их дети, 1724 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 92. Л. 1-27.

⁹² Ведение лейб-гвардии Преображенского полку 11 роты вины солдата Павла Душардона, 24 декабря 1720 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 61. Л. 137-137об.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Челобитная извозчика Семеновского полка Никиты Машутина, январь 1725 г. // Там же. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 53. Л. 89-90.

⁹⁵ Списки по старшинству 3 батальона Преображенского полка, 1714-1721 г. Л. 22.

⁹⁶ Там же. Л. 35.

⁹⁷ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 15. Л. 44, 54об., 72.

⁹⁸ Письмо Петра I кн. Ф.Ю. Ромодановскому от 16 октября 1708 г. // Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 1. С. 199-207.

⁹⁹ Живов В.М. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996. С. 71.

¹⁰⁰ Доклады и приговоры. Т. 1. С. 62.

¹⁰¹ Списки о раздаче новых шпаг унтер-офицерам и солдатам, 1724 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 96.

¹⁰² Федор Головин и Яузская Москва. М., 2002. С. 71-72.

¹⁰³ Де Бруин К. Путешествие в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 66.

¹⁰⁴ Юль Ю. Указ. соч. С. 149.

¹⁰⁵ Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 г.: Пер. с нем. И. Аммон. Ч. 1 // Неистовый реформатор. М., 2000. Ч. 1. С. 299.

¹⁰⁶ Брикнер А.Г. История Петра Великого. Т. 1. М., 1996. С. 247.

- ¹⁰⁷ Юль Ю. Указ. соч. С. 149; Гордон П. Указ. соч. // Бобровский П. О. История л.-г. Преображенского полка (1683–1900 гг.). Прил. к Т. 1. С. 104, 110, 107; РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. Д. 11; Походный журнал Петра I 1705 г. С. 3.
- ¹⁰⁸ Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1940. Т. 3. С. 36–55.
- ¹⁰⁹ Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) СПб., 1906. С. 91.
- ¹¹⁰ Корб И. Г. Указ. соч. С. 91–97, 125; Желябужский И. А. Записки. СПб., 1840. С. 126–127, 139.
- ¹¹¹ Желябужский И. А. Указ. соч. С. 112.
- ¹¹² Походный журнал Петра I 1708 г. С. 1.
- ¹¹³ Походный журнал Петра I 1709 г. С. 24.
- ¹¹⁴ О починке на Генеральном дворе в Преображенском ветхаго строения, 4 февраля 1713 г. // Доклады и приговоры. Т. 3. Ч. 1. С. 80.
- ¹¹⁵ Письмо А. В. Макарова А. И. Ушакову от 10 декабря 1717 г. // РНБ. Рукописный фонд. Ф. 874. Оп. 2. Д. 207. Л. 38.
- ¹¹⁶ Письмо Ф. Ю. Ромодановского Петру I, сентябрь 1710 г. // Письма и бумаги. Т. 10. С. 708.
- ¹¹⁷ Расписки и купчие на продажу дворов в Преображенской слободе в Москве, 1725–1729, 1732 // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 101.
- ¹¹⁸ О проектах переустройства Преображенского см. подробнее: Федор Головин и Яузская Москва. С. 73–74.
- ¹¹⁹ Письма и бумаги. Т. 8. Вып. 2. С. 435–438; Де Бруин К. Указ. соч. С. 63–64.
- ¹²⁰ Эренмалъ Л. Ю. Описание города Петербурга, вкупе с несколькими замечаниями // Петербург Петра Великого в иностранных описаниях / Под ред. Ю. Н. Беспяты. Л., 1991. С. 95.
- ¹²¹ Шмидт С. О. Общественное самосознание nobles russe в XVI – первой трети XIX в. // Дворянское собрание: ист.-публиц. и лит.-худ. альманах. М., 1996. № 4. С. 123.
- ¹²² Походный журнал Петра I 1704. С. 31.
- ¹²³ Корб И. Г. Указ. соч. С. 91; Верховский А. И. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. М., 1922. С. 20; Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999. С. 526.
- ¹²⁴ Шталенберг Ф. И. Записки капитана Филиппа Иоганна Шталенберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. М., 1985. С. 114.
- ¹²⁵ Нащокин В. А. Указ. соч. С. 9.
- ¹²⁶ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1994. С. 98.

¹²⁷ Указ Петра I П.М. Голицыну, 5 апреля 1720 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 23.

¹²⁸ Поручная запись И. Гринева, апрель 1720 г. // Там же. Л. 26.

¹²⁹ *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 10.

¹³⁰ См., например: О сборе рекрут и лошадей со всех губерний, кроме Санкт-Петербургской, для комплекта дивизии князя Репнина и об отправлении в Померанию, 5 января 1712 г. // Доклады и приговоры. Т. 2. Кн. 1. С. 8.

¹³¹ О выдаче маеору Панкратию Глебовскому 500 рублей на строение мундира и покупку припасов для Преображенского и Семеновского полков, 31 декабря 1711 г. // Доклады и приговоры. Т. 1. С. 423.

¹³² Пункты царскому величеству, [декабрь 1717 г.] // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 35. Л. 38об.

¹³³ Резолюции на пункты В.В. Долгорукого, 28 февраля 1711 г. // Письма и бумаги. Т. 11. Вып. 1. С. 91.

¹³⁴ Копия аттестации В.В. Долгорукого капитану (Преображенского полка) князю Щербатому, [апрель 1715 г.] // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.

¹³⁵ Челобитные разных лиц, 1713 г. // Там же. Д. 8. Л. 3–19.

¹³⁶ *Меншиков А.Д.* Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова (1716–1720, 1726–1727 гг.) // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2000. Вып. 10. С. 635.

¹³⁷ Списки офицеров, поступивших в Семеновский полк в 1690–1759 гг. Л. 15.

¹³⁸ Походный журнал Петра I 1713 г. С. 7; Реляция о военных действиях под Фридрихштадтом, 31 января – 1 февраля 1713 г. // Письма и бумаги. Т. 13. Вып. 1. С. 43.

¹³⁹ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 47. Л. 42; Письма и бумаги. Т. 10. С. 311, 768; *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка (1683–1900 гг.). Прил. к Т. 2. С. 25, 38–39.

¹⁴⁰ Письмо Петра I М.М. Голицыну от 24 января 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 5. С. 42; Письмо М.Б. фон Кирхена Петру I от 21 февраля 1707 г. // Там же. С. 391–392.

¹⁴¹ Письмо И.И. Бутурлина М. Волкову от 19 мая 1722 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 52.

¹⁴² Письмо И.И. Бутурлина И.И. Дмитриеву-Мамонову от 29 января 1722 г. // Там же. Д. 47. Л. 39.

¹⁴³ Походный журнал Петра I 1714 г. С. 17.

¹⁴⁴ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 12. Л. 23–29.

- ¹⁴⁵ Бобровский П.О. История л.-г. Преображенского полка (1683–1900 гг.). Т. 1. С. 372; Т. 2. С. 8.
- ¹⁴⁶ О распределении по губерниям гарнизонных полков и о даче им жалованья, 29 января 1712 г. // Доклады и приговоры. Т. 2. Кн. 1. С. 60.
- ¹⁴⁷ Письмо Петра I Б.П. Шереметеву от 13 мая 1703 г. // Письма и бумаги. Т. 2. С. 167.
- ¹⁴⁸ Приказы, отданные во время осады Нарвы в 1704 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 6.
- ¹⁴⁹ Реляция о военных действиях под Фридрихштадтом, 31 января – 1 февраля 1713 г. // Письма и бумаги. Т. 13. Вып. 1. С. 43; Походный журнал Петра I 1713 г. С. 7.
- ¹⁵⁰ О выдаче майору Панкратию Глебовскому 500 рублей на строеные мундира и покупку припасов для Преображенского и Семеновского полков, 31 декабря 1711 г. // Доклады и приговоры. Т. 1. С. 423.
- ¹⁵¹ Доклады и приговоры. Т. 5. Ч. 1 С. 515.
- ¹⁵² Жалоба иноземца Густава на солдата Семеновского полка Федора Лепунова, 1715 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 18. Л. 91–91об.
- ¹⁵³ Аттестации князя В.В. Долгорукого офицерам для производства в чины, 1715 г. // Там же. Д. 25. Л. 24–26, 31–33об.
- ¹⁵⁴ См., например: Там же. Д. 104. Л. 46; Ф. 2584. Оп. 1. Д. 53. Л. 227–233об.
- ¹⁵⁵ Указ об освобождении из крепостного состояния вдовых матерей, детей, пасынков и падчериц, моложе 15 лет, тех крепостных людей, кои добровольно записались в солдаты в Преображенский полк // ПСЗ. Т. 3. № 1573.
- ¹⁵⁶ Списки офицеров, поступивших в Семеновский полк в 1690–1759 гг. Л. 28; Медицинский осмотр и увольнение неспособных к службе в Преображенском полку, 1720–1721 гг. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–28об.
- ¹⁵⁷ Карцов П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 162.
- ¹⁵⁸ Письмо Петра I Б.П. Шереметеву от 6 июля 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 6. С. 15.
- ¹⁵⁹ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 10. Л. 30об.; Ф. 2584. Оп. 1. Д. 1. Л. 11-а, 28.
- ¹⁶⁰ Аттестации князя В.В. Долгорукого офицерам для производства в чины. Копии с высочайших резолюций о разжаловании офицеров // РГВИА. Ф. 2583. Оп.1. Д. 25. Л. 4.
- ¹⁶¹ Списки представляемых к производству, 1714–1716 гг. // Там же. Д. 10. Л. 30об.
- ¹⁶² Списки офицеров, поступивших в Семеновский полк в 1690–1759 гг. Л. 28.

¹⁶³ Список солдат и офицеров (Семеновского) полка, январь 1719 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 37. Л. 33.

¹⁶⁴ Там же. Л. 2–37.

¹⁶⁵ Письмо И.И. Бутурлина Петру I от 19 августа 1695 г. // Письма и бумаги. Т. 1. С. 531.

¹⁶⁶ Письмо кн. Ф.Ю. Ромодановского Петру I от 19 февраля 1698 г. // Там же. С. 739–740.

¹⁶⁷ Походный журнал Петра I 1714 г. С. 7.

¹⁶⁸ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 146.

¹⁶⁹ Приказы по л.-г. Семеновскому полку, 1708 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

¹⁷⁰ Журнал приказов, отдаваемых по Преображенскому полку, 1724 г. (22 июня) // Там же. Д. 93. Л. 29об.

¹⁷¹ Письма и бумаги. Т. 7. Вып. 1. С. 162; Т. 7. Вып. 2. С. 741, 850.

¹⁷² См., например: РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 7. Л. 10–89; Д. 8. Л. 59–68.

¹⁷³ Алфавитный список обер- и унтер-офицеров полка, представленных к производству в следующие чины, 1718 г. // Там же. Д. 31. Л. 1–2.

¹⁷⁴ *Юль Ю.* Указ. соч. С. 360–361.

¹⁷⁵ Там же. С. 230.

¹⁷⁶ Дело о взыскании л.-г. Семеновского полка капитаном Абрамом Шамординым с орловского помещика Фомы Арнаутова по закладной денег, и о грабеже и разбоях того ж Фомы Арнаутова, 1 января 1708 г. // РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 947. Л. 1–118.

¹⁷⁷ См., например: Дело по челобитью прапорщика Семеновского полка Федора Михайловича Вельяминова Зернова, 20 марта 1693 г. // Там же. Ч. 2. Д. 3789; Дело по челобитью солдата Семеновского полка Семена Ларионова, 10 апреля 1702 г. // Там же. Д. 3791; Дело по челобитью подпрапорщика Семеновского полка Михаила Полдомасова, 22 апреля 1702 г. // Там же. Д. 3794; Дело по просьбе солдата Семеновского полка Сафона Васильева Субачева о возвращении ему крестьян от дьяка Ивана Миронова Зиновьева, 27 апреля 1702 г. // Там же. Д. 3796.

¹⁷⁸ Челобитная И. Рыкунова Петру I, сентябрь 1713 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 8. Л. 16–16об.

¹⁷⁹ *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 274.

¹⁸⁰ *Карцов П.П.* Указ. соч. Т. 1. С. 175–177.

¹⁸¹ См., например: *Гунтиус В.* Лейб-гвардии Бомбардирская рота в царствование императора Петра Великого. СПб., 1883. С. 92; *Азанчевский М.* История Преображенского полка. М., 1859. С. 7.

¹⁸² *Гунтиус В.* Указ. соч. С. 104.

¹⁸³ Там же. С. 92.

¹⁸⁴ Бобровский П.О. История л.-г. Преображенского полка (1683–1900 гг.). Прил. к Т. 2. С. 138–139.

¹⁸⁵ См., например: Ордера на выдачу жалованья чинам Преображенского полка сентябрьской трети 1717 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 35. Л. 41–51об.

¹⁸⁶ Требования на квартиры для нижних чинов (1722–1726 гг.) // Там же. Д. 81. Л. 1–41.

¹⁸⁷ Гуппиус В. Указ. соч. С. 101.

¹⁸⁸ Указ о рекрутировании в бомбардирскую роту всяких чинов людей, 31 октября 1701 г. // ПСЗ. Т. 4. № 1673.

¹⁸⁹ Пункты царскому величеству, [декабрь 1717 г.] // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 35. Л. 39.

¹⁹⁰ Там же. Л. 39об., 41–43об.

¹⁹¹ Роспись Бомбардирской роты (1692–1694 гг.) // Бобровский П.О. История л.-г. Преображенского полка (1683–1900 гг.). Прил. к Т. 1. С. 135.

¹⁹² Гуппиус В. Указ. соч. С. 110; Бобровский П.О. История л.-г. Преображенского полка. Прил. к Т. 2. С. 17.

¹⁹³ Скаска л.-г. Преображенского полка Бомбардирской роты капрала Степана Морозова против доношения тое же роты капрала Данилы Хрущева, 24 февраля 1719 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 54. Л. 45.

¹⁹⁴ Потоцкий П. Указ. соч. С. 18–19.

¹⁹⁵ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 10. Л. 25–26; Ф. 2584. Оп. 1. Д. 11. Л. 6об., 10об., 30об., 69; Ф. 2583. Оп. 1. Д. 12. Л. 16; Д. 15. Л. 29об., 64об., 87; Д. 19. Л. 57; Д. 41. Л. 1, 13; Письма и бумаги. Т. 5. С. 645–648; Т. 6. С. 22.

¹⁹⁶ Список Преображенского полку афицером по отмете господина полковника, не позднее 9 мая 1707 г. // Письма и бумаги. Т. 5. С. 646–648.

¹⁹⁷ РГВИА Ф. 2584. Оп. 1. Д. 11. Л. 2, 3об., 6–6об., 10об., 12, 13об., 14об., 30, 31, 43, 45, 69.

¹⁹⁸ Список солдат и офицеров полка за 1719 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 37. Л. 24.

¹⁹⁹ Послужные списки Семеновского полка // Там же. Д. 11. Л. 2–3об.

²⁰⁰ Там же. Л. 6.

²⁰¹ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 10. Л. 21об., 27об.; Д. 12. Л. 16; Ф. 2584. Оп. 1. Д. 11. Л. 12, 13об., 14об., 31, 43, 45.

²⁰² Список солдат и офицеров (Семеновского) полка, январь 1719 г. Л. 8об.

²⁰³ Там же. Л. 11.

²⁰⁴ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 15. Л. 9об., 11об., 15, 18, 22, 25об.

26, 29, 30об., 31об., 32об., 35, 37–37об., 42, 44, 50об., 54об. – 56об., 58–60, 62об., 64, 66об., 69об., 70об., 72–73, 74, 76–77, 78об., 80об., 81об., 84–84об., 94, 95–96об., 102–102об., 104об., 105–105об.; Д. 104. Л. 2–2об., 46; Д. 43. Л. 157–158.

²⁰⁵ Там же. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 11. Л. 5–6, 8об.–9об., 11об.–12об., 19.

²⁰⁶ *Вилинбахов Г.В.* Знамена российской императорской гвардии в собрании Эрмитажа // «За веру и верность». 300 лет Российской Императорской Гвардии: Тез. науч. конф. СПб., 2000. С. 33.

²⁰⁷ *Гуптиус В.* Указ. соч. С. 106.

²⁰⁸ *Семенова Л.Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). СПб., 1998. С. 159.

Заключение

Данное исследование представляет собой первую в историографии попытку проанализировать историю гвардии Петра Великого применительно к термину «корпорация». *Корпорацию* мы определили как объединение, являющееся самостоятельным субъектом прав и обязанностей, отличающееся особой внутренней организацией, коллективными представлениями и интересами, а также заинтересованное в защите особых прав и привилегий своих членов.

Преображенский и Семеновский полки конца XVII – первой четверти XVIII в. представляли собой абсолютно особую структуру.

Помимо охраны государя и активного участия в войнах и походах, они были задействованы и для исполнения целого ряда других функций. Обязанности, возложенные на них, были самыми разнообразными. Гвардейцы принимали участие в полицейских и придворных акциях, следственных делах, дипломатическом представительстве и государственном управлении. Огромное количество и чрезвычайное разнообразие порученных преображенцам и семеновцам дел позволило ряду историков утверждать, что в период, когда старая система управления уже была сломана, а новая еще не создана, гвардия стала своего рода параллельным аппаратом управления, способным обеспечить необходимую эффективность и скорость принятия разного рода решений.

Практика привлечения всех гвардейцев вне зависимости от чина и полка к управлению страной оказала сильнейшее влияние на личный состав этих частей. Прежде всего это было связано с принятием гвардией реформаторской линии Петра I и последующим присоединением к числу активных сторонников императора. Такое положение гвардии, с одной стороны, усилило связи между полками, старшими и младшими чинами и, наконец, между

отдельными представителями группы как таковой, а с другой стороны, определяло особое, во многом обособленное положение преображенцев и семеновцев по отношению ко всем остальным подданным Петра I. Таким образом, обозначившаяся многофункциональность гвардии создавала основу как для внутреннего объединения, так и для внешней замкнутости, а значит, была фактической базой для формирования здесь корпоративности.

Сосредоточение в руках гвардейцев огромной власти требовало изменения как образа жизни преображенцев и семеновцев, так и статуса самой структуры. Первое было достигнуто за счет наделения чинов гвардии многочисленными привилегиями и преимуществами в рамках военной и гражданской систем. Ведь осознание Петром I ценности гвардии сопровождалось стремлением дать людям, причастным к ней, определенную защищенность от произвола и жестокости норм, созданных им самим для всех остальных жителей империи. Так, гвардейский чин со временем превратился в своего рода охранную грамоту, способную защитить если не от всех, то, по крайней мере, от многих несчастий.

Стало возможным и установление высокого статуса гвардии. Преображенский и Семеновский полки получили широкую автономию в государственной системе на основе формирования их особого правового положения, а также в связи с поддержанием здесь принципа коллегиальности управления. Кроме того, выработанные к началу 1720-х годов принципы комплектования Преображенского и Семеновского полков привели к созданию закрытого сообщества, ориентированного на дворянскую среду, рекрутирование офицерского состава из собственных резервов и культивирующего семейственность в рамках гвардии.

Формирование особого статуса гвардейских полков существенно повлияло на их отношения с армейскими частями и столичным дворянством конца XVII – первой четверти XVIII в. Возникшее еще в конце предшествующего столетия первенство Преображенского и Семеновского полков на основе их первостатейности и исключительной боеспособности было дополнено подчеркнуто высокомерным отношением гвардейцев к солдатам и офицерам армии, которое было основано на понимании своего превосходства. Схожим было и отношение преображенцев и семеновцев к столичной элите.

Современники в свою очередь оценивали действия гвардии исходя из схожих представлений и установок. Еще в конце XVII в. чины Преображенского и Семеновского полков считались

единой группой сторонников молодого царя Петра. В начале XVIII в. устойчивым стало представление о привлекательности и престижности службы в гвардии и вместе с тем об опасности установления контактов с такой структурой в связи с властными полномочиями, которыми обладали преображенцы и семеновцы. Вне зависимости от того, воспринимались ли черты, присущие этим полкам, как положительные или как отрицательные, они всегда приписывались гвардии в целом, а не конкретным ее представителям. Таким образом, есть все основания предполагать, что русское общество конца XVII – первой четверти XVIII в. относилось к Преображенскому и Семеновскому полкам как к единой группе, корпорации.

Рассмотрение взаимоотношений гвардейцев в рамках этих элитных частей позволяет сделать вывод о существовании здесь особой внутренней организации, отличающейся отсутствием абсолютного приоритета общепринятой военной иерархии и принципа соподчинения. Взаимоотношения преображенцев и семеновцев с отставниками гвардии и ее новичками демонстрируют несомненную заинтересованность в поддержании связей с первыми и определенное недоверие ко вторым. Последнее, несомненно, можно расценивать как вариант защиты особых прав и привилегий членов корпорации. Найденные в полковых архивах поручные записи являются попыткой оформить корпоративность на формальном уровне.

Таким образом, возвращаясь к предложенному определению термина «корпорация», можно сказать, что оно соответствует тому феномену, который представляла собой лейб-гвардия петровского царствования.

Это исследование необходимо рассматривать в контексте социально-политической истории России. Некоторые из полученных выводов позволяют по-новому оценить ряд аспектов формирования социальной композиции русского общества первой трети XVIII в., в частности историю дворянства этого периода. Так, анализ источников по проблеме позволяет говорить о том, что выводы о петровской политике в отношении дворянства как о «закрепостительной», резко ограничивающей свободы представителей этого социального слоя по сравнению с XVII в.¹, не подтверждаются применительно к истории гвардии этого времени.

¹ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л., 1982. С. 139.

Гвардейцы, бывшие в абсолютном большинстве дворянами, в период царствования Петра Великого смогли получить огромные права, привилегии и во многом свободу действий. Отметим при этом, что речь идет не о скромной группе приближенных государя, не о десятках и даже не о сотнях, а более чем о 4000 человек.

Такая трактовка, в свою очередь, позволяет по-иному взглянуть на некоторые традиционные представления об истории дворянства после смерти Петра Великого, в частности на идею о формировании в этой среде самосознания в связи с сословной политикой, направленной на «освобождение» дворянства, связанной прежде всего с появлением «Манифеста о вольности дворянства» и «Жалованной грамоты дворянству». Исследование истории гвардии указывает, что процессы такого рода начались значительно раньше, еще в эпоху правления Петра I.

Ведь уровень полученных гвардией привилегий вместе с широкими полномочиями, возложенными на нее в конце XVII – первой четверти XVIII в., несомненно, оказал огромное влияние на формирование индивидуальной и коллективной идентичности представителей этой группы. Самоидентификация гвардейцев на уровне принадлежности к корпоративной структуре, причастность к политике реформ, преданность императору позволяют увидеть корни представлений элиты армии, русского офицерства и в целом русского дворянства второй половины XVIII – начала XIX в. о себе, своей стране, своем монархе и, конечно, своей роли в жизни империи. Не случайно списки личного состава гвардии петровского времени пестрят именами, которые составили русскую дворянскую элиту последующих столетий. Румянцевы, Бестужевы, Толстые, Рахманиновы, Тургеневы, Кутузовы, Болотовы, Ушаковы, Нарышкины, Голицыны, Львовы, Мещерские, Дурново, Мусины-Пушкины – все эти фамилии определили политическое, социальное и культурное развитие России на протяжении веков. А значит, формирование в гвардии корпоративной организации и зарождение коллективных представлений еще в период царствования Петра Великого могло оказать влияние и на формирование корпоративных представлений и самосознания русского дворянства.

Исследование истории гвардии как военной корпорации позволяет дать иную оценку и целому ряду политических событий последующего периода. Так, например, представления о причинах и формах участия гвардии в реализации многочисленных переворотов XVIII в. могут быть существенно скорректированы.

М. Диллон, А. Васютинский. Медаль в память 200-летия победы над шведами при Полтаве

Выводы данного исследования говорят о неправомерности утвердившегося в историографии мнения о том, что преображенцы и семеновцы в силу ряда причин (среди которых часто называют незначительные награды и водку) становились лишь удобным и доступным механизмом исполнения чьей-то воли. Появление в гвардии высокого уровня самосознания станет особенно очевидным, если принять во внимание тот факт, что события 14 декабря 1825 г. были вооруженным столкновением, где действовавшими лицами с обеих сторон являлись почти исключительно, как их тогда называли бы, «чины императорской российской лейб-гвардии».

Основные источники и литература

Источники

Неопубликованные

РГАДА

- Ф. 6. Уголовные дела по государственным преступлениям и событиям особой важности
- Ф. 248. Сенат и его учреждения: дела и приговоры
- Ф. 371. Преображенский приказ
- Ф. 1239. Дворцовый архив

РГВИА

- Ф. 2583. Лейб-гвардии Преображенский полк. Полковая канцелярия XVIII в. (1711–1800 гг.)
- Ф. 2584. Лейб-гвардии Семеновский полк. Штаб полка (1690–1917 гг.)

РГИА СПб

- Ф. 466. Высочайшие повеления по придворному ведомству (1703–1894 гг.)
- Ф. 468. Кабинет Его Императорского величества
- Ф. 1329. Именные указы и высочайшие повеления Сенату, 1704–1917 гг.

РНБ Рукописный фонд

- Ф. 73. В.А. Бильбасов и А.А. Краевский
- Ф. 277. Архив Г.В. Есипова
- Ф. 341. Архив П.А. Картавова
- Ф. 588. Погодинские автографы
- Ф. 542. Архив Олениных
- Ф. 595. Архив В.А. и Д.В. Поленовых
- Ф. 608. Архив И.В. Помяловского
- Ф. 874. Архив С.Н. Шубинского
- Ф. 1000. Собрание отдельных поступлений

Архив РАН СПб.
Ф. 140. Бекмейстер Логин Иванович

Опубликованные

- Архив генерала-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. СПб.: Щелково, 2006. Т. 3.
- Бассевич Г.Ф.* Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времен Петра Великого // Юность державы. М., 2000. С. 325–436.
- Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 г.: Пер. с нем. И. Аммон // Неистовый реформатор. М., 2000. Ч. 1. С. 105–502.
- Он же.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 г.: Пер. с нем. И. Аммон // Юность державы. М., 2000. Ч. 2. С. 9–324.
- Богданов А.И.* Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997.
- Брун де К.* Путешествие в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 17–188.
- Вебер Х.Ф.* Записки Вебера: Пер. П.П. Барсова // Русский архив. 1872. Вып. 6. С. 1057–1167; Вып. 7. С. 1334–1458; Вып. 9. С. 1614–1703.
- Ведомости времен Петра Великого: В 2 т. М., 1903–1906.
- Военные уставы Петра Великого / Под ред. проф. Н.Л. Рубинштейна. М., 1946.
- История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1.
- Гордон П.* Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время шведской и польской служб от 1655 до 1661 г. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 г. М., 1892. Ч. 1–2.
- Он же.* Дневник (1635–1659 гг.). М., 2000.
- Он же.* Дневник (1659–1667 гг.). М., 2002.
- Он же.* Дневник (1677–1678 гг.). М., 2005.
- Он же.* Дневник генерала П. Гордона // Бобровский П.О. История Преображенского полка. Прил. к Т. 1. СПб., 1900.
- Он же.* Дневник генерала П. Гордона // Бобровский П.О. История лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет (1642–1892 гг.). Прил. к Т. 1. СПб., 1892. С. 5–29.
- Грунд Г.* Доклад о России в 1705–1710 гг.: Пер. Ю.Н. Беспятых. М.; СПб., 1992.
- Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. Собрание английского государственного архива ми-

нистерства иностранных дел // Сборник Русского исторического общества. 1704–1708 гг. СПб., 1884. Т. 39.

Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. Собрание английского государственного архива министерства иностранных дел. 1708–1711 // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 49.

Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. Собрание английского государственного архива министерства иностранных дел. 1711–1719 гг. // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1888. Т. 61.

Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Сообщения из дел Саксонского государственного архива в Дрездене // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1868. Т. 3. С. 317–398.

Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1880–1897. Т. 1–5.

Донесения французских посланников и поверенных в делах при русском дворе. Донесения французских посланников и поверенных в делах при русском дворе и отчеты о пребывании русских послов, посланников и дипломатических агентов во Франции с 1681 по 1718 г. // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 34.

Донесения французских посланников и поверенных в делах при русском дворе. Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1719 по 1722 г. // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 40.

Донесения французских посланников и поверенных в делах при русском дворе. Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1722 по 1724 г. // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 49.

Донесения французских посланников и поверенных в делах при русском дворе. Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе Кампредона с французским двором и французским посланником при Оттоманской Порте маркизом де-Бонаком с 1723 по март месяц 1725 г. // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 52.

Желябужский И.А. Записки. СПб., 1840.

Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906.

- Крекшин П.Н.* Записки новгородского дворянина Петра Никифоровича Крекшина // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 1–128.
- Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 39–78.
- Он же.* Жизнь князя Б.И. Куракина, им самим описанная, 1676 – июля, 20 1709 г. // Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 241–287.
- Он же.* Русско-шведская война. Записки Б.И. Куракина (1700–1710 гг.) // Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 291–328.
- Лефорт Ф.* Сборник документов и материалов. М., 2006.
- Матвеев А.А.* Русский дипломат во Франции. Записки Андрея Матвеева. Л., 1972.
- Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951.
- Медведев С.А.* Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // Россия при царевне Софье и Петре I. М., 1990. С. 45–200.
- Нащокин В.А.* Записки. СПб., 1842.
- Непотребный сын. Дело царевича Алексея Петровича. СПб., 1996.
- Описание изданий, напечатанных при Петре I: свод. каталог. Доп. прилож. Л., 1972.
- Описание погребения блаженной памяти Николая I с присовокуплением исторического очерка о погребении царей, императоров все-российских и некоторых других европейских государей. СПб., 1856.
- Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Отдел 1. СПб., 1909.
- Переписка и бумаги Б.П. Шереметева // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1879. Т. 25.
- Петербург в эпоху Петра I. Документы в фондах и коллекциях научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории: Каталог / Авт.-сост. Е.А. Андреева, Т.А. Базарова, Г.А. Победимова, Ю.Б. Фомина). СПб., 2003. Ч. 1.
- Петербург Петра Великого в иностранных описаниях: введение, тексты, комментарии / Под ред. Ю.Н. Беспярых. Л., 1991.
- Перри Д.* Состояние России при нынешнем царе. В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовления к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края // Чтения Императорского общества истории и древностей российских. М., 1871. №. 1. С. 1–38.

- Перри Д.* Другое и более подробное повествование о России // Чтения императорского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1871. № 2. С. 39–180.
- Письма генерал-аншефа И.И. Бутурлина // Русская старина. 1878. Т. 23. № 10.
- Письма и бумаги императора Петра Великого: В 13 т. СПб.; Л.; М., 1887–1918–1992.
- Письма к царю Петру Алексеевичу преображенцев – командиров полка, офицеров, сержантов и других чинов // П.О. Бобровский. История лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 1. СПб., 1900.
- Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1861–1862. Т. 1–2.
- Письма, указы и заметки Петра I, доставленные П.Д. Волконским и Н.В. Калачевым, извлеченные из архива Правительствующего Сената // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1873. Т. 11.
- Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова (1716–1720, 1726–1727 гг.) // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2000. Вып. 10.
- Полное собрание законов Российской империи с 1649. СПб., 1830. Т. 3–7.
- Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Под ред. Б.Б. Кафенгауза. М., 1951.
- Походный журнал Петра I, 1695–1725. СПб., 1853–1855.
- Прокопович Ф.* История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне, включительно, сочиненная Феофаном Прокоповичем. СПб., 1773.
- Он же.* Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные. СПб., 1761.
- Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872.
- Северная война: документы 1705–1708 гг. // Сб. воен.-ист. мат.-лов. СПб., 1892. Вып. 1. № 370.
- Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные: В 3 ч. СПб., 1829.
- Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII в.: сб. док.-тов. М., 2004.
- Страленберг Ф.И.* Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. М., 1985.
- Уитворт Ч.* Россия в начале XVIII в. М.; Л., 1988.
- Указы и письма Петра Великого к Б.И. Куракину, 1711–1724 гг. // Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 1–38.

- Фоккеродт И.-Г.* Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 9–105.
- Шаховской Я.П.* Записки князя Якова Петровича Шаховского, полицмейстера при Бироне, обер-прокурора Священного Синода, генерал-прокурора и конференц-министра при Елисавете, сенатора при Екатерине II (1705–1777 гг.). СПб., 1872.
- Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711 гг.): Пер. Ю.Н. Щербачева. М., 1900.
- Gordon, P.* Passages of the diary of General Patric Gordon in years 1635–1699. London, 1968.

Литература

- Автократов В.Н.* Управление вооруженными силами России в начале XVIII в. (по материалам Приказа военных дел). Диссертация. М., 1964.
- Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» – Град Святого Петра: Петербург в русском общественном самосознании начала XVIII в. СПб., 1999.
- Азанчевский М.* История Преображенского полка. М., 1859.
- Александров В.А.* Гвардейцы – доверенные люди Петра I // Труды науч. студ. об-ва Мос. гос. ун-та. М., 1947. Вып. 1.
- Андерсон М.* Петр Великий. Ростов-н/Д; М., 1997.
- Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989.
- Он же.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого первой четверти XVIII в. СПб., 1997.
- Он же.* Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999.
- Он же.* Петр I: рождение империи // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 3–20.
- Он же.* Петр Великий // Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы. М., 1999. С. 9–34.
- Он же.* Россия без Петра. СПб., 1994.
- Он же.* Россия в середине XVIII в.: борьба за наследие Петра. М., 1986.
- Антонов Б.И.* Императорская гвардия в Санкт-Петербурге. СПб., 2001.
- Он же.* Начало строительства гвардейских казарм в Петербурге // За веру и верность. 300 лет Российской Императорской Гвардии: Тез. науч. конф. СПб., 2000. С. 19–22.
- Артамонов В.А.* Петр I и регулярная армия // Военно-исторический журнал. 1992. № 9. С. 2–9.

- Артамонов В.А.* Трагедия царской семьи // Семевский М.И. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс (1692–1724 гг.). М., 1994. С. 5–34.
- Баггер Х.* Реформы Петра I: Обзор исследований: Пер. с дат. В.Е. Возгина. М., 1985.
- Он же.* Реформы Петра Великого в России // Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы. М., 1999. С. 121–156.
- Бабич М.В.* К истории государственных учреждений XVIII в.: «майорские канцелярии» // Отечественные архивы. 2000. № 1. С. 21–31.
- Он же.* Государственные учреждения XVIII в.: комиссии петровского времени. М., 2003.
- Бакланова Н.А.* Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (его жизнь и быт по придворно-расходным книгам посольства) // Петр Великий: сб. ст. / Под ред. А.М. Андреева. М.; Л., 1947. С. 3–62.
- Балакирева Л.М.* Военные на службе в Юстиц-коллегии (1718–1719 гг.) // Кровь. Порох. Лавры. Россия в эпоху барокко (1700–1762 гг.). СПб., 2002. Вып. 1. С. 17–20.
- Бантыш-Каменский Д.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. Ч. 1.
- Беловинский Л.В.* Истории полков русской армии // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 88–90.
- Он же.* Русская гвардия в XVIII–XX вв. // Вопросы истории. 1983. № 9. С. 94–105.
- Бескровный Л.Г.* Очерки военной историографии России. М., 1962.
- Он же.* Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.
- Он же.* Строительство русской армии в XVIII в.: Диссертация. М., 1950.
- Беспярых Ю.Н.* Иностранцы источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм). СПб., 1998.
- Бобровский П.О.* Военное право в России при Петре Великом. Артикулы воинский. СПб, 1887.
- Он же.* Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: Ист.-юрид. исследование. СПб., 1887.
- Он же.* Происхождение Артикула воинского и изображения процессов Петра Великого по Уставу воинскому. СПб., 1881.
- Он же.* История лейб-гвардии Преображенского полка (1683–1900 гг.). СПб., 1900–1904. Т. 1–2.
- Он же.* История лейб-гренадерского 13-го Эриванского его величества полка за 250 лет (1642–1892 гг.). СПб., 1892. Ч. 1–2. С. 5–29.
- Он же.* Петр Великий как военный законодатель. СПб., 1887.
- Он же.* Потешные и начало Преображенского полка (по официальным документам). СПб., 1899.

- Бобровский П.О.* Местничество и преступления против родовой чести в русском войске до Петра I. СПб., 1888.
- Он же.* Царь Петр Алексеевич и военная школа четырех первых регулярных полков в России (1690–1699). СПб., 1892.
- Богословский М.М.* Быт и нравы русского дворянства первой половины XVIII в. М., 1906.
- Он же.* Петр I. Материалы для биографии. Л., 1940. Т. 1.
- Борзин Б.Ф.* Росписи петровского времени. Л., 1986.
- Брикнер А.Г.* История Петра Великого. М., 1996. Т. 1–2.
- Он же.* Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878.
- Будко А.А., Шабунин А.В.* Полковое место лейб-гвардии Семеновского полка: прошлое, настоящее, будущее // За веру и верность. 300 лет Российской Императорской Гвардии: Тез. науч. конф. СПб., 2000. С. 27–30.
- Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969.
- Он же.* Петр Великий и его время. М., 1989.
- Он же.* Стрелецкое восстание 1698 г. и начало ликвидации стрелецкого войска // Вопросы военной истории России: XVIII – первая половина XIX в. М., 1969. С. 45–53.
- Валькович А.* Чада мои возлюбленные: Петровская гвардия – основа крепости российских войск // Родина. 2000. № 11. С. 10–17.
- Верховский А.И.* Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. М., 1922.
- Вилинбахов Г.В.* Знамена российской императорской гвардии в собрании Эрмитажа // За веру и верность. 300 лет Российской Императорской Гвардии: Тез. науч. конф. СПб., 2000. С. 33–42.
- Водарский Я.Е.* Петр I // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 59–78.
- Он же.* Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004.
- Военная одежда русской армии. М., 1994.
- Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны: история дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986.
- Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. СПб., 1900.
- Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993.
- Он же.* Русское офицерство как историко-культурный феномен // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. М., 2002. С. 165–181.
- Курукин И.В.* Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762. Рязань, 2003.
- Вольтер Ф.-М.* История Карла XII, короля Швеции и Петра Великого, императора России. СПб., 1999.

- Гиппиус В. Лейб-гвардии Бомбардирская рота в царствование императора Петра Великого. СПб., 1883.
- Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1837–1843. Т. 1–15.
- Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа. М., 1957.
- Гордин Я.А. Власть и гвардия: взгляд в прошлое России современника августовских событий 1991 года // Знание – сила. 1991. № 11. С. 80–87; № 12. С. 66–72.
- Он же. Дуэли и дуэлянты. СПб., 1997.
- Он же. Меж рабством и свободой. СПб., 1994.
- Он же. Мятаж реформаторов, 14 декабря 1825 года. Л., 1989.
- Григорович А. Перечень историй и памятков войсковых частей. СПб., 1909. Ч. 1.
- Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство. СПб., 2003.
- Они же. Болезнь и смерть Франсуа Лефорта // Петровское время в лицах – 2004. СПб., 2004. С. 63–106.
- Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I: Источниковед. исслед. М., 2005.
- Данков М.Ю. Карт-бланш царя на Карельский поход // Петровское время в лицах – 2005: Мат-лы науч. конф. СПб., 2005. С. 112–121.
- Он же. «Неистовый» гвардеец царя Петра // Петровское время в лицах – 2004: Мат-лы науч. конф. СПб., 2004.
- Он же. О некоторых аспектах строительства «Осударевой дороги» 1702 г. // Изучение памятников морской археологии. СПб., 1998. Вып. 3.
- Дирин П.Н. История лейб-гвардии Семеновского полка: В 2 т. СПб., 1883.
- Дуров И.Г. Провиантское обеспечение русской армии и флота в Персидском походе 1722–1723 гг. // Кровь. Порох. Лавры. Россия в эпоху барокко (1700–1762 гг.). СПб., 2002. Вып. 1. С. 37–44.
- Душа армии: русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. Рос. воен. сб. М., 1997. Вып. 13.
- Елагин С. История русского флота. Период азовский. СПб., 1864.
- Епифанов П.П. Военно-уставное творчество Петра Великого // Военные уставы Петра Великого. М., 1946. С. 5–42.
- Живов В.М. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996.
- Живов В.М., Успенский Б.А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // Из истории русской культуры (XVII – начало XVIII в.). М., 1996. Т. 3. С. 449–525.
- Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власти. СПб., 2001.

- За веру и верность. Три века российской императорской гвардии: Каталог выставки. СПб., 2003. Вып. 2.
- Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2000. Т. 1–2.
- Заозерский А.И.* Царская вотчина XVII века. М., 1937.
- Он же.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989.
- Зелов Д.Д.* История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М., 2002.
- Зицер Э.* Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008.
- Иванов К.И.* Фальсификация русской военной истории в иностранных материалах и документах XVIII и начала XX в. Диссертация. Л., 1950.
- Императорская российская гвардия. М.; СПб., 2005.
- История Северной войны. 1700–1721 гг. / Отв. ред. И.И. Ростунова. М., 1987.
- Калашников Г.В.* К вопросу о практике записи малолетних дворян в гвардию XVIII в. // За веру и верность. 300 лет российской императорской гвардии: Тез. науч. конф. СПб., 2000. С. 50–52.
- Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в.: Опыт целостного анализа. М., 1999.
- Он же.* Российская империя в XVIII в. Традиции и модернизация. М., 1999.
- Кан А.С.* Шведские историки о Полтавской битве // История СССР. 1959. № 4. С. 186–187.
- Карпущенко С.В.* Армейские будни: казарма, каша, казна, кафтан // Военный быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 13–150.
- Карцов А.П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1852. Т. 1.
- Кафенгауз Б.Б.* Петр I и его время. М., 1948.
- Он же.* Россия при Петре Первом. М., 1955.
- Квадри В.В.* Столетие военного министерства (1802–1902 гг.). Императорская главная квартира. История государевой свиты. СПб., 1902.
- Кириченко О.В.* Дворянское благочестие в XVIII в. М., 2002.
- Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 4.
- Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII в. М., 1998.
- Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004.
- Кротов П.А.* Гангутская баталия 1714 г. СПб., 1996.

- Кротов П.А. Осударева дорога 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 178–220.
- Лавров А.С. Колдовство и религия в России (1700–1740 гг.). М., 2000.
- Левыкин А.К. Пушечный наряд и пушкарки во второй половине XVII в. в России: По мат-лам южнорусских городов. Диссертация. М., 1985.
- Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Регулярная пехота (1698–1801 гг.). М., 1995.
- Летин С. Гвардия Петра Великого // Орел. 1992. № 1. С. 5–14.
- Любимов А.И. Штурм шведской крепости Ниеншанц // Сб. докл. воен.-ист. секции Ленинградского дома ученых. М., Л., 1960. № 3. С. 90–94.
- Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006.
- Он же. Начало выборных полков – предшественников петровской гвардии // За веру и верность. 300 лет Российской Императорской Гвардии: Тез. науч. конф. СПб., 2000. С. 56–59.
- Масси Р.К. Петр Великий: В 3 т. Смоленск, 1996.
- Марголин С.Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелцкого войска в XVII в. // Моск. обл. пед. ин-тут. Учен. записки. Т. 27. Труд кафедры истории СССР. Вып. 2. М., 1953. С. 63–95.
- Медушевский А.Н. Петровская реформа государственного аппарата, цели, проведение, результаты // Реформы второй половины XVII–XX в.: подготовка, проведение, результаты: Сб. науч. тр. М., 1989. С. 64–83.
- Он же. Реформы Петра I и судьбы России: науч.-аналит. обзор. М., 1994.
- Он же. Табель о рангах как предмет сравнительно-источниковедческого исследования // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1991. С. 161–182.
- Он же. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994.
- Милорадович Г.Ф. Список свиты их величеств с царствования императора Петра I по 1886 г. Киев, 1886.
- Милицин С.Д. Правовой статус гвардии и ее роль в государственном механизме России XVIII в. // Правовые проблемы истории государственных учреждений. Свердловск, 1983. С. 62–68.
- Миллер Г.Ф. Известия о дворянах Российских // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 180–226.
- Он же. Известие о начале Преображенского и Семеновского полков // Миллер Г.Ф. Частица из истории Петра Великого. М., 1778.
- Милиц С.С. К вопросу об уровне классовой сплоченности российского дворянства в конце XVIII – начале XIX в. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма: Межвуз. сб. Куйбышев, 1985. С. 133–144.

- Мирский М.Б.* Медицина России XVI–XIX вв. М., 1996.
- Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990.
- Мурашев Г.А.* Титулы, чины, награды. СПб., 2001.
- Насонов А.Н.* История русского летописания (IX – начало XVIII в.). М., 1986.
- Николаев С.И.* Рыцарская идея в похоронном обряде петровской эпохи // Из истории русской культуры (XVII – начало XVIII в.). М., 1996. С. 584–594. Т. 3.
- Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России: правовой статус и реальное положение. М., 2004.
- Пь. Пь.* О войсковых частях, принимавших участие в генеральной баталии под городом Полтавой 27 июня 1709 г. // Военный сборник. СПб., 1909. № 8–9.
- Павленко Н.И.* Об оценке стрелецкого восстания 1682 г. (По поводу монографии В.И. Буганова «Московские восстания конца XVII в.» М., 1969) // История СССР. 1971. № 3. С. 77–94.
- Он же.* Петр Великий. М., 1994.
- Он же.* Полудержавный властелин: Историческая хроника о жизни сподвижника Петра Первого А.Д. Меншикова. М., 1991.
- Он же.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1994.
- Он же.* Страсти у трона: история дворцовых переворотов. М., 1996.
- Павленко Н.И., Артамонов В.А.* 27 июня 1709 г. М., 1989.
- Павлов А.В.* История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1900–1904. Т. 1–2.
- Он же.* Из прошлого. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1911.
- Павлов-Сильванский Н.П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. М., 2000.
- Паласиос-Фернандес Р.* Московские стрельцы: «непременные войска» русского государства XVII в. // Цейхгауз. 1991. № 1. С. 8–15.
- Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 3. С. 11–261.
- Панчулидзева С.А.* История кавалергардов (1725–1799–1899 гг.): В 4 т. СПб., 1899–1903.
- Петр Великий* / Под ред. Е.В. Анисимова. М., 2007.
- Петров А.В.* Город Нарва. Его прошлое и достопримечательности в связи с историей упрочнения русского господства на Балтийском побережье. 1223–1900 гг. СПб., 1901.
- Петровская бригада – полки лейб-гвардии Преображенский и Семеновский.* СПб., 1883.

- Писарев А.А.* Военные замечания и письма, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году и последующим. СПб., 1817.
- Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993.
- Он же.* Петр Великий: Личность и деятельность. Л., 1926.
- Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции по русской истории. М., 1846.
- Он же.* 17 первых лет в жизни императора Петра Великого. М., 1875.
- Погосян Е.А.* Петр I – архитектор русской истории. СПб., 2001.
- Подъяпольская Е.П.* К вопросу о формировании дворянской интеллигенции в первой четверти XVIII в. (по записным книжкам и «мемориям» Петра I) // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 181–189.
- Подъяпольская Е.П.* Восстание Булавина (1707–1709 гг.) М., 1962.
- Полтава. К 250-летию Полтавского сражения: Сб. ст. М., 1959.
- Потоцкий П.* Гвардия русского царя под Нарвою в 1700 и 1704 году. СПб., 1890.
- Преображенский А.А.* Эпоха преобразований // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 9–43.
- Преображенцы: история, биографии, мемуары. М., 2000.
- Пузыревский А.К.* Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра I. СПб., 1889.
- Пушкарев И.И.* История императорской российской гвардии, составленная И. Пушкаревым. СПб., 1844. Ч. 1–2.
- Пушкарев Л.Н.* Человек о мире и самом себе (источники об умонастроениях русского общества рубежа XVII–XVIII вв.). М., 2000.
- Рабинович М.Д.* Полки петровской армии (1698–1725 гг.): Крат. справ. М., 1977.
- Он же.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I: сб. ст. М., 1973. С. 133–171.
- Он же.* Стрельцы первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М., 1956. Т. 58. С. 237–305.
- Российская гвардия. 1700–1918 гг.: Справ. / Сост. А.М. Валькович, А.П. Капитонов. М., 2005.
- Розенгейм М.П.* Очерк военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878.
- Савельев Ю.С.* Подготовка Петром I Великого посольства в Европу // Петр Великий – реформатор России. М., 2001.
- Санин Г.А.* Петр I – дипломат. Великое посольство и Ништадский мир // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 14–48.

- Сахончук Д.В.* Становление и развитие императорской российской гвардии: 1700–1917 гг. Диссертация. М., 1996.
- Семевский М.И.* Полковые историографии // Русский инвалид. 1874. Т. 2. № 10–11.
- Он же.* Царица Прасковья // Семевский М.И. Тайная служба Петра I. Минск, 1993. С. 28–198.
- Семенова Л.Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). СПб., 1998.
- Она же.* Очерки по истории быта и культурной жизни России (первая половина XVIII в.). Л., 1982.
- Семеновцы.* История, биография, мемуары / Авт.-сост. А.Ю. Бондаренко. М., 2004.
- Серов Д.О.* Администрация Петра I. М., 2007.
- Он же.* Из истории военной юстиции петровского времени: процесс Н.Т. Ржевского // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762 гг.). СПб., 2002. Вып. 2. С. 41–43.
- Он же.* Строители империи. Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996.
- Сипягин Н.М.* Таблица-хроника истории лейб-гвардии Семеновского полка. М., 1810.
- Смирнов Ю.Н.* Армия и дворцовые перевороты XVIII века // Общественно-политические движения России XVIII–XX вв.: Межвуз. сб. Самара, 1993. С. 4–14.
- Он же.* В.О. Ключевский о взаимосвязи армии, самодержавия, дворянства в России XVIII в. // Ключевский: Сб. мат.-лов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 254–261.
- Он же.* Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. // Классы и сословия России в период абсолютизма. Куйбышев, 1989. С. 87–107.
- Он же.* Роль гвардии в укреплении органов власти российского абсолютизма в первой половине XVIII века // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 15–31.
- Он же.* Русская гвардия в первой половине XVIII века. Социальный состав, принципы комплектования и участие в системе государственного управления. Диссертация. М., 1981.
- Он же.* Русская гвардия в XVIII веке: Пособие к спецкурсу. Куйбышев, 1989.
- Он же.* Социальный состав и комплектование русской гвардии в первой четверти XVIII в. // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. 8. С. 74–89.
- Соловьев Е.А.* Критика современной буржуазной англо-американской историографии России эпохи Петра I. Диссертация. М., 1982.

- Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984.
- Сухарев Ю.В. Праздники русской армии // Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 80–83.
- Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991.
- Тишин И.Г. Дневник Патрика Гордона // Советские архивы. 1969. № 2. С. 110–112.
- Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974.
- Он же. Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII в. (по архиву князя А.Д. Меншикова) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 215–248.
- Уредсон С. Петр Великий в историографии и литературной традиции // Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы. М., 1999. С. 244–276.
- Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII в.) // Успенский Б.А. Избранные произведения. М., 1996. Т. 1. С. 338–380.
- Он же. Царь и Патриарх: харизма власти в России. М., 1998.
- Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого: В 4 т. СПб., 1858–1863.
- Он же. Лефорт и потехи Петра Великого до 1689 г. СПб., 1851.
- Уртман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1.
- Федосов Д.Г. Летопись русского шотландца // Гордон П. Дневник. 1635–1659. М., 2000. С. 230–245.
- Федор Головин и Яузская Москва / Сост. С.Л. Малафеева, И.А. Работкевич. М., 2002.
- Фейгина С.А. Иностранная литература о Петре Великом за последнюю четверть века // Петр Великий: сб. ст. / Под ред. А.М. Андреева. М.; Л., 1947. С. 390–423.
- Флюшкин А.И. Войны Российской империи и борьба с государственной изменой и иностранным шпионажем в первой половине XVIII в. // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762 гг.). СПб., 2002. Вып. 2. С. 69–73.
- Фрейман О.Р. фон. Пажи за 183 года (1711–1895 гг.). Биографии бывших пажей. Фридрихсгамн, 1894.
- Хьюз Л. Царевна Софья. СПб., 2001.
- Чернов А.В. Строительство вооруженных сил русского государства в XVII в. (до Петра I). Диссертация. М., 1950.

- Чернявский А.Я.* Потешные преображенские. Лейб-гвардии Преображенский полк 1683–1912 гг. СПб., 1912.
- Чичерин А.К.* История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1883. Т. 1–2.
- Шворина Т.* Воинские артикулы Петра I. М., 1940.
- Шмидт С.О.* Общественное самосознание nobles russe в XVI – первой трети XIX в. // Дворянское собрание: ист.-публ. и лит.-худ. альманах. 1996. № 4. С. 113–125.
- Шишов А.В.* Лейб-гвардии Преображенский полк // Военный вестник. 1994. № 2. С. 87–89.
- Штейнгель В.* Императорская российская гвардия 1700–1878 гг.: хронолог. таблицы. СПб., 1878.
- Элиас Н.* Придворное общество. М., 2002.
- Banac I., Bushkovich P.* The Nobility in the History of Russia and Eastern Europe // The Nobility in Russia and in Eastern Europe / Ed. by Ivo Banac and Paul Bushkovich. New Haven, 1983. P. 3–16.
- Bushkovich P.* Peter the Great: the Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge, 2001.
- Cherniavsky M.* Tsar and People: Studies in Russian Myths. New York, 1969.
- Bartlett R., Clendenning P.* Eighteenth century Russia: a select bibliography of works published since 1955. Newtonville, 1981.
- Dewald J.* The European Nobility (1400–1800). Cambridge, 1996.
- Dukes P.* The making of Russian absolutism 1613–1801. London, 1990.
- Idem.* Patric Gordon's Diary: the Spalding Version // Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century: Essays in Honour of Anthony G. Cross (ed. by Roger Bartlett and Lindsey Hughes). Münster, 2004. P. 8–20.
- Duffy C.* Russia's military way to the west: origins and nature of Russian military power, 1700–1800. London; Boston, 1981.
- Fuller J.A.* Military History of the Western World. New York, 1967. Vol. 2.
- Hughes L.* Peter the Great: A Biography. New Haven; London, 2002.
- Idem.* Playing Games: The Alternative History of Peter the Great. London, 2000.
- Idem.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven; London, 1998.
- Jakson W.G.F.* Seven roads to Moscow. New York, 1958.
- Keegan J.* The mask of command. New York, 1987.
- Keep J.* Solders of the Tsar: Army and society in Russia 1462–1874. Oxford, 1988.
- LeDonn J.P.* Absolutism and ruling class: the formation of the Russian political order, 1700–1825. Oxford, 1991.

- Menning B.W.* Russia and the West: the problem of the eighteenth-century military models // Russia and the West in the eighteenth century / Ed. by A.G. Cross. Newtonville, 1983. P. 282–293.
- Madariaga I. de.* The Russian nobility in the seventeenth and eighteenth centuries // The European nobility in the seventeenth and eighteenth centuries. London, 1995. Vol. 2. P. 223–273.
- Meehan-Waters B.* Social and career characteristics of the administrative elite, 1698–1761 // Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century / Ed. by Walter McKenzie and Don Karl Rowney. London, 1993. P. 76–105.
- Idem.* The development and the limits of security of noble status, person and property in the eighteenth-century Russia // Russia and the West in the eighteenth century / Ed. by A.G. Cross. Newtonville, 1983. P. 294–305.
- Montross L.J.* War through the ages. London, 1946.
- Parker G.* The soldier // Baroque personae / Ed. by Lydia G. Cochrane. Chicago; London, 1995. P. 32–55.
- Peter the Great and the West: New Perspectives / Ed. by L. Hughes. Basingstoke, 2001.
- Peter the Great: reformer or revolutionary? / Ed. by M. Raeff. Boston, 1963.
- Pinter W.M.* Russia's military style, Russian society and Russian power in the eighteenth century // Russia and the West in the eighteenth century / Ed. by A.G. Cross. Newtonville, 1983. P. 262–270.
- Raeff M.* Understanding imperial Russia: State and society in Old Regime. New York, 1984.
- Idem.* The Russian nobility in the eighteenth and nineteenth centuries: trends and comparisons // The Nobility in Russia and in Eastern Europe / Ed. by Ivo Banac and Paul Bushkovich. New Haven, 1983. P. 99–121.
- Reforming the Tsar's Army Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution / Ed. by David Schimmelpenninck van der Oye, Bruce W. Menning. Cambridge, 2004.
- Riasnovsky N.V.* The image of Peter the Great in the Russian history and thought. Oxford, 1985.
- Rituals of royalty. Power and ceremonial in traditional societies / Ed. by David Cannadine and Simon Price. Cambridge, 1987.
- Rohling H.* Illustrated publications on fireworks and illuminations in eighteenth-century Russia // Russia and the West in the eighteenth century / Ed. by A.G. Cross. Newtonville, 1983. P. 94–99.
- Serman I.* Russian national consciousness and its development in the eighteenth century // Russia in the age of enlightenment / Ed. by R. Bartlett. London, 1990. P. 40–56.

-
- The European Nobility in the Seventeenth and Eighteenth centuries / Ed. by H.M. Scott. Vol. 2: Northern, Central and Eastern Europe. London; New York, 1995.
- The Russian Imperial Army, 1796–1917 / Ed. by Roger Reese. Ashgate Publishing Co., 2006.
- Wetherell C., Placans A., Wellman A.* Social network, kinship and community in Eastern Europe // The journal of interdisciplinary history. 1994. Vol. XXIV. № 4. P. 639–663.
- Whittaker C.H.* The Reforming Tsar: The Redefinition of Autocratic duty in the Eighteenth-Century Russia // Slavic Review. 1992. Vol. 51. № 1. P. 77–98.

*Именной указатель***

- Айгустов С., полковник Белгородского пехотного полка 51
- Александр I, император 16
- Александр Невский 56, 276
- Алексеев И., преображенец 65, 66, 101
- Алексеев М. 299
- Алексевы 127
- Алексей Михайлович, царь 41, 86, 271
- Алексей Петрович, царевич, сын Петра I 53, 61–63, 67, 77, 86, 107, 125, 141, 151–152, 157, 171–172, 188–189, 193–197, 224, 226, 237, 239, 241, 270, 275
- Аленин А., солдат Семеновского полка 253
- Анна Иоанновна (Ивановна), императрица, племянница Петра I 8, 57–58, 90, 125, 198
- Анна Петровна, цесаревна, дочь Петра I 53, 99, 125, 189, 199, 221, 224, 233
- Анофриев И., крестьянин 217
- Антипов Я., сторож 217
- Апраксин Ф.М., граф, генерал-адмирал 21, 63, 213, 230–231, 249
- Апраксины 127
- Апрелев Н., недоросль Семеновского полка 130
- Аракчеев А.З. 127
- Аракчеев А.П. 127
- Аракчеев Е.П. 127
- Аракчеев Л.П. 127
- Аракчеев М.З. 127
- Аргамаков А., денщик А.Д. Меншикова 192
- Аристов Ф., солдат Преображенского полка 264, 300
- Арнаутов Ф., помещик 288, 305
- Архаров, генерал 260

* В указатель не включены имена мифологических персонажей, а также авторов, упомянутых в списке литературы.

** Применительно к чинам указывается наиболее высокий, фигурирующий в тексте.

- Бабоедов Ф., каптенармус Семеновского полка 100
 Балк Н., полковник 93
 Барановы 127
 Бартнев Ф.О., майор Преображенского полка 179, 183, 193, 195, 241
 Басманников Н., преображенец 66
 Бассевич Г.Ф., дипломат 221, 225
 Бахметев И., капитан гвардии, полковник Астраханского полка 80, 200
 Беклемищев, солдат Преображенского полка 256
 Берхгольц Ф.В., камер-юнкер при посольстве герцога Голштинского 13, 53, 92, 108, 192, 215, 221, 223-225, 232, 272, 288
 Бестужев В., каптенармус Бомбардирской роты Преображенского полка 290
 Бестужевы 127, 311
 Бибииков И., поручик Преображенского полка 95
 Бидков В., солдат Преображенского полка 220
 Блудов Е., поручик Преображенского полка 71
 Блудов Е., прапорщик Семеновского полка 261
 Блюмберг И.И., полковник Преображенского полка 91
 Бобрищев-Пушкин Г., солдат Преображенского полка 254, 297
 Богомолов П., солдат Семеновского полка 292
 Бокавнин А., крестьянский сын 217
 Болотовы 311
 Борзынцев А., прапорщик Преображенского полка 263, 300
 Борисов О., извозчик Преображенского полка 76
 Борков Ф., солдат Преображенского полка 297
 Борноволокны 127
 Борятинский (Барятинский) П., поручик Преображенского полка 83
 Боур Р.Х., генерал 121, 166, 209-211, 245-246
 Бохин Б., поручик Гренадерской роты Преображенского полка 291
 Бояркинский В., армейский каптенармус 190, 240, 299
 Бруин К. де, голландский этнограф, художник, иностранец в России 13, 226, 272
 Брюс П.Г., шотландский офицер 194-195, 244
 Брюс Я.В., государственный деятель, ученый 69, 118, 203, 231, 242, 249
 Буженинов (Бужанинов) С., преображенец 65-66, 100, 291
 Буженинов М., гвардеец 274
 Булавин К.А., руководитель восстания 1707-1708 гг. 61-65, 181, 237
 Бурков, капитан Ингерманландского полка 288
 Бурков, каптенармус Преображенского полка 130
 Бурлеев А., солдат Преображенского полка 66, 82
 Бутерер фон, барон, армейский бригадир 98

- Бутурлин А.И., сын И.И. Бутурлина, фендрик Семеновского полка 128
- Бутурлин И.И., подполковник Преображенского полка 45, 57, 63, 86, 91, 97, 129, 130, 158, 160, 165, 169, 176, 188, 192, 195, 225, 266, 276, 286–287, 303, 305
- Бутурлин И.Ф. 277
- Бутурлин П.И., князь-папа 226, 276
- Бутурлина А.И., родственница И.И. Бутурлина, жена С.А. Головина 129
- Бутурлина, жена И.И. Бутурлина 225–226
- Бутурлины 127
- Бухвостов С.Л., майор артиллерии 38, 251–252
- Быстрицкий Д., стольник 63
- Вагнерова М. 249
- Вальтер фон 107
- Васильев И., служитель Рождественского собора 217
- Ватулин С., капрал Семеновского полка 253
- Вебер Х.Ф., Брауншвейг-люнебургский резидент в России 13, 50, 52, 223–224
- Вежитский, польский шляхтич 180
- Вейде А.А., генерал 18, 49, 65, 69, 106, 176
- Вельяминов П.И., капитан Семеновского полка 188
- Вельяминов-Зернов Ф.М., прапорщик Семеновского полка 305
- Вельяминов-Зернов, армейский полковник 104, 138, 264
- Вельяминовы 127
- Верден фон, генерал 210
- Ветшалов Т., солдат Семеновского полка 214–215, 246
- Вешняков А., извозчик Семеновского полка 115
- Воейков И., прапорщик Преображенского полка 95
- Воейков П., гвардейский солдат 72
- Воинов И., солдат Преображенского полка 204–205
- Волков М., подполковник Семеновского полка 83, 91, 152, 158, 180, 303
- Волков М., преображенец 66
- Волконский М.И., князь, майор Семеновского полка 62, 72, 73, 151, 154, 188, 236
- Володимеров А.И. 127
- Володимеров В.И. 127
- Володимеров И., гвардеец 66
- Володимеров М.И. 127
- Волынцев А., помещик 164
- Волынцев И., помещик 164
- Воронин Я., пушкарь 38, 291
- Воронков С., преображенец 66
- Гагарин А.М., князь, сын М.П. Гагарина 151
- Гагарин М.П., князь, Сибирский губернатор 62–63, 138, 151, 226, 247
- Ганнибал А., поручик Бомбардирской роты Преображенского полка 9, 144
- Гасениус А., заротный капитан 51
- Гатекилвент К., лекарь Преображенского полка 115
- Гевальтичер, генерал 256
- Глебов А.Ф., сын Ф.Н. Глебова 177

- Глебов П., майор Преображенского полка 281
- Глебов Ф.Н., майор гвардии 164, 177
- Глебовский П., майор Преображенского полка 78, 168, 192, 209, 280, 283, 291, 303–304
- Глебовы 127
- Голенищев-Кутузов Д.Г. 127
- Голенищев-Кутузов П.Г. 127
- Голицын Д.М. 24
- Голицын М.В. 110
- Голицын М.М., князь, полковник Семеновского полка 76, 81, 85, 90, 94, 98, 124, 150, 155–156, 161, 179, 181, 203, 208, 237–238, 243, 281, 289, 299, 303
- Голицын П.М., князь, подполковник Семеновского полка 58, 90, 97, 139, 152–153, 156, 160, 171, 303
- Голицын Я.А., князь, гвардеец, брат царицы Марфы Матвеевны 125
- Голицыны 122, 127, 311
- Головин А.А., генерал-майор 117, 273
- Головин А.М., генерал, полковник Преображенского полка 44–45, 138, 147, 286
- Головин С.А., гвардейский прапорщик 129
- Головин Ф.А., государственный и военный деятель, дипломат 205, 244
- Головкин Г.И., государственный деятель, дипломат 69, 148, 155, 237
- Головкин М.Г., князь, гвардеец 118
- Головнин А., поручик Преображенского полка 83
- Голубь Я., солдат Семеновского полка 292
- Гордон П., генерал 13, 40, 41, 42, 44–45, 47
- Городничий С., преображенец 66
- Гревс, подполковник гвардии 213, 245
- Гринев Г., солдат Преображенского полка 278
- Гринев И., солдат Семеновского полка 137–138, 171, 278, 303
- Грудзинский Я. 61
- Грязнов (Грязной) М., преображенец 66
- Гуммерт (Гумерт) Я., капитан Бомбардирской роты Преображенского полка 183–185, 289, 290
- Густав, иноземец 283, 304
- Гутман П., преображенец 66
- Гюнтер И.Я., генерал-майор артиллерии 213, 245
- Данилесный Д., старшина 63
- Девесилов Г. 30
- Деветков Г., поручик Семеновского полка 95
- Девиер А.М., капитан Преображенского полка, генерал-полицмейстер 110, 228
- Дедкавской А., сержант Преображенского полка 190, 240, 299
- Дзяльньский Т., польский посол 199
- Дмитриев-Мамонов И.И., майор Семеновского полка 50, 52, 69, 97, 118, 125, 129, 148, 166, 169, 180, 247–248, 281, 303

- Добродеев П., преображенец 66
Долгов О., солдат Преображенского полка 232, 249
Долгорукий А.Л., капитан Преображенского полка 59, 67, 250
Долгорукий В.В., подполковник Преображенского полка 30, 61, 65, 67, 73–74, 76, 80, 86, 89, 90, 105, 110, 148, 150, 152, 154–156, 158, 161–162, 168, 171, 177, 182–183, 188, 194–196, 198, 209, 221–222, 237–238, 241–243, 246–247, 250–253, 256, 259, 266, 269, 270, 280, 283–284, 296–298, 303–304
Долгорукий В.Л. 168, 236
Долгорукий Г.Ф., князь, дипломат 148
Долгорукий С.М., князь, капрал гвардии 221
Долгорукий Ю., заротный капитан Преображенского полка 51
Долгорукий Я.Ф., князь, сенатор 231, 248–249
Долгоруковы (Долгорукие), князь 127
Дольков, гвардейский унтер-лейтенант 116
Доможировы 127
Дорошенков А.П., гвардейский солдат 123
Драчев А., преображенец 66
Дудимский К., солдат Преображенского полка 216
Дупре, генерал-майор 162
Дурново 311
Дурново И., гвардейский капрал 72
Душардон П., солдат Преображенского полка 268–269, 301
Дьяков И., солдат Семеновского полка 292
Екатерина I, императрица 53, 56, 58, 91, 96, 98–99, 133, 144, 149, 154–155, 160–161, 169, 172–173, 175, 208, 222, 226, 233, 247, 276, 299, 301
Екатерина II, императрица 28
Елизавета Петровна, императрица 14, 27, 67
Ендогуровы 127
Епишков С., поручик Преображенского полка 254
Еропкин П.М., архитектор 275
Желябужский И.А., дипломат, администратор, автор «Записок» 13, 218
Жуковы 127
Забелин, солдат Семеновского полка 217
Заворнев И., денщик В.В. Долгорукова, гвардеец 269–270
Загряжский В.М., поручик Семеновского полка 93
Захрьевский М., полковник 63
Збруев И., гвардеец 252
Зверовской Б., преображенец 66
Зиминский Д., армейский капитан 63, 151
Зиминский И.А., преображенец 127
Зиминский С.А., преображенец 127
Зиновьев И., сержант Семеновского полка 67
Зиновьев И.М., дьяк 305
Змеев А., сержант Преображенского полка 110

- Золотилов Г.В., преображенец 127
Золотилов Д.В., преображенец 127
Зотов В.Н., полковник, комендант г. Нарвы 203
- Иванов А., полковой секретарь 262
Иванов М., сторож Столовой палаты 217
Ивановы 127
Игнатьев С., солдат 72
Иевский Ф., прапорщик Преображенского полка 263, 300
Измайлов В., солдат 176
Измайлов И.П., капитан Преображенского полка 67, 80, 153, 156
Измайлов Л.В., капитан Преображенского полка 67, 77, 107, 125, 161, 267
- Казимеров И., сержант Бомбардирской роты Преображенского полка 290
Кайсаров А., офицер Преображенского полка 84
Кантемир Д.К., молдавский господарь 221
Карл XII, шведский король 48
Карл-Фридрих, герцог Голштинский 53, 108, 125, 189, 192, 199, 221, 223–224, 232–233
Карпов Д., подполковник Преображенского полка 85, 165, 179–180
Карпова, вдова Д. Карпова 179
Карповы 127
Касимовец М., крестьянин 190, 240
Кейзерлинг Г.И., прусский посланник в России 223
- Кикин А.В., бомбардир, адмиралтейств-советник, сторонник царевича Алексея 61, 236
Кирилов И., солдат Преображенского полка 217
Кирхен М.Б. фон, подполковник Преображенского полка, генерал-майор 77, 81, 89, 109, 142, 148, 155, 157–158, 161, 163–164, 171–172, 177, 204, 210, 212, 235–236, 240, 244–245, 262, 266, 281, 283, 296, 299, 301, 303
Кирхен П.М. фон, сын М.Б. фон Кирхена 177
Кишкин С.Т., прапорщик Преображенского полка 84
Климберх (Клингенберг) Х., подполковник полка графа Фризена, майор Преображенского полка 266–268
Клокачев С.Т. 163–164
Князтяпины 127
Кобылин Г., преображенец 66, 274
Коверзин С., солдат Преображенского полка 232, 249
Кожин, поручик гвардии 68
Козимо III, Тосканский герцог 153
Козлов И., капитан-лейтенант Семеновского полка 91
Козлов П., капрал Бомбардирской роты Преображенского полка 290
Козловы 127
Колкотин Я., денщик капитан-поручика Пашкова 192
Колобов А., фельдшер Семеновского полка 115
Кольцов В., капрал Преображенского полка 262

- Кольцов Л., преображенец 66
Кононов Е., преображенец 66
Коншин Г.П., капитан-поручик Преображенского полка 66, 230, 300
Коптев Т., поручик гвардии 252
Корб И.Г., секретарь австрийского посольства 13, 44, 120, 131, 273
Корнев, сержант гвардии 84
Корницкий Ф., преображенец 66
Коровин К., преображенец 66
Корсаков В., Белозерский комендант 296
Кортнев В., солдат Преображенского полка 260
Корчмин В.Д., майор Преображенского полка 50, 65–66, 68, 80–81, 92, 99, 101, 110, 148, 156, 160, 162, 176, 192, 231, 274, 281
Костюрин С., преображенец, денщик фельдмаршала Б.П. Шереметева 269
Кошелев Г.И., майор Преображенского полка 62, 72
Кошелев И.М., капитан-лейтенант Преображенского полка 98
Кошкин М., капрал Преображенского полка 262
Кошкин Ф., посадский человек 240
Краков Ф., поручик Семеновского полка 278
Кропотов Г., фельдшер Семеновского полка 115
Крылов А., солдат Преображенского полка 257
Крылов П., преображенец 66
Кудрявцов, гвардеец 246
Кунингам П.В., подполковник Семеновского полка 91
Куракин Б.И. (Борис Иванов), подполковник Семеновского полка 13, 44, 59, 67, 82–83, 94, 99, 122, 125–126, 131, 153–154, 157, 160, 169, 174, 177, 190–191, 200, 267
Куракин М.И., семеновец 125
Курбатов А.А., вице-губернатор Архангелогородской губернии 62, 64, 72, 152, 154
Курбатов П. 153, 156
Кутузовы 311
Лави А. де, французский резидент 73, 154, 224
Ларгин М.С., прапорщик Семеновского полка 261
Ларионов С., солдат Семеновского полка 305
Ларионов, солдат Преображенского полка 261
Лебедев А., солдат Преображенского полка 257, 298
Левенгаупт А.-Л., генерал-лейтенант шведской армии 147, 214
Леженем А., берлинский банкир 101
Ленин В.И. 25
Леонтьева А., племянница А.Д. Меньшикова, жена З.Д. Мишукова 129
Лепунов Ф., солдат Семеновского полка 283, 304
Лефорт Ф., адмирал, полковник Лефортовского полка 38, 40, 42, 47, 147
Литвинов С., преображенец 66
Лифантьев С., преображенец 66
Лихарев И.Д., майор Семеновского полка 239, 261

- Лодыгин А., семеновец 138
Лодыженский П., капитан Семеновского полка 64, 152
Лопухин А. 86
Лопухина Е. (старика Елена), царица 61, 188, 193
Лопухина К., сестра Е. Лопухиной, жена Б.И. Куракина 125
Лоташев С., солдат Преображенского полка 190, 240
Лукин Т., преобращенец 66
Лыковы 127
Львовы 311
Любавский (Любавской) М., гвардейский капитан 71
Людвик XIV, король Франции 290
Людвик XV, король Франции 67
Лядовский Г., капрал Преображенского полка 216
Ляпунов И., гвардейский солдат 125
- Маврин Е., капитан Преображенского полка 92, 159, 296, 298
Мазепа И.С., гетман 61
Макаров А.В., кабинет-секретарь Петра I 163-164, 221, 247, 274, 302
Маковецкой Г., преобращенец 66
Максимович Ф., капрал Семеновского полка 266
Малечкин М.И., преобращенец 127
Малечкин П.И., преобращенец 127
Малыгин Г., бывший стрелец 135, 136, 170
Мансуров Я., капрал Преображенского полка 259
- Марков И., подпоручик Преображенского полка 103
Марковы 127
Мартюхин, вахмистр 168
Марфа Матвеевна, царица, жена царя Федора Алексеевича 125, 196
Маскалев А., поручик Семеновского полка 278
Маслов Р., подпоручик гвардии 252
Матвеевич В.М., князь, капитан Семеновского полка 113
Матюшкин К.П., майор Преображенского полка 195, 196
Матюшкин М.А., майор Преображенского полка 53, 58, 62, 69, 72, 77, 80, 91, 94, 116, 129, 156, 159, 172, 192, 239, 285
Мауер, учитель 99
Машутин Н., солдат Семеновского полка 253, 269, 297, 301
Медведев И., преобращенец 66
Мельгунов П., офицер Преображенского полка 84
Меншиков А.Д., князь, подполковник Преображенского полка, полковник Ингерманландского полка 9, 13, 21, 50, 52, 54-55, 63, 71, 78, 89, 92, 101, 109, 111, 124, 129, 139, 148, 155, 158, 161, 164, 168, 176, 178-179, 181-182, 192, 199-201, 207, 230-231, 233-234, 236-238, 241, 243, 249-251, 255, 259, 272-273, 287, 291, 296
Меншиков Л.-П., сын А.Д. Меншикова 124
Меншиков С.-П., сын А.Д. Меншикова 124

- Меншикова Т.Д., сестра А.Д. Меншикова, жена И.К. Пушкина 129
- Мещерские 311
- Мещерский В., князь, солдат Преображенского полка 278
- Милославский И.М., боярин 274
- Михаил Федорович, царь 196
- Мишуков З.Д., капитан-поручик гвардии 67, 129
- Мокашев В., драгун Преображенского полка 240
- Моковеев А., семеновец 292
- Моляр А., преображенец 66
- Монс В.И., преображенец, действительный камергер 98, 208
- Морозов С., капрал Преображенского полка 291, 306
- Муралев И., солдат Преображенского полка 266, 268
- Мурзин П., поручик гвардии 110
- Мусин-Пушкин И.А., сенатор 231, 249
- Мусины-Пушкины 311
- Муханов И.К., урядник Преображенского полка 82–83
- Муханов С., солдат Семеновского полка 278
- Мясной, лейтенант Семеновского полка 71
- Назаров А., солдат Семеновского полка 292
- Назарьев Г., алебарщик Семеновского полка 115
- Нарышкин С.Г., капитан Преображенского полка 67, 125, 191, 195–196
- Нарышкина Н.К., царица, мать Петра I 37, 38, 125, 271
- Нарышкины 127, 311
- Наталья Алексеевна, царевна, сестра Петра I 179, 236, 273
- Нахалов, ландрихтер 151
- Нащокин В.А., мемуарист 13, 277
- Невлев А., поручик Семеновского полка 278
- Нелюбохтин В., денщик 253
- Несмеянов Ф., солдат Преображенского полка 217
- Нестеров, гвардеец 246
- Нетров С., сторож 216
- Никитин И., гобоист Ингерманландского полка 106
- Никитины 127
- Новицкий Д., поручик Преображенского полка 65–66, 92, 99, 101, 124
- Новицкой Д., преображенец 66
- Новокрещенов А.М., офицер Преображенского полка 172, 217, 218, 273
- Новокрещенов Ф., бомбардир Преображенского полка 112, 164
- Норов Г.В., капитан Преображенского полка 81, 83, 192, 281
- Овцын Г., подполковник полка Вельяминова-Зернова 104, 264, 300
- Овцын И., гвардеец 65–66, 101
- Озеров, офицер Преображенского полка 74, 80
- Озеровы 127
- Ознобишин П.Н., капитан-поручик Преображенского полка 80, 81, 156
- Оконишников И., фискал 236
- Окулов И., поручик Семеновского полка 278

- Опрячин В., извозчик Семеновского полка 186, 238
- Орлов, прапорщик Преображенского полка, денщик Петра I 192
- Остужков С. 298
- Ошкурков П., сержант Преображенского полка 110
- Павлов А., солдат Преображенского полка 66
- Павловы 127
- Панин А., капитан Семеновского полка 64
- Панов С., солдат Семеновского полка 100
- Пахомов С., солдат Семеновского полка 292
- Пашков С., капитан-поручик Преображенского полка 71, 192
- Перфильев, лейтенант гвардии 74
- Петелин А., преображенец 66
- Петр I, император 7–10, 12–14, 16, 18–28, 30, 37–38, 40, 42–54, 56–59, 61–62, 64–65, 67–85, 87–91, 93–96, 98–102, 104–107, 109–111, 114–120, 122–125, 128–129, 131, 133–142, 144, 146–172, 174–202, 204–205, 207–210, 212–216, 218, 219–222, 224, 226–227, 231–248, 250–252, 254–257, 259, 261–268, 271–281, 283–284, 286–288, 290–291, 293–305, 308–311
- Петр II, император 189
- Петров В., гвардеец 135, 139
- Петров-Соловой А., гвардейский капитан 67, 125
- Петров-Соловой И., гвардейский поручик 71
- Писарев Г., поручик Преображенского полка 209, 210, 245
- Пискорский (Пискорской) С., капитан-поручик Преображенского полка 67, 79
- Плейер О.А., австрийский резидент 195
- Плещеев И.Н., гвардейский капитан-поручик 62, 80, 246
- Плуталов Д., капитан Преображенского полка 291
- Поздняков И., солдат Преображенского полка 232, 249
- Поддомасов М., подпрапорщик Семеновского полка 305
- Полозов В., капитан Семеновского полка 261
- Полтев А., каптенармус 130
- Полтев И., гвардеец 130
- Поляков П., солдат Семеновского полка 240
- Порсуков, офицер Преображенского полка 107, 163
- Потехин С., солдат Преображенского полка 218
- Прасковья Ивановна, царица, племянница Петра I, жена И.И. Дмитриева-Мамонова 125
- Прасковья Федоровна, царица 116, 125
- Прасолов, приказчик 259
- Протасов А., преображенец 240
- Псковитинов Ф., солдат Преображенского полка 258
- Пушкин И.К., капитан гвардии 129
- Пырский С., офицер Преображенского полка 84

- Раевский, адъютант 269
Разкипкин И., капрал Семеновского полка 115
Ракитин И., капрал Семеновского полка 67
Раковский В., солдат Преображенского полка 217
Ратманов, дьяк 242
Рахманиновы 311
Региман (Регимон) Х., генерал 51
Резанов П., солдат Преображенского полка 217
Ренне К.Э., генерал 138
Репнин А.И., князь, генерал-фельдмаршал 47, 98, 134, 160, 169, 204, 209, 214–215, 221, 243–244, 247, 303
Ржевский А.Т., офицер Семеновского полка, прокурор Юстиц-коллегии 95, 96, 138
Ржевский Н.Т., поручик Преображенского полка 71–72, 117, 186, 282
Ржевский Ю.А., капитан-поручик гвардии 64, 152
Риддер Д., полковник 93
Рикман (Рихман) В., майор Преображенского полка 51, 283
Римский-Корсаков Я.Н. 203
Рожнов, полковник 164
Розен Г.Г., барон, генерал-поручик 209
Розмыклов Т., сержант Преображенского полка 110
Рокотов Д., бомбардирский ученик 79
Романовы, царская и императорская династия 53, 125, 196
Ромодановская, княгиня, жена князя Ф.Ю. Ромодановского 226
Ромодановский Ф.Ю., князь, государственный деятель, глава Преображенского приказа 44, 57, 87, 101, 118, 158, 161, 176, 190, 194, 226, 231, 240, 248–249, 251, 273–274, 276, 289, 299, 302, 305
Рослев В., сын В. Рослева 217
Рослев И., солдат Преображенского полка 217
Рубцов Г.И., майор гвардии 84
Рудаков И., подьячий Сибирского приказа, солдат Семеновского полка 139
Рукавишников И., солдат Семеновского полка 217
Румянцев А.И., майор Преображенского полка 63, 67, 83, 86, 151, 188, 192, 221, 239, 261
Румянцевы 127, 311
Рупуов Г., гвардеец 252
Рыбаков К., преображенец 66
Рыкунов И., каптенармус Семеновского полка 217
Рыкунов И., прапорщик Семеновского полка 288, 305
Салтыков В.Ф., капитан Преображенского полка, брат царицы Прасковьи Федоровны 116, 125, 254
Салтыков М.М., преображенец 127
Салтыков П.М., преображенец 127
Салтыков П.С. 155
Салтыков С.А., майор Преображенского полка 152, 165
Салтыков Ф.С., гвардеец 259
Самарин М.М., сенатор 231, 249
Саритаков Р., унтер-фендрик Преображенского полка 143

- Сафонов А., школьник 141
Сафонов Г., капитан гвардии
171–172
Сашаский Ю., писарь 63
Свищов А., помещик 190
Секретин А., солдат Семеновского
полка 74
Селиванов Е., гвардейский подпо-
ручник 71
Селиванов, гвардейский унтер-
офицер 84
Селифонтов Д., солдат Пре-
ображенского полка 254, 297
Синявин И., гвардеец 66
Скворцов Е., преображенец 66
Скорняков-Писарев Б.Г., брат
Г.Г. Скорнякова-Писарева
255
Скорняков-Писарев Г.Г., майор
Преображенского полка,
генерал-майор 52, 62–63,
68–71, 79, 86, 97, 107, 137,
154, 156, 160, 163, 176, 186,
188, 195, 230, 239, 248, 255,
259, 267, 282
Скоропадский И.И., гетман 64,
152
Скряб В., капрал Бомбардирской
роты Преображенского
полка 79
Скулмский И., солдат Семенов-
ского полка 260
Сластунов М., денщик В.В. Дол-
гоорукова, преображенец
269–270
Смирнов И., поручик Семенов-
ского полка 278
Смирнов М., гвардейский писарь
103
Смирной Н., донской казак 264,
300
Собакин И.С., офицер Семенов-
ского полка 277
Соколов К., преображенец 66
Солнцев Ф., каптенармус Пре-
ображенского полка 96
Солнцев-Засекин В.Ю., князь 240
Соловьев Д.А., обер-комиссар
Архангельска 72, 154
Соловьев О.А., брат Д.А. Соло-
вьева 72
Соловьев П., преображенец 66
Соловьев Ф., капрал Преображен-
ского полка 262
Соловьевы, братья 73
Сорокин В., подьячий Оружейной
палаты 258, 298
Софья, царица 40, 87, 271
Сталин И.В. 25
Станислав Лещинский, король
Польши 61
Степанов Г., дьяк 217–218
Стоумов В., преображенец 269
Стрешнев Т.Н., сенатор 231, 249
Субачев С.В., солдат Семенов-
ского полка 305
Сухорев С., поручик Семенов-
ского полка 278
Сухотин М.А., гвардии капитан
64
Сырещинов, гвардейский сержант
77, 82
Таптыков 127
Тарасовы 127
Татаринов А., солдат Преображен-
ского полка 65
Татищев А.Д., прапорщик Пре-
ображенского полка 84
Темиров А., преображенец 66
Тетерин А., солдат Семеновского
полка 115

- Тилгалов С., гвардейский урядник 71
- Тиманинов А., гвардеец 66
- Титов И.Д. 151, 239
- Товарыщев (Таварыщев) И., преобразенец 66
- Толстой И.П., сын П.А. Толстого 7
- Толстой П.А., государственный деятель, дипломат 63, 65, 74, 86
- Толстые 127, 311
- Томас И., иноземец 101
- Травин, гвардейский солдат 258
- Трофимов И., солдат 204–205
- Трубников Г., сержант Преображенского полка 110
- Трулманов А.Б., преобразенец 127
- Трулманов И.Б., преобразенец 127
- Трупов В. 168
- Тулубьев Ф., сержант Преображенского полка 176
- Тургеневы 311
- Уитворт (Витворт) Ч., английский посол 13, 219, 224
- Украинцев С., поручик Гренадерской роты Преображенского полка 103
- Ульянов А., денщик В.В. Долгокурова, преобразенец 269, 270
- Урусов Г.А., капитан Преображенского полка 259
- Урусов Ю.С., князь, боярин 217
- Ухтомский В., князь, семеновец 187
- Ушаков А.И., майор Преображенского полка 61, 63–64, 86, 97, 156, 160–161, 171, 176–177, 188, 195, 201, 221, 236, 247, 249, 259, 274, 281, 298, 300, 302
- Ушаков И.Д., преобразенец 127
- Ушаков С.Д., преобразенец 127
- Ушаковы 311
- Фанторгин Ф., каптенармус Преображенского полка 251, 296
- Федор Алексеевич, царь 125, 271
- Федоров В., угличанин 217
- Федоров К., преобразенец 66
- Федоровы 127
- Федчиков А., солдат Преображенского полка 218
- Филипов А., подьячий Судного приказа 217
- Фицтум Ф. 296
- Фоккеродт И.-Г., секретарь прусского посольства 13, 71, 219, 223
- Фомин С., солдат Семеновского полка 292
- Фонталер Я., лекарь Преображенского полка 115
- Фреэр В., лекарь Преображенского полка 115
- Фридрих I, король Пруссии 153, 156, 247
- Фридрих Вильгельм, герцог Курляндский, муж Анны Иоанновны 57, 58
- Фриз И.К., лекарь Семеновского полка 98, 115
- Фриз, граф, армейский бригадир 98, 266
- Хабаров Л., квартирмейстер Преображенского полка 97, 299

- Хованские 122
 Хованский А.П., князь, капитан Семеновского полка 113
 Хомутовы 127
 Хотянинцов Н., гвардейский поручик 71
 Хрущов В.И., преображенец 127
 Хрущов Д., капрал Преображенского полка 306
 Хрущов И.В., преображенец 128
 Хрущов И.И., преображенец 127
 Хрущов П.В., преображенец 128
 Хрущов, гвардии капитан-поручик 64
 Худяков А., крестьянин 217
 Худяков К., крестьянин 217
- Чаадаев В.И., капитан Семеновского полка 113
 Чагин И., солдат Семеновского полка 100, 160
 Чамберс И.И., полковник Семеновского полка 90, 151, 180, 195, 210, 286
 Чаплин Ф., преображенец 141
 Чевкин Д.Т., лейтенант Преображенского полка 98, 192
 Чегодаев, князь 168
 Черенок Н., армейский полковник 93
 Черкасов Т., поручик Семеновского полка 278
 Черкасские 122
 Черкасский (Бекович-Черкасский) А.Б., гвардейский капитан-поручик 68, 154, 189
 Черков С., армейский капитан 63
 Черной О., отставной солдат Преображенского полка 262
 Чернышов Г.П., генерал-майор 124, 192, 269
- Чернышов Т., гвардеец 66
 Чириков Л., генерал-майор 166
 Чирков А.Г., преображенец 127
 Чирков Г.Г., преображенец 127
 Чичагов Г., бомбардирский ученик 79
 Чичерин, майор Ингерманландского полка 288
 Чюмичов С., преображенец 66
- Шалыгин Е., солдат Преображенского полка 257–258
 Шамордин А., капитан Семеновского полка 288, 305
 Шарлотта Христина София, кронпринцесса, жена царевича Алексея 53, 99, 195
 Шафиров П.П., барон, дипломат 151, 230, 248, 277
 Шаховской А.И., гвардеец 125
 Шаховской Я.П., гвардеец, сенатор 125
 Шеин А.С., боярин 217
 Шемякин, прапорщик Преображенского полка, денщик Петра I 192
 Шепелев А., армейский полковник 93
 Шепелев Д., поручик Преображенского полка 164
 Шепелев Н., лейтенант Преображенского полка 265–266
 Шереметев Б.П., фельдмаршал 51, 77, 124, 138, 148, 160, 163, 178–179, 180, 183, 195, 203–209, 212, 231, 236–238, 244, 246, 269, 280, 284, 304
 Шестаков И., преображенец 66
 Шестемиров П.А., офицер Семеновского полка 285

- Шеховской И., капитан Семеновского полка 213
- Ширшин А., солдат Семеновского полка 278
- Шишкин Е., поручик Семеновского полка 278
- Шишкин М., капрал Преображенского полка 262
- Шишкин С., семеновец 138
- Шишов М., солдат Семеновского полка 292
- Штамке А.-Э., голштинский посланник 221
- Шульц 232
- Шумилов М., преображенец 66
- Щепотев А.А., недоросль Преображенского полка 258
- Щепотев В.К., солдат Преображенского полка 258-259
- Щепотев М.И., сержант Преображенского полка 61, 82-83, 205, 207-209, 244, 275
- Щербатов, князь, капитан Преображенского полка 280, 303
- Энд А., лекарь Семеновского полка 115
- Энцон Р., лекарь Семеновского полка 115
- Юль Ю., датский посланник 13, 53, 109, 222-224, 262, 272
- Юров И., поручик Преображенского полка 291
- Юсупов (Юсупов-Княжево) Г.Д., майор Преображенского полка 62-63, 72, 80, 105, 152, 158-159, 162-163, 165, 172, 176, 243, 296
- Юсуповы 127
- Языков В. 245
- Яковлев Д., сторож 216
- Яковлев, майор гвардии 129
- Яковлевы 127
- Янгальчев Г.С., преображенец 127
- Янгальчев Ф.С., преображенец 127
- Янсен Я., капитан Преображенского полка 183-185

Географический указатель

- Австрия 273
Азов 46, 50, 56, 64–65, 111, 120–121, 184, 190, 198, 276
Аландские острова 67
Александро-Невский монастырь 84
Амстердам 66
Аму-Дарья, река 68
Архангельск 62, 64, 72, 151–152, 154
Астрахань 65, 80, 205, 209, 244
- Балтийское море 82–83, 207
Белое море 82, 207
Белозерск 296
Берлин 66, 70, 99, 101, 116
Бранденбург 53, 65
Бутырки, село 42
Быхов 185, 209
- Варшава 89
Великобритания (Англия) 19, 67
Владимир 56, 176
Волга, река 246
Вологда 83
Вольнь 179
Воробьево, село 38
Воронеж 61, 181, 198, 283
Выборг 68, 180
- Гангут 56, 182, 195
Глухов 61
Голландия 66, 67, 140, 141, 153, 172, 272
Голштиния 182, 189, 192, 194, 199, 221, 223–225, 232–233
Гренгам 149, 182
- Дания 77, 107
Данциг 105
Дерпт 209
Днепр, река 68, 81, 281
Дон, река 178
Дорогобуж 77
Дубна 75
Дунай, река 252
- Европа 9, 45, 65–67, 77, 191
- Жолкева (Жолква) 75, 94, 153
- Западная Двина, река 68
- Ингерманландия 275
Индия 68
Италия 191
- Карелия 82
Каспийское море 68, 196
Кексгольм 262

- Киев 59, 64, 84
Китай 59, 67, 125
Кожухово 43
Колугино, деревня 288
Константинополь (Царьград) 67
Котлин, остров 52, 84, 199
Краков 59
Красная, река 43
Кронштадт 52, 64
Курияндия 65, 203
- Ладога, река 52, 71
Лесная, деревня 50, 109, 148, 194, 222
Ливорно 191
Ловать, река 68
Люблин 75
- Мекленбург 195
Могилев 89
Москва 8, 21, 47, 50–51, 54, 57, 59, 61, 69, 73, 80, 82–83, 88, 91, 101, 108, 136, 142, 149, 170–171, 177, 182, 186, 199, 207, 221, 223, 225, 227, 233–234, 246, 253–254, 259, 263–264, 269, 271–272, 291, 297, 300, 302
- Нарва 47–48, 50, 64, 69, 91, 109, 120, 138, 182, 184–185, 199, 207, 238, 282–283, 290–291, 304
Нарва(Нарова), река 49
Нева, река 83, 176
Немецкая слобода 120, 218
Ниеншанц 181, 290
Нижегородская губерния 64, 152
Новгород 47–48, 69, 70, 91, 182, 202
Нотебург 82, 83, 85, 179, 180–181, 207, 290
- Ока, река 246
Олонецкая верфь 52
Онежское озеро 82, 207
Орел 288, 305
Орша 89
- Переволочна 86, 107, 186, 208
Переяславль 59
Персия 118, 291
Петергоф 65
Пиза 191
Пилау 66
Полоцк 71, 117, 204, 287
Полтава 54, 57, 86, 107, 109, 120, 183, 186, 210, 276, 287, 291, 312
Польша 41, 53, 61, 67, 68, 83, 180, 198, 202, 250
Померания 53, 101, 182, 303
Преображенское, село 42, 45, 87, 216, 240, 271–275, 279, 302
Прешбург, крепость 275
Пруссия 67
Прут, река 183, 291
Псков 69, 70, 209
- Рашевка 178
Ревель 116, 140, 172, 182, 213, 283
Рига 72, 117, 137, 186, 203, 243
Рим 67, 99, 153
Россия 7, 9, 18–19, 24–25, 28, 53, 57, 59, 62, 66–70, 82, 97, 100, 108, 111, 116, 119–120, 124, 147, 181, 184, 189, 197, 199, 215, 218, 222–223, 225, 227, 262, 310
- Саксония 65
Санкт-Петербург 53–54, 56, 59, 64–65, 69, 77, 83, 88, 108–111, 114, 139, 140, 149, 150, 154,

-
- 171–172, 176–177, 181–182,
186, 195–196, 202–203, 220,
223, 227–228, 230, 235–236,
242, 252–253, 262, 269, 274,
276, 286, 290, 297–298, 303
- Свищово, село 190, 240
- Семеновское, село 42, 44, 271, 272,
275, 279
- Сибирь 59, 62, 72, 74, 80, 84, 106,
186, 151, 162
- Силезия 83
- Соловецкий монастырь 74
- СССР 22, 26
- Сыр-Дарья, река 68
- Тихвин 176
- Тоскана 67
- Троице-Сергиев монастырь 40,
52, 107, 163, 271, 300
- Турция 19, 182
- Украина 178
- Усвяцкое (Усвяцкое), староство
68
- Финляндия 68
- Флоренция 191
- Фонтанка, река 227
- Франция 9, 67
- Фридрихштадт 281, 303–304
- Хапиловка, река (Хапиловский
ручей Хапиловский пруд)
38, 43
- Хива 68
- Царицыно 149, 234
- Шацкий уезд 190, 240
- Швеция 41, 67, 147, 178, 199
- Шлезвиг 281
- Шлиссельбург (Шлютенбурх) 57,
71, 84
- Ярославль 83
- Яуза, река 271–272, 275

Contents

The Introduction 7

Part I

The Duties, Privileges and Principles of Recruitment
of the Guards in Russia of the Late 17th
and the Early 18th Centuries

Chapter 1. The Establishment of the Preobrazhensky
and Semenovskiy Regiments in the Late 18th
Century 37

Chapter 2. The Duties of Peter the Great's Guards 49

Chapter 3. The Privileges of the Preobrazhensky
and Semenovskiy Regiments 85

Chapter 4. The Principles of the Guards Recruitment 119

Part II

The Guards in the Context of Social Relations

Chapter 1. The Guards and the Emperor 174

Chapter 2. The Guards and the Army 197

Chapter 3. The Guards and the Civilian population
of the Late 17th and the Early 18th Centuries 216

Part III
Relations within the Corporation

Chapter 1. Relations within the Two Regiments	250
Chapter 2. Relations between the Preobrazhensky and Semenovskiy Guards	273
The Epilogue	308
The Sources and References	314
Name Index	332
Geographical Index	347

Boltunova E.M.

Peter the Great's Guards as a Military Corporation

The theme of this publication is the formation of the Guards during the reign of Peter I as a unique structure within the Russian statesmanship. The author gives a detailed account of the establishment, organising principles and activities of the Preobrazhensky and Semenovsky Guards Regiments. She also examines the history of the Guards being vested with special powers and privileges, reconstructs the relations between the Guards and the Emperors Peter I and the complexities of the mutual relationships within the corporation itself.

The book is recommended for historians and readers interested in the subject.

- Б79 **Болгунова Е.М.**
Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М.:
РГГУ, 2011. 349 с.
ISBN 978-5-7281-1193-1

Книга посвящена формированию гвардии периода царствования Петра Великого как особой, во многом уникальной структуры в рамках системы российской государственности. Автор подробно останавливается на создании, организации и функционировании л.-г. Преображенского и Семеновского полков, анализирует процесс наделения гвардии конца XVII – первой четверти XVIII в. сверхполномочиями и чрезвычайными привилегиями, воссоздает систему отношений между гвардией и императором Петром I, исследует комплекс межличностных связей внутри самой корпорации.

Для историков и широкого круга читателей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

Научное издание

Болтунова Екатерина Михайловна

ГВАРДИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО
КАК ВОЕННАЯ КОРПОРАЦИЯ

Редактор
Ю.С. Чайка

Художественный редактор
М.К. Гуров

Технический редактор
Г.П. Каренина

Корректоры
Л.П. Буцева
О.Н. Картамышева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 21.03.2011.

Формат 60×90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 22,2.

Тираж 1000 экз. (1-й завод 1–500).

Заказ № 141

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8-499-973-42-06